U 490
82

№ 15889

КОМСОМОЛЬСКИЙ БЫТ

СБОРНИК

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Е. ЯРОСЛАВСКОГО

А. М.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Зар
Р 17.

223

Ч490
82

КОМСОМОЛЬСКИЙ БЫТ

СБОРНИК

СОСТАВИЛ
И. РАЗИН

С предисловием
ЕМ. ЯРОСЛАВСКОГО

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

ТИПОГРАФИЯ
ИЗД-ВА
МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ
ЛЕНИНГРАД

XXVII-11312
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
11312-88

Тираж 5.000 экз. Ленинградский Гублит № 11.169

2011109020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ленинский Комсомол с каждым днем становится все более значительной силой. Как политическая юношеская организация, ВЛКСМ стоит на первом месте и по численности и по своему значению в деле социалистического переустройства общества, как КИМ стоит на первом месте среди юношеских организаций всего мира.

ВЛКСМ неудержимо растет численно, охватывая к осени 1926 года более 2 миллионов членов и кандидатов. Уже сейчас большая половина рабочей молодежи фабрик и заводов комсомольского возраста входит в ряды ВЛКСМ, с каждым годом становится значительнее и крестьянский сектор Комсомола. ВЛКСМ становится все большей силой в деле восстановления нашей промышленности, в деле построения социалистического хозяйства, в деле подготовки кадра новых строителей, кадра квалифицированных рабочих, в школах фабрично-заводского ученичества, в мастерских, на фабриках и заводах. Комсомольцы являются зачастую пионерами новых форм землеустройства и сельского хозяйства, новых приемов работы. Школы крестьянской молодежи пускают глубокие корни в деревне. Многочисленные сельско-хозяйственные кружки, артели, сельско-хозяйственные товарищества нередко своим возникновением обязаны энергии и преданности делу комсомольцев. ВЛКСМ принимает активное участие в избирательной кампании в советы, и на последних перевыборах 1926 г. во многих местах влияние Комсомола усилилось, несмотря на недостаточную подготовку к этой кампании. ВЛКСМ играет исключительную роль в нашем Красном флоте, который в значительной степени является комсомольским по своему составу, как все большую роль, с численным ростом Комсомола в деревне и на фабрике, играет Комсомол в Красной армии и в терчастях. Комсомол руководит через вожатых воспитанием „смены смене"— юных пионеров, представляющих уже сейчас серьезнейшую и важнейшую организацию, от правильного воспитания которой зависит и будущее Комсомола. Комсомол стал бытовым явлением. Он проникает всюду, он является живым воплощением растущей новой общественности, которая не мирится с затхлыми формами жизни прошлого. Комсомол имеет свою разветвленную печать: газеты и журналы, стенгазеты. Комсомольские клубы, несмотря на все свои недостатки, внедряются в жизнь все глубже и прочнее. Комсомол ведет борьбу с религией, с пьянством, с хулиганством, с беспризорностью.

Однако быстрый рост ВЛКСМ таит в себе и определенные опасности. Изменяется все больше социальный состав Комсомола: быстрее растет кре-

стьянский сектор. Меняется актив. Прежний актив, прошедший школу капиталистической и помещичьей эксплоатации, Октябрьской революции и гражданской войны, сменяется все больше новым активом, который ничего этого не пережил активно, а знает об этом периоде лишь по совсем еще детским воспоминаниям, либо по литературе, либо по рассказам других. Поэтому он легче подвержен всякого рода колебаниям, вызываемым особенно трудностями экономического порядка. Потребности и требования этой части молодежи растут быстрее, чем возможность их удовлетворения.

Молодежь эта, в общей массе, враждебна мелко-буржуазному строю. Однако она живет в переходный период, когда элементы социалистического хозяйства борются с элементами капиталистическими. Рушатся привычные, десятилетиями сложившиеся нормы морали и быта мелко-буржуазной среды, и мучительно, с величайшими трудностями строятся новые формы быта, иные нормы морали, коммунистической морали.

Ряд вопросов, связанных с созданием нового быта, волнует лучшую часть нашей рабочей и крестьянской молодежи; она ищет и требует ответа на эти вопросы, ответа, который шел бы по линии выработки цельного во всех его проявлениях облика ленинца.

На пути создания целостного коллектива коммунистической молодежи, на пути к выработке таких ленинцев, в которых гармонически сочетались бы черты политического деятеля, сознательного творца новых, коммунистических форм жизни с личной коммунистической закалкой, с физической и моральной тренировкой, направленной целиком на создание более здоровой во всех отношениях „смены", Комсомол наталкивается на большие трудности.

Одна из величайших трудностей состоит в том, что Комсомол, руководимый политически ВКП (б), испытывает на себе влияние не только нашей партии. Комсомол живет в мелко-буржуазном окружении, он в массе своей связан с этой средой семейными, кровными, хозяйственными, экономическими корнями. Мелко-буржуазные навыки, мелко-буржуазный быт составляет стихию, с которой надо еще долго и упорно бороться, чтобы их преодолеть, чтобы их перестроить. Индивидуализм (мещанский и крестьянский), иногда в самых отвратительных проявлениях, дает себя чувствовать, прорывается в комсомольскую среду. Здесь и эксплоататорские отношения к девушке, к женщине („Кореньковщина", см. ст. Сосновского), легкое отношение к половым взаимоотношениям, доходящее иногда до разврата (процесс в Челябинске в 1926 г. „Романовщина", см. ст. „Бумеранг" и „Неприкосновенность").

Приходится вести и надо вести борьбу с болезненными, разлагающими Комсомол явлениями.

Все эти вопросы требуют к себе сознательного отношения каждого партийца, каждого комсомольца, требуют марксистского, ленинского анализа и освещения их. Эту задачу и преследует настоящий сборник, в котором тов. Разин собрал материалы, по возможности освещающие вопросы быта и коммунистической морали, волнующие и интересующие нашу рабочую и крестьянскую молодежь.

Ем. Ярославский

10 сентября 1926 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Вопросы быта молодежи приобретают с каждым днем все большее значение. В своем предисловии тов. Ярославский пишет: „Ряд вопросов, связанных с созданием нового быта, волнует лучшую часть нашей рабочей и крестьянской молодежи; она ищет и требует ответа на эти вопросы, ответа, который шел бы по линии выработки цельного во всех его проявлениях облика ленинца...“ Стоит читать наши комсомольские газеты и журналы, побывать в среде молодежи, побеседовать, как говорится, „по душам“ с комсомольцем и молодым рабочим, чтобы понять, как глубоко интересуют и волнуют их вопросы нового быта.

Можно ли дать исчерпывающий ответ на эти волнующие вопросы? Безусловно, нет. Было б смешно издать книгу, в которой были бы изложены правила поведения молодежи, как это делала буржуазия. Ленин говорил, что таких правил у нас быть не может, что коммунистическая мораль и нравственность должна быть подчинена интересам классовой борьбы. И, следовательно, коммунистическое поведение должно определяться соответствием его интересам классовой борьбы.

Таким образом молодежи можно и нужно дать ответ на основные вопросы строющегося нового быта, на вопросы о том, как правильно организовать коммунистическое воспитание подрастающего поколения в обстановке трудностей и противоречий на пути социалистического строительства. Эти ответы, на ряду с ячейкой, политшколой, должна дать также и книжка. Однако до сих пор почти отсутствует литература по вопросам быта молодежи. Это и заставило нас издать настоящий сборник.

Первый отдел сборника — „Вопросы коммунистической этики и морали“. В нем имеется ряд статей, излагающих воззрения марксизма на сущность коммунистической морали и этики. Среди них особого внимания заслуживают отрывки из речей В. И. Ленина и воспоминания К. Цеткин об ее личных беседах с Ильичем по вопросам морали.

Второй отдел сборника—„Каким должен быть быт молодежи“. Здесь собраны почти все помещавшиеся в журналах и газетах статьи, а равно и отрывки из докладов по вопросам строительства нового быта молодежи. Большинство из этих материалов относится к последнему времени, когда в новых условиях жизни и борьбы вопросы быта молодежи приобрели колоссальнейшее значение.

Третий отдел сборника — „Комсомольский быт, как он есть“. В нем приводится ряд фельетонов, главным образом из газеты „Комсомоль-

ская Правда", а также ряд резолюций ячеек и товарищеских судов. В фельетонах описываются реальные факты действительности. Их нечего скрывать, а нужно искоренять. И приводимые резолюции показывают, что борьба с этими явлениями в Комсомоле ведется.

В сборнике имеется очень мало материала по вопросам упадочных настроений среди молодежи и хулиганства. Эти явления общественной жизни, за последнее время приковавшие к себе особое внимание нашей общественности, безусловно непосредственно связаны с вопросами быта молодежи. Однако недостаточность этого материала об'ясняется исключительно тем, что сборник был составлен и сдан в печать до того времени, как развернулась эта кампания на страницах печати.

И. Разин

ВОПРОСЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ЭТИКИ И МОРАЛИ

Жизненные условия старого общества уже уничтожены в жизненных условиях пролетариата. Пролетарий не имеет собственности; его отношения к жене и детям не имеют более ничего общего с буржуазными семейными отношениями; современный промышленный труд, современное иго капитала, одинаковое как в Англии, так и во Франции, так и в Америке, так и в Германии, стерло с него всякий национальный характер. Законы, мораль, религия являются для него не более, как буржуазными предрассудками, под которыми скрываются те или другие интересы.

„Коммунистический Манифест"

В. И. Ленин

МОРАЛЬ БУРЖУАЗНАЯ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ

Вы должны воспитать из себя коммунистов. Задача союза молодежи — поставить свою практическую деятельность так, чтобы, учась, организуясь, сплачиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала коммунистов в себе и во всех тех, кто в ней видит вождя. Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием коммунистической морали.

Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это способ подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам.

В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность? В том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога мы не верим. Мы очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплоататорские интересы. Мы знаем, что они выводили эту мораль либо из велений бога, либо из идеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога. Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата.

Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата. Старое общество было основано на угнетении помещиками и капиталистами всех рабочих и крестьян.

Нам нужно было это общество разрушить, надо было угнетателей скинуть, но для этого создать об'единение. Боженька такого об'единения не создаст. Такое об'единение могли дать только фабрики, заводы, только пролетариат, обученный, пробужденный от старой спячки. Лишь тогда, когда этот класс образовался, тогда началось массовое движение, которое привело к тому, что мы видим сейчас: к победе пролетарской революции в одной из самых слабых стран, три года отстаивавшей себя от натиска буржуазии всего мира.

И мы видим, как пролетарская революция растет во всем мире. Мы говорим теперь на основании опыта, что только пролетариат мог создать такую сплоченную силу (за которою идет раздробленное, распыленное крестьянство), которая устояла при всех натисках эксплоататоров. Только этот класс может помочь трудящимся массам окончательно об'единиться, сплотиться и окончательно отстоять, окончательно закрепить коммунистическое общество, окончательно его построить.

Вот почему мы говорим: для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.

А в чем состоит эта классовая борьба? Это — царя свергнуть, капиталистов свергнуть, уничтожить класс капиталистов.

Если одна часть общества присваивает себе всю землю— мы имеем класс помещиков и крестьян. Если одна часть общества имеет фабрики и заводы, имеет акции и капиталы, а другая работает на этих фабриках—мы имеем класс капиталистов и класс пролетариев.

Не трудно было прогнать царя, для этого потребовалось всего несколько дней. Не очень трудно было прогнать помещиков, это можно было сделать в несколько месяцев. Не очень трудно прогнать и капиталистов. Но уничтожить классы несравненно труднее. Все еще осталось разделение на рабочих и крестьян. Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, т. е. хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплоататора. Чем больше оставляет он себе хлеба, тем

ему выгоднее, а другие пусть голодают: «чем больше они голодают, тем дороже я продам этот хлеб».

Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку. Легко ли это сделать? Вы видите, что тут нельзя добиться решения так же легко, как прогнать царя, помещиков и капиталистов. Тут надо, чтобы пролетариат перевоспитал, переучил часть крестьян, перетянул тех, которые являются крестьянами-трудящимися, чтобы уничтожить сопротивление тех крестьян, которые являются богачами и наживаются за счет нужды остальных.

Значит, задача борьбы пролетариата еще не закончена тем, что мы свергли царя, прогнали помещиков и капиталистов. Классовая борьба продолжается; она только изменила свои формы. Это — классовая борьба пролетариата за то, чтобы соединилась раздробленная масса темного крестьянства в один союз.

Классовая борьба продолжается. Наша задача — подчинить все интересы этой борьбе.

И мы свою коммунистическую нравственность этой задаче подчиняем. Мы говорим; нравственность это — то, что служит разрушению старого эксплоататорского общества и об'единению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов.

Коммунистическая нравственность это — та, которая служит борьбе, об'единяет трудящихся против всякой эксплоатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано трудом всего общества.

Земля у нас считается общей собственностью. Ну, а если из этой общей собственности я беру себе известный кусок, возделываю на нем вдвое больше хлеба, чем нужно мне, и излишком хлеба спекулирую? Если я рассуждаю так: «чем больше голодных, тем дороже будут мне платить», — разве я тогда поступаю, как коммунист?

Нет, как эксплоататор, как собственник. С этим нужно вести борьбу.

Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты работаешь на другого, либо он на тебя; либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие: либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, — словом, человек,

который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет.

Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне дела нет до другого.

Если другой будет голодать, тем лучше: я дороже продам свой хлеб.

Если я имею свое местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий, мне дела нет до другого. Может быть, притворствуя, угождая власть имущим, я сохраню свое местечко, да еще смогу и пробиться, выйти в буржуа...

Такой психологии и такого настроения у коммуниста быть не может.

Когда рабочие и крестьяне доказали, что мы умеем своею силой отстоять себя и создать новое общество, вот тогда и началось новое коммунистическое воспитание, воспитание в борьбе против эксплоататоров, воспитание в союзе с пролетариатом, против эгоистов и мелких собственников, против той психологии и тех привычек, которые говорят:

«Я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела».

Вот в чем состоит ответ на вопрос, как должно учиться коммунизму молодое подрастающее поколение.

Оно может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариев и трудящихся против старого эксплоататорского общества.

Когда нам говорят о нравственности, мы говорим:

Для коммуниста вся нравственность — в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплоататоров. Мы в вечную нравственность не верим, мы обман всяких сказок о нравственности разоблачаем. Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплоатации труда. Чтобы это осуществить, нужно то поколение молодежи, которое начало превращаться в сознательных людей в обстановке дисциплинированной отчаянной борьбы с буржуазией. В этой борьбе оно воспитает настоящих коммунистов, этой борьбе оно должно подчинить и связать с ней всякий шаг в своем учении, образовании и воспитании.

Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подносят всякие усладительные речи

и правила о нравственности. Когда люди видели, как их отцы и матери жили под гнетом помещиков и капиталистов, когда они сами участвовали в тех муках, которые обрушивались на тех, когда они начинали борьбу против эксплоататоров, когда они видели, каких жертв стоило продолжать эту борьбу, чтобы отстоять завоеванное, каким бешеным врагом являются помещики и капиталисты, — тогда эти люди воспитывались в такой обстановке коммунистами.

В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма.

Быть членами союза молодежи — значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста. Только в этом случае, если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов, они становятся коммунистами.

Коммунистический союз молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин. Союз должен быть таким, чтобы любой рабочий видел в нем людей, учение которых, быть может, ему непонятно, учению которых он сразу, может быть, не поверит, но на живой работе которых, на их деятельности он видел бы, что это действительно те люди, которые показывают ему верный путь.

(Из речи на III с'езде РКСМ)

В. И. Ленин

О КОМЧВАНСТВЕ

Не надо успокаиваться на том, что везде ответственные и лучшие коммунисты в государственных трестах и смешанных обществах: толку от этого нет никакого, потому что они не умеют хозяйничать и хуже рядового капиталистического приказчика, прошедшего школу крупной фабрики и крупной фирмы. Это мы не сознаем, тут осталось коммунистическое чванство, комчванство, выражаясь тем же великим русским языком. Коммунист, лучший, заведомо честный и преданный, который каторгу выносил и смерти не боялся, а торговли вести не умел, потому что он не делец и этому не учился, и не хочет учиться, и не понимает, что

с азов должен учиться. Он, коммунист, революционер, сделавший величайшую в мире революцию, он, на которого смотрят если не сорок пирамид, то сорок европейских стран с надеждой на избавление от капитализма, он должен учиться от рядового приказчика, который бегал в лабаз десять лет, который это дело знает, а он, ответственный коммунист и преданный революционер, не только этого не знает, но даже не знает и того, что этого не знает.

И вот мы, товарищи, должны с этого с'езда уйти с убеждением, что мы этого не знали, и будем учиться с азов. Все-таки мы не перестали быть революционерами, хотя многие говорят, что мы обюрократились. Мы должны понять ту простую вещь, что в новом, необыкновенно трудном деле надо уметь начинать с начала несколько раз. Начали, уперлись в тупик, начинай снова, и так десять раз переделывай, но добейся своего, не важничай, не чванься, что ты коммунист, а там какой-то приказчик беспартийный, а может быть, белогвардеец (и наверное, белогвардеец), но он умеет делать дело, которое экономически надо сделать во что бы то ни стало, а ты не умеешь. Если ты ответственный коммунист, сотни чинов и званий, и «кавалера» коммунистического и советского имеешь, если ты это поймешь, тогда ты своей цели достигнешь, ибо научиться этому можно.

(Из отчета ЦК на XI с'езде РКП)

ЛЕНИН О МОРАЛИ И ВОПРОСАХ ПОЛА

(Из воспоминаний Клары Цеткин) [1]

«... Мне говорили, что на вечерах чтения и дискуссий с работницами разбираются преимущественно вопросы пола и брака. Это будто бы предмет главного внимания, политического преподавания и просветительной работы. Я ушам своим не верил, когда услыхал это. Первое государство пролетарской диктатуры борется с контр-революционерами всего мира. Положение в самой Германии требует величайшей сплоченности всех пролетарских революционных сил для отпора все более напирающей контр-революции. А активные

---

[1] Тов. Клара Цеткин в своей брошюре «О Ленине. Воспоминания и встречи». (Изд. «Моск. Рабочий». 1925 г.) описывает разговор с Владимиром Ильичем по вопросам пола и морали, имевший место осенью 1920 г. Нами приводится отрывок из воспоминаний К. Цеткин.

Прим. составит.

коммунистки в это время разбирают вопросы пола и вопрос о формах брака в настоящем, прошлом и будущем. Они считают своим важнейшим долгом просвещать работницу в этой области.

Говорят, что наибольшим распространением пользуется брошюра одной венской коммунистки о половом вопросе. Какая ерунда эта книжка. То, что в ней есть правильного, рабочие уже давно читали у Бебеля. Только не в форме скучной, дубовой схемы, как в брошюре, а в форме захватывающей агитации, полной нападок на буржуазное общество. Упоминание в брошюре гипотез Фрейда придает ей как будто «научный» вид, но все это кустарная пачкотня. Теория Фрейда сейчас тоже своего рода модная причуда. Я отношусь с недоверием к теориям пола, излагаемым в статьях, отчетах, брошюрах и т. п., короче, в той специфической литературе, которая пышно расцвела на навозной почве буржуазного общества. Я не доверяю тем, кто постоянно и упорно поглощен вопросами пола, как индийский факир—созерцанием своего пупа. Мне кажется, что это изобилие теорий пола, — которые большей частью являются гипотезами, при том часто произвольными, — вытекает из личных потребностей. Именно: из стремления оправдать перед буржуазной моралью собственную ненормальную или чрезмерную половую жизнь и выпросить терпимость к себе. Это замаскированное уважение к буржуазной морали мне так же противно, как любовное копание в вопросах пола. Как бы бунтарски и революционно это занятие не стремилось проявить себя, оно все же в конце концов вполне буржуазно. Это особенно излюбленное занятие интеллигентов и близко к ним стоящих слоев. В партии, среди классово-сознательного, борющегося пролетариата для него нет места».

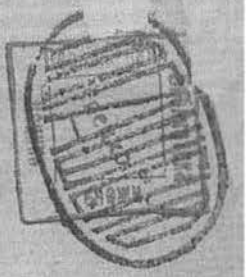
Я бросила здесь замечание о том, что вопросы пола и брака при господстве частной собственности и буржуазного порядка вызывают назревание многообразных задач, конфликтов и страданий для женщин всех общественных классов и слоев. Война и ее последствия необычайно обострили для женщин конфликты и страдания, существовавшие раньше как раз в области отношений полов. Скрытые раньше для женщин проблемы обнажились. К этому присоединяется еще атмосфера начавшейся революции. Мир старых чувств и мыслей трещит по швам. Прежние социальные связи слабеют и рвутся. Проступают зачатки новых, еще не оформившихся идеологических предпосылок для отношения человека к человеку. Интерес к этим вопросам об'ясняется потребностью в уяснении положения, потребностью к новой

ориентировке. В этом сказывается также и реакция против извращений и обмана буржуазного общества. Видоизменения форм брака и семьи в ходе истории, в их зависимости от экономики — удобное средство для искоренения из ума работниц предрассудка о вечности буржуазного общества. Историко-критическое отношение к нему должно переходить в безоглядное расчленение буржуазного строя, в разоблачение его сущности и вызываемых им последствий, включая и заклеймение лживой половой морали. Все дороги ведут в Рим. Всякий марксистский анализ касательно важной части идеологической надстройки общества, выдающегося социального явления должен приводить к анализу буржуазного строя и его базы — частной собственности; и всякий такой анализ должен приводить к выводу, что «Карфаген должен быть разрушен».

Ленин, улыбаясь, кивал головой.

«Вот как. Вы, точно адвокат, защищаете своих товарищей и свою партию. Конечно, то, что вы говорите, справедливо. Но для совершенной в Германии ошибки это в лучшем случае может служить извинением, но не оправданием. Ошибка была и остается ошибкой. Можете ли вы мне дать серьезное заверение, что во время чтения и дискуссий вопросы пола и брака рассматриваются с точки зрения выдержанного, жизненного исторического материализма. Ведь это предполагает многостороннее, глубокое знание, отчетливейшее марксистское овладевание огромнейшим материалом. Где у вас сейчас для этого силы? Если бы они были на-лицо, то не могло бы случиться, что брошюра, в роде упомянутой, использовалась бы в качестве учебного материала на вечерах чтения и дискуссий. Эту брошюру рекомендуют и распространяют, вместо того, чтобы ее критиковать. К чему же приводит в конце концов это неудовлетворительное, не марксистское обсуждение вопроса? К тому, что вопросы пола и брака не воспринимаются, как части главного социального вопроса. Наоборот, большой общественный вопрос начинает сам казаться частью, придатком проблемы пола. Самое главное отступает на задний план, как второстепенное. Это не только вредит ясности в этом вопросе, это вообще затемняет мышление, затемняет классовое сознание работниц.

Кроме того, еще одно не лишнее замечание. Еще мудрец Соломон говорил, что всему свое время. Скажите, пожалуйста, время ли сейчас по целым месяцам занимать работниц тем, как любят и любимы, как ухаживают и принимают ухаживания. И, конечно, — в прошлом, настоящем, будущем и у различных народов. И это затем гордо именуют



историческим материализмом. Сейчас все мысли работниц должны быть направлены на пролетарскую революцию. Она создает также и основу для действительного обновления условий брака и отношений между полами. Но сейчас, право, на первый план выступают иные проблемы, чем формы брака у австралийских негров и внутрисемейные браки в древнем мире. В порядок дня германского пролетария история ставит попрежнему вопрос о советах, о Версальском мире и его влиянии на жизнь женских масс, о безработице, падающей заработной плате, налогах и многом другом. Короче, я остаюсь при своем мнении, что этот способ политического и социального просвещения работниц — не верен, совершенно не верен. Как вы могли молчать? Вы должны были выставить против этого свой авторитет».

Я об'яснила своему горячему другу, что не упускала случая критиковать, возражать руководящим товарищам-женщинам и выступать в отдельных местах. Но ведь ему известно: нет пророка в своем отечестве и среди своей родни. Своей критикой я навлекла на себя подозрение в том, что «во мне еще сильны пережитки социал-демократической позиции и старомодного мещанства». Однако в конце концов критика не осталась напрасной. Вопросы пола и брака больше не являются центральными в кружках и на вечерах дискуссий.

Ленин продолжал развивать нить своей мысли.

«Знаю, знаю,—сказал он,—меня тоже в связи с этим достаточно подозревают в филистерстве. Но я к этому отношусь спокойно. Желторотые птенцы, едва вылупившиеся из яйца буржуазных воззрений, всегда ужасно умны. Нам приходится с этим мириться, не исправляясь. Юношеское движение тоже болеет современной постановкой вопросов пола и чрезмерным увлечением ими».

Ленин сделал ироническое ударение на слове «современной», в то же время как будто отмахиваясь от него.

«Как мне сообщили, вопросы пола—так же излюбленный предмет изучения в ваших юношеских организациях. Говорят, что едва хватает докладчиков по этому вопросу. Это безобразие особенно вредно для юношеского движения, особенно опасно. Оно очень легко может способствовать чрезмерному возбуждению и подогреванию половой жизни у отдельных лиц и повести к расточению здоровья и силы юности. Вы должны бороться и против этого явления. У женского и юношеского движения ведь немало точек соприкосновения. Наши товарищи-коммунистки должны всюду вести планомерную совместную с молодежью работу. Это возвышает и переносит их из мира индивидуального

материнства в мир материнства социального. Необходимо содействовать всякому пробуждению социальной жизни и деятельности женщин, чтобы они могли преодолеть узость своей мещанской, индивидуалистической домашней и семейной психологии. Но это между прочим.

У нас тоже значительная часть молодежи усердно занимается «ревизией буржуазного понимания и морали» в вопросах пола. И должен добавить, значительная часть нашей лучшей, действительно многообещающей молодежи. Дело обстоит так, как вы только что указывали. В атмосфере последствий войны и начавшейся революции старые идеологические ценности рушатся, теряя свою сдерживающую силу. Новые ценности выкристаллизовываются медленно, с борьбой. Взгляды на отношения человека к человеку, на отношения мужчины к женщине революционизируются, революционизируются чувства и мысли. Между правом личности и правом коллектива, а значит и обязанностями личности проводятся новые разграничения. Это медленный и часто очень болезненный процесс исчезновения и зарождения. Все это касается и области половых отношений, брака, семьи. Распад, гниение, грязь буржуазного брака, с его трудной расторжимостью, свободой для мужа и рабством для жены, гнусная лживость половой морали и отношений наполняют лучших людей чувством глубокого отвращения.

Гнет законов буржуазного государства о браке и семье отягчает зло и обостряет конфликты. Это — гнет «священной частной собственности». Она освящает продажность, низость, грязь. Условный обман «порядочного» буржуазного общества довершает остальное. Люди восстают против господствующей мерзости извращения. И в эту эпоху, когда рушатся могущественные государства, когда начинает гибнуть целый общественный мир, в эту эпоху чувствования отдельного человека быстро видоизменяются. Подхлестывающая жажда разнообразия в наслаждениях легко приобретает безудержную силу. Форма брака и общения полов, в буржуазном смысле, уже не дают удовлетворения. В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции. Понятно, поставленное этим на очередь, чрезвычайно запутанное сплетение вопросов глубоко занимает как женщин, так и молодежь. И те и другие особенно сильно страдают от нынешней неурядицы в области половых отношений. Молодежь восстает против этого со свойственной ее возрасту бурностью. Это понятно. Ничего не могло бы быть более ложного, чем начать проповедывать молодежи монашеский аскетизм и святость грязной буржуазной морали. Однако вряд ли хорошо то, что

в эти годы вопросы пола, усиленно выдвигаемые естественными причинами, становятся центральными в психике молодежи. Последствия бывают прямо роковыми. Спросите-ка об этом товарища Лилину. У нее должен быть опыт на основе ее обширной работы в различных воспитательных учреждениях, и вы знаете, что она настоящая коммунистка и лишена предрассудков.

Изменившееся отношение молодежи к вопросам половой жизни, конечно, «принципиально» и ссылается на теорию. Многие называют свою позицию «революционной» и «коммунистической». Они искренне думают, что это так. Мне, старику, это не импонирует. Хотя я меньше всего мрачный аскет, но мне так называемая «новая половая жизнь» молодежи — а часто и взрослых — довольно часто кажется чисто буржуазной, кажется разновидностью доброго буржуазного дома терпимости. Все это не имеет ничего общего со свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем. Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории «стакана воды» наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась. Она стала злым роком многих юношей и девушек. Приверженцы ее утверждают, что теория эта марксистская. Спасибо за такой марксизм, который все явления и изменения в идеологической надстройке общества выводит непосредственно, прямолинейно и без остатка исключительно только из экономического базиса. Дело обстоит совсем не так уж просто. Некий Фридрих Энгельс уже давно установил эту истину, касающуюся исторического материализма.

Я считаю знаменитую теорию «стакана воды» совершенно не марксистской и сверх того противообщественной. В половой жизни проявляется не только данное природой, но и принесенное культурой, будь оно возвышенно или низко. Энгельс в «Происхождении семьи» указал на то, как важно, чтобы половая любовь развилась и утончилась. Отношения между полами не являются просто выражением игры между общественной экономикой и физической потребностью, мысленно выделенной физиологической потребностью, мысленно выделенной физиологическим анализом. Было бы не марксизмом, а рационализмом стремиться свести непосредственно к экономическому базису общества изменения этих отношений самих по себе, выделенных из общей связи их со всей идеологией. Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи. Или

даже из стакана, край которого захватан десятками губ. Но важнее всего общественная сторона. Питье воды дело, действительно, индивидуальное. Но в любви участвуют двое и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу.

Как коммунист, я не питаю ни малейшей симпатии к теории «стакана воды», хотя бы на ней и красовалась этикетка «освобожденная любовь». Вдобавок она и не нова, и не коммунистична. Вы, вероятно, помните, что эта теория проповедывалась в изящной литературе, примерно, в середине прошлого века, как «эмансипация сердца». В буржуазной практике она обратилась в эмансипацию тела. Проповедь в то время была талантливее, чем сейчас; как обстоит дело с практикой, не могу судить.

Не то, чтобы я своей критикой хотел проповедывать аскетизм. Мне это и в голову не приходит. Коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванную также и полнотой любовной жизни. Однако, по моему мнению, часто наблюдаемый сейчас избыток половой жизни не приносит с собой жизнерадостности и бодрости, а, наоборот, уменьшает их. Во времена революции это скверно, совсем скверно.

Молодежи особенно нужны жизнерадостность и бодрость. Здоровый спорт — гимнастика, плавание, экскурсии, физические упражнения всякого рода, разносторонность духовных интересов, учение, разбор, исследование, и все это по возможности совместно. Все это дает молодежи больше, чем вечные доклады и дискуссии по вопросам пола и так называемого использования жизни. В здоровом теле здоровый дух. Ни монах, ни Дон-Жуан, но и не германский филистер, как нечто среднее. Вы ведь знаете молодого товарища Х. Прекрасный, высокоодаренный юноша. Боюсь, что, несмотря на все, из него ничего путного не выйдет. Он мечется и бросается из одной любовной истории в другую. Это не годится ни для политической борьбы, ни для революции. Я не поручусь также за надежность и стойкость в борьбе тех женщин, у которых личный роман переплетается с политикой, и за мужчин, которые бегают за всякой юбкой и дают себя опутать каждой молодой бабенке. Нет, нет, это не вяжется с революцией».

Ленин вскочил, ударив рукой по столу, и сделал несколько шагов по комнате.

«Революция требует сосредоточения, напряжения сил. От масс, от личности. Она не терпит оргиастических состояний в роде тех, которые обычны для декадентских героев и героинь Д'Анунцио. Несдержанность в половой жизни —

буржуазна: она признак разложения. Пролетариат — восходящий класс. Он не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало. Ему не нужно ни опьянения половой несдержанности, ни опьянения алкоголем. Он не смеет и не хочет забыть о гнусности, грязи и варварстве капитализма. Он черпает сильнейшие побуждения к борьбе в положении своего класса, в коммунистическом идеале. Ему нужны ясность, ясность и еще раз ясность. Поэтому, повторяю, не должно быть никакой слабости, никакого расточения и уничтожения сил. Самообладание, самодисциплина — не рабство; они необходимы и в любви. Но простите, Клара. Я далеко отклонился от исходной точки нашего разговора. Отчего вы меня не призвали к порядку. Тревога меня заставила заговориться. Будущее нашей молодежи меня глубоко волнует. Она — часть революции. И если вредные явления буржуазного общества начинают распространяться и на мир революции — как широко разветвляющиеся корни некоторых сорных растений, — то лучше выступить против этого заблаговременно».

Н. Бухарин

ВОСПИТАНИЕ СМЕНЫ

Как должен вести себя комсомолец

...После этих предварительных замечаний относительно различных прослоек в вашей среде позвольте мне перейти к конкретным вопросам.

Я начну с анализа такого щекотливого вопроса, как вопрос о нормах общественного поведения, вопрос относительно «морали».

Я должен повторить, что в этой области царит анархия. Ясно, что на этом долго ехать нельзя, что тут нам нужно поставить вопрос о нашем планомерном вмешательстве. Этот вопрос здесь ставится впервые и, может быть, не все товарищи будут соглашаться с тем, что я хочу сказать. Но я считаю себя обязанным сказать то, что думаю, потому что молчание в этом вопросе было бы вредно. Если мы и дальше будем молчать, то мы от этого только проиграем. Нам нельзя увиливать от вопросов, а нужно ставить и решать их.

Обычно говорят о так называемой «коммунистической морали». Я считаю такую терминологию неправильной. Как известно, под моралью всегда разумелись такие нормы, такие правила поведения, которые представляют собой нечто

фетишистское. Говорят: «ты должен делать то-то и то-то и больше никаких». Вы в быту встречаетесь с буржуазной моралью, а самое сердце буржуазной морали заключается в этом фетишизме, в этом подчинении поведения человека какому-то авторитету, который неизвестно откуда берется и неизвестно, почему ему все обязаны подчиняться.

Нелепость этой морали и вызывает у вас совершенно естественный протест. Поэтому самый элементарный, самый обычный подход к этому делу таков: как только начинаешь о таких вещах говорить, появляется усмешка:

«Начал проповедывать, знаем мы это, слыхали»...

В этом протесте, конечно, есть кое-что здоровое. Совершенно ясно, что всякий фетишизм для рабочего класса и рабочей молодежи должен быть исключен. Мы не должны терпеть то, чего мы не понимаем и чего никто не может понять. Мы должны разрушать легенды о всем том, что выходит за пределы рационального познания. С этой стороны фетишистские нормы, которые навязываются прошлым, нужно разрушать.

Но для рабочего класса и для рабочей молодежи в особенности нужны свои правила поведения. Их отличие от морали заключается в том, что за ними не стоит неизвестная, никому и никем необ'яснимая норма. Если мы желаем достигнуть какой-нибудь цели (а мы исходим из этой предпосылки, что мы желаем достигнуть социализма), то для того, чтобы достигнуть этой цели, мы должны предпринимать определенные действия и не предпринимать других действий.

Если столяру или плотнику нужно сделать табурет, он должен проделать определенные телодвижения: должен строгать, выбрасывать стружки, а не плясать трепака. Если он будет плясать трепака, то он не сделает табурета. Нужно делать одно и не делать другого.

В общественной жизни—точно такое же правило. Если вы желаете построить социализм,—а это задача, которую вы желаете разрешить,—вы должны этот социализм строить и делать именно это, а не делать другого. Если вы будете делать то, что с точки зрения этой задачи, что с нашей классовой точки зрения будет казаться «вредным», «гнусным», «подлым» и т. п., то вы будете уподобляться столяру, который пляшет, и ничего не построите. Вы будете разрушать и не будете строить. Поэтому определенные правила поведения у рабочей молодежи должны быть, а если не будут, то ничего не выйдет.

Мы это чувствуем на каждом шагу. Что такое партийная дисциплина? Это—правила поведения. Но правила партийной дисциплины никто не удосужился назвать «моральными»,

точно так же, как какой-нибудь устав кооперативной лавки не называется моральным уставом, хотя и в нем заключены те нормы, которые регулируют поведение людей.

Если мы таким образом поставим вопрос (с чем — я знаю—многие из старых и молодых товарищей не будут согласны), то из этого вытекает, что мы фетишизм уничтожаем и трезво подходим к делу. Желаем мы достигнуть социализма? Желаем. Давайте же действовать так, чтобы достигнуть.

Некоторые считают, что если что-нибудь представишь в понятной форме, то это лишается привкуса. Если им скажешь, что сие—заповедь бога, то по позвоночному хребту у них начнут проходить сладостные волны, и они будут думать, что совершается какой-то подвиг. А если поставить вопрос так, как я предложил, то никто не будет думать, что совершается подвиг. Может быть, для какой-нибудь старухи это и неприемлемо, но для рабочей молодежи необходим именно такой трезвый, четкий подход. Почему мы не можем совершать героическое дело, если будем руководствоваться крепкими правилами, сущность которых целесообразна. Так нужно ставить вопрос.

Из такой нефетишистской, совершенно реалистической и материалистической постановки вопроса вытекает необходимость определенных правил поведения. Я протестую против «моральной» оболочки, но в то же время заявляю с полной категоричностью, что должны быть правила поведения для несложившихся индивидуумов, для рабочей молодежи.

Совершенно естественно, что значение таких правил должно увеличиваться, когда мы окружены врагами. Эти правила—то, что связывает, сплачивает, дает возможность сохранить внутреннюю спайку и быть ударным, железным кулаком. Если в условиях новой экономической политики, когда существуют магазины, кабаки и прочее, совершенно естественно, что опасность разложения или деморализации чрезвычайно велика, то также ясно и то, что этому можно противопоставить свою необычайно крепкую спайку.

Если спайка необходима в военный период социалистической революции, то она втрое, вчетверо и в десять раз необходимее в такой период жизни рабочего класса и рабочей молодежи, когда они со всех сторон находятся в мещанском, в капиталистическо-хищническом окружении. С этим нужно считаться и из этого нужно исходить.

Многих из вас может смутить, что у более старших товарищей имеется как будто легкое отношение к вопросу, что они снисходительно ухмыляются в связи с этим серьезнейшим вопросом. Они имеют право ухмыляться, они не желают

разговаривать об этих вещах потому, что они сами их очень хорошо знают. Они прошли хорошую школу борьбы с враждебными идейными группировками. Они не могут легко сломаться. Сейчас им представляется, что раз этот разговор поднят,—придется такие ненужные добродетельные разговоры разводить, что уши отсохнут. Но они забывают, что для них этот вопрос решен, а для вас не решен. Они этот вопрос решили много лет тому назад, и зачем им зря болтать по этому поводу. Но для подрастающего поколения эти вопросы еще не разрешены. Откуда они могли быть разрешены. У старшего поколения была большая литературная полемика в свое время по этим вопросам, а теперь ведь у нас ни одной такой книжки не издано, а если и были выпущены, то эти книги касались старых, отживших дел.

Самую плохую службу может сослужить такое отношение к вопросам о нормах поведения. Нельзя сейчас молчать. Нужно ставить эти вопросы.

В тесной связи с предыдущим и такой момент. Мы слишком мало говорим относительно социализма в его развернутом виде. Для более сухомыслящих, более взрослых людей это не так необходимо: во-первых, они знают, что такое социализм, а во-вторых, для них нет потребности впускать себе добавочный шприц одухотворяющего момента, который бы их настраивал на социалистический лад. Но молодежи, которая более эмоциональна, нужно дать более отчетливое выражение развернутого социализма, показать патетическую сторону борьбы за социализм, развертывать картину борьбы за коммунистический идеал во всей широте: с точки зрения искусства, с точки зрения культуры, с точки зрения всего комплекса человеческих эмоций. Тут должны быть и рассудочные схемы и художественные изображения. Я повторяю, что более старые товарищи будут ухмыляться по поводу этого, но они прошли все это, всю эту кашу с'ели, а теперь забывают, что это уже вошло в их плоть и кровь. Для молодежи эту сторону дела нужно развивать и культивировать точно так же, как нужно культивировать другую сторону дела, которая идет тоже по линии отношений между людьми.

Нужно воспитывать совершенно инстинктивное отношение страстной ненависти к нашим классовым противникам. С одной стороны, ненависть по отношению к врагам, а с другой стороны, обрисовка социалистического идеала,—это должно быть исходным пунктом в нашей работе, которая определяет собой правила поведения комсомольцев.

Громадное значение в деле воспитания должны приобрести всевозможные обычаи, так сказать, «заповеди» Комсо-

мола. Я знаю отлично, что против этого найдется очень много возражений среди самой молодежи. Они скажут: «зачем фиксировать, зачем писать, выдвигать внешние признаки, писанные заповеди». Это—предрассудок, который имеет своим основанием самые обычные предрассудки. И в политической жизни и во всяких общественных отношениях мы очень часто замечаем одно повторяющееся явление. Чтобы разбить капиталистическую армию, нам нужны были полковые комитеты. Некоторые товарищи, не зная, что полковые комитеты раздробили старую армию, хотят и теперь бросить лозунги полковых комитетов, потому что эти лозунги были брошены в 1917 году. Тут—огромная ошибка. Ошибка заключается в том, что эти лозунги были брошены тогда, когда нам нужно было р а з л о ж и т ь старую армию, а теперь нам надо строить свою, новую.

То же самое происходит и здесь. Если мы протестовали против всяких норм, то это было правильно, поскольку это было средством дезорганизации противника. Но мы то же самое начинаем переносить на себя и говорим: «долой прописную мораль, долой все эти штуки». Здесь мы средство разрушения своего классового противника переносим на самих себя и оказываемся в результате круглыми дураками.

Само собой разумеется, происходит это оттого, что мы желаем отделаться от старого, построить новое. Но нужно взять из старых приемов то, что можно взять. Там было не мало положительного. Я утверждаю, что лозунги, которые заключают в себе правила поведения, заповеди, которые выклеены на стенах,—положительная вещь, потому что они постоянно напоминают нам, постоянно будоражат, постоянно говорят о том, что мы должны делать. Почему капиталисты, которые желают завоевать рынок для своей фирмы, на каждой посудине ставят свое клеймо? Это происходит потому, что это им чрезвычайно выгодно. Мы должны кое-чему у капиталистов научиться. Есть у нас целый ряд правил поведения, который мы хотим внедрить. Ничего плохого нет, напротив, если мы будем иметь такие зафиксированные правила. У нас будет тогда более интенсивная работа, более интенсивная самодеятельность всех основных частей нашего организма, более сознательное и четкое отношение к делу.

О табаке и алкоголе

Теперь я перейду к некоторым вопросам, также связанным с разного рода «моральными» вопросами или правилами общественного поведения, как я это называю,—к вопросам, которые играют очень крупную роль.

Первый вопрос—о табаке и алкоголе. Здесь тоже существует некоторый ряд устаревших предрассудков. У нас считается обязательным, чтобы всякий член РКСМ ходил с четырьмя папиросками в зубах и с презрением относился к антиалкогольной и антитабачной пропаганде. Я считаю, что такое отношение к этому вопросу—большая ошибка.

Я помню, в старое время, когда я учился в гимназии, мы демонстративно курили, и это было даже известным правилом, а с общественной точки зрения это было полезно: этой мелочью мы разрушали дисциплину старого строя. Это был протест против организации школы, а оттуда протест переносился на организацию всего общества. Тогда это было средством разумным: приятно было под носом надзирателей проходить с папироской во рту. Поэтому все, что было революционного в старой школе, поддерживало этот обычай, даже вплоть до озорства, потому что с общественной точки зрения это было положительное явление. К нему можно было относиться с некоторым почтением. С этой мелочи начинали, а потом зачастую приходили к различным революционным движениям.

А теперь есть ли что-нибудь похожее на прежние условия? Я считаю, что нет.

С точки зрения физиологической, с точки зрения воспитания, увлечение табаком и алкоголем представляет прямой вред. С какой же стати мы теперь будем поддерживать курение и смеяться над антиалкогольной пропагандой. Это—неправильное, некритическое перенесение методов разрушения буржуазного строя на собственный организм. По моему глубокому убеждению, в союзе должны быть созданы группировки, которые поведут сознательную борьбу с алкоголизмом и табаком. Это—составная часть дела оздоровления рядов Комсомола.

То же самое нужно сказать и по вопросу о половой распущенности, которую нужно тоже ввести в рамки. И с этим вопросом необходимо считаться; и здесь надо выработать вместе со специалистами врачами и педагогами соответствующие директивы для членов нашей организации.

Честь классового, партийного и комсомольского знамени

Есть некоторые вопросы, родственные только что заде-тым вопросам, но несколько выходящие из их рамок.

Я думаю, что мы должны сейчас воспитывать в членах союза молодежи то, что относится к области всяческих партийных, классовых, комсомольских добродетелей. Раньше

была честь знамени, честь дворянского сословия. Нужно культивировать подобное и у нас. Это должно служить орудием классовой гордости, знаком классовой принадлежности.

Вы скажете, что все это очень странно. Ничуть не странно. Когда на войне говорят о чести полка или о чести знамени—это очень полезная вещь, которая связывает силы и организует их. Мы должны стоять на этой же точке зрения в отношении к Комсомолу, партии и классу, начиная от маленькой ячейки, к которой принадлежим, и кончая наиболее крупной организацией, в ряды которой мы включены, т. е. нашим классом, а затем и советским государством. Это вовсе не честь феодальной шпаги, потому что здесь классовое содержание другое, но формальное сходство все же есть.

Мы должны воспитывать такое поколение молодежи, которое оберегало бы честь своего союза, партии, класса и никому не давало бы наплевать себе в морду: «дураку наплюй в глаза, — ему все божья роса». Комсомольцы не должны подпасть под эту категорию. Тут предстоит очень большая работа. И тот нигилизм, который проповедуется в этом отношении некоторыми старшими товарищами, совершенно неуместен.

О воспитании чувства

Следующий вопрос—о воспитании чувства. Я уже отчасти этот вопрос задевал. Подходить к молодежи так, как подходят к взрослым, нельзя. Необходимо считаться с психофизиологической конструкцией молодежи. Элементам воспитания надо отвести здесь гораздо больше времени, чем отводится при воспитании взрослых. Я считаю, что в этой области у вас делается чрезвычайно мало.

Возьмите ваш кадровый состав. Ваш кадровый состав прекрасно может писать всяческие циркуляры, он может написать гору бумаг. Я с завистью смотрел на те материалы, которые дал мне тов. Шацкин для того, чтобы я мог их использовать в настоящем докладе. Там столько резолюций, тезисов, отчетов, и все это очень здорово написано: можно сказать, что вы насобачились настолько, что пересобачили взрослых товарищей.

А в то же время чрезвычайно мало делается для эмоционального воспитания молодежи. Что же получается. Наш противник, наш классовый враг видит наше слабое место. Он выбрасывает соответствующую литературу, создает кинематограф и применяет другие мощные средства эмоционального воздействия, а мы сидим на мели.

Этому надо положить конец. Если мы на фронте воспитания чувства не выполним наших задач, если мы будем душить публику одними циркулярами, мы ничего не сделаем. Нужно не только заставить п о н я т ь, но для того, чтобы человек понял, он должен сперва п о ч у в с т в о в а т ь. Это к молодому возрасту относится в гораздо большей степени, чем к взрослому.

Если «пинкертоновская» литература пользовалась раньше успехом среди молодежи, то это естественно: тут было что-то такое, что соответствовало некоторым чувствам. В чем же тут дело? Дело в том, что для ума требуется легкая, занятная, интересная фабула, развертывание событий, а для молодежи это требуется в десять раз больше, чем для взрослых. Буржуазия это отлично знает и понимает. Она очень ловко ставит эти вопросы, и свою идеологию, свои щупальцы самыми различными путями внедряет в сознание молодежи. Она создает идеологию, формирует ее, охватывает молодежь, а мы этого не умеем. Тут — наш порок, который нужно преодолеть, потому что иначе мы молодежи не воспитаем.

Вот почему перед нами встает вопрос о всяких революционных романах, об использовании приключений во время подпольной работы, гражданской войны, деятельности ВЧК и т. д. Этот материал мы, как совершенные дураки, использовать не умеем, а между тем ясно, что мы могли бы перещеголять всякого Пинкертона по увлекательности фабулы, по занимательности событий и т. д. Если дать одно конкретное описание жизни какого-нибудь из наших «революционных авантюристов» в хорошем смысле слова, то это будет в тысячу раз интереснее всех Пинкертонов. А этого никто не делает. Нужно толкнуть наш союз к этому делу. Я считаю, что это сыграет огромнейшую воспитательную роль, гораздо большую, чем многие ваши плакаты, рассуждения, резолюции, циркуляры и т. д. Особое значение приобретает кинематограф [1].

Надо подумать о театрах, о концертах, о вечерах. И здесь мы все еще беспомощнее новорожденных котят. Вот мы были с вами позавчера на открытии этого с'езда. Было

[1] Но у нас есть ловкачи, которые и кинематограф сделают скучнее циркуляра. Нужно во всем знать меру. У нас в кинематографе часто показывают, как работают на чайных плантациях и т. п. Это все очень полезно, но если подобное показывать рабочим два часа под ряд, то они пошлют это к чорту. Тут нужно комбинировать. В кинематограф идут люди усталые, им нужно показывать интересные картины, нужно создать соответствующий кинематограф—занимательный, а в то же время по содержанию—наш.

смешно и грустно, когда вышло несколько артистов оперы Зимина и пели насчет соловьев, а публика хохотала. Затем вышла актриса, которая пропела «Вы, храбрые борцы». Тут тоже был смешок, а когда один из актеров спел «Зачем ты, дорогая, в эту ночь не со мной», нельзя было вовсе выдержать. Ясно, что тут контакта между этими актерами и аудиторией нет. Нужно это дело поставить как следует, так оно дальше итти не может.

Необходимо устраивать почаще всякие демонстрации, шествия с факелами и прочие занимательные массовые вещи. Московский комитет однажды запретил шествие с факелами рабочей молодежи, потому что, очевидно, боялся пожара. Конечно, нужно рекомендовать больше дисциплинированности нашей молодежи, которая иной раз любит плюнуть, где не нужно, мимоходом высадить окна, двери и пр. Но я должен признаться, что когда я сидел в тюрьме, то мне всегда снились солдатская музыка и войска. Я обалдеваю, когда попадаю в строй с музыкой, потому что, когда человек попадает в толпу, его инстинктивно охватывает социальное чувство; но именно это и есть об'единяющее и воспитывающее, и это нужно культивировать: всякую музыку, шествия, эффекты. Это понимала еще католическая церковь,—почему же коммунистам этого не понять. Посмотрите, как у нас идут всевозможные богомольные старушки, когда происходит богослужение у Иверской или где-нибудь в другом месте. Или какая-нибудь свадьба: они прилипают к стеклу носами, так что оставляют кружочки. Это естественно, это их интересует, потому что церковь сумела об'единить всех, даже старух, которые чувствуют себя принадлежащими к корпорации. Конечно, все это мы должны делать на другой манер, это ясно, как дважды два—четыре, но делать, а не зевать.

Комсомольский «активист»

Работа РКСМ по коммунистическому просвещению должна вестись в двух направлениях: в направлении элементарно-коммунистического образования широких комсомольских масс и по линии более квалифицированного образования ваших так называемых «активистов», т. е. ваших управляющих, администраторских кадров.

На последнем я считаю необходимым остановиться, потому что из всех отчетов, которые я получил перед теперешним докладом, вытекает, что ваши кадры в среднем политически неграмотны и что у них марксистское образование в значительной мере отсутствует.

Вы успешно справлялись с практическими делами, и это очень хорошо. Но нужно соединить этот величайший практицизм, который воспитывается в вас, с некоторыми обобщающими теоретическими знаниями.

Через некоторое время вы будете управлять страною, а для этого нужно уметь правильно ориентироваться в исторических условиях. Наша партия, пройдя через марксистскую школу, так держится потому, что ее кадровый состав, ее верхушка, пройдя хорошую марксистскую школу, могла предвидеть события и легко лавировать на крутых поворотах. Новое поколение, как видим, растерялось, а вам, может быть, в будущем предстоит целый ряд переворотов, еще более крутых. У нас такой колоссальный размах событий, такие неожиданности в области социальной борьбы, такие неожиданности в мировом масштабе, что здесь нужна величайшая способность правильной ориентировки. Это дается только хорошей школой марксистского образования.

Далее, вы представляете собой резервуар, который должен со временем поставлять работников в технической и других отраслях. Вам нужно помнить, что теперь нельзя увлекаться общим универсализмом, когда человек думает, что он все знает и представляет собою все, а на самом деле ничего толком не знает. Надо стремиться всемерно к более правильному разделению труда. Вы должны точно и определенно сказать, что каждый выбирает себе определенную отрасль, которую он изучает досконально. Вы должны быть коммунистами, но вы должны получить определенную специальную квалификацию, вы должны быть инженером, техником или педагогом или чем-нибудь иным, но вы должны свою область знать, как следует. Если этого не будет, то у нас будет диллетантское управление, и это управление будет напоминать правителей из эпохи нашего «кочевого периода», когда многие ни за что не отвечали, ничего не знали и барахтались в перемещениях, как будто это может помочь делу. Нам необходимы специальные знания.

О ряде других задач

Мы подходим вплотную к вопросу относительно умственной и физической тренировки. На эту сторону дела необходимо сейчас тоже обратить самое сугубое внимание.

Для умственной и физической тренировки хороши всевозможные игры и все, что отличается состязательным принципом. Вам нужно обратить сугубое внимание на постановку всевозможных игр, решений задач, шарад, игру в шахматы и проч.

Шахматы, между прочим, могут сыграть очень крупную роль. Один из крупных шахматистов написал специальную книгу: «Общественные науки и шахматная игра», где он доказывает, что шахматная игра дает большую умственную тренировку. Многие крупные полководцы и общественные деятели очень хорошо играли в шахматы. Всякая игра, особенно шахматы, есть некоторая репетиция настоящего действия, подготовка, тренировка психики.

Вам нужно ввести принцип состязательности. Вам нужно придерживаться всевозможных конкурсов на быстроту решения задач, всевозможных спортивных состязаний с призами. Во всех различных кружках: футбольных, научных или шахматных, необходимо сохранить принцип соревнования, этот состязательный принцип должен быть положен во главу угла.

Дело заключается в том, что очень часто буржуазия берет своей большой подвижностью, а мы отстаем, ибо благодаря нашему централистскому бюрократизму повернуться-то не успеваем. Нам необходимо создавать более мелкие подвижные ячейки. Союз, как целая организация, не может полно удовлетворить эту потребность. Мы должны внутри союза проповедывать системы всевозможных товариществ, кружков, которые внутри себя культивировали бы чувство товарищества и были бы некоторым промежуточным звеном между личностью одного комсомольца, с одной стороны, и всей массой членов организации, которую представляет собой РКСМ, — с другой.

Тогда у вас будет сочетание двух принципов: сочетание принципа общественности с принципом свободного движения, а не какой-то Всероссийский Главзапор. Состязательный принцип должен всемерно проявляться во всех играх, которые должны занять у вас большое место.

Вопрос о воспитании и образовании молодежи стоит здесь во всей широте, но он разработан довольно подробно в специальных резолюциях. Мне хотелось бы подчеркнуть еще только некоторые вещи, которые составляют ось этого дела.

Во-первых, нам надо ликвидировать окончательно безграмотность в рядах рабочей молодежи. Это есть элементарная задача, и без разрешения этой элементарной задачи очень трудно двигаться вперед.

Во-вторых, ваша воспитательная работа должна опираться на целый ряд практических работ членов вашего союза на различных поприщах общественной жизни. Одна из самых важных общественных работ — непосредственная работа на фабриках

и заводах, пропаганда улучшения фабрично-заводской жизни; организация борьбы с бюрократизмом, о чем очень часто говорилось и о чем вы тоже писали неоднократно резолюции; в деревне — борьба с кулачеством, отпор всевозможным организациям нашего противника, идейная борьба с ним, всевозможные диспуты с различными идейными организациями противника; борьба с пьянством; всякого рода экономическая борьба, защита интересов рабочей молодежи; приобретение здесь всяких товарищеских навыков и прочих организаторских добродетелей, имеющих громадное значение; наконец всевозможного рода техническая помощь партии и профсоюзам. Вы должны приучаться к активной роли в партии и в профсоюзах, должны выполнять ряд подсобных работ, хотя бы и технического характера, как, например, рассылка и распределение литературы и т. д. Эта сфера деятельности имеет огромное значение для союза, если поставить ее в надлежащие рамки.

Партия поможет своей смене

В заключение надо остановиться на одном вопросе, который является, можно сказать, до известной степени решающим.

Всуе законы писать, ежели их не исполнять. И всуе говорить, если от этого ничего не изменится.

Возьмем быка за рога. Во-первых, надо иметь достаточно материальных ресурсов и материальных средств в области работы союза, и в первую очередь — в области организации нашего школьного дела. Этот вопрос о средствах, о денежных знаках и натуральных продуктовых элементах для работы среди молодежи должен быть поставлен перед советской властью.

Во-вторых, необходимо создать соответствующую, вытекающую из всех намеченных задач, о которых я говорил, литературу и другие орудия, в роде кинематографа, и для этого должны быть отпущены соответствующие средства. Литература должна быть создана во что бы то ни стало. Если такой популярной литературы, в том числе беллетристики, соответствующим образом к молодежи приспособленной, создано не будет, мы ничего не сможем сделать для продвижения с мертвой точки. Я уже не говорю об учебниках, что само собой разумеется.

Наши школы должны быть поставлены на должную высоту; фабзавуч и рабфаки должны выйти из стадии деклараций и воплотиться в жизнь, и на это государство должно дать средства.

Нам необходимо заинтересовать наши хозяйственные органы делом воспитания подрастающего поколения. Некоторые из хозяйственных органов, громадные фабрики или тресты, организуют образовательно-воспитательные учреждения, из которых они затем черпают свои кадры. Нужно эту здоровую струю сейчас особенно поддерживать. Хозяйственные органы, хорошо поставленные, имеющие достаточно средств, должны помочь этому делу в порядке, непосредственно не связанном с государством, но в порядке, который реально означает громадный прирост наших сил.

И наконец последнее требование — это вопрос о перераспределении наших партийных сил. Партия должна дать квалифицированных товарищей на воспитательно-образовательную работу, людей, которые могли бы занять посты в школах, университетах и т. д., которые могли бы создать нужную литературу. Эту помощь партия должна оказать во что бы то ни стало.

Товарищи, целый ряд трудных проблем, очень часто в первый раз вставших перед рабочим классом, перед партией и вами, целый ряд отрицательных явлений, которые связаны с нэпом, произвели было в наших рядах частичную и временную деморализацию.

Но теперь это время прошло. Прошло время для криков по поводу отрицательных сторон нэпа. Эти крики должны пройти безвозвратно, потому что у нас есть возможность победить, потому что у нас растет человеческий кадр, который мы можем образовать и дообразовать при начавшемся оживлении нашей экономической жизни. Наше международное положение упрочивается, и с точки зрения бесстрастного анализа вряд ли будет в нем значительные изменения к худшему.

Поскольку мы имеем дело с молодежью, нам необходимо, чтобы она свой энтузиазм, который она проявила на фронтах гражданской войны, целиком вложила в дело самоподготовки к будущей огромной исторической роли. Этот энтузиазм знания нужно всемерно поддержать в молодежи, нужно сделать его осью всей нашей борьбы.

Если мы выработаем на поле культурной борьбы кадр отличных борцов, то мы сможем его через несколько лет насадить на протяжении всей республики, и этот новый кадр с честью понесет то знамя, которое несло старшее поколение.

(Из доклада на V с'езде РКСМ)

Ем. Ярославский

МОРАЛЬ И БЫТ ПРОЛЕТАРИАТА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД [1]

Коммунизм строится в обстановке тягчайшей борьбы пролетариата, являющегося классом до сих пор наиболее обездоленным во всех капиталистических странах. Пролетариат в нашей стране является впервые господствующим классом. Поэтому его быт, хотя бы даже в тот период, когда пролетариат только что начинает строить социализм, представляет величайший интерес с точки зрения того, есть ли в нем какие-нибудь элементы нового общества. Не повторяет ли он просто-на-просто в несколько измененном виде черты других господствующих классов.

Могут спросить: разве у пролетариата есть какая-нибудь особая мораль. Разве не существует вечных и общих для всех, обязательных для всех моральных истин. Разве пролетариат не руководствуется в своей борьбе, в своем отношении к людям именно такими вечными моральными истинами.

Мы, коммунисты, исходим из того положения, что вечных моральных истин нет, что каждый класс общества вырабатывает свои нормы поведения.

Если мы присмотримся к тому, как меняется форма морали и содержание ее, то увидим, что каждый класс общества в свою эпоху вырабатывает те или иные нравственные нормы, те или иные нормы морали (под моралью мы понимаем систему норм, регулирующих отношения людей друг с другом в совершенно определенной области). Мы ограничимся здесь, главным образом, нормами семейными, нормами половых взаимоотношений и постараемся показать, какое значение имеет для морали пролетариата религия, чем он заменяет религию. Мы постараемся показать, что мораль пролетариата всецело зависит от суммы материальных и культурных условий, в которых он живет, т. е., что мораль пролетариата целиком зависит от его быта.

Я остановлюсь прежде всего на доказательстве того, что классовая мораль существовала во все времена, с тех пор, как существует классовое общество. Если мы присмотримся хотя бы к семейным отношениям, которые сложились в крестьянстве, то увидим здесь наслоение целого ряда истори-

[1] Сокращенная стенограмма доклада, прочитанного на диспуте, на тему: „Мораль и быт пролетариата в переходный период".
Прим. составит.

ческих традиций, которые сохраняются вместе с отсталыми формами хозяйства. Эти отсталые формы хозяйства складывались в течение веков. Они определяли собой уклад семьи, в особенности в крестьянстве (я прежде всего говорю о крестьянстве), они определяли собой уклад этой крестьянской семьи и определяли взаимоотношения между мужем и женой, между отцом и детьми,—именно эти хозяйственные отношения. В то время, когда женщина была предметом купли и продажи (а в феодальном обществе она была особенно ходким товаром), в то время еще складывалось это презрительное отношение к женщине, которое мы можем проследить по любым источникам священного писания, — скажем, хотя бы по той же самой библии. Мы можем видеть, как женщина приравнивается к рабу, ослу, к дому, что рядом с заповедью «не пожелай жены ближнего своего» говорится: «не пожелай осла его, вола его», и т. д.

Здесь женщина—рабыня, вещь наравне со скотом. Этот взгляд именно потому, что он—взгляд господствующего класса, через целый ряд учреждений, через целый ряд надстроек на этом экономическом фундаменте и через законодательство и религиозные организации прививается широким массам. Таким образом он становится взглядом уже этих масс. Это нисколько не мешает тому, чтобы в этом же самом феодальном обществе к женщине своего круга феодал относился несколько иначе, чтобы он культивировал у себя культ дам, ради которых он погибает и совершает подвиги. Одно нисколько не противоречит другому.

Если мы возьмем буржуазное общество, то там отношения к буржуазной семье складываются на несколько иной основе. Там семья имеет, главным образом, значение такой хозяйственной единицы, которая должна унаследовать, увеличить и сберечь богатства, которая занимается накоплением. Здесь складываются несколько иные отношения, главным образом, отношения купли и продажи. И эти отношения купли и продажи опять-таки иногда облекаются в форму законодательную; эти отношения купли и продажи проникают и в нижестоящие классы. Эта мораль по отношению к женщине прививается и нижестоящим классам. И так как те или иные формы, те или иные надстройки над экономическим фундаментом не сразу отмирают,—они имеют часто более устойчивый характер, иногда длятся в течение нескольких десятков и более лет после того, как в основном тот или иной общественный строй отмирает,—то мы наблюдаем, что и в крестьянстве и отчасти в рабочем классе еще сохраняются такие нормы, экономические основы для которых уже начинают отмирать или в значительной степени отмирают.

Почему, например, и в нашей стране мы видим еще наличие буржуазной морали и остатков феодальной морали. Потому, что не бывает такого переворота, при котором сразу же исчез бы окончательно тот общественный строй, на смену которому приходит новый. Он сохраняется, пережитки его существуют иногда в очень значительных размерах, как, например, в нашем строе существуют еще в значительных размерах остатки самых разнообразных общественных формаций: на ряду с гигантскими городами, где имеется развитой промышленный пролетариат, мы имеем огромную массу крестьянства, которое ведет индивидуальное хозяйство; мы имеем в нашей стране еще часть буржуазии торговой и промышленной, буржуазной интеллигенции; мы имеем целые области, где еще сохраняются феодальные отношения; мы имеем области, где еще существует родовой быт. Именно потому, что мы живем в такой обстановке, где налицо пестрота социальных отношений, в наш переходный период мы не видим чистых форм окончательно отлившейся пролетарской морали, а видим формы переходные, где ростки новой морали, ростки нового социалистического будущего с огромными трудностями преодолевают сопротивление отживающих и отживших форм.

Посмотрим, что собой представляют так называемые вечные истины, о которых нам говорят моралисты.

Возьмем такую истину, как «люби ближнего, как самого себя». Многих чрезвычайно привлекает такая истина, которой человечество могло бы руководствоваться и было бы счастливо, если бы оно руководствовалось именно этой истиной. Но кто есть ближний? Прежде всего, в классовом обществе кто такой ближний? Вот мы переживали голодные годы, вернее сказать, отчасти переживаем еще и сейчас, когда необычайно обострилось положение рабочего класса в городах, когда только самыми жесточайшими мерами можно было получить хлеб для рабочих. И вот, если бы в это время кому-нибудь вздумалось применить эту общечеловеческую истину и с этой истиной направиться в любую деревню, постучаться в любой дом и сказать: «Брат мой, ведь ты мой ближний, я тебя люблю, как люблю самого себя, ты меня накорми, обогрей меня» и т. д. Конечно, в любом доме вы встретили бы ответ совершенно не в духе этой самой морали. Вероятно, вам бы сказали, что вы вовсе не ближний, что ближний это — Иван, Петр, а вы вовсе незнакомый человек, вы дальний человек.

Понятие ближнего в классовом обществе есть понятие классовое. Для дворянина это—человек его круга и человек его ранга. Ниже его стоящий мелкопоместный дворянин

это—выскочка, неровня ему, он не может относиться к нему, как к ближнему. Чувство сословное, классовое иногда, может быть, заставляет поддержать. А уже человек из другого класса, какой-нибудь крестьянин, разве он ему ближний. Он ему дальний.

Люди разделены на классы, разделены на ближних и дальних. Поэтому только тогда, когда исчезает классовое общество, возможно такое отношение людей друг к другу, когда они все считают себя ближними.

Мы знаем такое правило поведения, которое выработали философы: поступай так, чтобы максимум твоей воли мог служить принципом всеобщего законодательства, т. е., чтобы то, что ты считаешь правильным и истинным, было истинно для всех. Буржуазные классы, господствующие классы, приблизительно так поступают: они свою волю, именно то, что они считают выгодным для себя, пытаются навязать и всем остальным классам—угнетенным классам. Но мы прекрасно знаем, что каждый класс, когда ему навязывают такую мораль, выдвигает свой собственный максимум, свой собственный закон. Так что попытка подойти к вопросам морали с вечными истинами терпит крушение, как только мы с высоты идеалистической философии спустимся в гущу жизни и подойдем с этими истинами к действительности.

Мы к вопросам морали подходим не с точки зрения вечных истин, а с точки зрения пролетарской революции, с точки зрения интересов пролетариата, как мы их понимаем, и эту мерку—благо революции—мы считаем величайшим нравственным законом для нас.

Чем был Октябрьский переворот с точки зрения отношения к морали. Он был, прежде всего, моментом, когда решались исторические споры: с одной стороны—крестьянство, с другой стороны—дворянство, класс, который господствовал многие сотни лет, который имел свою богатую культуру, который наложил свой очень глубокий отпечаток на все стороны нашей жизни. Когда это было сметено бесповоротно, экономические последствия этого переворота повлекли, конечно, за собой целый ряд сдвигов и в области морали. С другой стороны, всей борьбой пролетариата, самого передового, самого революционного класса, руководили интересы, враждебные интересам всего буржуазного мира, интересы, которые заставляют его добиваться уничтожения классового общества.

Поэтому Октябрьский переворот и первые годы после Октябрьского переворота были связаны с бурным протестом против всех установившихся форм жизни. Этот бурный протест носил временами уродливый характер,—он доходил до

таких крайностей, которые были не в интересах пролетариата. Он породил в некоторых слоях пролетариата и в примыкающих к пролетариату прослойках такие явления, которые по внешности обычно кажутся революционными, которые прикрывались революционными фразами, этикетками, но по существу были извращениями буржуазной морали.

Перед нами стоит такой вопрос: а пролетариат в этот период ломки, когда еще нет коммунистического общества, когда элементы этого коммунистического общества только еще создаются, — создает ли пролетариат какую-нибудь с в о ю мораль, и существует ли вообще коммунистическая мораль? Вот на это я постараюсь ответить, прежде всего, словами Владимира Ильича. Владимир Ильич в одной из своих речей (в 1920 г.—на комсомольском с'езде), несколько расходясь в этом отношении со взглядами отдельных наших коммунистов, но вполне солидаризуясь в этом отношении с Марксом и Энгельсом, которые еще в Коммунистическом Манифесте говорили о классовой морали, прямо поставил вопрос: существует ли коммунистическая мораль, существует ли коммунистическая нравственность?

Я обращаю ваше внимание на то, что Владимир Ильич ставит знак равенства между моралью и нравственностью.

И вот что отвечает Ленин:

«Я остановлюсь на том, чтобы показать, что всякая попытка построить мораль... н а д к л а с с о м является фактически либо попыткой навязать мораль господствующего класса угнетенным классам, либо выдать мораль того или иного класса за общечеловеческую мораль».

Владимир Ильич говорит:

«Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплоататорского общества и об'единению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов. Коммунистическая нравственность это — та, которая служит этой борьбе, которая об'единяет трулящихся против всякой эксплоатации».

Таким образом Владимир Ильич дает совершенно точное определение того, что мы считаем коммунистической нравственностью. Это есть нравственность, всецело подчиненная интересам классовой борьбы пролетариата. Мораль с этой точки зрения—все то, что помогает этой борьбе, все то, что служит таким интересам, и, наоборот, безнравственно и антиморально все то, что мешает классовой борьбе пролетариата.

И с этой точки зрения мы, коммунисты, должны подходить не только к коммунистам, но и к беспартийным, соответствуют ли их поступки, соответствует ли их поведение, их отношение к другим людям, их отношение между собой

классовым интересам пролетариата. Поступают ли они так, что их поведение помогает об'единению вокруг пролетариата всех трудящихся.

У нас иногда встречаются такие товарищи коммунисты, которые говорят: то, что я делаю сейчас,—это, так сказать, мое личное, необщественное, это не касается общества, это моя личная жизнь. Вот в том-то все дело, что мы — горсточка коммунистов (я считаю, что 1 милл. 80 тысяч коммунистов среди 100—120 или 125 миллионов—это горсточка)— на виду, к нам иная мерка сейчас применяется, чем по отношению ко всем остальным. Мы считаем, что Коммунистическая партия есть передовой отряд пролетариата, авангард его. Комсомол—другая организация, смена Коммунистической партии. Это есть организация, которая об'единяет рабоче-крестьянскую молодежь и которая тоже является коммунистическим авангардом, школой коммунизма. Поэтому к этому авангарду приходится применять иные требования, более серьезные, более суровые. Тут иногда бывает коллизия (столкновение) между личным и общественным. Задача наша заключается в том, чтобы выработать такие формы нашего общения между собой и в личной и в общественной жизни, которые бы целиком удовлетворяли нашим классовым задачам, чтобы наше поведение можно было назвать коммунистическим с той точки зрения, что оно помогает об'единять вокруг пролетариата остальные массы трудящихся, рабочих и крестьян, колеблющиеся прослойки интеллигенции. Нужно, чтобы эти массы увидели, что здесь мы имеем дело с более высокой формой жизни, с формой более совершенной, жизненной, которая ведет вперед, которая обещает расширение, многообразие, красочность, радость жизни, которая ведет к известному обогащению жизни.

Ленин прямо ставил вопрос: «Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммунистов вся нравственность в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплоататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем...»

Владимир Ильич сознавал, что то поколение, к которому мы принадлежим, все же носит еще на себе такой отпечаток старого общества, что иногда мы сами не замечаем, что у нас еще такая масса пережитков этой чуждой пролетариату психологии, идеологии, что нам трудно еще избавиться от них. Он возлагает надежды на молодежь, Комсомол, на подрастающее поколение: оно выработает новое поколение людей, способное довести дело коммунизма до конца, и указывает путь этим товарищам, указывает, что

в основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление, завершение коммунизма.

Перейдем к самой теме о морали и быте. В чем тут дело? Что мы подразумеваем прежде всего под бытом?

Под бытом мы имеем в виду сумму материальных и культурных условий, в которых живет данный класс общества в данный период, в данный отрезок времени. Если мы говорим о быте пролетариата, то именно потому, что сумма культурных и материальных условий, в которых живет пролетариат, это—особые условия, другие условия, чем те, в которых живет крестьянство. Поэтому мы имеем налицо, с одной стороны, определенный крестьянский быт, как мы имеем быт пролетарский, как мы имеем быт нэпмановский,—особый быт.

Чем определяется переходный период, в который мы живем — период нэпа? Наличием двух основных классов, между которыми существует союз: рабочий класс и крестьянство, живущие в разных условиях. Кроме этих двух основных классов, мы имеем класс новой буржуазии, отчасти уходящей корнями своими в прошлое, отчасти питающейся обстановкой нового. Сказывается ли каким-нибудь образом этот социальный переплет на быте и морали пролетариата? Конечно, сказывается. Если бы можно было пролетариат отделить такой стеной от других классов, чтобы он существовал совершенно отдельно, чтобы он строил свое социалистическое хозяйство совершенно отдельно, тогда буржуазное влияние на пролетариат было бы меньшим. Сейчас мы имеем такую обстановку, когда пролетариат еще не порвал даже материально с другим классом. Кадры пролетариата, с ростом и развитием хозяйств городов и промышленности, все более будут питаться из других классов: из крестьянского класса, из класса мелких собственников, мелких хозяев, имеющих свои социальные навыки, свою психологию, свои обычаи, свои нормы морали. Мы имеем остатки, обломки, пережитки других классов, социальных образований общества, которые мы разрушаем, учреждения и институты, которые были созданы враждебными нам классами. Мы имеем налицо религиозные организации, которые являются именно этими учреждениями и институтами враждебного нам общества, которое мы свергли; институты эти созданы были на потребу господствующих классов, враждебных пролетариату и крестьянству, им служили и их дело защищали. Эти организации остались; на ряду с тем в пролетарские массы постоянно просачиваются чуждые пролетариату мелко-буржуазные влияния из деревни. Мы имеем влияние, с одной стороны, нэпмановской среды, с другой стороны—именно

тех учреждений, которые оказались не разрушенными еще революцией, в виде целого ряда религиозных организаций самых разнообразных оттенков и мастей. Может ли пролетариат построить свой быт, свои отношения к людям совершенно независимо от тех классовых, социальных условий? Конечно, нет. Он с большим трудом может свой, пролетарский, быт построить. Свой новый, коммунистический мир пролетариат может построить только в борьбе с этими влияниями. Таким образом здесь существуют отношения известной зависимости. Может ли пролетариат в этот переходный уже период построить коммунистический быт? Я думаю, что то, что мы называем коммунистическим бытом, не является коммунистическим бытом. Владимир Ильич был тысячу раз прав, когда он предлагал запретить называть коммунистическим то, что мы имеем сейчас в целом ряде случаев под видом коммунистического.

Владимир Ильич говорил нередко, что слово «коммунистический» дает очень большой простор, и прежде чем назвать что-нибудь коммунистическим, надо прежде подумать: является ли это коммунистическим. Сплошь и рядом, то, что называют коммунистическим бытом, ничего общего с коммунистическим бытом не имеет. Это только первые попытки коммунистов построить новый быт, враждебный быту буржуазного окружения, создать первые зачатки коммунисти- построить коммунистический быт?

Что необходимо рабочему классу для того, чтобы построить коммунистический быт.

Мы здесь прежде всего упираемся в материальные условия. Мы унаследовали от прошлого фабрики и заводы. Эти фабрики и заводы за время гражданской войны износились, не ремонтировались; машины, сами постройки износились, запасы истощены были в самый короткий срок. Мы в период гражданской войны прожили эти запасы, а сейчас пролетариату приходится не только восстанавливать то, что было разрушено за годы гражданской и империалистической войны, но и поднимать хозяйство на более высокую ступень.

Это трудно сделать. Мы сейчас приближаемся—и в области сельского хозяйства и в области промышленности — к довоенной норме. В кое-каких отношениях мы даже переходим довоенную норму. Мы, например, сейчас в смысле электрификации уже перешагнули довоенную норму. Сейчас мы закладываем гигантские электрические станции, которых не имели до революции. Эти электрические станции проводят свои щупальцы в сельские местности, деревни, в самую глубь губерний.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина

Это—процесс медленный. Владимир Ильич считал, что основной, первый план мы можем выполнить в течение десятка лет.

Мы этот план должны выполнить.

Как может пролетариат выполнить этот план? Только путем величайших жертв он может медленно, упорно строить, создавать эту новую техническую базу, без которой немыслимо строительство нового быта, потому что если мы останемся при керосиновой лампе, при лучине в деревне, то никакого нового быта не будет; и если мы будем строить электрические станции только для городов, а деревня останется во тьме, то никакого союза пролетариата и крестьянства не будет, никакого серьезного сближения между этими классами не будет, и никакого серьезного строительства коммунистического быта быть не может.

Поэтому первые шаги пролетариата в деле подведения социалистической базы под наше строительство, первые попытки построить хозяйство требуют величайших жертв со стороны рабочего класса.

А между тем для того, чтобы как-нибудь двинуть дело в области быта, требуются обширные материальные средства. Прежде всего мы упираемся в жилищный вопрос. Конечно, иные думают, что в буржуазном обществе дело обстоит лучше, что в больших капиталистических государствах дело обстоит гораздо более блестяще в этом отношении. Конечно, если это представлять себе по каким-нибудь шикарным улицам центра Лондона, то может показаться, что там люди живут совсем по-другому. Но если взять некоторые рабочие окраины, то вы увидите такие трущобы, такие клоаки, что тамошние рабочие позавидовали бы жилищам наших рабочих окраин.

Нам могут сказать: а как вы решаете жилищный вопрос? Лучше решаете? Я бы поступил, конечно, нечестно, если бы я стал расхваливать наши достижения, «вот как мы разрешили жилищный вопрос». Но если взять то, что делается в этой области, я могу сказать, не кривя душой, что в этом отношении мы делаем относительно больше, по сравнению со своими средствами, чем любое, самое богатое, капиталистическое государство.

А между тем то, что мы делаем, оказывает величайшее влияние на все решение вопроса рабочего быта. Можно ли разрешить сколько-нибудь положительно вопрос об освобождении женщины, не решив жилищного вопроса. В наших условиях, когда сплошь и рядом женщине приходится брать на себя, как и прежде, все решительно обязанности по уходу за членами семьи, начиная с варки пищи, уборки квартиры

и кончая уходом за детьми и стиркой белья и проч.,—в наших трудных жилищных условиях можем ли мы построить новый коммунистический быт. Конечно, нет. Это не есть коммунистический быт, когда каждой женщине—я беру массу—приходится попрежнему вести свое индивидуальное хозяйство, когда мы от этого еще женщину не избавили, когда мы не поставили еще как следует общественное воспитание детей и общественное питание, когда мы только начинаем в этом отношении кое-что создавать.

Понятно—мы должны прямо сказать—что мы только начинаем разрешать жилищный вопрос и поэтому начинаем разрешать ряд проблем, связанных с жилищным вопросом. Можно ли, скажем, разрешить вопрос хотя бы о правильном воспитании детей в наших жилищных условиях? Нет, нельзя. Когда говорят о раннем половом созревании нашего юношества, мы должны иметь в виду, что здесь очень большую роль играет скученность наших жилищ, то, что молодежь должна жить с отцами и матерями в одной и той же комнате, когда половые потребности удовлетворяются тут, на глазах детей, в их присутствии. Разве это не факт—если брать рабочую среду, массу—что это способствует пробуждению полового инстинкта, что представляет величайшую опасность для организма, ведет к истощению организма, к растрате его сил. Это факт. Поэтому нельзя разрешить эти вопросы без того, чтобы не разрешить правильно тот же жилищный вопрос.

А чтобы решить жилищный вопрос правильно, пролетариату надо иметь определенные резервы, надо создать социалистическое накопление, накопить средства. Он знает, что он может это создать только своими руками, что он сам это создаст. Только шарлатаны могут пообещать, что кто-нибудь другой может сделать — бог или другой класс. Пролетариат знает, что он может это сделать только своими силами, и он это сделает.

Повторяю, что один из важнейших вопросов нашего коммунистического быта, один из вопросов, который может действительно создать условия для расцвета сил пролетариата, это—разрешение жилищного вопроса. Но думать, что мы можем это сделать в самый короткий срок—в 2—3—4 года, было бы неправильно. Надо себе совершенно отчетливо представить, что в этом отношении путь пролетариата—трудный путь, что здесь ему нужны огромные усилия для того, чтобы преодолеть величайшие трудности, нужно накопить большие средства и что без накопления этих средств он не может построить новой культуры, которая будет про-

летарской культурой, потому что она будет в этот период в интересах этого класса.

Отсюда влияние пролетариата пойдет дальше. Оно будет распространяться на деревню по мере того, как деревня будет сближаться с городом посредством техники, электрификации, машин, посредством лучших путей сообщения. По мере этого будет исчезать и грань, разница между пролетариатом и крестьянством.

Я перехожу теперь к одному из вопросов, который во всех наших отношениях в жизни играет огромную роль и который занимает—иногда и чрезвычайно остро занимает — нашу молодежь.

Ко всякому из нас неоднократно обращались вузовцы, комсомольцы с предложением поставить доклад на тему — «половой вопрос», «половые взаимоотношения», «брак и семья», «проблема пола» и т. д.

Я должен сказать, что некоторое предубеждение у нас, более пожилых, старых революционеров, против постановки этих тем, на которых особенно часто настаивают, есть. Мы имеем в виду пережитый нами период, когда в свое время, перед первой революцией, мы так работали, что эта сторона жизни иногда совершенно отодвигалась в сторону: она не играла почти никакой роли в нашей работе. Было бы смешно и дико, если бы кому-нибудь из нас вздумалось в 1903, 1904 и даже 1905 годах поставить проблему пола. Смеялись бы только. А в 1907, в 1908 годах, когда революция пошла на убыль—после поражения пролетариата, когда упадочные настроения стали проникать в среду пролетариата, когда начался упадок настроения среди мелкой буржуазии, тогда и в литературе и на поверхности жизни выплыли всякого рода половые проблемы. Тут мы видели, как иногда самые разнообразные оттенки общественных течений—либерально-буржуазных и других—подхватывали эти самые настроения. Иногда даже религиозно-философские общества изображали дело так, что именно в половой психологии преломляется чуть ли не весь пафос революционных настроений.

Нужно иметь в виду, что в постановке вопросов пола и в наше время очень часто мы не видим здорового пролетарского, коммунистического подхода. Очень часто здесь мы имеем налицо власть старых отношений, власть прежних буржуазных отношений к женщине. Я не буду углубляться очень далеко в историю. Недавно мне пришлось в Харькове выступать на одном диспуте, где один из священников, выступавших на этом диспуте, предложил очень остроумное и неисполнимое решение полового вопроса: он предлагал вернуться к матриархату, то-есть такой форме семьи, где во

главе семьи стоит женщина. В аудитории, которая наполняла в это время харьковский театр, не нашлось много сторонников, желающих возвратиться к матриархату. Но мы должны иметь в виду, что власть прежних понятий и сейчас еще очень сильна.

Именно под влиянием того угнетенного положения женщины, в котором она находилась в средние века, создалась такая ходячая фраза, что «у женщины волос длиннен, а ум короток» или «курица не птица, баб не человек». И поэтому часть нашей пролетарской молодежи, связанная еще с крестьянством и питающаяся еще настроением крестьянства, иногда не очень далеко уходит от этого.

А тут еще влияние церкви. Влияние церкви очень сильно: в этой области церковь оставила глубокие следы. Что же, если взять не только христианство, если взять любую религию—евреев, например, набожных евреев. Набожный еврей каждое утро молится: благодарю тебя, господь бог, за то, что ты не сотворил меня рабом,—это одна молитва; а рядом с ней другая молитва: благодарю тебя за то, что ты меня не сотворил женщиной; самое ужасное, это—родиться женщиной.

Христианская церковь оставила нам в наследие такие характеристики женщины, как «женщина — это сосуд дьявола».

Не лучше относится к женщине магометанская вера. В одном месте учителя магометанства дают такой совет: «Если у тебя в жизни возникает затруднение, ты должен обратиться за разрешением вопроса к мулле; если муллы нет, ты должен обратиться к старшему в данной местности; если нет старшего, то обратись к соседу, к брату, отцу; если нет мужчины нигде поблизости, обращайся к женщине, и сделай обратно тому, что она тебе посоветует».

А религия и религиозная организация—не мелкий фактор. Она ведь строилась на определенном фундаменте рабских отношений: подчиненном положении женщины, которое в период феодализма и в буржуазном обществе определялось главным образом экономическим положением женщины.

В пролетарской среде это экономическое положение изменяется. Женщина сплошь и рядом вынуждена наравне с мужчиной работать у станка, работать на заводе. Чем больше в этом отношении уравнивается их экономическое положение, тем больше уравнивается их общественное положение. Женщина, которая вместе с мужчиной стоит у станка, работает на фабриках и заводах, не хочет и не может мириться с таким отношением к ней, как к низшему существу,

существу, которое должно проявлять какое-то особое поклонение, унижение и т. д.

Но природа так устроила, что женщины выполняют ряд функций, которые ставят их в особое положение. Деторождение, которое для многих миллионов женщин могло бы быть источником радости, становится для многих женщин величайшим источником страдания. Поэтому этот вопрос приобретает особенную остроту.

Что мы имели в период после Октября? Ломку и не только политических форм (я уже об этом упоминал), но и бурный протест против всей этой морали господствующего класса, которая навязывалась, как обязательная мораль, которая иногда печаталась в своде законов, где жена была подчиненной мужа,— муж мог ее даже наказывать плетьми. Жена должна была следовать за своим мужем, куда бы он ни пошел, куда бы он ни поехал. Вы знаете, как был затруднен развод для женщины. Она должна была для того, чтобы получить этот развод, пойти на величайшие нравственные унижения. Поэтому мы имели и бурный протест против церковного брака. Не следует думать, что это был только внешний протест; он все глубже и глубже проникает сейчас и в крестьянские отношения, где семья строится на иных началах, где она имеет под собой несколько иное экономическое основание, чем в пролетарской среде. Бурный протест против прежней формы семьи на первых порах выливался, и сейчас выливается иногда, в чрезвычайно уродливые формы. Однако было бы совершенно неправильно подходить с точки зрения какого-то морализирования—сейчас многоженство, многомужество, а прежде этого не было. Это было бы величайшим лицемерием. Еще когда Маркса и Энгельса, авторов Коммунистического Манифеста, упрекали в том, что они хотят разрушить семью, они ответили буржуазии: фактически вы в капиталистическом обществе разрушаете семью тем, что поставили пролетарскую массу в такие условия, при которых пролетарий не может иметь семью. Многоженство и многомужество фактически существовали и существуют в любом буржуазном обществе. Но они существуют при всякого рода лицемерных, а иногда и совсем без этих лицемерных прикрытий.

Как же пролетариат должен строить половые отношения, чем он должен в этом отношении руководствоваться?

Здесь опять-таки основное, что мешает правильному разрешению этого вопроса, это—те тягчайшие материальные условия, в которых осуществляется новый быт, в которых идет ломка прежней семьи и создается новая семья.

Какие черты этой новой семьи намечаются?

Новая семья формируется там, где женщина освобождается все больше и больше от непосредственных обязанностей ухода за детьми, от непосредственных обязанностей по питанию семьи и т. д. Здесь складывается такая семья, где мы имеем прежде всего двух товарищей, которые помогают друг другу делать большое общественное дело — строить социалистическое хозяйство. Они вместе участвуют в социалистическом накоплении.

В этом отличие пролетарской семьи от всякой другой мелко-буржуазной семьи, создающей материальное благополучие своей собственной семьи. Новая пролетарская семья отличается от буржуазной семьи, где считается, что женщина должна быть хранительницей семейного очага, украшением дома. Во всяком случае, она—не общественный работник.

И наконец еще одна черта, особенность, как мне кажется, этой нашей новой семьи в том, что, пока у нас нет еще общественного государственного воспитания детей, пока еще дети воспитываются в семье, это есть семья, которая дает коммунистическое воспитание детям. Если это не есть коммунистическая ячейка в смысле партийном, то во всяком случае это—такая ячейка, такой союз, где дети, начиная с пионерского возраста, и даже еще раньше—потому что во многих рабочих семьях создается такой быт, такая обстановка—с первых же детских дней начинают впитывать в себя из окружающей обстановки, жизни, разговоров, встреч, праздников задатки нового революционного коммунистического быта.

Вот, мне кажется, черты новой пролетарской семьи.

Однако, повторяю, что для того, чтобы действительно мы могли создать такую семью, даже в этот переходный период, мы встречаем целый ряд препятствий, коренящихся главным образом в трудных материальных условиях.

Как их преодолеть, как преодолеть прежде всего те трудности, которые возникают перед молодежью?

Известно, что Владимир Ильич относился отрицательно к неомальтузианству. Он писал все время прямо: мы относимся с величайшим отвращением к той проповеди, которая проводилась буржуазией по отношению к пролетариату. Буржуазия говорила, что для пролетариата, видите ли, не приготовлено достаточно места за пиршественным столом жизни, и поэтому он должен всячески стараться иметь поменьше детей и применять всякого рода искусственные средства для того, чтобы у него детей не было.

Как вы знаете, аборт был запрещен и сейчас еще запрещен в целом ряде государств, при чем во многих государ-

ствах и до сих пор аборт карается жесточайшими законами. Я мог бы вам привести целый ряд выписок из законов Англии и других стран, где аборт карается многими годами тюремного заключения.

Вместе с тем те условия, в которых ставилась масса пролетарских и крестьянских женщин, вынужденных продавать свой труд в городах, вели неизбежно к массовой проституции, которая в капиталистических странах, даже самых богатых, приобретает величайшие размеры. Можно тут же спросить: а в советской стране есть проституция? Да, есть, именно потому, что есть разные классы; потому, что еще есть буржуазия; потому, что еще есть необеспеченность пролетариата; потому, что мы еще недостаточно накопили средств; потому, что мы не разрешили жилищного вопроса; потому, что мы не построили достаточного количества детских домов, детских яслей, домов матери и ребенка,—поэтому есть проституция. Но если вы поставите вопрос: может ли в капиталистическом обществе исчезнуть проституция, мы говорим: нет, ибо в капиталистическом обществе, даже самом богатом, растут противоречия классовых интересов, не притупляются, а растут. На одном полюсе—накопление величайших богатств, в то время как на другом полюсе накапливается величайшая нищета, толкающая на путь проституции.

А в обществе даже того переходного периода, которое мы строим, есть просвет. Есть надежда, что мы с этим злом справимся. Мы можем с уверенностью сказать: да, на этом пути мы можем уничтожить это зло—проституцию. Почему? Потому, что все законодательство целиком направлено к охране интересов матери и ребенка. Все общество заинтересовано в том, чтобы у нас пролетариат находился в лучших условиях, а не в худших. Все общество заинтересовано в том, чтобы повысить благосостояние пролетариата, прежде всего именно этого класса. Этот переходный период, который мы переживаем, характеризуется недостатком материальных средств, но они растут, и мы убеждены в том, что мы сумеем создать достаточные материальные средства, при которых этот вопрос был бы разрешен таким образом, что основа проституции — необходимости продавать свое тело—исчезнет.

Мы не собираемся проповедывать монашеский аскетизм, но вместе с тем у нас возбуждает величайшую тревогу известная половая распущенность, которая есть в определенных кругах среди нас—и среди коммунистов и в особенности среди молодежи. И когда мы говорим о молодежи, мы вовсе не подходим так, что мы, мол, вам советуем жить монашеской жизнью.

«Когда достигают лет 40 — 50, начинают нам проповедывать половое воздержание. А вот попробуйте в наши годы».

Мы сидели по несколько лет в тюрьмах: лет по 8, по 9 и больше. И нам волей-неволей приходилось выдерживать это воздержание. И только незнание, непонимание самых основных истин гигиены самой такой неграмотной молодежью толкает их на мысль, что воздержание вредно.

Рождается третье существо, которое при отсутствии сколько-нибудь нормальных условий для его воспитания ляжет бременем на общество.

Потребность половой жизни возникает в тот период, когда идет усиленный рост половых желез, когда идет усиленный рост человеческого тела, всех его тканей. Молодежи нет дела до законов природы, до того, что эти элементы внутренней половой секреции, в сущности говоря, означают то же самое, что элементы нашей нервной энергии. И так как линия удовлетворения половых потребностей иногда является и наиболее приятной и наиболее легкой, ибо это есть линия наименьшего сопротивления, то эта энергия—чрезвычайно ценная нервная энергия—тратится именно на половую жизнь, а не для мозговой работы, для настоящего дела, для огромной борьбы, предстоящей этому молодому поколению, которое должно, по мнению всех нас, достроить коммунизм,—для этого у них остается мало сил. И мы часто видим этак лет в 25 уже старичка. Сейчас нередко встретишь молодежь истасканную—молодых старичков, которые нуждаются в домах отдыха, в санаториях, потому что они уже такую жизнь прошли, какой не прошли многие из нас — стариков.

Повторяю, к этому вопросу мы подходим исключительно с точки зрения социальных последствий, вовсе не с точки зрения морализирования по отношению к молодежи: что вы, мол, слишком увлекаетесь любовью, что это нехорошо, неприлично, некрасиво. Все это пустяки, все это было бы ханжеством, если бы мы так подходили. Мы говорим исключительно в интересах охранения молодежи, в интересах того, чтобы вырастить более здоровое во всех отношениях поколение, в интересах матери, ребенка именно пролетарского класса, потому что в других классах дело это гораздо проще разрешается. И мы должны эти вопросы ставить очень остро.

Вместе с тем мы должны сказать, что в среде нашей молодежи часто под видом революционных теорий распространяется целый ряд теорий, которые идут из враждебных нам классов и которые являются их отрыжкой, например, такая теория, которая распространялась в одном кружке в Харькове. Там собирались, читали доклады о марксизме и искус-

стве—принимал участие в этом деле даже один профессор — и распространяли среди молодежи такие понятия, что марксизм неправ, когда он учит, что сознание определяется бытием, а прав Оскар Уайльд, утверждающий (правда, они на Оскара Уайльда взвели поклеп), что сознание определяется эротикой. Эротика определяет сознание. Есть и такая теория, что женщина есть поле для обсеменения, оплодотворения. Это совершенно чуждая для пролетариата теория.

Это буржуазные теории, а проповедует их иногда и пролетарская молодежь, которая считает это своего рода шиком. А что такое «любовь трудовых пчел», которую проповедуют иные из наших коммунистов. Разве это пролетарская теория, разве это теория нашего времени, теория пролетариата. Эта теория тоже взята из буржуазного общества, и ее исповедует та часть буржуазной молодежи, которая не знает естествознания и которая думает, что любовь трудовых пчел—это есть любовь двух трудовых индивидуумов. Они не знают, что как раз среди пчел те, которые гоняются за пчелами-матками, являются трутнями; понятно, что такая теория—перелета с цветка на цветок—чрезвычайно привлекательна для буржуазной молодежи, но не для пролетариата, который должен на себя взять задачу воспитания всего поколения.

В чем же мы видим разрешение этого вопроса. Я уже указывал, как мы понимаем новую семью, что мы подразумеваем под новой семьей, как мы ее должны строить. Но для того, чтобы построить эту новую семью, повторяю, нужен целый ряд условий, облегчающих положение женщины. Нигде нет таких условий, которые бы так освобождали женщину, как в законодательстве нашей страны. Можно сослаться на целый ряд серьезных научных произведений даже буржуазных писателей Западной Европы, которые должны были признать, что нигде нет такого совершенного законодательства по отношению к женщине, как у нас, нигде нет такого законодательства, которое бы так разгружало женщину, как у нас.

Но одно дело — написать хороший закон, а другое дело — создать фактическую основу для того, чтобы этот закон проводился в жизнь, и тут мы должны прямо сказать, что без радикальной перестройки всего нашего хозяйства мы этот вопрос правильно не сможем разрешить.

О жилищном вопросе я уже говорил, я старался наметить, какие из этого вытекают последствия именно для женщины, для семьи. Прежде всего, конечно, это — снятие с женщины заботы о питании. В этом отношении мы имеем кое-какую проделанную работу, работу Нарпита.

По данным на 1-е ноября 1925 г. мы имеем по Москве средний фактический отпуск обедов в день 20.000, по Ленинграду — 50.000, по провинции мы имеем 67.000, а всего — 137.000 обедов, отпускаемых в день. Пропускная способность, которой обладают эти столовые, равна 511.000.

Конечно, это ничтожная цифра. В этом отношении нам нужно двигать работу дальше и дальше, когда мы имеем всего около 150.000 семейств, освобожденных от необходимости готовить обед. В данном случае мы имеем, может быть, 150.000 женщин, которые освобождают себя от этого или для работы на фабриках и заводах, либо для какой-нибудь другой работы.

Если мы возьмем наши учреждения, которые заботятся об общественном питании детей, то и здесь мы имеем сравнительно ничтожную цифру. Например, мы имеем в кассах взаимопомощи обеспеченных матерей всего 10 — 12%. Правда, это уже большой шаг вперед, но это не то, что нам нужно в деле действительного освобождения женщины.

Из 100 детей 97 должны воспитываться индивидуально и только трое могут попасть в ясли. Конечно, и это шаг вперед, но только маленький шаг. Без разрешения этого вопроса, без дальнейшего движения мы все же положения женщины не облегчим.

Мы должны были поставить перед сессией Центрального Исполнительного Комитета вопрос о новом брачном законе, который имеет в виду несколько изменившуюся обстановку, имеет в виду опыт, что на деле закон еще недостаточно охраняет женщину. Путем этого нового закона о браке мы рассчитываем, что, может быть, сотни тысяч детей, сотни тысяч женщин, находящихся в тяжком положении благодаря несовершенству закона, благодаря трудностям переходного периода, благодаря эксплоататорскому отношению к женщине и ребенку, мы сумеем обеспечить.

Я перехожу к вопросу о религии.

Прежде всего я здесь отмечу факт, всем известный. Если говорить о пролетариате, то не только в нашей стране, но и во всех странах пролетариат — класс, наиболее легко освобождающийся от религии. Безбожие пролетариата это — черта не только русского пролетариата, это — черта пролетариата и других стран. Во всех странах, в особенности в таких странах, как Германия, даже в таких странах, как Италия, страна величайшей власти католической церкви, мы имеем союзы свободомыслящих. Это — антирелигиозные или антиклерикальные союзы. За последнее время эти союзы разрослись. В Германии такой союз насчитывает около 400.000 членов, он имеет отделения решительно повсюду.

В него входят не только коммунисты, но и социал-демократы и беспартийные рабочие и работницы. Мы знаем, что во всех странах Западной Европы и Америки капиталистические организации тратят колоссальнейшие средства на то, чтобы пролетариат удержать в состоянии религиозности.

Известно изречение кайзера Вильгельма, который говорил, что женщина должна знать три «к», т. е. кухню, ребенка и церковь. Вот ее удел — дальше она не должна итти. И пролетариату отводилось определенное стойло в этом капиталистическом обществе. И в это стойло его загоняли не только пушками и пулеметами, когда он возмущался, но загоняли и крестом, когда это нужно было. Религия наложила очень глубокий отпечаток на всю общественную жизнь не только крестьянства (крестьянство наиболее религиозно), но и пролетариата, который еще связан с крестьянством. Что существует прямая зависимость между бытом рабочего, между его культурой и его религиозностью, это доказано обследованием, которое было произведено по целому ряду фабрик и заводов Струмилиным. Вышла его книга, чрезвычайно интересная, дающая интересные цифры. В то время когда в среднем (это обследование производилось в Иваново-Вознесенске и ряде других мест) тратится в течение месяца для члена рабочей семьи около четырех часов на исполнение религиозных обрядов — хождение в церковь и т. п., квалифицированный рабочий тратит 1½ часа в среднем, малоквалифицированный рабочий тратит 2,1 часа, совсем неквалифицированный рабочий тратит 2,8 часа, женщина тратит гораздо больше этого — женщина более религиозна. Почему? Все выше уже указанные положения дают ответ на этот вопрос. Женщина находится в гораздо более угнетенном положении, под еще большей властью экономических условий. И это используется в значительной степени религией. Конечно, сейчас мы имеем факторы, оказывающие величайшее влияние на быт рабочей семьи. С одной стороны — Коммунистическая партия; взять, например, Москву: по Москве на каждые 10 человек, которых вы встречаете, один коммунист или комсомолец, по крайней мере. Значит, это уже не такой маленький островок, который потерялся где-то в крестьянском море. Здесь в городах эта сила имеет большое влияние. А тут еще растет пионер. И пионер, и комсомолец, и коммунист ведут борьбу в этой рабочей среде с религиозностью.

Новым бытом и новыми отношениями пролетарского быта является именно то, что во многих семьях, даже без всяких насильственных средств (применение которых не дает желательного эффекта и не может его дать), исчезает совершенно

религиозность. Мы имеем новый быт, который не нуждается ни в один из моментов своей жизни в каких-нибудь религиозных нормах. Чем до сих пор питали пролетариат всякого рода религии? Они ему обещали, что за те страдания, которые пролетариат имеет здесь, на земле, он получит величайшую награду в жизни потусторонней. И вот, такими сказочками о том, как нам будет хорошо на том свете, когда мы здесь страдаем, этим нас старались примирить с тяжелой обстановкой жизни. Разве это есть мораль пролетариата? Это — мораль, враждебная пролетариату. Поэтому пролетариат не может создать новый быт, не может построить социализм, не освободясь от религии, которая является путами, гирями, мешающими его движению вперед. Я уже не говорю о том, что религия пыталась наложить свою лапу решительно на все стороны жизни, решительно во все уголки семейной жизни, самые интимные, пыталась пробраться религия. Это чуждо пролетариату. Пролетариат отношения между мужем и женой, отцом и детьми освобождает от всякого религиозного налета.

Остановлюсь еще на одном вопросе — на вопросе о мещанстве. Очень часто мы слышим среди молодежи разговоры о мещанстве по отношению к таким явлениям, которые ничего общего с мещанством не имеют. Я могу привести такой пример: иногда вы видите, что кто-нибудь борется за чистоту, ему говорят: ну, это у тебя такие мещанские привычки, а признаком пролетарского духа является — не обращать внимания на чистоту, ходить, «чтобы рубашка была на распашку», чтобы одежда была в грязи, — и думают, что это есть самое пролетарское, а чистота — это мещанство.

То же самое в сфере половых отношений. Когда, например, при девушке, молодой комсомолке, начинают вести похабные разговоры, а девушка эти разговоры не желает слушать и говорит, что ей стыдно, тогда говорят: ты еще не освободилась от мещанских предрассудков, а настоящая коммунистка не будет стесняться каких угодно разговоров на эту тему. Если вы замечаете невоздержанность в языке, это об'ясняется признаком коммунизма, а если вы говорите: разве можно так ругаться, говорят, что вы — мещанин.

Иногда среди нашей молодежи идет травля товарищей, одевающихся «чисто», и иногда даже ставят на вид товарищу, что единственный костюм, который он имеет, он чистит и тщательно гладит перед тем, как его надеть. Желание упорядочить свою жизнь, попытка установить некоторую внешнюю чистоту, порядок, — про все это говорят, что это буржуазные привычки, что это нэп; но разве все то, что

буржуазия делала, плохо. Нужно определенно сказать, что любовь в порядку, чистоте—совсем не мещанство. Мы иногда свою беду склонны выдавать за добродетель: то, что мы вынуждены делать в известной обстановке, мы считаем порой самым наикоммунистическим.

Однако обстановка меняется, и меняется не к худшему, а к лучшему. Материальное благосостояние пролетариата растет и будет расти с каждым днем. При таких условиях нищенская одежда, в которой некоторые хотят видеть настоящих коммунистов, привычка по-нищенски одеваться будут отходить в область преданий. Ленин писал, что будет такое время, когда из золота мы будем делать уборные, потому что деньги, как предмет обмена, нам будут не нужны.

Поэтому мы должны вести борьбу с ложным пониманием того, что есть мещанство и мещанская культура. Ленин говорит, что мы не можем построить свою культуру, не использовав все то ценное, что было в буржуазной культуре. И буржуазным обществом было создано много ценного, и пролетариат тоже принимал участие в строительстве этой культуры.

Какова дальнейшая судьба тех норм, которые мы устанавливаем. Мы их не считаем сколько-нибудь длительными или вечными. Они только для переходного периода. Мы считаем, что пролетариат выполнит и сумеет выполнить свою историческую миссию, если он сумеет создать общество, в котором не будет классов, не будет разделения на классы. В этом бесклассовом обществе, где интересы всех людей, интересы всего человечества будут направлены к одной цели, в таком бесклассовом обществе нормы морали, которые мы устанавливаем, станут ненужными, как станут ненужными государственные организации, полиция, суд, армия и целый ряд тех учреждений, которые характерны для капиталистического общества.

Пролетариат является не только самым революционным классом, но он является единственным классом, который заинтересован в уничтожении классового общества. В будущем бесклассовом обществе, коммунистическом обществе, сложится иная мораль, иные нормы нравственности; это не будут классовые нормы, это будут нормы социалистического общества, нормы общечеловеческие.

Если суждено когда-нибудь действительно создать такие общечеловеческие нормы, то это возможно лишь только тогда, когда пролетариат привлечет на свою сторону массы крестьянства, привлечет на свою сторону то, что еще есть колеблющегося из других прослоек общества. Вместе со всей этой массой он будет строить и построит социализм,

и только этим создаст предпосылку для существования бесклассового общества, общечеловеческой морали.

Для такого времени, когда будут уничтожены пережитки среди молодежи, когда будет уничтожена всякая возможность эксплоатации человеком человека, когда будет уничтожена проституция, когда будут уничтожены войны, когда человеческая жизнь расцветет во всем ее многообразии и красоте, — для этого времени мы должны все вместе работать.

(„Молодая Гвардия" № 5, 1926 г.)

А. А. Сольц

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЭТИКА

Интерес новых членов партии к вопросам парт'этики

Вопрос о парт'этике как будто бы в последнее время занимает чрезвычайно большое место в нашей партийной организации. Но я полагаю, что это никак не может быть понято, как какая-то боевая кампания по этому вопросу, как результат того, что вот-де партия убедилась или усмотрела какие-то элементы разложения, какие-то неблагополучия в партийной жизни и именно в связи с этим подняла кампанию. Я думаю, что все товарищи, имеющие дело с членами партии, даже совершающими кое-какие ошибки, если подняли на последнем пленуме ЦКК вопрос о парт'этике, то исходили совсем из других оснований: в партии наметился более или менее сильный интерес к этим вопросам, и пленум ЦКК поставил этот вопрос в свой порядок дня. Причины этому следующие: к нам за последний год пришло очень много членов партии из рабочей среды, для которых вопрос о том, как поступать члену партии, что ему делать в повседневной жизни, — в виду того, что мы переживаем теперь период, когда непосредственной активной борьбы не ведется, — играет не последнюю роль, и этот интерес всюду увеличивается. И мы никак не могли пройти мимо него. Но этот вопрос не нужно рассматривать, как какой-то боевой вопрос, который в боевом порядке будет разрешен. Партия вынесет определенную резолюцию и на этом успокоится.

Товарищи, мы напрасно говорим: партийная этика, а не коммунистическая этика. Мы говорим: нужно члену партии иметь суждение и выработать у себя общее мнение

о том, чем нужно быть члену партии, как вести себя члену партии, а не о том, как вести себя в коммунистическом строе, ибо коммунистическая этика может быть только тогда, когда имеется коммунистический строй, а мы еще достаточно далеки от него. Мы живем в переходное время, в которое у нас этика должна рассматриваться с двух сторон.

Что такое этика

Что такое этика? Это есть сумма нравов и обычаев, которые приняты в домашнем обществе, нарушение которых хотя и не преследуется законом, но все-таки соблюдение их как будто бы обязательно без карательной санкции. И в сегодняшнем обсуждении вопрос стоит не в той плоскости, за что нужно исключать из партии, за что нужно делать выговор, т. е. не этика членов партии, работающих в КК. Может быть, и об этом можно разговаривать, но сейчас я намерен говорить о том, как себя должны вести члены партии.

Основа для нашего поведения заключается в том, что мы, хотя переживаем эпоху строительства, эпоху якобы мирную, остаемся на своих постах членов революционной боевой партии, для которых интересы борьбы, интересы революции являются, так сказать, мерилом, по которому мы оцениваем, хорошо ли мы поступаем или плохо. Все, что облегчает нашу борьбу; все, что нас усиливает, как борцов; все, что нам помогает в этой борьбе, — то является этичным, хорошим. Всякий поступок с этой точки зрения и должен оцениваться, помогает ли он в нашей борьбе или вредит во всех областях.

Надо создать общественное мнение

Есть один очень интересный вопрос, который именно для массовых членов партии требует ответа—это вопрос о создании общественного мнения о поведении не только членов партии, но и тех, которые идут за ними. Мы собою представляем, — мы уверены в этом, — авангард трудящихся, т. е. огромнейших масс населения, и вот мы находимся в таком благоприятном положении, когда можем не только для себя решать вопросы, но и устанавливать, так сказать, норму, моду, по которой должно жить общество. Мы являемся господствующим классом здесь, в нашей стране, и жизнь строится по нас. По тому, как мы будем жить, одеваться, оценивать те или другие отношения, по тому, как мы будем вести себя, — по этому будут устанавливаться в нашей стране обычаи.

Надо сказать, что, кроме внешних препятствий, огромным препятствием для нас является то, что мы несем на себе очень большой капиталистический горб, который мы нажили, живя в капиталистическом обществе. Ведь Коммунистическая партия не с неба свалилась со своими мыслями и задачами. Она жила и росла при капиталистическом строе, она приобрела все навыки, которые свойственны этому строю, такому строю, в котором говорилось, что только, исходя из личных интересов, можно кое-что создать, вне этого люди не в состоянии что-либо сделать. Мы воспитываемся в других условиях, но пока вынуждены жить так, что личный интерес играет колоссальную роль. Одним из моментов освобождения от капиталистического горба является установление новой оценки хорошего и дурного, всего того, что принято и не принято в данном обществе. По нашему поведению начинается строительство нашей жизни, ибо мы являемся единственной страной, где мы, как господствующий класс, можем эти привычки, эту оценку привить новому подрастающему обществу и даже массе старого. Мы знаем, например, что наши революционные праздники постепенно становятся просто национальными праздниками, потому что ведь большое количество было таких праздников; например, раньше население, праздновавшее те или другие праздники, вовсе не связывало это с тем, во имя чего были созданы эти праздники, но оно знало, что в эти дни происходит общение с товарищами, в эти дни лучше едят и пр. Когда создаются новые праздники, когда создается новый тон жизни тех, кто является господами в строительстве нового класса, когда они создают новые нормы, то массы населения по этим нормам привыкают оценивать жизнь и отдельные поступки. Перед нами стоит задача сохранить себя как борцов, и с этим соразмерить наши нравы и обычаи и проводить новый порядок. Вот с этой точки зрения, в виду того, что мы не можем претендовать на какие-то абсолютные этические нормы, мы и должны подходить к тому, что мешает водворению нового порядка. Мы с точки зрения этики и должны создать такое общественное мнение, которое облегчит нам эту задачу.

Наши недостатки

Я перехожу к тем, — я бы не сказал: болезням партии, ибо болезнью называется нечто ненормальное и нечто свидетельствующее о каком-то неправильном росте нашей партии, — я бы лучше хотел сказать: к тем недостаткам, которые проявляются в нашей жизни, в нашем утверждении,

в нашей борьбе, которые должны быть нами поняты и по мере сил и возможности изжиты.

Так как мы не явились из какого-то совершенного мира, то естественно, что у нас имеется целый ряд таких явлений, которые неизбежны в обществе, растущем, развивающемся при тех колоссальных трудностях, которые у нас имеются, и в той борьбе, которая нам предстоит.

Товарищеские отношения и партдисциплина

Я прежде всего буду касаться товарищеских взаимоотношений. Величайшей основой и достижением в нашей партии является наличие партийной дисциплины. Почему? Потому что то, что у нас раньше было в теории, когда создатели партии говорили о необходимости боевой дисциплины, о сплоченности всех сил для достижения более быстрой победы, теперь получило подтверждение в жизни, стало несомненным для всех. Несомненно, что именно создание такой партии, сплоченной, с единой волей, облегчало нам возможность победы и обеспечивало нам тот успех в борьбе со всеми враждебными нам силами, который получился. Мы в эпоху революции оказались единственной организованной партией, с единой волей, которая твердо знала, что она хочет, к чему стремится, у которой слова не расходились с делом. Нашим любимым лозунгом было: не на словах, а на деле. Владимир Ильич буквально через каждые свои три выступления повторял его. Ценность дисциплины нашла свое оправдание не в словах, а на деле, потому что мы считались единственной партией, которая должна была революцию осуществить, а осуществить ее можно было только при большой и сознательной дисциплине. Конечно, вопрос не идет о такой дисциплине, при которой человек делает то, с чем не согласен. Вольная дисциплина, сознание ее необходимости и ценности должны быть у нас первой основой в нашей работе.

Может ли быть вольная дисциплина тогда, когда нет достаточно хороших товарищеских взаимоотношений? Нет. Тогда, во всяком случае, дисциплина может быть только казарменной. Только тогда, когда мы смотрим друг на друга как на товарищей, об'единившихся для единой определенной действенной задачи, и можно создать ту дисциплину, которая нас выручила из всех бед. Чем дальше растет наша партия, тем труднее сохранить те товарищеские отношения, которые создались на почве совместной борьбы, но тем она необходимее, тем больше товарищи должны чувствовать, осознать все то, что требуется для такой вольной дисциплины. Легче

сохранить товарищеские, хорошие отношения, когда мы составляем группу в 20 человек, чем когда нас 80 тысяч человек, как московская организация. Необходимые товарищеские отношения — любовь, дружба к товарищам — могут укрепиться от сознания того, что ведь он — мой помощник, через него я удержал все то, что мне дорого, во имя чего я член партии.

Я коснусь, например, вопроса, с которым приходится сталкиваться в контрольных комиссиях. Если товарищи ошибаются иногда в том или другом случае, поступают не так, как бы следовало, что должен делать товарищ, член партии, который это замечает? Если он к нему относится хорошо, если он его считает своим сочленом, с которым он вместе работает, он постарается исчерпать это в собственной среде. А у нас чрезвычайно развито по всякому пустяку таскание члена партии в КК. Это свидетельствует о том, что у членов партии недостаточно развиты товарищеские взаимоотношения. Ведь если, например, ошибку делает ваш брат, ваша жена, близкий вам товарищ, я убежден, что вы не тащите его в КК, а постараетесь исчерпать недоразумение в собственной среде, потому что странно было бы, если бы сын таскал отца в КК или судебное учреждение. Они постараются сделать все возможное, чтобы избежать этого. У нас этого не замечается, потому что есть формальное отношение, и многие члены партии считают своим коммунистическим долгом доносить в КК о погрешениях того или иного товарища. У нас бывает так — вам всем, вероятно, известно — собираются товарищи, выпьют вместе, а потом один на другого идут жаловаться в КК, и идет спор — кто больше выпил, кто меньше. При товарищеских взаимоотношениях разве может быть такая вещь? Это может быть только тогда, когда желают подсидеть. Это стремление подсидеть имеет своим источником борьбу за власть. Мы на это глаза закрывать не должны. Мы — правящая партия, и то, что мы — правящая партия, несомненно в известном направлении не хорошо на нас влияет. Но ведь мы борющаяся партия, и основой своей жизни ставим не святость, а интересы борьбы, и поэтому мы во имя святости никогда от власти не откажемся, ибо для нас важнее борьба и успех, чем та святость, которая в абсолютной форме больше вредит борьбе, чем приносит пользы. Если бы у нас появились такие настроения, при которых мы говорили бы чрезвычайно много о личном поведении, о личной святости, то я даже забеспокоился бы и сказал: тут что-то нездоровое в нашей партии, мы перестали быть борцами, а стали интересоваться личной жизнью. Что такое толстовство? Это есть такое движение,

которое оказывается бессильным бороться во имя утверждения хорошего порядка и говорит: давайте углубляться в самих себя и сохранять свою собственную святость. Это свидетельствует об отказе от борьбы, это знаменует разочарование в революции и в борьбе. Если такие настроения начнут господствовать в нашей партии, ей придет конец. Мы знаем, что в интересах рабочего класса — чтобы мы, как здоровая борющаяся партия, имели власть. Мы знаем, как марксисты, что власть—у партии, и мы время от времени производим чистку, пересматриваем наши ряды, имеем контрольные комиссии, которые того члена нашей партии, который испортился, который перестал быть борцом, который перестал принимать участие в нашей борьбе, изгоняют из партии; мы от таких членов партии отказываемся. И в этой самой борьбе элементы подсиживания, элементы выдвижения себя и т. д. имеют место. Надо, чтобы у нас создалось такое общественное мнение в партии, что нельзя определенных вещей делать, что товарищей подсиживать нельзя, что обязанность всякого товарища даже в ячейке не разбирать этих вопросов, потому что и там бывает формальное отношение к поведению товарищей, а проступки отдельных партийцев в возможно большем количестве изживать путем личных дружеских отношений; тогда моему ведомству будет гораздо легче, будет меньше работы для КК, а партии будет легче жить, потому что карательная система, как мы знаем, сама никогда цели общего исправления не достигает. Она только помогает выбирать все то, что вредно, но с точки зрения исправительной она не дает положительных результатов.

О самоубийствах

Теперь имеется довольно большое количество самоубийств. Товарищи, не надо от этого тоже приходить в какую-то панику. Это естественно и понятно: мы переживаем такую эпоху, когда нервы у очень большого количества людей столько испытали, пережили, что у них нет силы дальше делать то, что требует от них партия. Имеются молодые партийцы, которые уже пережили гражданскую войну, которые уже были на всех фронтах, которые работали в наших карательных органах ГПУ и т. д. и совершенно издергали себя, ибо от них требовалась колоссальная выдержка: наиболее невыдержанному казалось, что вот последнее усилие и он входит в коммунистический рай, и когда он видит, что дело более серьезно и требует более длительной работы, у него начинается некоторое разочарование, он ищет выхода,

и тут, когда он встречает формальное отношение, даже среди членов партии не встречает дружеского подхода, а встречает глухую стену формальных отношений, он не выдерживает и кончает самоубийством. То, что он кончает самоубийством, говорит, что какая-то чертовщина у него имеется, что он член партии плохой, ибо мы требуем от всех членов партии выдержанности, умения оценивать события и умения бороться с теми препятствиями, которые встречаются на пути. Ведь каждый самоубийца, когда он решает вопрос о самоубийстве, приходит к выводу, что вот, дескать, выхода нет. Это — ненормальные переживания, и люди в этом всегда ошибаются — в оценке положения. Я могу указать на такого самоубийцу, как Максим Горький: прежде, чем стать знаменитым писателем, в один прекрасный день он пытался покончить с собою; к счастью, ему это не удалось. Но в тот момент ему казалось, что выхода нет из положения. Это говорит о том падении, так сказать, его воли, его настроения, которые, как борцу, дают ему плохую оценку. У нас часто бывает, что члены партии, когда они получают решение КК об исключении, заявляют: ну, товарищи, у меня остался только один выход — покончить с собою. Как же, мол, когда моя партия меня выбросила, я могу дальше жить? Я думаю, что в таких случаях приходится так отвечать, — я лично так отвечаю и думаю, что другие товарищи так же должны отвечать и, вероятно, отвечают: ты плохой член партии, и КК не ошиблась.

Об ошибках КК

КК состоит из людей, которые могут ошибаться, и может исключить такого, которого не нужно исключать, который в худшем случае заслуживает только выговора, указания или товарищеского убеждения. Ну, что же: из-за того, что тот или другой орган или та или другая КК плохи, надо кончать с собой? Нет, надо доказать партии и КК (КК больше всего), что она ошиблась. Как это можно доказать? Напряжением своей воли и таким поведением, такой работой, которая убедила бы, потому что если КК кого-нибудь исключает из партии, а через полгода товарищ через ячейки, через рабочий кружок доказывает, что он хорошо работает, то я от имени КК должен сказать, что нет большего удовольствия для КК, как убедиться в своих ошибках, ибо дело вовсе не состоит в том, чтобы доказать свою абсолютную непогрешимость. Какая же это КК, которая будет думать, что всегда бесспорно ее мнение.. Наоборот, чем больше грешных сыновей возвращается обратно в свою партию после того,

как они находят в себе силы все преодолеть, тем лучше. Мы запретили всем КК принимать постановление об исключении навсегда. Нет такого человека, про которого можно сказать, что он не может исправиться. Такой вещи быть не может и иногда может быть обратное: иногда может быть так, что член партии, который в данном положении должен быть исключен, через год, если он все преодолеет, и некоторые товарищи это подтвердят, он становится лучшим членом партии, чем так называемые безукоризненные члены партии, ибо безукоризненных членов в партии нет. Все мы— живые люди и делаем все кое-когда ошибки. Но когда это возможно? Когда может быть такое положение? Когда у нас будут товарищеские взаимоотношения, а мы очень часто— в тех случаях, когда товарищ раньше исключается, а потом нами восстанавливается — губим товарищей только потому, что нет у нас дружеских, товарищеских отношений.

Когда мы восстанавливаем, то ячейка иногда говорит, что ЦКК добрая, она его восстановила, но за ним этот грех остался и по всяким пустякам тянут его к ответу. Если бы товарищи относились к этому вопросу как нужно — ЦКК восстановила, он равноправный член партии и он встретил бы внимательное отношение, такое же, как и прежде, — то, конечно, все было бы изжито. Бывает и обратное: члена партии восстановили, разобрали этот случай, он приходит и говорит: вот видите, хотя вы меня исключили из партии, а ЦКК восстановила, и потому плевать мне на всех, кроме ЦКК. Обратное тогда положение создается: здесь нет товарищеского желания исправиться. ЦКК должна внимательно подходить, потому что мы — последняя инстанция и естественно, что на нас лежит большая ответственность, на нас некому жаловаться; а низшая инстанция может думать: на всякий случай исключим его, чтобы очистить нашу партию, а ежели это неправильно, ЦКК восстановит, пусть его еще проверят. Мы, последняя инстанция, должны более внимательно подходить. Там товарищи думают, что он не может исправиться, а мы надеемся, что он может исправиться. Но тот товарищ, который думает, что он гоголем вышел потому, что ЦКК его восстановила, и будет плевать на свою ячейку, — такой товарищ никуда не годится; тогда окажется, что права была низшая ячейка, которая его исключила. Только при товарищеских взаимоотношениях, только тогда, когда все поймут, во имя чего мы все являемся членами партии, когда это убеждение будет господствующим элементом в нашем подходе друг к другу, не будет таскания в КК по каждому вопросу.

«Онэпивание»

Переходя к другим явлениям, имеющимся в нашей партии, к тому, что тов. Ярославский называет «онэпиванием», т. е. к тому скверному влиянию, которое замечается у некоторых членов партии, недостаточно твердых, недостаточно устойчивых, вследствие нашего соприкосновения с чужими элементами, с классовыми врагами, с теми, которые строят свою жизнь вне советского строительства, исходя только из личных интересов, — я должен подтвердить, что известное количество таких людей должно быть, и мы должны от них освободиться. Мы должны знать, что соприкосновение с этим нэповским строем не может не влиять пагубно на недостаточно устойчивых членов партии, и мы должны различить тот период или тот момент, когда он по существу перестает быть нашим товарищем и должен быть удален из партии.

Что тут происходит, особенно с точки зрения первого нашего требования — сохранения борца? Такой товарищ перестает быть борцом, с точки зрения «моды», он мешает нам вести такую форму жизни, которая соответствует нашему новому строительству, новой этике, новой эстетике, новой красоте. Эстетика говорит, что красивым считается полное соответствие между внешностью и внутренним содержанием. Когда моду создавал класс эксплоататоров, то естественно, что для него ценны были всяческие внешние отличия, свидетельствующие о его успехах в жизни, как представителя этого самого капиталистического строя. И одежда, и манеры, и внешность считались красивыми, возбуждали зависть, желание подражать, потому что свидетельствовали о его успехе в жизни, о том, что он действительно представитель вот этого самого господствующего класса.

А у нас что? Мы не только рабочее правительство, у нас все формы жизни основаны на уважении к труду, на стремлении поставить трудящегося впереди всего. Мы говорим, что у нас первое место принадлежит труду. Если внешний облик члена партии говорит о полном отрыве от трудовой жизни, то это должно быть некрасивым, это должно встретить такое отношение, после которого член партии не захочет так одеваться и иметь такой внешний облик, который осуждает среда трудящихся, который вызывает в среде трудящихся возмущение. Такой товарищ думает, что существует какая-то личная жизнь, в которой он, дескать, вполне свободен, и имеет право следовать своим вкусам, элементом в нашем подходе друг к другу, не будет таскания в КК по каждому вопросу.

который говорит о другой партии, о других нормах, о другой оценке человека. Если у нас такого отношения к внешности не будет, к тому, что возбуждает осуждение в рабочих массах, в массах трудящихся, и если внешне человек будет, так сказать, резко отходить от тех масс, которые он представляет, то мы сами затрудним себе борьбу и отодвинем время проведения наших идей в жизнь. Некоторые задают ядовитые вопросы при моих выступлениях: а что же вы думаете — нужно быть грязным, неряхой, лучше ходить в тряпках. Конечно, задают такие вопросы обыкновенно очень грамотные, культурные люди, которые думают, что вот, видите ли, может быть, вследствие того, что я сам большой неряха и хочу служить образцом, я и выступаю так в вопросе о внешнем облике. Я совершенно от этого далек, я вовсе не проповедую следовать по моему пути. Можно одеваться красиво, даже хорошо одеваться, но красота должна быть другая.

Я считаю, что некрасиво, если человек носит кольца, браслеты, золотые зубы. И по-моему, это должно возбуждать эстетическое возмущение.

Я был недавно на одном собрании в Рогожско-Симоновском районе и мне приходилось там наблюдать новые формы красоты, новые радости, потому, что мы опять-таки не партия святош, мы не говорим, что нужно отказываться от радостей жизни, и я должен повторить то, что мне всегда приходится говорить. У Михайловского, хотя он был народником, чрезвычайно удачно отмечено, что среди протестантов имеются вольники и подвижники. Имеются две формы людей, которые действуют против существующего строя. Одни говорят: массы народные не имеют возможности радоваться, давайте, и мы будем отказываться от радостей жизни, давайте в качестве протеста будем постниками, будем соблюдать святость. И вот, если все люди будут по нас равняться, то в конце концов получится очень хорошо. И есть вольница, которая говорит: жизнь на радость нам дана, мы должны получить от жизни все доступные радости и мы должны возможно больше расширить жизнь, чтобы получить возможно больше радостей. Большевики принадлежат к вольнице, а не к подвижникам. Конечно, не в том дело, чтобы отказываться от удовольствий, отказываться от радостей, а в том, чтобы эти радости не распределялись так: половину дня в роли благочестивого члена партии, а другую половину — он живет лучшей жизнью. Нельзя отделять личную жизнь от партийной жизни. Хороший член партии тот, которому работа в партии, борьба дает во всяком случае больше радостей и больше личного удовлетворения, чем то,

что при капиталистическом строе называлось личной жизнью. Раньше каждый рабочий, если он вступал в партию, если он боролся, он знал, что лично он мало получит. Каждый человек хочет жить, чтобы говорить то, к чему он стремится. В революции он хочет такого порядка, во имя которого он борется, и эта борьба доставляет ему наслаждение. Это ясно. Разве модно говорить о том, что, скажем, посещение театра — это личная жизнь, а вот работа в кружке или лекции — общественная жизнь. Если человек не чувствует личного удовлетворения, а выполняет общественную работу, как казенную обязанность, он себя насилует, он тянет на себе это бремя, как член партии. Надо, мол, ничего не поделаешь! Если он лично удовлетворен, то этого не получается — значит он цельная натура. Онэпивание должно встретить у нас осуждение. Стремление членов партии и класса, который мы представляем, подражать даже во внешней жизни всему тому, что считал красивым и что считал хорошим, в чем находил удовлетворение тот класс, который мы свергли, должно встретить осуждение. С этой точки зрения мы должны подходить и к целому ряду наших поступков. Я прежде всего остановлюсь на семейном вопросе.

Семейный вопрос

Семейный вопрос — это вопрос о том, как должен жить член партии в своей семье. Лучше всего об этом сказала Н. К. Крупская. Я от нее первой услышал такую удачную, можно сказать, формулировку: что семья члена партии должна быть в известном смысле ячейкой содействия. Это должна быть такая группировка товарищей, когда один в семье живет приблизительно так же, как он живет и вне семьи, и все члены семьи должны всей своей работой и жизнью представлять нечто похожее на ячейку содействия. Это то, к чему мы должны стремиться. Что у нас должно встретить особенно строгое осуждение в этой области? Я не касаюсь тех проступков, которые встречают осуждение всякого общества и которые являются преступлениями, преследуемыми судом, ибо, конечно, это не моя и не ваша задача и, конечно, не интересно вам слушать о всем том, что наказывается судом. Ясно, конечно, что член партии не может делать то, что становится наказуемым, когда это делает не член партии. Это ясно. Ведь у нас очень много членов партии, которые отказываются содержать своих детей. Это уже область преступления. Но вопрос у нас возникает на почве, во-первых, того, что довольно значительное число членов партии, занимающих более или менее ответственные места, берут себе жен из чужого класса. Я к этому вопросу

подхожу прежде всего с точки зрения эстетики, с точки зрения красоты, и нахожу, что у этих людей очень дурной вкус. Этот дурной вкус в том заключается, что вот это должно быть воспринято так, как раньше в прежнем обществе представляли себе женитьбу графа на горничной. Общество было страшно скандализировано: как это так, он забыл наши традиции, ведь это некрасиво, ведь этого нужно стыдиться! Такое тогда было отношение.

Мы являемся господствующим классом, и у нас должно быть такое же отношение. Сближение с членом враждебного нам лагеря, когда мы являемся господствующим классом — это должно встречать такое общественное осуждение, что человек должен 30 раз подумать, прежде чем предпринять такое решение. Конечно, всякое чувство индивидуально, в личную жизнь не всегда можно вмешиваться, но осуждать мы это можем точно так же, как осуждало это прежде общество, когда член этого общества отказывался подчиняться его требованиям. Мы называем это предрассудком, но для сохранения себя это вовсе не является предрассудком. Нужно много раз продумать, прежде чем решиться брать жену из чужого класса. При чем нужно отметить, что когда я говорю о классе враждебном, то я это понимаю в буквальном смысле, что не нужно рассматривать себя с точки зрения комчванства, что мы, дескать, избранные люди, члены партии. Нет, мы — представители трудящихся и, конечно, отделять себя от массы и выдавать себя за форменную аристократию, которая не желает ни с кем смешиваться, нельзя: это неправильно. Но говорить, что нельзя пить воду с беспартийным потому, что он беспартийный, нельзя. Речь идет не о трудящихся, не о той массе населения, которую мы представляем, а речь идет о враждебном нам элементе, потому что побежденный класс естественно ищет возможности, где и как подкрепиться, а выйти за комиссара довольно лестно: через него получается связь с этим обществом, устраиваются родственники и проч. Если это будет встречать среди членов резкое осуждение, этого будет мало.

Старое общество считало, что нужно построить семью главным образом на принципе собственности, чтобы сохранить собственность в определенных руках. В Англии у аристократии это доходило до того, что собственность вся переходила в руки старшего сына. Основой считали крепость семейного брака. Как представители меньшинства, они, конечно, стремились воздействовать на большинство путем обмана — брак окружали какой-то святостью, участием в нем сверх'естественных божественных сил. Это им было необхо-

димо, потому что их этика должна была прикрываться ложью и обманом. Ведь этика есть то, что принято в данном живущем обществе. Когда меньшинство желает вести за собою большинство, оно должно скрыть свое лицо. Мы этой надобности не имеем, и поэтому нам нечего врать и говорить, что вот, дескать, в браке, в сближении людей на половой почве принимают участие какие-то сверх'естественные силы. Но когда мы взяли власть, то получили некоторое увлечение в обратную сторону: получилось такое отношение, что, дескать, никаких семейных вопросов—с точки зрения коммунистической борющейся в данный момент партии — нет и что, дескать, свои семейные отношения можно каждый день изменять, разнообразить и т. д. Это уже тесно связано вообще с половым вопросом.

Тут у нас имеются тоже две стороны, которые мы должны рассматривать прежде всего: во-первых, беспорядочная половая жизнь несомненно ослабляет каждого члена партии, как борца; во-вторых, несмотря на то, что область эта вполне законная, что мы не аскеты, проповедывающие воздержание, отказ от каких бы то ни было радостей жизни, мы говорим, что между нами должна быть такая пропорция, которая все-таки в основе оставляет человека борцом, а вот большое разнообразие в этой области должно отнимать у человека слишком много силы, чувства и ума. Если исключить моменты, когда половые взаимоотношения бывают только на почве физиологической потребности, которые уже показывают известную приниженность человека в этой области (ибо человек в этом отношении от животного несколько отличается, он ищет более утонченных форм наслаждения в этой области), если это отбросить, так все остальное требует большого количества энергии, чувства, нервов и т. п.—и поиски в этой области за разнообразием показывают, что эта область жизни слишком много у него отнимает времени и сил, и голова его этой стороной жизни гораздо больше занята, чем интересом борьбы.

Пьянство

С такой же точки зрения надо подходить и к вопросу о пьянстве. Вопрос о пьянстве в старом обществе понимался тоже как нарушение каких-то известных, одним словом, установленных чуть ли не свыше норм. Почему мы тоже боремся против пьянства. Прежде всего, пьянство нас ослабляет как борцов, излишество в пьянстве несомненно ослабляет волю, и человек за себя отвечать не может. Несомненно, что пьющий скорее может подвергаться всяким другим элементам разложения в области преступления и перехода на сторону

бывших господ, и потому это встречает всяческое осуждение. Но откуда взялась потребность у человека пить. Товарищи, жизнь была скучной, мы были рабами, все громаднейшее количество населения выполняло, так сказать, только волю господствующих классов. Просвета в жизни не было, а человеку хочется радостей, и, если реальная жизнь ему их не доставляет, он ищет по крайней мере иллюзий этих радостей. Когда человек выпьет, ему лучшей кажется жизнь и люди ему кажутся лучше, чем они есть, нервы возбуждаются, и он, так сказать, отдыхает от той скучной жизни, в которой ему приходится пребывать.

И вот на этой почве создалась эта привычка у части товарищей. Конечно, им трудно отвыкнуть. Но это должно встречать осуждение, и когда мы решаем вопрос о том, что он собою представляет как член партии, то мы, конечно, не можем измерять только тем — пьет ли он или не пьет, потому что вообще, когда оценивается человек, нельзя исходить формально из того поступка, который он совершил. Человек отдельными поступками не измеряется; надо знать всего человека, что он собой представляет. Если он, как борец, себя сохранил, то ему нужно указать только на тот недостаток, который имеется.

Мы—строители жизни, на нас строится жизнь, а теперь строится такая чудесная жизнь, мы живем в такую эпоху величайшего творчества человечества, что если человек даст себе возможность и время подумать над этим, то он найдет такую массу применения своим силам, своим нервам, своему стремлению проявлять себя, что ему не нужно будет никаких иллюзий. Зачем иллюзии такой партии, которая творит столь огромное дело, о котором будут легенды рассказывать? Человек так устроен, что какие бы чудесные вещи при нем не совершались, он привыкает к ним. Вот летает в воздухе аэроплан—посмотрел, а потом уже лень и голову поднять. Мы не можем оценить те новые формы, ту новую жизнь, которую мы создаем. Члены партии, живя в такой период, живя в такой стране, работая, имеют наибольшую возможность утверждать и развивать то, за что они борются. Когда соединенными силами они могут все это делать, тогда незачем себе иллюзии строить и забываться. Мы живем в такое время, когда нужно не забываться, а наоборот, помнить и помнить, где и когда мы живем, и в этом находить высокое наслаждение. И мы особенно заинтересованы в том, чтобы молодому поколению доставить такую жизнь и воспитывать в таких условиях, чтобы оно при приближении старости не искало этого забвения. Мы являемся партией, создающей моду, если мы не пьем, все отказываются, а если мы пьем,

если коммунисты, имеющие возможность себя проявлять, которым больше доступны всевозможные развлечения, как клубы, как возможность выступать, говорить, если они ищут забвения, то что же другим делать. Значит, так на роду написано человеку. Это чепуха. Это есть известное историческое наследие, которое имеется в России и от которого нужно уйти.

Хозяйственное обрастание

Не стоит, по-моему говорить о хозяйственном обрастании. Хозяйственное обрастание—это превращение человека в такое существо, которое значительную часть своих сил отдает на личное обогащение. Конечно, это недопустимо, конечно, он перестает тогда быть членом партии. Но нужно смотреть на то, как в жизни это бывает. Мы должны наметить границы. Мы знаем, что у нас в данный момент коммунистического строя нет и что требовать равенства нельзя. Самый рабочий класс имеет градации в оплате труда. Но мы должны говорить: ты должен жить вот в пределе такомто, вот тебе 17-й разряд; если он больше получает, он подвергается взысканию, с него требуют отдачи. Вот только литературный труд у нас оплачивается вне всяких границ. Но почему это делается? Потому что пока еще трудно добиться, чтобы литераторы-коммунисты также охотно писали бесплатно, как за плату, и мы вынуждены делать эту уступку. Но у нас общественное мнение должно быть таковым, что всякий, который получает максимум дозволенного заработка в какой бы то ни было области, выше этого максимума получать не может. Когда мы создадим это мнение, этому литератору станет совестно получать больше. Надо создать у партии такое мнение, что коммунист должен жить так, чтобы его жизнь не слишком отличалась от жизни того класса, который он представляет, ибо это создает не только отрыв от массы, но и отрыв от партии, потому что мы не можем терпеть такого положения, чтобы жизнь наша, как представителей рабочего класса, значительно отличалась от жизни самого класса. Мы требуем: всеми своими обычаями, всеми своими нравами ты должен быть близок к той массе, которую представляешь. Раз у тебя другая жизнь, то ты с червоточиной — и можешь уйти из партии.

Религиозные обряды

Я еще скажу несколько слов о религиозных обрядах. Несколько слов потому, что ясно совершенно, что члену партии нельзя совершать религиозные обряды ни в коем случае. Почему? Во-первых, это показывает, что у него есть рас-

хождение между словами и делом. Иногда товарищи говорят: «я ведь не религиозен, какое же значение имеет то, что я венчаюсь в церкви или крещу детей, потому что жена этого хочет». Это недопустимо потому, что это затрудняет нашу антирелигиозную пропаганду, ибо—повторяю—мы создаем моду. Какая может быть пропаганда, если в деревне крестьянин-коммунист венчается в церкви, а потом пойдет против попов агитировать. По нашей мерке поступают все трудящиеся. Какой же это член партии, который совершает религиозные обряды. В деревне, например, он должен знать, что с точки зрения партийной он наносит величайший вред, если он венчается в церкви. Но когда нам приходится обсуждать уже совершившийся поступок, нужна сугубая осторожность. Бывают такие условия, что у крестьянина-коммуниста выхода нет вследствие отсталости крестьянства; ему нужна женщина, ему нужна хозяйка дома, а женщина и хозяйка дома считает, что только после венчания в церкви брак их будет крепким и поэтому она не соглашается иначе; вот каждый случай с точки зрения того, что собой представляет каждый член партии, нужно рассматривать отдельно, считаясь с тем, когда он это делал, при каких обстоятельствах. Даже оставляя в партии, необходимо все же признавать, что товарищ совершает большой, серьезный партийный проступок. Но, как я уже говорил, человек не измеряется отдельными поступками, а измеряется весь целиком; такой и должен быть подход.

Вот, товарищи, о чем я хотел вам сказать. Чрезвычайно важно, чтобы мы здесь обменялись мнениями, потому что мы должны создать общественное мнение, а вовсе не выслушивать доклады.

(Доклад в Комуниверситете имени Я. М. Свердлова)

А. Б. Залкинд

ЭТИКА, БЫТ И МОЛОДЕЖЬ

Этика

Старая нравственность умерла, разлагается, гниет. Эксплоататорские классы, создавшие ее для себя, для своей самозащиты, больше истории не нужны, и подавляющее большинство человечества начинает вести себя совсем не так, как буржуазии хотелось бы. На авансцену истории выдвигается новый господствующий класс,—он начинает строить свои собственные правила поведения, свою этику.

Этика, нравственность, была сборником фактических правил классовой самозащиты; она учила, как следует поступать в том или ином случае с точки зрения классовой целесообразности. Такой же, очевидно, должна быть и будет новая классовая этика—этика пролетариата; она должна дать правила поведения, полезные с точки зрения революционно-пролетарской целесообразности.

Этика исчезнет лишь тогда, когда сгинет и классовая борьба, так как в этот исторический период не понадобится уже особых правил для особого, «классового» поведения, противопоставленного другому, враждебно-классовому поведению; коллективизированное человечество будет пропитано общими, едиными устремлениями и будет регулироваться в своих проявлениях совершенно иными законами, чем те, которые существуют в классовом обществе. Доисторический период развития человечества перейдет тогда в исторический.

Для переходного же времени, для периода обостреннейшей классовой борьбы пролетариата ему этика необходима. Какова же она?

Явится ли пролетарская этика прямой противоположностью буржуазной? Если буржуазная требовала «не укради», «не пожелай жены, вола... и проч. ближнего своего», «чти отца», «не прелюбодействуй»,—значит ли это, что пролетариат должен требовать поведения «наоборот»: «укради», «пожелай», «не чти», «прелюбодействуй». Конечно, нет.

Как и во всей своей классовой деятельности, в построении этики пролетариат поступает диалектически. Он первым долгом заглядывает в первоисточники этики, в основу классового бытия, в производственные корни, питающие класс.

Этика—непосредственное отражение производственного бытия класса. В частности, буржуазная этика—сборник правил по наилучшей защите капиталистических производственных отношений, основанных на принципе частной собственности.

Отсюда — право на украденную частную собственность, право на эксплоатацию меньшинством большинства, требование покорности со стороны эксплоатируемого большинства, освящение неизбежного экономического хаоса («пути господни неисповедимы»), вытекающего из собственнических, т. е. в конечном счете, неорганизованных отношений, и парящая над всем этим неумолимая, вездесущая воля божия, в различных ее философских и будто бы научных маскировках,—вот в чем заключается основное содержание бур-

жуазной этики, этого сборника основных правил поведения, нужного для эксплоатации буржуазией масс. Все, что идет против этих божественных правил, безнравственно, преступно, подлежит беспощадному уничтожению.

Производственные отношения, производственные интересы, выдвигающие пролетариат на победоносную революционную борьбу и на захват производства в свои руки—для передачи его затем всему человечеству,—конечно, не похожи на буржуазные.

Против частной собственности—за общественную, за коллективную собственность; против индивидуалистического распыления буржуазных человечков—мощная общность интересов всех пролетариев.

Вместо себялюбивого индивидуализма буржуазной этики — пролетарский коллективизм нашей этики.

Против экономического хаоса, порожденного индивидуалистическим раздроблением хозяйства, против нелепых экономических кризисов и прочей капиталистической бестолковщины—закономерно организованное общественное производство и общественное распределение, закономерная организация всего хозяйства, организованные, согласованные, дисциплинированные действия всего класса в целом.

Взамен освященного богом хаоса буржуазной этики — организация пролетарской этики.

Против рабьей покорности масс, одурманенных, запуганных, обманутых, действующих лишь по инерции, в слепую, автоматически (будто быков ведут на бойню)—за смелую боевую активность, за революционную чуткость и гибкость, за беспощадную борьбу, проникающую в первопричины эксплоатации. Взамен инертного пассивизма буржуазной этики — диалектический активизм пролетарской этики.

Против бога, этого адвоката эксплоатации, во всех его видах и подвидах, против мистической гнили, хотя бы и защищаемой под флагом науки, против трусливых повязок на глазах, мечтающих видеть классовую истину — за отчетливое, острое знание всего, за исчерпывающий об'ективный анализ всей жизни и общественных отношений в первую голову, за научно-материалистическое обнажение всех пластов мироздания в их историческом развитии, с их неиссякаемой борьбой противоречий. Мертвый мистицизм буржуазной этики заменяется диалектическим материализмом пролетарской этики.

Итак, коллективизм, организация, активизм, диалектический материализм,—вот четыре основных, мощных столба, подпирающих собою строющееся сейчас здание пролетарской этики, вот четыре критерия, руководясь которыми всегда можно уяснить, целесообразен ли с точки зрения интересов революционного пролетариата тот или иной поступок. Все, что способствует развитию революционных, коллективистических чувств и действий трудящихся, все, что наилучшим образом способствует планомерной организации пролетарского хозяйства и планомерной организации дисциплины внутри пролетариата, все, что увеличивает революционную боеспособность пролетариата, его гибкость, его уменье бороться и воевать, все, что снимает мистическую, религиозную пленку с глаз и мозга трудящихся, что увеличивает их научное знание, материалистическую остроту анализа жизни, — все это нравственно, этично с точки зрения интересов развивающейся пролетарской революции, все это надо приветствовать, культивировать всеми способами.

Наоборот, все, что способствует индивидуалистическому обособлению трудящихся, все, что вносит беспорядок в хозяйственную организацию пролетариата, все, что развивает классовую трусость, растерянность, тупость, все, что плодит у трудящихся суеверие и невежество,—все это безнравственно, преступно. Такое поведение должно беспощадно пролетариатом преследоваться.

Отсюда нам становится сейчас доступной и критика отдельных правил буржуазной этики. Мы можем любое правило поведения эксплоататорской этики заменить вполне конкретным, практическим соображением, направленным на защиту классовых интересов пролетариата.

«Не укради» эксплоататорской библии давно и хорошо было заменено этической формулой товарища Ленина: «грабь награбленное», которая является лишь русским видоизменением Марксовой формулы: «экспроприация экспроприаторов». Конечно, товарищ Ленин вовсе не освящал огульного грабежа, а лишь доказывал, что ограбленное буржуазией у трудящихся должно быть возвращено обратно трудящимся. Следовательно, здесь нет и речи о праве на кражу всяким у всякого. Все богатства принадлежат создавшим их, т. е. трудящимся, и потому трудящиеся имеют право использовать эти богатства для своих нужд: отсюда—экспроприация буржуазии в период военного коммунизма была этична, экспроприация советской, т. е. трудовой, властью церковных ценностей во время голода была этична, как ни вопили против этих экспроприаций апо-

столы буржуазной этики, т. е. апостолы частной собственности.

Но отсюда вовсе не значит, что бандит, нападающий на гражданина, хотя бы и нэпмана, и присваивающий себе его имущество, тоже поступает этично. Его поступок—грубейший, хамский индивидуализм, заключающийся лишь в переброске денег из одного собственнического кармана в другой, собственнический же, карман, Поэтому такого бандита, как поступившего с пролетарской коллективистической точки зрения безнравственно, да еще подрывающего при этом авторитет пролетарской власти, нарушающего общественное спокойствие трудящихся, пролетарская власть будет беспощадно преследовать. Экспроприация экспроприаторов нравственна лишь тогда, если она идет на пользу всем трудящимся и пролетариата в первую голову и если она организованно выполняется по приказу действительной власти трудящихся (ее администрации, партии, профсоюза). Только такое «укради» — этично, нравственно, так как оно содействует благу пролетарского коллектива (коллективизм), стойкой организации его власти (организация), увеличению его боеспособности и сознательности (активизм, материализм).

«Не убий» — собственно говоря, для буржуазии было ханжеской заповедью, так как она великолепнейшим образом убивала, когда ей было это нужно, и всегда получала потребное для этого божье благословение. Пролетариат—первый в истории класс, который не прибегает к ханжеству, подойдет к этому правилу вполне откровенно, строго, по-деловому, с точки зрения классовой пользы—диалектически. Если человек крайне вреден, опасен для революционной борьбы и если нет других способов предупреждающих и воспитывающих на него воздействий,—ты имеешь право его убить, конечно, не по собственному решению, а по постановлению законного твоего классового органа (в минуты острой опасности, конечно, ждать такого постановления было бы бессмысленно, но ты всегда обязан потом немедленно отчитаться перед классовым органом в этом действии). Убийство во имя сведения личных, собственнических счетов, убийство по произволу—безнравственно с точки зрения пролетарской этики, преступно, должно жестоко караться пролетарской властью.

Убийство злейшего, неисправимого врага революции, убийство, совершенное организованно классовым коллективом — по распоряжению классовой власти, во имя спасения пролетарской революции — законное, этическое убийство, законная смертная казнь.

Пролетариат не жесток и при первой возможности заменит казнь более легкой степенью наказания, если острота опасности притупится, но в этой замене нет никакого псевдофилософского ханжества, так как метафизической самодовлеющей ценности человеческой жизни для пролетариата не существует.

Для него существуют лишь интересы пролетарской революции, интересы борьбы за освобождение человечества от эксплоатации.

«Чти отца». Пролетариат рекомендует почитать лишь такого отца, который стоит на революционно-пролетарской точке зрения, который сознательно и энергично защищает классовые интересы пролетариата, который воспитывает детей своих в духе верности пролетарской борьбе; коллективизированного, дисциплинированного, классово-сознательного, революционно-смелого отца. Других же отцов, враждебно настроенных против революции, надо перевоспитать: сами дети должны их перевоспитывать (что и делают сейчас комсомольцы, пионеры). Если же отцы ни за что не поддаются этому революционизирующему воспитанию, если они всячески препятствуют и своим детям воспитываться в революционном духе, если они настойчиво пытаются сделать из своих детей узких хозяйчиков, мистиков,—революционным детям не место у таких родителей: после энергичной борьбы, если она оказалась безуспешной, дети этически в праве покинуть таких родителей, так как интересы революционного класса важнее блага отца. Самодовлеющего «отцовства» для класса нет, нет и самодовлеющего «почитания» отцов.

«Не прелюбы сотвори». Этой заповеди часть нашей молодежи пыталась противопоставить другую формулу: «половая жизнь—частное дело каждого», «любовь свободна». Но и эта формула неправильна. Ханжеские запреты на половую жизнь, неискренне налагаемые буржуазией, конечно, нелепы, так как они предполагали в половой жизни какое-то греховное начало. Наша же точка зрения может быть лишь революционно-классовой, строго деловой. Если то или иное половое проявление содействует обособлению человека от класса, уменьшает остроту его научной (т. е. материалистической) пытливости, лишает его части его производственно-творческой работоспособности, необходимой классу, понижает его боевые качества,—долой его. Допустима половая жизнь лишь в том ее содержании, которая способствует росту коллективистических чувств, классовой организованности, производственно-творческой, боевой активности, остроте

познания (на этих принципах и построены половые нормы, данные автором в статье ниже).

И т. д., и т. д.,—из этих примеров мы видим, что организованный, активный и материалистически-сознательный коллективизм является нравственным оселком, на котором можно безошибочно испытывать революционную остроту, классовую правильность того или иного нашего поступка. Вся наша жизнь, весь наш быт должны строиться именно на этих принципах.

Наш быт—ведь это наше поведение, наше классовое поведение, и этика, сборник правил классового поведения, учит нас практически, как строить наш повседневный быт. Быт и есть основная почва, к которой прилагаются этические правила,—при чем необходимо оговориться, что в военную полосу жизни пролетариата (а сейчас, все эти годы, именно такая полоса, вплоть до конечной победы рабочего класса) боевые элементы его быта неотделимы от прочего быта. Военный лагерь сейчас такая же часть пролетарского быта, как и домашний очаг, как и производство.

Новый быт

Как же нам строить этот новый быт—быт, основанный на принципах революционной, пролетарской целесообразности?

Имеются товарищи, утверждающие, что мы-де все великолепно знаем, каков должен быть новый быт, что-де не быт строит революцию, а революция строит быт, — незачем и голову ломать над этим вопросом.

Этот своеобразный, хотя и не столь редкий «марксизм-фатализм» так же нелеп, как и его антипод «ура-марксизм», требующий немедленного, вот сегодня же, осуществления всех норм коммунистического быта, не взирая ни на что, и впадающий в сумасшедшую тоску, если вожделенный план не осуществляется.

Правда лежит по середине. Ориентируясь на далекую конечную революционную перспективу, ни на миг о ней не забывая, новый быт все же надо строить, применяясь к реальным возможностям сегодняшнего дня. Но строить надо энергично, не дожидаясь, когда он сам «построится», так как надстройки (а быт ведь не надстройка) очень косны, формируются туго, и если их не подогнать,—народится рядом с политическим меньшевизмом также меньшевизм бытовой.

Но куда, в каком направлении строить, и что именно, как те здания следует строить—вот вопрос, далеко не разре-

шенный для новобытчиков. Стратегия и тактика в области нового быта—проблема не менее сложная, чем экономическая политика. Сюда примешивается столько взаимно противоречащих факторов, горизонты в этом вопросе еще настолько туманны, что путанница обеспечена, конечно, на долгий срок. Между тем, новый быт, несмотря на нудную «принципиальную» критику, волей масс, выявленной в решениях многих конференций и с'ездов, становится первоочередным и боевым вопросом советской общественной работы, привлекая жгучее внимание рабочей аудитории, особенно молодой ее части: создаются кружки по изучению и формированию нового быта, проделываются довольно многочисленные, иногда очень ответственные пробы. Какое же дать направление этому движению?

Основной вехой в этом вопросе, как и всегда в нашей политике, должна быть, понятно, революционная целесообразность. Действительно новым бытом является все то, что содействует наиболее интенсивному и плодотворному росту революционных сил. Отсюда уже все прочие «качества» нового быта.

С точки зрения революционной целесообразности, все вопросы нового быта можно бы схематически разделить на три области: 1) новый быт в области возрождения нашего хозяйства; 2) новый быт в области культурно-идеологического нашего роста; 3) новый быт в области физического нашего оздоровления (санитарно-гигиеническая область нового быта). Конечно, все эти области органически между собою связаны (вопросы здоровья и культуры неотрывны от вопросов хозяйства), но подобное разделение имеет в себе ряд технических удобств, почему им и следует воспользоваться.

Новым бытом в хозяйственной области является все то, что оплодотворяет и укрепляет нашу социалистическую экономику. Экономика неотрывна от быта, быт вторгается в нашу экономику как в плохом, так и в хорошем своем содержании. Служащий или рабочий, лодырничающий на советской государственной фабрике, сквозь пальцы смотрящий на зря утекающее советское богатство, не делающий конкретных предложений об улучшении производства, не старающийся улучшить производительность труда свою и товарищей, — это старый быт. Гражданин, потворствующий разнузданию нэповской торговли, не поддерживающий общественной кооперации, не дающий советов о наилучшей постановке кооперации,—это старый быт. Крестьянин, застывший на до-революционных способах зем-

лепользования, не развивающий у себя кооперативных форм труда и потребления, экономически поддерживающий кулака и торговца,—это старый быт. Советский работник, неорганизованно растрачивающий свое время, не воюющий с бестолковой утечкой времени у других или благодаря другим, способствует обкрадыванию революции, — это старый быт.

Человек, органической частью совести которого является советская хозяйственная совесть, человек, оберегающий советское время и советское добро, укрепляющий советскую промышленность и торговлю, содействующий кооперации, улучшающий середняцкое и низовое сельское хозяйство — это новый быт. Быт вовсе не ограничивается семьей, домашним очагом. Советская общественность, массовая трудовая общественность расширила рамки быта вплоть до мельчайших закоулков государственного строительства, где гражданин не является чиновником и где его не опекают, а где, наоборот, он сам ответственно строит. Это — органическая часть его жизни, это органическая часть его быта. В СССР — рабочий на фабрике, совработник в канцелярии, учитель в школе — это не только производство, не только служба, но и быт, кровно близкий всякому трудовому гражданину СССР, как и его личный быт.

В культурно-идеологической области первым вопросом нового быта является ликвидация неграмотности. Не умеющие читать будут плохими помощниками по построению социалистического хозяйства. Профсоюз, ячейка, фабрика, волость, семья, насчитывающие в своем составе много безграмотных,—это старый быт. Общественное мнение, клеймящее позором всякого безграмотного, общественная и личная активность, направленная на уничтожение своей и чужой безграмотности, на воспитание любви к книжке, на воспитание умения пользоваться книжкой,—это новый быт. Революция будет крепнуть прямо пропорционально росту процента грамотности,—вот хорошая, главная заповедь для строителей нового быта. Не менее существенной стороной нового быта в культурно-идеологической области является рост политической сознательности масс. Кумушки и Бобчинские, сплетничающие о развале в ВКП, о крахе соввласти, ожидающие пришествия Врангеля «со французы», — старый быт, который надо выжигать каленым железом.

Отчетливое понимание классового построения соввласти, международного нашего положения, экономической нашей политики, отношения нашего к крестьянству, значения Красной армии, активное, организованное участие в манифеста-

циях, в общественных собраниях, селькоры, рабкоры,—все это новый быт. Религиозная отрыжка во всех ее видах — старый быт. Естественно-научная грамотность вместо евангелия, талмуда, корана; клуб вместо церкви, синагоги, мечети; красные галстуки и портреты Ленина вместо крестиков и ладанок,—это новый быт. Отучить от ругани, карт, пьянства, мордобоя, клуб вместо пивных,—это тоже новый быт. Связь пролетарских родителей с советским детским садом и советской школой, помощь родителей пионерской организации, политическая и антирелигиозная пропаганда пионеров и комсомольцев среди своих родителей,—это новый быт. Как видим, имеется ясный и обильный материал для построения нового быта в культурно-идеологической области.

Санитарно-гигиеническая часть нового быта должна впервые дать трудовому населению то здоровье, которого не мог ему предоставить феодально-буржуазный режим. «Вошь—вот сейчас злейший контр-революционер»,— говаривал часто тов. Ленин во время сыпняка. «Научить детей и их родителей чаще мыть руки — это огромный революционный сдвиг»,—неустанно твердит и сейчас тов. Крупская. Научить себя и других гигиенически обращаться со своим телом, с одеждой, жилищем, с постелью, с пищей, яростная борьба с грязью во всех ее видах, вытренировать, укрепить, закалить, организовать все свои физиологические процессы, наложить тормоза классовой скупости на половую разнузданность, оставленную нам буржуазией, переведя тем резервы энергии на культурное творчество, отучить от нелепого курения и пьянства, — все это массовый новый быт, который создаст нам здоровую, чистоплотную, закаленную, боеспособную, производственно прочную, творчески-богатую трудовую массу, ту массу с которой революция не сможет не победить.

Итак, вот перед нами неисчерпаемый материал для построения нового быта. Из пальца высасывать его, как видим, не приходится. Была бы лишь охота и умение его строить. Однако при этом необходимо помнить одно условие: надо всячески разгрузить семью от повседневных ее хозяйственных, воспитательных и прочих забот, иначе ток советской общественности будет проникать в нее очень туго. Отсюда все то, что помогает организации общественных столовых, прачечных, домов-коммун, все ясли, детские сады, детские площадки, детские дома, пионерские отряды — все то, что способствует раскрепощению семьи от мелочей повседневности и вливает освобожденную энергию в русло общественной активности, — все это — крупнейшая предпосылка

нового быта, требующая напряженнейшей энергии со стороны ее творцов.

Первым об'ектом для воспитания в духе нового быта должна быть женщина, обычно наиболее косный и прочный защитник старых заветов.

Но как быть, спросят нас, с героическими попытками строить идеальные, исчерпывающие опыты «абсолютно коммунистического быта». Ведь раздробив новый быт на детали, мы распыляем, скажут нам, конечный идеал, и для устроителей нового быта не будет образца, которому следовало бы подражать.

Конечно, против хорошо поставленной попытки возражать не приходится. Но, во-первых, массовыми подобные пробы сейчас не могут делаться в виду отсутствия общесоциальных к тому предпосылок. Во-вторых, плохо верится в идеальный эффект подобных, даже изолированных попыток. Не выросшие из массовой естественной необходимости, в большей своей части надуманные, они, даже в случае сомнительной удачи (как им избавиться от внешнего просачивания), угрожают выродиться в сектантские ячейки, нетерпимые и потому пропагандистски бесплодные. Лучше бы использовать энтузиастический заряд, который действительно содержится в этих энергичных экспериментаторах, не на тепличную, а на массовую работу по строительству нового быта. Этот заряд там очень и очень пригодится...

Но где же здесь коллективизм, материализм, организованность, диалектический активизм?—спросит нетерпеливый молодой читатель. «Учить азбуке и борьбе со вшами, да разве это коллективизм, диалектический материализм, — это обычные вопросы простой культурности и только». «Можно быть грамотным, чистым, и великолепнейшим образом верить в господа бога». «Какой революционный коллективизм в кооперации, если на кооператорстве западные да и русские меньшевики (ревизионисты) собирались провалить революционно-боевую работу пролетариата». «Вот английская буржуазия блестяще распределяет свой день, идеально занимается спортом, а до пролетарской революции ей как будто далеко». «Где же во всем этом нашем строительстве специфически пролетарское, — то, к чему действительно следовало бы прикрепить нормы нашей пролетарской этики?»

Подобный вопрос имел бы серьезное значение в буржуазном западе, где быт складывается преимущественно по указке буржуазии, где буржуазия прогнаивает своим смрадным дыханием и печать, и искусство, и школу, и сани-

тарию, и всю науку. Там сейчас, в самый разгар начала кровавой революционной борьбы, такое культурническое мелкоделие было бы далеко не первоочередной программой пролетариата, не первою частью его этического плана. Стачки, забастовки, собирание оружия, подготовка вооруженного восстания, борьба со штрейкбрехерами, самая энергичная экономическая, политическая революционная агитация — вот что является для западного пролетариата первоочередной, первоэтической программой сейчас. Правила наилучшей подготовки внутри страны вооруженного восстания — вот первый отдел пролетарской этики наших западных братьев. У нас же, в рабоче-крестьянском Советском Союзе, где власть принадлежит пролетариату и где наша революционная участь сейчас, в первую очередь, зависит от наших строительских способностей, не менее, если не более, важной главой этики (воевать рабочие и крестьяне СССР привыкли, более или менее они всегда к этому готовы) является сборник правил по наискорейшему хозяйственному, культурному и санитарному возрождению СССР.

От этого, именно от этого родятся и прочие наши качества, в том числе на первом плане и боеспособность наша. Ну, какие же мы бойцы, если у нас не будет хороших оружейных и химических заводов, если железные дороги наши будут скверны, если по неграмотным войскам нашим пойдут гулять сыпняк и холера. А возможно ли добиться крепкого улучшения в этих областях без хозяйственного и без культурного нашего укрепления. В то время, как хозяйственное улучшение Запада является злейшим тормозом, хотя бы и временным, для пролетарской революции, наше хозяйственно-культурное улучшение — вернейший залог революционной победы. Поэтому наш строительский бытовой план действительно революционно целесообразен, так же, как и на Западе, наиболее этическим является сейчас планирование вооруженных революционных боев, чем неукоснительно и занят теперь Коминтерн.

«Но при чем же все-таки здесь коллективизм, диалектический материализм и прочие этические наши «столпы»? — продолжает вопрошать наш суровый критик. Да при том, что возрождающимся трудовым массам СССР некуда податься, кроме на их четырех столпов, если они действительно возрождаются и если СССР действительно останется СССР, т. е. рабоче-крестьянским Союзом Советских Республик.

Ведь если будет крепнуть и пухнуть нэп, а наша государственная индустрия и техника захиреют, если кулак

расцветет, а кооперация вместе с середняцким и бедняцким крестьянством поникнет, если всеобщая грамотность затормозится, а пьянство гордо подымет голову, — тогда мы получим и индивидуализм, и хозяйственную дезорганизацию, и ослабление активности действительно трудовых масс, и религиозное околпачивание, т. е. как раз те черты, которые этичны для буржуазии, а для нас безнравственны. Если же мы добьемся всеобщей грамотности, если научить трудовые наши массы читать, научить понимать нашу общественную жизнь, не отравленную гнилой ложью буржуазной печати, — мы этим посодействуем общегосударственной сплоченности, т. е. росту нашего коллективизма, коллективизма трудящихся. Рост советской государственной сплоченности—это и есть рост м е ж д у н а р о д н о г о к о л л е к т и в и з м а т р у д я щ и х с я, это и есть к о л л е к т и в и с т и ч е с к а я, революционно-классовая, международно-пролетарская замена старого, обособленного, индивидуалистического, себялюбивого, эксплоататорского национализма.

Если мы улучшим сельское хозяйство бедняка, середняка, при гегемонии государственной советской промышленности и индустрии, — что это значит. Это значит, что крестьянин становится покупателем наших государственных изделий, это значит, что мы увеличиваем вывоз хлеба за границу, укрепляем нашу валюту, делаем ее независимой от заграничной спекуляции на наш счет, т. е. делаем мощным наше о р г а н и з о в а н н о е, плановое, социалистическое хозяйство.

Если мы научим трудовое население бороться с заразными болезнями, с засухой, с градом, с морозами, если уничтожим стихийную зависимость трудового крестьянина от природы, — не будет ли это густейшей струей воды на колеса м а т е р и а л и с т и ч е с к о й мельницы, не ослабит ли это религиозный дурман.

Грамотный, политически-сознательный, сытый реалист-хозяйственник, наш гражданин СССР не даст никому в обиду своего родного Советского Союза, — он сделается революционным, боевым а к т и в и с т о м (конечно, специально-боевой, вооруженной, волевой активности его надо обучить особо, и сугубо внимательно).

Крепнущая государственная индустрия, сельско-хозяйственная пропаганда, борьба с частным торговцем и кулаком,—все это крепит кооперацию, а кооперация в советском строе—наилучший способ воспитания того же о р г а н и з о в а н н о г о к о л л е к т и в и з м а.

Мелкоделие ли это? Конечно, нет. Специфически-пролетарское ли это дело? Конечно, да. Если бы руководил

этим делом не пролетариат, а буржуазия, — та же индустрия, то же улучшение сельского хозяйства, та же кооперация были бы только лишней тяжкой гирей на ногах измученного в революционной борьбе рабочего класса. У нас же они служат именно коллективизму, организованности, активизму, материалистической идеологии.

Прямая пропорция: больше грамотных, больше сытых крестьян-бедняков, больше чисто вымытых детей из трудовых семей—это значит крепче кооперация, сильнее госпромышленность, это значит глубже, сочнее коллективизм, организация, материализм, боевая активность. Ведь стоит ему, прозревшему и окрепнувшему гражданину нашего СССР, снова втянуться в лень, мистику, обособленность, — к чему это приведет? К бессилию перед природой и к беспощадной оторванности от хозяйственного коллектива, к голоду, страданиям; на собственной шкуре он познает пользу коллективизма, организованности, активности и научно-материалистического знания. Тем лучше он это познает, что религиозным колдунам сейчас трудно будет отвлечь его от земного, утешить небесными обещаниями: без государственной опоры религия гибнет, безвозвратно гибнет.

Молодежь

Какова же роль красной молодежи в проведении норм пролетарской этики, в построении нового быта. Как и во всем — быть инициаторами, пионерами, застрельщиками, показательным примером.

Конечно, молодежь должна в первую голову, раньше всех, лучше всех быть особо глубоко материалистически сознательной, организованной, смелой, коллективизированной. Дух классового товарищества, боевой решительности, деловой плановости, критического, острого знания должен пронизать собой все переживания, все поступки, весь быт нашей молодежи. Остальное уже отсюда.

Молодежь должна «заболеть» непрерывным зудом пролетарской совести. Всегда напряженно-внимательная, всегда на-чеку, всегда на страже интересов пролетарской революции, — всегда во всем всякому пример.

Начать надо с себя, в первую голову надо «этически» перестроить свой собственный быт.

Максимум товарищеской солидарности, сотрудничества, общения, максимум организованности и экономии сил в работе и в прочем времяпрепровождении, в использовании советского добра, беспощадная, остропытливая, научно-

материалистическая критика всего, что попадается под руку, без тени малодушного легковерия, революционная бодрость, мужество во всем — вот по какому плану должно строиться здание быта нашего молодняка, безразлично где бы он не находился: в вузе, совпартшколе, фабзавуче, Красной армии, на производстве, в деревне.

Настойчивая борьба за экономию времени, за рационализацию работы, за классовую честность и смелость; ожесточенная борьба с бесплодною утечкой классовой энергии, в том числе и половой (см. очерк ниже). Непримиримая ненависть ко всякому индивидуализму, самообособлению, мещанству, неугомонная, жадная, острая, научная критика всего; учиться, учиться, всегда учиться.

Неиссякаемое, напористое классовое беспокойство (не лихорадочное, нервное, истерическое беспокойство истрепавшихся людей, а твердое, мужественное неспокойствие, диалектически всегда необходимое в боевые годы революции).

Всегда на-чеку, всегда настороже, всегда готовый прийти на помощь, всегда готовый при классовой необходимости и самому воспользоваться этой помощью, без того ложного эгоистического стыда, который столь свойственен «гордому» мещанину.

Острый, чуткий, сосредоточенный взгляд, немедленно улавливающий всякий беспорядок, вредный для класса. Разумное, твердое, гибкое вмешательство в этот непорядок, с привлечением всех нужных лиц, органов, организаций.

Вот как должен строить свой быт, строить свое поведение наш красный молодняк. Его идеалом во всем должен быть старый большевик. Каков по своей революционной этике старый костяк нашей партии,—такова должна быть и наша красная молодежь.

Что характеризует собою типического старого большевика, того большевика, который создал ВКП, который строит Коминтерн, который и сейчас «делает основную погоду» в Коммунистической партии. В миниатюре он представляет собой то, что в колоссальном увеличении характеризует личность учителя тов. Ленина.

Ленин — мощный прообраз, сверхконцентрированный тип большевика.

Каков Ленин?

С ранних лет тов. Ленин проходит перед нами, как насыщенный колоссальной энергией психофизиологический аппарат, обладавший неисчерпаемыми возможностями напряжения и возбуждения, неиссякаемой силы для устремле-

ния вперед, неистощимым боевым резервуаром. Максимальная концентрация, организованность, величайшая революционная целеустремленность характеризуют товарища Ленина во все годы его общественной жизни.

Огромная динамика, не мирившаяся с прозябанием, праздностью, требовавшая, жадно требовавшая непременного выявления во внешних общественных действиях. Необычайная реалистическая восприимчивость, обостреннейшая чуткость к конкретным явлениям, точное улавливание мельчайших конкретных деталей, которые скрадывались обычно во внимание подавляющего большинства окружающих, изумительная точность расчетов. Блестящая самоорганизация во всей как научной, так и практической политической деятельности, чрезвычайно сильно развитое чувство делового ритма, умение во-время уловить нужное, отмести лишнее, способность к острому и планомерному учету всех полезных элементов прошлого опыта; жесточайшая требовательность к себе и другим, выбор наиэкономнейшей реакции в ответ на требования жизни. Необычайная гибкость, подвижность интеллектуального аппарата, колоссальное уменье получить максимальную синтетическую обработку впечатлений при минимальной затрате сознательного, нарочитого, волевого усилия; необычайная легкость, продуктивность, быстрота творчества при наилучшем использовании так называемого творческого подсознания, творческих автоматизмов. Огромное развитие исследовательской, критической ненасытности: пионерские, инициаторские вщупывания, внедрения в новое; страстное тяготение к этому новому, при великолепном исследовательском анализе, при почти пророческой прозорливости. И все это при величайшем социоцентризме, т. е. полном отвлечении своего «я» в сторону общественности, организованной общественной деятельности; всегда с партией, с массой и всегда неизменно бодрый, радостный, подъемный, сверхскромный в своих житейских требованиях и вкусах, товарищески чуткий ко всем.

Товарищ Ленин не чудо; он такой же, лишь во много раз более концентрированный продукт истории, как и все мы. Революционная современность, идущий к победе рабочий класс наделили своего вождя наиболее нужными для победы свойствами, сделали его идеальным типом пролетарского революционера, идеальным типом коммуниста, идеальным предтечей, показательным примером, олицетворением этого грядущего коммунистического типа.

Подобный тип уже зарождается, уже развивается в современных, невыразимо-тяжелых условиях революционной борьбы пролетариата.

Равняться на этот тип — святое историческое право, радостная революционная обязанность.

Дисциплинированная, стойкая классовая установка, постоянная связь с общественной реальностью, всегда ответственно на виду у всех, всегда полный чувства своих классовых обязательств, своей классовой чести, всегда собран, подтянут, смел, организован, не допуская возможности своего классового опорочения, — таким должен быть всякий молодой революционер. Равняться на этот тип в полной мере должен наш большевистский и предбольшевистский (в будущем большевистский) молодняк. Старые кадры пролетарской революции должны быть замещены достойной сменой.

Красный молодняк не может ограничивать свой этический быт лишь рамками собственного молодого общежития. Он должен энергично вторгнуться в быт семьи, в жизнь предприятия, в работу клуба, библиотеки, избы-читальни и, что особенно важно, в дело воспитания идущей вслед за ним смены, младшей пролетарской ребятни. Не за свой страх и риск, не наобум вторгнуться, — организованно, продуманно, коллективно, с полным сознанием своей революционной ответственности перед классом.

Семья еще не разрушена. Нищее пролетарское государство ни в воспитательном, ни в хозяйственном отношении не в силах еще полностью заменить семью, и потому семью необходимо революционизировать, пролетаризировать. Роль молодняка в этом вопросе огромна.

Не говоря уже о том, что молодая наша семья должна быть вся построена на новых началах, нельзя оставить в покое и старую семью. Дух равенства между мужем и женою, общественное воспитание женщины, жены («социальное воспитание женщины», по великолепному выражению тов. Крупской) и мужа, борьба с религиозным душком внутри семьи, борьба с излишнею любовью к мещанскому домашнему уюту — при помощи переноса наиболее ярких и радостных элементов семейного бытия в клуб, в общественную обстановку, — прививка семье общекультурных, санитарных и, в первую голову, хороших политических классовых навыков.

Подметить недочеты на предприятии, указать их в стенгазете, уловить из'яны в культработе, притянуть к ним завклубов, поймать волокиту, кражу в административном органе и ткнуть пальцем виновного, — короб этического поведения нашей молодежи неисчерпаем.

Дети и молодежь

Особенно чутко должен наш молодняк заняться ребятней. Надо вдолбить в голову родителям, что нельзя бить ребенка, что надо держать его в чистоте и приучать к чистоте, что надо вести себя с детьми не по-начальнически, а по-товарищески, что надо обучать детей грамоте, что надо дать ребятишкам полную возможность свободной общественной самоорганизации.

Какие огромные возможности скрываются для здорового революционного воспитания ребятни в нашей советской общественности. Ведь старая педагогика рассматривает детей, как изолированные от социальной среды физиологические машинки, требовавшие узко специального, чисто педагогического к себе отношения. Даже и передовая, новейшая педагогика буржуазии, хотя бы система знаменитого американца Д. Дьюи, тщательно замыкает детский мирок в специальную скорлупку и старательно прячет ребятишек от вторжения в их жизнь «вредоносного» влияния окружающей социальной среды, с ее дрянной классовой борьбой и «бессовестной» политикой партий. Дети же в СССР как-раз наоборот, по всеобщему признанию, в революционные годы необычайно сильно именно социально оживились: у них даже в самые ранние годы появилась масса связей с политикой, с производством, с совершающейся сейчас глубокой идеологической ломкой. В детских рисунках, в речевом материале ребят, в их новых, ими же создаваемых, играх постепенно исчезают следы гнилостного влияния умершего строя и старой педагогики.

Конечно, не в «абсолютных свойствах» детской природы надо искать причины этой необыкновенной перемены (не даром так старательно эту «биологическую абсолютность», тугоподвижность детских свойств отстаивает буржуазная педагогика), а в коренной ломке всей социальной среды, прямым отражением чего явились и глубокие сдвиги в детских интересах, вкусах, действиях. В педагогическую работу, тем самым, настойчивейшим образом вовлекается социальная среда, революционным своим содержанием оказывающая незаменимое содействие всей воспитательной работе. Участие в политических манифестациях, экскурсии на производство и к революционно-историческим местам, в детские ленинские уголки, красноармейские, крестьянские, беспризорные и прочие шефства, сборы на германских детей и на воздухофлот, связь с пионерами, а позже и непосредственное включение в пионерские

отряды, — все это дает неисчерпаемый интересный зажигающий материал для творческой детской любознательности и для активной, увлекающей организованной работы ребят, для углубления и здорового их душевного роста. Советская общественность, наша революционная современность отныне стала неотрывной частью всей воспитательной работы во всех ее частях.

Влиянию революционной молодежи на детей здесь обеспечено первое место.

Разве это не новый быт? Основная же роль в этой тесной спайке советской педагогики и советской общественности принадлежит именно нашему красному молодняку. Детское пионерское движение — вот воспитательный центр, куда должен устремить наш красный молодняк весь свой общественный педагогический темперамент. Из коммунистического детского движения, и больше ни откуда, родится истинное революционное воспитание, так как правильно развернувшееся коммунистическое детское движение проникнет и в школьную педагогику, перестроит весь быт, все учебные планы и методы школы, направив их на путь коммунистической революционной борьбы. Именно здесь наш красный молодняк — своим классовым энтузиазмом, своим политическим чутьем, своей молодою бодростью—окажется воспитательски совершенно незаменимым (конечно, не врозь с педагогами, а вместе с ними надо делать эту работу).

Если и трудновато этически перерождать сейчас взрослых, — зато, правильно принявшись за детвору, мы добьемся очень, очень многого. Да и ребятня потом, обратным ударом, оздоровляюще повлияет и на родителей своих и на взрослых вообще. Энергичное участие в правильном этическом воспитании трудовой детворы — наилучшая пролетарски-этическая позиция для нашего молодняка.

Как видим, в создании особой секты для воспитания внутри ее духа пролетарской этики нет нужды. Вся советская жизнь является материалом для такого воспитания.

(Из книги „Коммунистическая мораль, этика и молодежь")

Л. Троцкий

ЧТОБ ПЕРЕСТРОИТЬ БЫТ, НАДО ПОЗНАТЬ ЕГО

На вопросах быта яснее всего видно, в какой мере отдельный человек является продуктом условий, а не творцом их. Быт, т. е. обстановка и обиход жизни, складывается в еще большей мере, чем экономика «за спиною людей» (выражение Маркса). Сознательное творчество в области быта занимало в человеческой истории ничтожное место. Быт накапливается стихийным опытом людей, изменяется стихийно же, под действием толчков со стороны техники или попутных толчков со стороны революционной борьбы, и в итоге отражает гораздо больше прошлое человеческого общества, чем его настоящее.

Наш пролетариат, не старый, не потомственный, вышел за последние десятилетия из крестьянства, лишь отчасти из мещанства. Быт нашего пролетариата ярко отражает это социальное происхождение его. Достаточно вспомнить «нравы растеряевой улицы» Глеба Успенского. Что характеризует растеряевцев, т. е. тульских рабочих последней четверти прошлого столетия? Это мещане или крестьяне, потерявшие в большинстве надежду стать самостоятельными хозяевами: сочетание некультурной мелко-буржуазности с босячеством.

С того времени пролетариат проделал гигантское движение, — гораздо больше однако в политике, чем в быту и нравах. Быт страшно консервативен. Конечно, Растеряевой улицы в старом ее, первобытном виде уже не существует. Зверское обращение с учениками, низкопоклонство перед хозяевами, жесточайшее пьянство, уличное хулиганство под удалую гармонь, — всего этого ныне нет. Но в отношениях между мужем и женой, между родителями и детьми, в самом хозяйстве семьи, отгороженной от всего мира, глубоко еще сидит растеряевщина. Нужны годы и десятилетия экономического роста и культурного под'ема, чтобы изгнать растеряевщину из ее последнего убежища — личного и семейного быта, пересоздав его сверху донизу в духе коллективизма.

Вопросы семейного быта были предметом особенно горячего обсуждения на упоминавшемся уже собеседовании московских агитаторов-массовиков. По этой части у всех наболело. Впечатлений, наблюдений, а главное, вопросов много, но не только нет ответа на них, но и самые эти вопросы

остаются немыми, не попадая ни в печать, ни на собрания. Быт рабочих-массовиков, быт коммунистический и линия бытового стыка между коммунистами и широкой рабочей массой, — какое широчайшее поле для наблюдений, для выводов и для активного воздействия.

Художественная наша литература не помогает тут нисколько. По самой природе своей художество консервативно, отстает от жизни, мало приспособлено ловить явления налету, в процессе их формирования. «Неделя» Лебединского вызвала со стороны некоторых товарищей восторг, который мне, признаться, показался неумеренным и опасным для молодого автора. С формальной стороны «Неделя», несмотря на признаки дарования, имеет ученический характер, и только при условии величайшей, упорной и кропотливой работы над собою Лебединский может подняться до художества. Я хочу надеяться, что так оно и будет. Но не эта сторона нас сейчас интересует. «Неделя» произвела впечатление чего-то нового и значительного не художественными своими достижениями, а «коммунистическим» сектором жизни, захваченным ею. Однако с этой именно стороны захват не глубок. «Губком» показан нам слишком лабораторно, без более глубоких корней, неорганично. Оттого вся «Неделя» имеет налет эпизодичности, как повести из жизни революционной эмиграции. Конечно, интересно и поучительно описать «быт» губкома, но трудность и значительность начинаются там, где жизнь коммунистической организации гребешком входит — как кости черепа друг в друга — в повседневную жизнь народа. Тут нужен большой захват. Коммунистическая партия—сейчас основной рычаг всякого сознательного движения вперед.

Оттого стык ее с народными массами является основной линией исторического действия — взаимодействия и противодействия.

Коммунистическая теория обогнала реальную нашу повседневную жизнь на десятилетия, а в иных областях — на столетия. Не будь этого, Коммунистическая партия не могла бы быть историческим фактором великой революционной силы. Благодаря своему реализму, своей диалектической гибкости, коммунистическая теория вырабатывает политические методы, обеспечивающие ей влияние при всяких условиях.

Но одно дело политическая идея, а другое — быт. Политика гибка, а быт неподвижен и упрям. Оттого так много бытовых столкновений в рабочей среде по линии, где сознательность упирается в традицию, — столкновений тем более тяжелых, что они остаются в общественном смысле

безгласны. Ни художественная литература, ни даже публицистика их не отражают. Наша пресса об этих вопросах молчит. А для новых художественных школ, пытающихся итти в ногу с революцией, быт вообще не существует. Они, видите ли, собираются созидать жизнь, а не изображать ее. Но из пальца новый быт нельзя высосать. Его можно строить из элементов, имеющихся налицо и способных к развитию. Поэтому прежде, чем строить, нужно знать, что есть. Это относится не только к воздействию на быт, но и ко всякой вообще сознательной человеческой деятельности. Нужно знать, что есть, и в каком направлении существующее изменяется, чтобы получить возможность участвовать в созидании быта.

Покажите нам, — и самим себе прежде всего, — что делается на фабрике, в рабочей среде, в кооперативе, в клубе, в школе, на улице, в пивной, сумейте понять, что там делается, т. е. найти необходимую перспективу для осколков прошлого и зародышей будущего. Этот призыв относится в одинаковой мере и к беллетристам, и к публицистам, и к рабкорам, и к репортерам. Показывайте нам жизнь, какою она вышла из революционной печи.

Нетрудно однако догадаться, что одними призывами мы не создадим поворота во внимании наших писателей. Тут нужны правильная постановка дела, правильное руководство. Изучение и освещение рабочего быта нужно поставить прежде всего как очередную задачу журналистов, по крайней мере, тех, у которых есть глаза и уши; нужно организованным порядком направить их на эту работу, инструктируя их, поправляя, направляя и воспитывая их таким путем в революционных бытописателей. Нужно одновременно с этим расширить угол внимания рабочих корреспондентов. По существу дела почти каждый из них мог бы давать гораздо более интересные и содержательные корреспонденции, чем те, которые пишутся в большинстве случаев ныне. Но для этого нужно обдуманно формулировать вопросы, правильно ставить задачи, вызывать на разговор и помогать вести его.

Для того, чтобы подняться культурно на более высокую ступень, рабочему классу, прежде всего его авангарду, нужно продумать свой быт. А для этого нужно познать его. Буржуазия, в лице, главным образом, своей интеллигенции, выполнила эту задачу в значительной мере еще до завоевания власти: она была имущим классом, еще находясь в оппозиции, и художники, поэты и публицисты обслуживали ее, помогали ей думать или думали за нее.

Во Франции XVIII век, так называемый век просветительства, был временем, когда буржуазные философы продумывали разные стороны общественного и личного быта, стремясь их рационализировать, т. е. подчинить требованиям «разума». Они захватывали при этом не только вопросы политического строя, церкви, но и отношения полов, воспитания детей и т. д.

Несомненно, что уже одной постановкой и обсуждением этих вопросов они много способствовали повышению культуры личности, — разумеется, буржуазной, преимущественно интеллигентской. Все усилия просветительской философии рационализировать, т. е. перестроить по законам разума, общественные и личные отношения упирались однако в факт частной собственности на средства производства, который должен был оставаться краеугольным камнем нового, на разуме основанного общества. Частная собственность означала рынок, слепую игру экономических сил, не управляемых «разумом». На рыночных хозяйственных отношениях складывался рыночный же быт. Пока рынок господствовал, нельзя было и думать о действительной рационализации быта народных масс. Отсюда крайняя ограниченность приложения на практике рационалистических построений философов XVIII века, иногда очень проницательных и смелых по своим выводам.

В Германии полоса просветительства падает на первую половину прошлого столетия. Во главе движения идет «Молодая Германия», с ее вождями—Гейне и Берне. В основе своей это была опять-таки критическая работа левого крыла буржуазии, ее интеллигенции, которая об'явила войну рабству, низкопоклонству, филистерству, мещанскому тупоумию, предрассудкам и стремилась — но с уже гораздо большим скептицизмом, чем ее французские предшественники, — установить царство разума. Это движение влилось затем в мелко-буржуазную революцию 48-го года, которая оказалась бессильной сбросить даже многочисленные немецкие династии, не то что перестроить сверху донизу человеческую жизнь.

У нас, в отсталой России, просветительство получает сколько-нибудь широкий характер во вторую половину XIX столетия. Чернышевский, Писарев, Добролюбов, вышедшие из школы Белинского, направляли свою критику не только и даже не столько на хозяйственные отношения, сколько на нескладицу, реакционность, азиатчину быта, противопоставляя старым традиционным типам нового человека, «реалиста», «утилитариста», который хочет строить свою жизнь по законам разума и вскоре превращается

в «критически мыслящую личность». Движение это, влившееся в народничество, было запоздалым русским просветительством.

Но если французские просветители XVIII столетия лишь в очень малой мере могли изменить быт и нравы, формируемые не философией, а рынком; если непосредственная культурно-историческая роль немецкого просветительства оказалась еще более ограниченной, то прямое влияние русского интеллигентского просветительства на быт и нравы народа было и вовсе ничтожно. В конце концов историческая роль русского просветительства, включая и народничество, определяется тем, что оно подготовило условия для возникновения партии революционного пролетариата.

Только с завоеванием власти рабочим классом создаются условия для действительного преобразования быта до самых глубоких его основ. Рационализировать быт, т. е. преобразовать его по требованиям разума, нельзя, не рационализируя производства, ибо корни быта в хозяйстве. Только социализм ставит своей задачей охватить разумом и подчинить ему всю хозяйственную деятельность человека. Буржуазия, в лице самых своих передовых течений, ограничивалась тем, что рационализировала, с одной стороны, технику (через естественные науки, технологию, химию, изобретения, машинизацию), с другой — политику (через парламентаризм), но не экономику, которая оставалась ареной слепой конкуренции. Потому-то бессознательное и слепое продолжало господствовать в быте буржуазного общества. Завоевавший власть рабочий класс ставит себе задачей подчинить сознательному контролю и руководству экономические основы человеческих отношений. Только это и открывает возможность осмысленной перестройки быта.

Но этим же самым устанавливается тесная зависимость наших успехов в области быта от наших успехов в области хозяйства. Нет, правда, никакого сомнения в том, что даже при нынешнем хозяйственном уровне мы могли бы внести значительно больше элементов критики, инициативы и разума в наш быт.

В этом и состоит одна из задач эпохи. Но еще более очевидно, что коренная перестройка быта — освобождение женщины от положения домашней рабыни, общественное воспитание детей, освобождение брака от элементов хозяйственной принудительности и пр.—осуществима только в меру общественного накопления и возрастающего перевеса социалистических форм хозяйства над капиталистическими. Критическая проверка быта теперь же есть необходимое условие для того, чтобы быт, консервативный по тысячелетним

своим традициям, не отставал от тех прогрессивных возможностей, которые открываются уже и сегодняшними нашими хозяйственными ресурсами или откроются завтрашними. С другой стороны, даже самые небольшие успехи в области быта, равнозначащие по характеру своему повышению культурности рабочего и работницы, немедленно же расширят возможность рационализации промышленности и, следовательно, более быстрого социалистического накопления, а это последнее откроет, в свою очередь, возможность новых завоеваний в области обобществления быта. Зависимость здесь диалектическая: главный исторический фактор — экономика; но воздействовать на нее мы, Коммунистическая партия, мы, рабочее государство, можем только через рабочий класс, непрерывно повышая техническую и культурную квалификацию его составных элементов. Культурничество в рабочем государстве служит социализму, а социализм означает мощный расцвет культуры, подлинной, внеклассовой, человеческой и человечной.

(Из книги „Вопросы быта")

Е. Преображенский

БУДУЩЕЕ КЛАССОВЫХ НОРМ

По мере развития социалистических отношений пролетарские классовые нормы будут изменяться в том отношении, что они будут упрощаться, делаться эластичней, рационализироваться и, если возможно так выразиться, укорачиваться. Для того, чтобы работник социалистического общества в той или другой области, регулируемой классовыми нормами, начал в интересах своего класса поступать иначе, чем раньше, для этого не нужно принудительного воздействия на него общественного мнения его класса. Он постепенно приучится автоматически переносить в свою практическую деятельность все то, что диктуется наукой и общим интересом. Если та же медицина устанавливает, допустим, общественный вред той или другой укоренившейся привычки, то отнюдь не требуется для борьбы с этой привычкой, чтоб сначала этой борьбой выковывалось по этому вопросу общественное мнение большинства класса, а затем эта новая норма принудительно распространялась на всех членов класса и поддерживалась давлением его общественного мнения.

Общее повышение уровня культуры и сознательности работников социалистического общества будет выражаться, между прочим, и в том, что они научатся выполнять все социально-необходимое с горзадо большей легкостью и естественностью, чем это делалось при застойных общественных формациях, когда осуществление классово-необходимого достигалось путем распространения какой-либо новой морали. Приведу пример: допустим, на определенной стадии развития социалистического общества по тем или иным причинам деторождение достигло угрожающего минимума. Достаточно науке забить тревогу, чтобы практические выводы члена общества делали немедленно, сознательно и добровольно. При таких условиях лозунг—увеличивайте деторождение—отнюдь не нужно будет превращать в какую-то окостеневшую норму на весь тот период, пока не установится в обществе нужной пропорции между смертностью и размножением.

Это с одной стороны. С другой стороны, несомненно, по мере уничтожения классового деления общества и сами классовые нормы будут перерождаться в общесоциальные нормы, тем более, что и работники социализированной части хозяйства будут постепенно превращаться в подавляющее большинство всего рабочего населения. Но не только поэтому.

Классовые нормы должны с прекращением классовой борьбы либо отмереть, в той их форме и в той их части, в какой они были одним из орудий этой борьбы, либо они должны трансформироваться. Иными словами, они должны на новом социальном базисе служить иным задачам. Скрепы класса, борющегося с другими классами, будут превращаться в скрепы всего общества в его борьбе с природой. Классовые нормы будут превращаться в социальные нормы. А долго ли будут они существовать, в какой форме и можно ли связывать генетически будущие социальные нормы с классовыми—ответ на эти вопросы в значительной степени зависит от того, на какой стадии развития мы будем брать будущее общество. То, что на одной его стадии будет еще сохраняться, как социальная норма, то уже на следующих будет загнано в инстинкт и будет развертываться в деятельности отдельного человека в виде реализации наследственного капитала от предыдущих поколений. Здесь важно подчеркнуть лишь два обстоятельства. Первое: из всех и всяческих норм выпадет с ликвидацией классового общества все то, что было порождено классовым делением общества. Второе: можно констатировать, что право будет ликвидировано раньше, чем неписанные классовые, а затем общесоциальные нормы.

Вероятнее всего, правовые нормы в переходный период будут заменяться постепенно общесоциальными нормами, а частично внедрение последних в социальные инстинкты будет происходить в широком масштабе лишь в исторически более поздний период.

Таким образом на вопрос о будущности классовых норм мы отвечаем: эти нормы имеют такое же будущее, как армия, милиция, суд, государство вообще, т. е. не имеют будущего. О будущем же общесоциальных норм сейчас можно лишь гадать. Какой-то промежуток времени на перевале от социализма к коммунизму они должны существовать. В их лице человечество психологически будет прощаться с последними пережитками классового периода своей истории.

(Из книги „О морали и классовых нормах")

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ БЫТ МОЛОДЕЖИ

„... Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей преподносят усладительные речи и правила о нравственности... В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма... Для коммуниста вся нравственность—в этой сплоченной, солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплоататоров...“

В. И. ЛЕНИН

(*Собрание сочинений. Из речи на III с'езде РКСМ. Том XVII*)

Н. Бухарин

ЗА УПОРЯДОЧЕНИЕ БЫТА МОЛОДЕЖИ

В своей замечательной статье «О кооперации» тов. Ленин говорит, что теперь изменился «коренным образом наш взгляд на социализм». От работы боевой и разрушительной мы перешли к «мирно-организаторской» работе. Эту мирно-организаторскую работу тов. Ленин предлагает углубить и расширить настолько, чтобы произошла у нас целая «культурная революция».

Что значит культурная революция? Это значит такой переворот в свойствах людей, в их жизненных привычках, в их чувствах и желаниях, в способе их жизни, в их быту,—такой переворот, который делает из них новых людей.

Очень часто мы однако не замечаем, что для строительства новой жизни действительно нужно коренным образом изменить наши представления о целом ряде вещей.

Возьмем, например, область производства. Раньше, при капиталистическом обществе, хороший рабочий, хороший член партии был вовсе не «старательный рабочий». Добро ведь все было «ихнее», «хозяйское». Революционный пролетарий вовсе не хвастался тем, что он столько-то и столько-то вырабатывает. Он, наоборот, гордился тем, что провел стачку, здесь или там «утер нос» хозяину или мастеру и т. д. Рабочие, много и хорошо работавшие, слыли «подлизами» или «шкурниками», за грош продававшими хозяину душу и тело.

После захвата власти такая психология, такие взгляды из революционных становятся реакционными, из условно-полезных в безусловно-вредные. Теперь мы с полным правом можем называть шкурниками всякого лодыря, нерадивого, неряшливого работника. «Какой же он работник», — это должно звучать укором и презрением.

Все это весьма понятно. Ведь оценка человеческих свойств тоже меняется в зависимости от эпохи, от ее задач, от ее основных черт.

А между тем часто бывает, что старая точка зрения держит за фалды, мешает, путает карты, производит в головах сумбур. Часто бывает, что люди продолжают хвастаться и гордиться, кичиться и чваниться старьем, не замечая, как они смешны и глупы в своем хвастовстве.

Такая история, к сожалению, очень и очень часто происходит с нашей молодежью. И «Комсомольская Правда» должна повести с этим прямую, систематическую, изо-дня в день идущую борьбу.

Мы хотим здесь показать, как наша молодежь иногда, сама того не замечая, находится в вавилонском пленении у устаревших взглядов, у устаревших представлений и как это пленение вредно отражается на нашей работе, мешает «культурной революции», задерживает и тормозит наше строительство.

Если мы возьмем «передовую» литературу старого времени, то она, естественно, была преисполнена протеста против всего старого строя жизни, против всего ее «порядка», против всех устаревших «законов и обычаев». Кто считался самым незавидным, пошлым типом. Тот, кто жил строго размеренной жизнью, кто упорядочивал свою жизнь, кто помаленьку и потихоньку клал кирпичики в здание тогдашнего строя: строя экономического, политического, морального, идеологического вообще. Кто считался героем тогдашней передовой литературы. Тот, кто выходил из рамок и «пахов» тогдашней жизни. Пусть он был безалаберным: это—протест. Пусть он самым странным образом выражал этот протест—все равно: об'ективно это означало итти вразрез с проклятым, не нашим, «ихним» строем.

Правда, рабочие не нуждались и тогда в подобных вывихах. Они были заняты планомерной и систематической подготовкой революции. Они требовали жестокой дисциплины в своих рядах. Но и они сочувствовали всякому нарушению «обычного». На такой литературе, на таких чувствах воспитывалась и вся молодежь. «Протест» выражался в самых разнообразных формах: запрещено было курить — поэтому курили; заставляли носить форму—поэтому ее не носили; проповедывали (власть имущие и их идеологи) порядок, «нормы» и т. д.—поэтому ценили, хвалили такие привычки и нравы, которые шли вразрез с установившимися привычками и нравами.

В общей сложности все это было средством разложения старого порядка. Но вот старый порядок сме-

тен. Новое наступило. Наша страна сейчас не хозяйская. А есть люди, есть молодежь (и очень, очень много таких), которые продолжают тянуть старую песню, думая, что это-то и есть самое революционное, достойное похвалы. А на деле выходит: круглые дураки такие ребята.

Вот слышали вузовцы, что старые революционные студенты считали замечательно храбрым войти в аудиторию в шапках и там закурить. И продолжают посейчас: лихо заломленные фуражки, облака дыма, грязь и копоть. Портят воздух, портят самих себя, мешают жить друг другу, гадят свое собственное добро. А ведь воображают, что это — «стиль новой жизни». Стиль новой жизни однако это — выметать грязь, а не растить ее, да притом в своих собственных карманах.

Слышали, например, некоторые наши юноши и девушки, что весьма революционным считалось плевать на всяческие и все стеснения в области половых отношений. Тогда это был резкий протест против слепых предрассудков общества, против гнусных законов, так называемого «семейного права», против принижения женщины. Теперь эти законы давно сметены. Но люди не понимают этого и попрежнему считают, что максимум неурегулированности—самый святой закон. Не важно, что у нас нет для многого материальных условий. Не важно, что будут страдать молодые матери, а девушки должны себя систематически калечить. Не важно, что из детей получаются уроды. Да здравствует полная неурегулированность, полная стихийная «беззаботность».

А на деле выходит: портят жизнь себе, другому, новому поколению. Старое слово повторяют при новых условиях. Не понимают, что не в абстрактной постной морали здесь дело, а в том, что даже так называемые «ясли» у нас еще больше на бумаге и что с этими вещами нужно считаться. Не строят новое, а разрушают его зародыши. А гордости (гордости поведения и «святой» глупости)—хоть отбавляй.

Слышали люди «звон», что очень героично вообще вести беспорядочную, необычную, «оригинальную» жизнь. И во всем стараются поддержать честь и славу этого знамени. А не замечают, что воспевают старый хлам, что являются старьевщиками и мусорщиками «при старом дворе», а не строителями нового, поскольку так рассуждают и так себя ведут.

Передовая молодежь города и деревни должна начать борьбу с этими остатками старого. Она должна начать решительную борьбу за упорядочение быта, за «культурную революцию», за новые привычки, за новые черты и свойства молодого поколения, за новый тип здорового, весе-

лого, жизнерадостного, но в то же время в высшей степени делового, активного, умеющего работать, умеющего распределять свое время человека.

Нужно об'явить беспощадную войну пропагандистам «богемских» нравов и хвастунишкам, которые «все» знают и ничего не знают, всем готовы командовать и ничего не умеют сделать сами, этим «аристократам духа», метящим в герои, но не имеющим за душой ломаного гроша (а такие разводятся среди нашей молодежи). Не такие люди нужны нашей эпохе. Будем лучше брать пример с Ленина, великого вождя и не менее великого человека: он ведь мог сделать так много потому, что умел работать и имел громадное чувство ответственности перед классом, за дело которого он отдал свою жизнь.

Строительство нового общества требует пролетарской дисциплины, а не интеллигентской или мелко-буржуазной расхлябанности и беспорядочности. Эта дисциплина—не палочная дисциплина, а высшее выражение самовоспитания — должна проникать собой все поры нашей жизни. На основе этой дисциплины, об'ективно нужной для нашего времени, складываются наши успехи. «Нам нужны не истерические порывы, а мерная поступь железных батальонов пролетариата».

(„Комсомольская Правда“)

Н. Бухарин

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И УПОРЯДОЧЕНИЕ БЫТА МОЛОДЕЖИ [1]

...Затем я должен сказать два слова относительно тоже довольно существенной задачи, стоящей сейчас перед Комсомолом, которую я назвал бы борьбой за рационализацию быта Комсомола. Ведь у нас сейчас, в связи с ростом хозяйства, нужен большой порядок. Мы ставим перед собой задачу революционной законности, советской революционной законности. Это есть внесение революционного порядка туда, где раньше был хаос. Это вызывается опять-таки

---

[1] Отрывок из доклада тов. Бухарина на XIV с'езде ВКП „О Комсомоле“. *Прим. составит.*

ростом нашего хозяйства, потому что только во время непосредственной гражданской войны, когда сегодня брали один налог, завтра—другой и т. д., еще можно было как-нибудь с этим мириться. Но когда мы сами предлагаем, чтобы крестьяне хозяйничали по плану, чтобы были лучшие методы обработки земли и т. д., то ему, крестьянину, нужен обязательно точный порядок: сколько возьмете, в какие сроки и т. д. Иначе крестьянин хозяйствовать не может. То же самое надо сказать и относительно наших предприятий, которые сейчас так быстро идут вперед. Если мы хотим, чтобы они правильно работали, если мы хотим, чтобы не было просчетов, то у нас должны быть порядок, точность, правильный счет. Мы должны уметь лучше считать, лучше калькулировать. И мы не можем этого делать, если у нас нет строгого законодательного порядка, нет твердых законодательных норм.

Когда порой некоторые товарищи ополчаются против этого, видя в этом отход от славных революционных традиций, это глупо. Для всей нашей партии и для всей страны одной из главных возможностей действительного перерождения являются остатки произвола для каких-нибудь привилегированных коммунистических групп. Когда для группы коммунистов закон не писан, когда коммунист может свою тещу, бабушку, дядюшку и т. д. тащить и «устраивать», когда никто не может его арестовать, преследовать, если он совершил какие-нибудь преступления, когда он разными каналами может еще уйти от революционной законности, это есть одно из крупнейших оснований возможности нашего перерождения. Но это уже юридически-государственная постановка вопроса. Я должен сказать: если хотите эту проблему продумать, то вы должны определенный порядок ввести и в быт, в частности об этом следует позаботиться нашим комсомольцам.

Наши комсомольцы — очень хорошие ребята, но они должны отбросить, так сказать, идеологическую партизанщину; у них порой еще встречается настроение «братвы» эпохи военного коммунистического периода, «братвы», которая плюет на каждом месте, где сидит, которая считает, что не особенно годится коммунисту снимать шапки, приходя в дом, и т. д. Это нужно сейчас по-боку. Это нужно оставить. Это находится в полном противоречии с необходимостью правильной жизни. Мы не можем строить без того, чтобы не подтянуть себя со всех решительно сторон. Мы должны создать в Комсомоле общественное мнение, которое идет в значительной мере наперерез со «славными» традициями «шапки набекрень» и «плюй везде, куда захочешь».

Мы должны пойти этому наперерез. Мы должны теперь ставить другие добродетели в порядок дня, потому что наша эпоха требует от нас большего порядка по всему фронту нашей жизни и работы. Однако и это необходимое стремление к упорядочению нашего быта пытаются использовать наши противники. В Ленинграде, например, была распространена в школах и, если не ошибаюсь, в детских домах одна прокламация, которая призывала к образованию «групп нового быта». Там было сказано, примерно, следующее: партия уже переродилась, молодежь—комсомольская организация — начинает перерождаться. Вся надежда на пионеров, которые должны стоять в авангарде.

Значит, нужно организовать здесь «группы нового быта», которые должны стоять против партии, против Комсомола, которые должны составлять ячейки настоящих «революционных организаций» и проч. Но ведь ясное дело, что, конечно, это не сами пионеры писали. Всякий поймет, что это писали различные группировки, которые хотят подорвать нас даже с «пионерского конца»; они пытались подорвать нас с комсомольского конца, а теперь пытаются подорвать с пионерского конца. Натурально, с этими «уклонами» немарксисткими, небольшевистскими, антипартийными необходимо вести энергичную борьбу. Но лозунг организации быта для комсомольских организаций должен быть сохранен, усилен и должен быть во что бы то ни стало проводим в жизнь.

Ем. Ярославский

ЗА УПОРЯДОЧЕНИЕ ЖИЗНИ И БЫТА МОЛОДЕЖИ

Тезисы тов. Бухарина о работе РЛКСМ (п. 18) ставят перед XIV с'ездом ВКП (б) один из серьезнейших вопросов, мимо которого пройти нельзя. Это—необходимость борьбы за упорядочение жизни и быта как внутри Комсомола, так и вне его, среди беспартийной рабочей и крестьянской молодежи.

В чем может на первых порах выразиться эта борьба. Прежде всего, конечно, это должна быть борьба с «остатками старой «наплевистской» распущенности и анархизма в быту». «Элементы распущенности, находящие себе базу частью в остатках дореволюционной интеллигентской идеологии, частью в деклассированных люмпен-пролетарских, мещанско-буржуазных, интеллигентски-анархических слоях Комсомола и беспартийной молодежи, должны наконец

стать об'ектом решительной борьбы со стороны организованной части пролетарского юношества» (тезисы, п. 18).

Разве есть такие элементы распущенности,—спросят иные. Разве среди нас имеет еще место «наплевистская» точка зрения. Разве среди нас свил себе гнездо анархизм в быту.

Посмотрите вокруг себя и вы увидите, как много еще этих отрицательных черт, с которыми надо бороться.

Как работают наши политкружки. Как работают другие наши кружки. Как собираются собрания Комсомола. В большинстве случаев, по моим наблюдениям, это—образец распущенности. Редко-редко можно начать во-время собрание, потому что «привыкли» приходить не во-время. «Наплевать—успеем». Многие вовсе не приходят—«наплевать, без нас обойдется». До сих пор мы не можем добиться точности в этой работе. В результате огромные потери времени у тех, кто посещает кружки; время уходит на ожидание. Нередко собрания и занятия открываются с опозданием на час. Нередко руководители, лектора, докладчики сидят также по часу и ждут.

Скажут: это бывает и у партийцев. К сожалению, бывает. С этим и среди партийцев надо вести борьбу.

Неряшливость. Она, конечно,—наследие и часто—результат тех материальных условий, в которых жили и частью еще живут комсомольцы. Грязь в квартире, негигиенические жилищные условия, недостаток материальных средств, неряшливость—наследие годов нищеты, лишений империалистической и гражданской войны. Но теперь—1926 год наступает—9-й год советской власти, скоро 10-летие нашей победы справлять будем. Пора изживать это наследие. В нашей грязи, неряшливости мы сами и больше всего теперь виноваты. Если она была естественной и терпимой в 1918 г. — не до того было—она отвратительна сейчас. А между тем, зайдите в клуб рабочей молодежи, зайдите в любое собрание, на любой кружок. Редко где не встретишь заплеванного, накуренного помещения, забросанного окурками, загрязненного. Надо об'явить решительную борьбу за чистоту, за чистый воздух, за чистый пол, за красоту помещения, в котором живет и работает, учится и развивается наша молодежь. Да, надо друг друга воспитывать в этом, надо создать общественное комсомольское мнение, которое будет осуждать грязь и неряшливость так, как оно в свое время осуждало шкурничество, трусость.

Как-то в 1923 году еще я был в Донбассе и спросил молодого парня-шахтера, бывает ли он в клубе. Он сказал мне: вот заработаю на чистый костюм, тогда и пойду. У этого

шахтера, по-моему, было здоровое и правильное отношение к клубу и к себе,—в этом скрывалось известное уважение к клубу. Скажут: значит, в плохом, грязном костюме нельзя итти в клуб. Нет, конечно, не значит. Конечно, если надо итти в клуб, на собрание, на ячейку, на кружок и если не во что или некогда переодеться, то надо итти в чем есть. Но не надо неряшливостью своей подчеркивать презрение к чистоте, как к чему-то некомсомольскому. А ведь некоторые так и смотрят до сих пор на чисто одетого парня или комсомолку: дескать, мещанство это, буржуазность.

Тут есть, конечно, и другая опасность, если часть молодежи станет обращать исключительное внимание на внешность или часть ее ударится, что на первых порах очень возможно, в щегольство. Но с этим гораздо легче будет справиться.

Другое, на что надо обратить внимание, это на некоторый цинизм, распущенность в языке. Я не сторонник того мнения, будто наша молодежь развращена чересчур в половом отношении. Если взять, сравнительно, цифры, характеризующие жизнь молодежи в буржуазном обществе и у нас, то эти цифры говорят в нашу пользу, в пользу нашей молодежи, хотя, конечно, мы должны и в этом достигнуть гораздо более здоровых отношений.

Мы должны решительно бороться против того, что среди части нашей молодежи некоммунистичным, некомсомольским об'является отвращение к циничным выражениям, к распущенности языка, к похабщине.

Я знаю случай, когда выходец из интеллигентской среды, комсомолец, предлагал, как средство сближения с молодежью фабрик и заводов, с сельской молодежью, ругаться матерно. От таких методов сближения—подальше надо. С ними надо решительно бороться.

Комсомолка пишет мне в письме: «такие товарищи считают девушку вполне «своим» человеком, если она спокойно или с одобрением выслушивает подчас циничные анекдоты и сальности. Если же девушка морщится, недовольна, то ее стараются «обработать», «воспитать» в известном направлении». Я не обвиняю, конечно, только мужскую часть Комсомола и партии. Надо сказать, что нередко наши девчата и партийки считают такой цинизм признаком хорошего, в коммунистическом смысле, тона. А некоторые товарищи легко поддаются такому «воспитанию».

Нет, дорогие товарищи, вовсе это не признак коммунистического тона,—этот «тон» ничего общего с коммунизмом не имеет, это тоже от «наплевизма». Это, может быть, в свое время и была реакция против институтских внешних прививы-

чек и манер, нарочито подчеркнутая грубость речи. Но кому она нужна теперь, против кого она направлена. Она бьет больнее нас самих. С этим наследием—похабщиной, цинизмом в языке, как и в нравах, во взаимоотношениях—надо также решительно покончить, решительно бороться с их проявлениями. Надо показать, что это мешает созданию здоровых отношений.

Кое-какие мещанские анархические элементы, ничего общего не имеющие с пролетариатом, под шумок не прочь попросту заняться легоньким развратцем в комсомольской среде, как это пытались сделать на Урале («Общество долой невинность»), или создать, как это было недавно в другом месте, «Общество алкоголиков». Таким попыткам комсомольцы должны дать самый решительный отпор. Они враждебны комсомольской, коммунистической культуре. Они социально опасны, они опасны, прежде всего, для пролетариата, дети которого делаются их жертвами.

Вот почему сюда же относится и решительная борьба с алкоголизмом в комсомольской среде. В подпольные организации мы не принимали ребят, которые выпивают: проболтается спьяна, провалит организацию, положиться на такого человека нельзя.

А сейчас—разве можно положиться на юнца, который в 18—21 г. напивается подчас «вдрызг», разве ему можно доверять воспитание Комсомола, разве он способен воспитать. Разве он не подвержен сам упадочным настроениям в минуты похмелья. Разве не будет он вокруг себя создавать эту атмосферу упадочности в такие минуты.

Окружающие беспартийные рабочие и крестьяне очень внимательно приглядываются к жизни Комсомола. Никакие наши проповеди не будут иметь значения, если только сам Комсомол не создаст в своих организациях, в жизни и быту самих комсомольцев таких отношений, не выработает такого образа жизни, который был бы примерным для окружающих.

Мы вовсе не проповедуем какого-то морального самосовершенствования. Тов. Бухарин тысячу раз прав, подчеркивая в своих тезисах, что эти остатки старой «наплевистской» распущенности и анархизма в быту вступают теперь в категорическое столкновение с потребностями хозяйственного развития, что «кадры носителей государственного и кооперативного хозяйства смогут правильно и победоносно вести дело только тогда, когда будут точнее и правильнее «считать», работать и жить».

Но если перед нами такая серьезная задача,—ее нельзя возложить на плечи одной молодежи. Тысячу раз комсомольцы будут правы, отмечая кое-где и в партийном быту болезненные черты, раз'едающие Комсомол. Конечно, в Комсомоле они опаснее, в Комсомоле для них почва благодарнее. Но борьбу с этими явлениями надо, по-моему, повести и в партии и в Комсомоле.

Вернее, партия должна прийти в этом на помощь Комсомолу. «Упорядочение жизни и быта» в указанном смысле — это задача оздоровления обстановки членами партии и комсомольцами, между партийцами, комсомольцами и беспартийной массой, это задача создания известного общественного мнения, враждебного распущенности и в личном быту и в общественных отношениях.

(„Комсомольская Правда")

А. Сольц

НЕ НЫТЬ, А СТРОИТЬ [1]

Вопросы быта занимают не только молодежь. И в этом нет ничего удивительного. Мы перешли к новому строительству, а это и есть новый быт. Прежнее общество имело свои представления о добре и зле. Какое же должно быть у нас представление о новом быте?

Когда мы боролись с другим классом за власть, мы мало думали о быте. Если раньше во всех бытовых ненормальностях мы винили враждебный класс, то сейчас винить некого.

Сейчас мы должны доказать, что мы не только сумели завоевать власть, но и нужный нам порядок. Легче бороться за право строить, чем строить непосредственно новую жизнь.

Строительство социализма дается нелегко. Трудности, встречаемые на пути, часто вызывают недоверие и разочарование. Особенно легко проникается этими настроениями молодежь, как элемент, наиболее подверженный разным влияниям. Говорят: «взяли власть, а хорошей жизни все еще нет». О том, что было раньше, у молодежи имеется очень смутное представление.

---

[1] Мы помещаем сокращенную стенограмму доклада тов. Сольца о быте на собрании юнкоров газеты „Молодой Ленинец" и краткое описание прений.

Прим. составит.

Нельзя, говоря о быте, ставить какие-либо определенные рамки. «Это старый быт, а это новый». Мы смотрим так: надо приветствовать все, что содействует нашему порядку, и считать вредным все, что нам мешает.

Власть рабочих и крестьян должна привить взгляды, которые будут способствовать скорейшему строительству новой жизни.

Надо сказать, что среди молодежи встречается мнение о том, что борьба закончена. Это безусловно вредная мысль. Борьба предстоит еще очень тяжелая. Мы только что начали создавать быт, за которым, по определению Маркса, должно последовать сознание. Это сознание можно выковать только общими усилиями. Глубоко ошибается тот, кто думает, что может быть отдельной общественная и личная жизнь.

Многие думают, что, занимаясь общественной работой, они приносят какую-то жертву. Мы—против жертв. Тот, кто борется и смотрит на это, как на жертву, тот, кто несет общественную работу, как горб на спине, ничего дельного не создаст. Смысл имеет только та деятельность, которая дает внутреннее удовлетворение человеку.

Говорят также о том, что мы ничего не можем сделать в построении новой жизни. Это маловерие. Только в творчестве, в преодолении затруднений есть радость. Победивши, рабочий класс принял разоренную страну. Для того, чтобы черпать силы для строительства, нужно накопление.

Буржуазия накапливала эксплоатацией. Мы должны накапливать, но не для собственного кармана, а для рабочих. Требовать не с кого. Поэтому мы должны удовлетворять свои потребности сами. Средства для удовлетворения наших нужд должны быть созданы трудом.

Среди молодежи бывают случаи самоубийства. Всякое самоубийство означает, что человек подписывает свое банкротство перед жизнью. Обычно самоубийцы считают, что в жизни нет ничего интересного. Интерес в жизни, по-моему, зависит только от того, как смотреть на нее. Недаром говорят: «если хочешь, чтобы человек был лучше, так считай его лучшим».

Приходилось также слышать, что у молодежи нет перспектив. Это неверно. Есть только нетерпение, свойственное молодежи.

Я думаю, что мнение о пьянстве, хулиганстве среди молодежи слишком преувеличено. Мне часто приходится просматривать судебные отчеты, и случаев хулиганства среди молодежи не так уж много.

Что же касается упадочных настроений, то, по-моему, они несравненно хуже хулиганства. Упадочное настроение простительно для дворянских детей, нэпманов, но никак не для рабочей молодежи. Упадочное настроение значит, что человек, подверженный ему—гнилье, слякоть. Понятно, когда в упадочное настроение приходит пресыщенный жизнью богач, который все перепробовал, у которого нет ничего впереди.

Несколько слов о пьянке. Стремление пить появляется у людей от скучной жизни. Алкоголь делает жизнь легче. Отсюда стремление — выпить и забыться. Конечно, если б это не отражалось на организме, стремление выпить было бы приемлемо. Но после хмеля наступает похмелье, после возбуждения—упадок сил. Я считаю, что больше всего нам нужно бороться с тем положением, когда выпивка превращается в дебош, в хулиганство.

Жизнь в общем дает массу интересных впечатлений, и человек, чувствующий потребность забыться, этим свидетельствует о том, что его не слишком захватывают настоящая жизнь и ее строительство.

*

Прения по докладу тов. Сольца

Баландин (Химический завод)

Тов. Сольц об'ясняет упадочность среди молодежи тем, что она видит только минусы, не замечает плюсов. По-моему, есть еще другая причина, а именно—жизнь нашей молодежи еще очень тяжела. Еще слишком сильна обывательщина. В дальнейшем, чтобы в наших рядах не было явлений, чуждых коллективности, надо наладить коллективный труд и коллективное воспитание. Нужна взаимная ответственность всех товарищей за свихнувшегося парня.

Чайковский (Подольск)

Все дело в том, что молодежь живет в скверных условиях. Самое главное — это жилищные условия. Ребята часто живут в подвалах, спят по несколько человек на одной койке. Ясно, что поэтому молодежь идет забыться в пивную. Кроме того, почти всем нам с детства приходилось слушать ругань, видеть драки, — это сильно отразилось на жизни молодежи.

Шуршин (Госшвеймашина)

У нас в Подольске есть детский дом. Когда ребята получали все одинаково одежду и пищу, все было хорошо.

Но когда они поступили на завод, почти все потеряли навыки коллективизма, так как один стал получать больше, другой меньше.

Айдино (2-й гараж МК)

Тов. Сольц неправильно говорит, что самоубийства показывают гнилость человека. Иногда внешние условия, тяжелая жизнь ставят парня в такое положение, что он задумывается о самоубийстве. Надо поставить вопрос о том, чтобы коллективно помогать таким ребятам.

Шилов (Почтамт)

Часто ребята хулиганят из-за того, что им нечего делать. Наша клубная работа не интересует молодежь. Она слишком суха, слишком перегружена политикой. Понятно, что ребята пойдут скорее в пивную. Чтобы избежать пьянства, хулиганства и других ненормальных явлений, надо лучше поставить клубную работу.

Серебряный («Молодой Ленинец»)

Раньше у молодежи был революционный под'ем. Были фронты, была непосредственная борьба. Сейчас борьба не менее серьезна и более трудна. Однако молодежь не понимает сложной обстановки, в которой мы живем. Говорят, что нет революционной борьбы, что сейчас слишком скучно. Отсюда—хулиганство, пьянство и др. ненормальные явления.

В деле раз'яснения молодежи обстановки, в которой мы живем, большую роль должна сыграть печать. Через газеты и журналы мы можем влиять на быт молодежи. Все интересующие молодежь вопросы должны немедленно освещаться на страницах газеты.

*

Заключительное слово тов. Сольца

Кто-то из товарищей указывал на то, что упадочное настроение бывает у молодежи из-за скверных условий жизни. Современные условия нашей молодежи несравненно лучше. И если мы не сможем построить новую жизнь в современных условиях — это банкротство.

Когда человек не видит удовлетворения в борьбе, в работе — он плохой работник. У каждого должно быть сознание, что «не я нужен для класса, а что я не могу жить без класса».

Правда, жилищные условия у нас очень тяжелы. Но это не может служить оправданием упадочного настроения. Надо так работать, чтобы создавать лишнее и на это строить новую жизнь.

А. Луначарский

БОЛЬНЫЕ СТОРОНЫ КОМСОМОЛЬСКОГО БЫТА[1]

Сейчас мы начинаем приступать к более или менее планомерному строительству быта.

Основной ячейкой общества, которая должна стать центром нашего внимания, является семья. Мелко-буржуазный уклад крепко держался за семью, во главе которой стоял мужчина — глава семьи. Вот эту главу необходимо стереть. Должна ли быть семья свободной, без главы семейства, или она должна распасться — этого мы не предрешаем. В социалистическом обществе разница индивидуальностей не сотрется, и к этому мы не стремимся, и, вероятно, будут разнообразные формы семьи. Но мы, люди сегодняшнего дня, к этому вопросу не можем спокойно относиться, когда это начинает влиять на благосостояние отдельного человека и всех нас. Главное внимание должно быть обращено на установление действительного равенства женщины и мужчины в семье.

Как-то на одном собрании мой сосед — старый крестьянин — мне заявил:

Середняк сдерживается, боится алиментов, а бедняк десять девок портит в год, с него ничего не возьмешь.

Наблюдается необыкновенно легкомысленное отношение к обязанностям, которые должен нести мужчина при вступлении в брак, будь он зарегистрированный или незарегистрированный в Загсе.

Если на чашу весов положите положительные и отрицательные стороны Комсомола, то безусловно положительные потянут вниз. Но недочеты внушают нам весьма серьезные опасения. Тов. Бухарин еще в прошлом году указывал на ухарское неряшество, наблюдающееся у многих комсомольцев.

Комсомол организованно нагоняет на себя серьезность, и это лишает его громад-

---

[1] Отрывок из доклада А. В. Луначарского в Колонном зале Дома Союзов на диспуте „О старом и новом быте".

Прим. составит.

ной опоры, которая называется жизнерадостностью. Комсомолец должен быть веселым, работа не должна надрывать его. Эта серьезность отпугивает беспартийную молодежь от Комсомола.

Замечаются признаки нигилизма. Сплошь да рядом слышишь заявления о нежелании знакомиться с буржуазной культурой, о нежелании читать «барских» писателей-классиков. Комсомолец этим самым уходит в какую-то узкую щель.

Общественную жизнь необходимо во что бы то ни стало связать с жизнерадостностью.

В половом отношении здесь не совсем благополучно. учащенные случаи абортов и теория «стакана воды» (ложное мнение, что в социалистическом обществе вступить в половую связь так же легко, как выпить стакан воды) получили чрезвычайно широкое распространение. Всякое сопротивление этой «марксистской» теории определяется, как мещанство.

Эти явления в последнее время заметно обеспокоили многих комсомольцев, и это справедливое беспокойство нашло отражение в «Комсомольской Правде» и в брошюре, составленной комсомольцами: «Быт и молодежь».

В современной комсомольской поэзии мы уже замечаем целый ряд стихотворений, выражающих новую любовь, пред'являющую свои права красоте. Комсомольский поэт Жаров обращается к своему другу — комсомолке, носящей сапоги, с просьбой снять их, как несоответствующих настоящему времени.

Надо иметь гражданское мужество, чтобы заявить это. Ведь, как никак, рискуешь прослыть мещанином...

Ем. Ярославский

О КОМСОМОЛЬСКОЙ ДИСЦИПЛИНЕ, КУРЕНИИ И ПРОЧЕМ

Я получил из Биюк-Ойларской поселковой ячейки ВЛКСМ (из Крыма) письмо от комсомольца, который просит в «Комсомольской Правде» ответить, кто прав — он или секретарь ячейки ВКП (б).

Суть спора заключается вот в чем. На одном из заседаний ячейки ВЛКСМ комсомолец из школы кре-

стьянской молодежи поставил вопрос о курении табаку комсомолками, хотя из комсомолок в этой ячейке курит только одна. Комсомольская ячейка голосовала за предложение бросить курить комсомолкам. Само собою разумеется, что комсомолки захотели быть равноправными в этом вопросе и с своей стороны внесли предложение, чтобы прекратили курение комсомольцы. Были горячие споры, а затем было вынесено такое предложение: кто будет курить, в первый раз — выговор, второй раз — предупреждение об исключении, третий раз — исключить. «Получилась какая-то палаческая старая система, которая никогда не может быть применима в рядах РЛКСМ»,—пишет возмущенный комсомолец-курильщик. «Неужели получать выговор из-за того, что я курю? Мне пришлось подать заявление в бюро ячейки о выходе из стальных рядов РЛКСМ... Мне, не получившему ни одного выговора. И дабы не получить впредь, пришлось, чтобы быть незамаранным, подать заявление о выходе».

Конечно, может быть, это и неправильно, так строго относиться к курильщикам; может быть, гораздо правильнее было бы прямо поставить перед вступающими в Комсомол вопрос, что если он курит или употребляет спиртные напитки, то, конечно, ему не надо поступать в ячейку. Но как ни отвратительно курение, по-моему, нельзя закрыть доступ в РЛКСМ курильщикам. Исключать за курение табаку, — такой линии РЛКСМ в целом не может держаться.

Но совершенно другое дело, правильно ли поступает товарищ, который выходит из «стальных рядов РЛКСМ» только потому, что он не может подчиниться запрещению курить. Уже если он так дорожит «стальными рядами», то выходить из этих рядов по такому пустяку — признак прежде всего величайшей недисциплинированности и неискренности заявления относительно стальных рядов. В самом деле, чем мотивирует свой уход этот товарищ из Биюк-Ойларской организации.

«Мой уход из организации по моему личному желанию получился только от того, что я не могу бросить курить, ибо я уже с 13 лет курю; но духом я не падаю», — утешает себя этот комсомолец.—«Пусть пропадает мой годовой стаж (тоже старая гвардия. Е. Я.)... Мои годы на исходе пребывания в организации РЛКСМ и поэтому я подам заявление в РКП (б), где до сих пор не было еще и не будет таких правил относительно курения табаку». Да,

это верно, в РКП (б) нет насчет курения табаку правил и, вероятно, не будет; но значит ли это, что РКП (б) должна принимать в свою среду комсомольца, который хотя и имеет такой почтенный (годичный) стаж, но оказывается настолько недисциплинированным, что выходит из «стальных рядов» РЛКСМ потому, что он никак не может подчиниться постановлению о запрещении курить. Конечно, трудно себя превозмочь, если куришь с 13 лет, но, во-первых, трудность—одно дело, невозможность—другое. Невозможного, неисполнимого в этом требовании абсолютно ничего нет; и если бы комсомолец всерьез подумал: что же важнее: сохранить ли мне вредную для организма привычку — немножечко одурманивать себя через каждую четверть или получаса, или сохранить себя дисциплинированным комсомольцем, то, пожалуй, такого решения не получилось бы. Не думаю, чтобы двери РКП широко раскрылись перед товарищем, который должен будет сказать, что он ушел из Комсомола, не желая подчиниться «палаческой», как он выражается, дисциплине в Биюк-Ойларской ячейке.

Я не касаюсь здесь ряда других вопросов, который поднимает в этом своем письме комсомолец, упрекая в неискренности и лицемерии и авторов предложения об исключении за курение; повидимому, не очень благополучно обстоит дело в этой организации. Кратко свое отношение к затронутому вопросу я уже высказал. Я против курения, но если бы от меня организация потребовала, чтобы я курил,—такой случай, конечно, трудно себе представить,—я бы стал курить; а если бы я был страстным курильщиком, а организация бы требовала прекращения курения, я выполнил бы требование организации и прекратил курение, как бы мне ни было это трудно. Нельзя, в самом деле, называть ряды РЛКСМ стальными и в то же самое время эти стальные ряды превращать в какую-то слякость и выходить из этих рядов по первому пустяку. И РКП (б) не богадельня для недисциплинированных комсомольцев, а РЛКСМ — не проходной двор.

(„Комсомольская Правда")

Ем. Ярославский

ЕЩЕ РАЗ О КУРЕНИИ И ДИСЦИПЛИНЕ

Повидимому, вопрос о (партийной) комсомольской дисциплине разно понимается у нас. Иначе не было бы и того, что называется нарушением партийной и комсомольской дисциплины. На мою заметку по поводу комсомольца из Биюк-Ойларской ячейки есть уже и возражения. Одно из них я привожу здесь целиком.

«В № 121 «Комсомольской Правды» помещена ваша заметка по поводу письма к вам комсомольца Биюк-Ойларской ячейки РЛКСМ. По поводу этой заметки я и хочу написать вам несколько строк. Конечно, этот комсомолец неправ, выходя из РЛКСМ только благодаря тому, что ячейка предложила ему бросить курить. Но в то же время я никак не могу согласиться и с вашим толкованием.

«Я против курения,—пишете вы,—но если бы от меня организация потребовала, чтобы я курил (такой случай, конечно, трудно себе представить), я бы стал курить, а если бы я был страстным курильщиком и организация требовала прекращения курения, я выполнил бы требование организации и прекратил бы курение, как бы ни было это трудно».

Если организация требует прекращения курения, то ни один самый злостный курильщик не скажет, что это плохо. Он поставит вопрос о том, что трудно отвыкнуть, но не о том, что это плохо. За это, конечно, обижаться на организацию нечего, та ккак она требует лучшего.

Но у вас выходит так, что организация потребует чорт знает чего и надо исполнять. Почему Ярославский не в рядах меньшевиков? Потому, что они требуют от него того, с чем он не согласен. Было время, когда большинство партии требовало от приверженцев Ленина иной политики, но Ленин шел вразрез с такой «партией». Мне кажется, подобное заявление тоже неискренно и недельно. Если партия большевиков начнет требовать от Ярославского начать курить, а потом выпивать и т. д., что, конечно, очень трудно себе представить, едва ли Ярославский останется в ее рядах.

С приветом Соснович».

Конечно, я никогда не утверждал, что надо исполнять все то, что потребует та или иная ячейка партии или Комсомола. Если она требует «чорт знает что», я должен прежде всего знать, согласно ли это требование с решениями партии, с ее программой, ее тактикой, ее уставом.

Поэтому, если какая-нибудь ячейка, между прочим, поведет линию хоть чуточку похожую на меньшевистскую, я обязан немедленно исправить своих товарищей, раз'яснить товарищам их ошибку, а если не добился сознания ошибки, довести до сведения высшего руководящего органа, протестовать, требовать исправления этой линии.

Нередко бывает, например, что комсомольская ячейка под видом антирелигиозной пропаганды проделывает озорные вещи, вредящие и партии и Комсомолу. Если я уверен, что это неправильно, я не подчинюсь т а к о м у решению, я буду за свое неподчинение отвечать перед высшими руководящими органами, отстаивая свою правоту.

Но разве э т о мы имеем в Биюк-Ойларе? Подумаешь, какой нашелся исправитель комсомольской линии. Ячейка чересчур сурово и неумело, может быть, принимается за оздоровление молодежи. А комсомолец просто-напросто уходит из этой ячейки, не жалуется на нее укому, губкому, ЦК Комсомола, а просто-напросто п о к и д а е т ряды Комсомола.

Тов. Соснович очень неудачный пример привел с меньшевизмом. Я не меньшевик не потому, что меньшевики — злодеи, а большевики — праведники, святые. Я большевик, коммунист потому, что большевизм есть единственно, по-моему, правильный путь борьбы за коммунизм, к которому я стремлюсь. И если партии большевиков, повторяю, потребуется, чтобы я завтра отправился на подпольную работу, куда угодно, чтобы я переменил свои прежние привычки, это я сделаю, хотя, может быть, и будет противно одеваться по-буржуазному, жить по-буржуазному, чтобы не вызывать никаких подозрений.

Только в э т о м ограниченном смысле я и писал, что я подчинился бы и обязан подчиниться решению организации, идущему вразрез с моими л и ч н ы м и привычками, может быть, и очень хорошими, но мешающими в известных случаях выполнить то или иное поручение партии.

Партия большевиков никогда не потребует ни от тов. Ярославского, ни от кого другого, чтобы он выпивал, партия большевиков всегда будет бороться за трезвое поколение коммунистов, против алкоголизма и алкоголиков. Но люди об'единяются в партию и в Комсомол по причинам гораздо более глубоким, чем единство отношения к тем или иным привычкам, и ради этого классового е д и н с т в а нельзя покидать по пустякам ряды партии и Комсомола.

(„Комсомольская Правда")

Т. Костров

О КУЛЬТУРЕ, МЕЩАНСТВЕ И ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

Что такое культура? И что такое мещанство?

Вернее, где кончается культура и начинается мещанство?

Почему между этими двумя словами стоит многозначительная буква «и» и что она означает: связь или противопоставление? В какой мере связь и в какой мере противопоставление?

Весь этот круг вопросов живейшим образом интересует нашу молодежь.

Поэтому тов. Сосновский своим фельетоном «О культуре и мещанстве», напечатанной в «Правде» несколько месяцев тому назад, попал, что называется, в самую точку.

Ему удалось найти нужные слова для выражения того, что чувствовало большинство, о чем думали многие. Фельетон тов. Сосновского дает непосредственную зацепку для обдумывания и решения вопроса о всей установке нашей молодежи, о работе над собой, об отношениях к другим.

Именно поэтому тема задела за живое и вызвала многочисленные отклики.

В наших заметках о культуре, мещанстве и воспитании молодежи мы возьмем за исходную точку фельетон тов. Сосновского.

Это будет целесообразно, во-первых, потому, что обсуждение вопроса уже идет по данному руслу, и, во-вторых, потому, что тов. Сосновский поставил этот вопрос достаточно четко.

Что пишет тов. Сосновский в фельетоне «О культуре и мещанстве»? Попробуем выделить в его фельетоне главное. Это главное, по нашему мнению, состоит в том, что тов. Сосновский ставит вопрос о р а з м е ж е в а н и и — четком размежевании между культурой и мещанством. «Давайте твердо условимся, — как бы говорит тов. Сосновский, — что такое культура и что такое мещанство. Не будем смешивать эти две вещи. Перестанем делать из словечка «мещанство» пугало, которое мешает нам усвоить элементы действительной культуры, ничего общего с мещанством не имеющие».

Правильна такая постановка вопроса или нет? Нам кажется, безусловно правильна. Но вопрос о размежевании культуры и мещанства стал не случайно. Очевидно, существуют какие-то причины, требующие от нас такого размежевания. Очевидно, эти две области где-то соприкасаются,

или на определенных участках проходят близко друг от друга. И для того, чтобы линия размежевания была наиболее четкой, придется дать в нескольких словах определения этим ходким, но несколько стершимся, именно, благодаря ходкости, словам — культура и мещанство.

Итак, что такое культура?

Культура — это весь арсенал оружия, накопленного человеческим обществом в процессе борьбы с природой и для борьбы с природой, плюс определенная система навыков, как обращаться с этим оружием и как обращаться с людьми, применяющими это оружие.

Что такое мещанство?

Мещанство — это ограниченность мелкого буржуа, вытекающая из той роли, которую он (этот мелкий буржуа) играет в процессе производства. Маркс писал как-то об идиотизме деревенской жизни. Это его выражение можно с полным правом отнести к мелкому товаропроизводителю вообще. Мелкий собственник весь во власти стихии капиталистического рынка. Он прикован к своему клочку земли, к своей лавочке, одним словом, к тому, что он с гордостью называет своим «делом», как каторжник к тачке. Но эта рабская зависимость отнюдь не будит революционных чувств, не делает его революционером. Наоборот, она становится источником величайшего консерватизма. У мелкого собственника нет будущего. Вернее, это будущее висит над ним, как глыба, готовая ежеминутно обрушиться на его голову. Он пришиблен ходом исторического развития. Это развитие обращается к нему, с одной стороны, хищным лицом крупного трестированного капиталиста, поджимающего его под себя, с другой — лицом рабочего, революционные действия которого пугают его. Поэтому мелкий буржуа с тоской смотрит на заднюю часть истории.

Мелкий собственник лежит на берегу капиталистической стихии, как ракушка на берегу моря. Но он имеет об этой стихии такое же представление, как ракушка о море. Приливы и отливы капиталистической стихии, приливы и отливы в истории человечества ощущаются мелким товаропроизводителем лишь в той мере, в какой они задевают раковину, защищающую его от общественных потрясений и невзгод.

Таким образом мещанство—ничто иное, как ограниченность мелкого буржуа, обусловленная идиотизмом его общественной жизни.

Почему стал вопрос о размежевании между культурой и мещанством?

Потому, что культура, которая была до сих пор господствующей и у которой мы еще должны многому учиться,

есть культура буржуазии, насквозь пропитанная мещанством.

И задача, стоящая перед нашей молодежью, перед передовыми кадрами освободившего себя и освобождающего весь мир пролетариата, в наиболее общей форме может быть определена так: усвоить элементы действительной культуры, накопленные человеческим обществом в процессе развития, отделив их от буржуазного содержания, от мещанства.

В статье «О задачах союза молодежи» тов. Ленин писал: «Без ясного понимания, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру, — без такого понимания нам задачи не разрешить».

В этом маленьком отрывке содержатся три основные мысли:

1. Мы строим свою пролетарскую культуру, принципиально отличную от всех предшествующих культур.

2. Эту новую культуру можно построить лишь на основе точного знания старой культуры, «созданной развитием человечества», и, разумеется, усвоения ее.

3. Процесс усвоения есть в то же время процесс критической переработки старой культуры, разложения ее на составные части, выделения лучшего и действительно полезного, беспощадного удаления старого, ненужного и враждебного.

Об этом нужно помнить, когда мы говорим о культуре и мещанстве, когда мы боремся за действительную культуру.

Здесь перед нами встают две опасности.

Одна состоит в том, что известная часть молодежи пользуется словечком «мещанство», презрительным окриком «ты мещанин» для оправдания собственной бескультурности, собственного невежества и хамства. Таких типчиков много, и против них справедливо ополчился товарищ Сосновский в фельетоне «О культуре и мещанстве».

Но есть и другая опасность. Она заключается в том, что некоторые представители молодежи, мня себя «культуртрегерами» (носителями культуры), в действительности под видом культуры протаскивают чистейшее мещанство, глубоко враждебное нам.

Если первая опасность коренится в прошлом, в нашей отсталости и некультурности, отчасти в традициях «военного коммунизма», то вторая питается отдельными отрицательными сторонами нэпа, ростом материального благо-

получия, оживлением мещанских интеллигентских прослоек и т. д.

Борьба за действительную культуру должна вестись на два фронта — против попыток использовать окрик «мещанство» для прикрытия собственного хамства и против попыток протащить под видом «культуртрегерства» крупицы действительного мещанства.

После этих нескольких вводных слов вернемся к фельетону тов. Сосновского.

Он посвящен пропагандированию нескольких бесспорных на первый взгляд истин.

Не мни чужих галстуков.

Не влезай с сапогами на чужую кровать.

И, главное, относись с уважением к правам другого.

Оговоримся. Плохо не то, что тов. Сосновский проповедует эти истины, а то, что их приходится повторять на все лады, так как они еще не в достаточной мере усвоены нашей молодежью.

И самое ужасное здесь то, что в приведенных тов. Сосновским примерах за небрежным отношением к вещам скрывается невнимательное, больше того, возмутительно грубое отношение к людям.

Некоторые представители молодежи думают или делают вид, что думают, будто влезть с сапожищами на чужую кровать, зайти в комнату не постучавшись — значит доказать свою революционную одержимость. На самом деле такие действия — признаки бескультурья и невежества, наследие прошлого, еще добуржуазного, свинцовый груз, мешающий нам итти вперед.

Комсомол должен пойти в поход против этого бескультурья, мобилизовать для борьбы с уродливыми остатками прошлого общественное мнение молодежи.

Но для этого надо дать молодежи четкую, революционную перспективу.

Здесь-то и встает вопрос о соотношении между «хваленной» и «нехваленной» культурой (см. фельетон товарища Сосновского), т. е., другими словами, между культурой буржуазной и пролетарской.

Этот вопрос не надуман. Он ставится самой молодежью, наиболее сознательными представителями ее.

Для примера приведем одно очень характерное письмо по поводу фельетона тов. Сосновского, полученное редакцией «Комсомольской Правды».

«На нашем заводе, — к сожалению, товарищ не пишет, на каком именно, — много спорили насчет фельетона тов. Сосновского. Я напишу в нашу редакцию мое мнение.

Вот что мне непонятно. Тов. Сосновский зовет нас учиться у немцев. А ведь там теперь у власти буржуи и, кажется, царский генерал Гинденбург — президент. Я согласен, что учиться не воровать мы должны не только у буржуев, а даже у самого чорта (хотя буржуи умеют ловко нас, рабочих, обворовывать). А вот надевать галстук, завязывать его по всем правилам ихнего туалета, снимать шапки, где полагается — этому, по-моему, незачем учиться. И мне кажется, что увлечение галстуком для рабочего будет похуже пристрастия к водке. И еще одно. У тов. Сосновского выходит, что немцы, — ведь у них законы и обычаи на-руку буржуазии, — с большим уважением относятся ко всем другим людям. Я этого тоже не могу взять в толк. По-моему, все буржуи относятся с уважением только к богатым, а рабочих ненавидят и строят им всякие каверзы. И мы их тоже будем презирать».

Письмо написано думающим товарищем. Молодой рабочий ищет ответа на больной вопрос о соотношении между нашей и буржуазной культурой. На эти мысли натолкнул его фельетон тов. Сосновского. Таких молодых рабочих много. Им-то и нужно дать в вопросе о культуре четкую и правильную перспективу.

Постараемся осветить вопросы, поставленные в письме молодого рабочего.

Сначала — о галстуках.

Важно не то, какое место занимает галстук в одежде, а то, какое он занимает место в жизни. В жизни мещанина (все равно, будет ли это капиталист, мелкий буржуа или омещанившийся рабочий — таких рабочих много на Западе) он занимает несоразмерно большое место. «Культ галстука» мешает в известной мере западно-европейским рабочим сбросить буржуазию, потому что революция мнет галстуки — и не только галстуки. И поэтому неправильно ставить вопрос — что хуже: «культ галстука» или «культ водки». Оба хуже. Революционер в равной мере кончается там, где начинается «культ галстука» или «культ водки».

Галстук, конечно, имя собирательное. Под ним можно подразумевать и многое другое.

Приведем один пример. Недавно у нас гостила делегация немецкой рабочей молодежи. Из страны капитала делегаты приехали в страну строющегося социализма. Пролетарская революция, мощное дыхание которой они чувствовали и у себя на родине, вернее, на родине своей буржуазии, начала постепенно вырастать перед их глазами Волховстроем и Шатуркой, Красной армией и Комсомолом, фабзавучем и рабфаком. Комсомольцы советских республик радостно

встретили иностранных гостей. Но, знакомя делегацию с нашей страной, комсомольцы по небрежности неоднократно запаздывали с обедом. Вообще говоря, это—признак нашей неорганизованности, нашего неумения правильно распределить время. Но среди гостей нашелся один, который принял это чересчур близко к сердцу. Тов. Вильде так описывает возвращение этого делегата в родной город Гамбург: «Заюнц, делегат Гамбурга, правда, поражен всем видимым, но не может вполне переварить то обстоятельство, что его кормили обедами в 4, вместо 1 часа, и выдавали лишь по 2 яблока, вместо ½ ф. овощей».

«Галстук» — в данном случае обеды — очевидно, занимает в жизни этого товарища чрезмерно большое место. Вынести из первой рабочей республики в мире лишь впечатление о запаздывании обеда может лишь породистый, стопроцентный мещанин.

Разумеется, надо бережно относиться к вкусам товарищей, — не культурно мять чужой галстук, не хорошо не во-время кормить обедом гостя. Но такой «культ галстука» может вызвать у нас только величайшее презрение и омерзение к его служителям.

Надо ли вообще учиться у буржуазии? Конечно, надо. Есть ли чему у нее учиться? Безусловно есть.

— Мы не учились у буржуазии, когда завоевывали власть, — говорят некоторые товарищи. Неверно. Учились. Пролетариат смог сбросить буржуазию, только обладая таким тонким и точным инструментом для борьбы, как Коммунистическая партия. Наша партия воспитывалась, училась бороться и побеждать на теории Маркса—Ленина. Сам Маркс многому учился у буржуазии. Без Гегеля (буржуазный философ), без классиков политической экономии (буржуазные ученые) не было бы марксизма, ленинизма. В этом смысле пролетариат и его партия учились у буржуазии и в подполье и до завоевания власти.

Теперь, когда пролетариат строит советское государство — этап к социалистическому обществу — учиться нужно еще больше, еще упорнее, еще внимательнее. Учиться у буржуазии, потому что за несколько веков развития капитализма человечество накопило величайшие культурные ценности. Но учась — не обезьянничать, не копировать, не рабски подражать. Учась—перерабатывать, беспощадно критиковать, отбрасывать гнилое и ненужное. Учась—помнить, что наша культура есть иная и более высокая по типу, чем культура буржуазии.

Создаем ли мы действительно новую культуру?

Посмотрите—и вы увидите ее. Учение Маркса и Ленина, Коммунистическая партия и Комсомол, Красная армия и рабфак — все это частицы новой культуры победившего пролетариата, потому что Красная армия принципиально, по типу своему отлична от царской буржуазной, Коммунистическая партия — от дворянских собраний, Комсомол — от христианского союза молодежи, или комсомола, организуемого в эмиграции Струве.

Наша культура впервые в истории человечества основана на понимании законов общественного развития и постепенном овладении ими. Вспоминается один случай, когда это коренное отличие нашей культуры от буржуазной, мне особенно резко пришлось почувствовать.

Было это в Киеве на процессе «центродействия» — белогвардейской интеллигентской организации, не брезговавшей и шпионажем в пользу поляков.

На скамье подсудимых среди других маститых и немаститых представителей старой интеллигенции («Дни» в статье по поводу процесса назвали их «цветом русской интеллигенции») — профессор физики, один из виднейших ученых на Украине.

Допрос. Председатель суда спрашивает ученого физика:

— Ваше отношение к советской власти?

Несколько минут молчания, затем слышится ответ:

— Дружественное, т. е. очень хорошее, вернее, сочувствую во всем.

— Во всем ли? — с сомнением в голосе спрашивает председатель.

— Да, во всем, только... я стою за ее (т. е. советской власти) дальнейшую демократизацию.

— Так... ну, а в чем должна выразиться демократизация?

— Мало ли в чем. Ну, например, можно дополнить ее конституционной монархией... так сказать, совместить.

И, конфузившись, поясняет:

— Рабочим бы осталась советская власть, ну а конституционная монархия, знаете, примирила бы с советской властью и интеллигенцию и иностранные государства.

— Значит, вы монархист? — спрашивает председатель.

Во всем зале серьезен только он один; все, кроме него и подсудимых, смеются, особенно неистовствуют комсомольцы.

— Нет, видите ли, я — смотря по условиям времени и места.

— Ну, в Англии, например, вы были бы за монархию?

— Я думаю, что это дело вкуса. Англичане богатые, они любят короля, почему же нам быть против этого? Вот

я, например, люблю конфеты. И если у меня есть деньги, кто мне может запретить покупать.

На этом, кажется, кончилась экскурсия в область социологии. Ученого физика под общий смех отпустили на скамью подсудимых. И долго все думали, как и на какой почве мог произрасти такой фрукт, а «Дни» поучали: «цвет русской интеллигенции».

Конечно, этот ученый физик—не типичный представитель чуждой нам культуры. Он скорее карикатура на нее, на ее неспособность осмыслить историческое развитие.

В данном случае мы видели мещанина, пришибленного революцией, обрушившейся на его голову. Разумеется, можно привести много других примеров. Вместо тихого Иванушки-дурачка русского образца можно поставить буйно-помешанных героев знаменитого «обезьянного» процесса в Америке.

Американский мещанин не сидел на скамье подсудимых. Он выступал в роли обвинителя. И он вышел из зала суда не побежденным, а победителем.

Но при всем развитии внешней обстановки сущность мещанина остается неизменной.

«Обезьянный» процесс показал всему миру американского индустриализованного, стандартизированного мещанина, испуганного и взбешенного отдаленным, но приближающимся гулом революции. В политике такой взбесившийся мещанин называется фашистом.

Проклиная учение Дарвина, американский мещанин восставал против революционности человеческой мысли, против движения вообще, против изменения общественных форм, против всего, что может нарушить и нарушило уже его мещанское спокойствие.

Есть ли что-нибудь общего между русским профессором физики, осужденным за белогвардейщину, и американским воинствующим мещанином, осудившим учение Дарвина? Конечно, есть. Это общее—неспособность мещанина осмыслить историческое развитие, повернувшееся к нему спиной.

У нас нет и не может быть точек соприкосновения с этими представителями мещанской культуры. Наша культура впервые в истории человечества основана на понимании законов общественного развития, обуздании, овладения ими.

Кичливые последыши английской обуржуазившейся аристократии — оксфордские студенты или офицеры колониальной армии—ценят, любят и берегут отживающую культуру своего класса, ту, которая создавалась на крови миллионов, но которую они впитали вместе с молоком матери.

Мы должны окружить тем же вниманием и заботливостью нарождающуюся культуру пролетариата, строющего социализм в своей стране и борющегося за революцию во всем мире.

Надо воспитывать и выращивать новый тип человека — гордого, но не кичащегося своей культурой, уверенного в себе, но не самодовольного строителя социалистического общества. Надо дать молодежи эту революционную перспективу, и тогда она будет знать, чему учиться у буржуазии и как учиться у нее.

(„Комсомольская Правда")

Л. Сосновский

ДЕЛО КОРЕНЬКОВА

Когда студентка Горной академии Рива Давидсон покончила с собой самоубийством, ячейки Комсомола и партии решили судить ее мужа, студента той же Горной академии Коренькова, члена партии и Комсомола. Собственно, слово муж и жена в применении к этой паре звучало как-то странно. По крайней мере, сам Кореньков в пространных письменных и устных об'яснениях ни разу не назвал Риву своей женой.

Да и была ли она его женой? Их половая связь длилась около года. Последствием связи были три аборта, сделанные Ривой Давидсон. Первое время они жили раздельно. Затем Рива настойчиво добивалась и добилась, что они стали жить в одной комнате общежития академии. Кореньков упорно сопротивлялся появлению Ривы в его комнате. «Совместная жизнь будет мешать учебе»,—твердил он. Но Рива была настойчива. Она не понимала, что муж и жена должны жить врозь. Оба—комсомольцы, члены одной ячейки, оба—студенты одного вуза—почему им жить врозь? Разве у них нет общих интересов, кроме общей постели?

Кореньков так долго и так грубо отказывал Риве в праве жить с ним вместе, что ей пришлось пуститься на хитрость. Сначала она принесла к нему корзинку с вещами и попросила разрешения поставить ее на время в его комнате. Потом стала изредка оставаться ночевать. Это уже после аборта. И наконец поселилась с ним. Кореньков с нескрываемым зубовным скрежетом терпел ее в комнате. Иногда он демонстративно приглашал к себе приятеля-студента и спал с ним на одной кровати, а Рива была в той же комнате на другой.

Итак, была ли Рива Давидсон женой Коренькова? Кореньков не считал ее женой, несмотря на год половой близо-

сти, несмотря на три аборта, явившихся результатом близости. До Ривы Давидсон Кореньков был в половой связи со студенткой С. К. И ту он женой никогда не называл. Одно время он был в половой связи с обеими сразу. Разумеется, скрывая от той и другой правду. Но женами их не считал и не называл. Наконец он выписал к себе третью. Но женою и ее не называл. Что же такое жена по разумению Кореньков? Я затрудняюсь на это ответить.

Не могла себе ответить на несколько вопросов такого же свойства и Рива Давидсон. Как можно вступить в половую связь с девушкой, поддерживать эту связь годами и не считать ее женой? Как можно отказывать любимой женщине в праве жить и работать вместе с любимым? Как можно жестоко травить любимую женщину, зная, что она болезненно-нервный человек? Как может коммунист-студент прорываться антисемитскими выходками? Как может коммунист путаться в грязной лжи, скрывая одновременно связь с двумя женщинами? Как может он оставить вернувшуюся из больницы женщину с 40° температурой и уйти к другой женщине, а потом бахвалиться перед больной подробностями проведенной ночи?..

Рива Давидсон этого понять не могла и стала часто думать о самоубийстве. А Кореньков, зная, что она уже тянется к револьверу, оставляет на виду револьвер. 8-го июля прошлого года в комнате Кореньков-Давидсон грянул выстрел. Давидсон не стало.

Перед партийно-комсомольской комиссией Кореньков держался вызывающе. Он заявил, что никогда не любил Риву. Связь их носила чисто случайный характер. Три беременности вышли тоже случайно. Он тяготился Ривой. Он — жертва шантажа и травли. Члены комиссии—прохвосты и подлецы.

На общем собрании ячейки Кореньков держался еще резче. Запись его речи пересыпана грубыми ругательствами по адресу бюро ячейки и комиссии. Ячейка заколебалась и решила выбрать новую комиссию для разбора дела. Новая комиссия пришла к тем же выводам. В поведении Кореньков она не нашла ничего похожего на коммунистическую этику и предложила исключить его из партии. На этот раз ячейка не поколебалась и почти единогласно голосовала за его исключение.

Просматривая материалы комиссии, я был поражен, что некоторым свидетелям предлагался такой вопрос: «считаете ли вы, что Кореньков способен был убить?»

Один свидетель выразился так: «Если она с а м а застрелилась...»

Другая свидетельница обращала внимание на подозрительное поведение Коренькова после самоубийства. Револьвер лежал на коленях покойной Ривы, а Кореньков сбросил его на пол. Сам же он показывал комиссии, что револьвер лежал на полу.

Третий свидетель говорит, что некоторым студентам, сбежавшимся на выстрел, показалось подозрительным, что руки покойной были сложены накрест.

Четвертый отмечает, что в вечер после самоубийства в комнате Коренькова виден был в нижнюю щель двери странный свет, не похожий на свет электрической лампочки. Точно жгли что-то.

Пятая подозревает, что Кореньков сжигал дневник покойной, который велся ею.

Шестой видел покойную минут за 8 до выстрела. Она была весела. В этот день она получила работу и должна была приступить к работе, что ее радовало.

Наконец мне самому в показаниях Коренькова бросилось в глаза, что патроны для револьвера Кореньков добыл именно в этот день. И в то же время Кореньков знал, что именно в этот день должна была приехать в Москву третья героиня его романа из Макеевки. Действительно, она и приехала, но скоро ушла, сказав уборщице: «Попала в неудобное положение: скажут, что не успела умереть одна, как приехала другая».

Можно ли подозревать молодого парня в убийстве только на основании того, что его поведение было недостаточно этично? Разумеется, нельзя. Но люди, с такой легкостью топчущие доверчивую юную девушку, понимающие так странно отношения к женщине, к товарищу по Комсомолу, умеющие обманывать сразу трех женщин,—такие люди способны на многое. Они нечистоплотны в личной и семейной жизни. От них нельзя ждать чистоплотности ни в политике, ни в хозяйстве, ни в суде—словом, всюду, где им придется работать.

Начинается это с маленького. С неуважения к правам и достоинству личности. Экая беда, что такой фартовый парень пролетарского происхождения позволяет себе лапать и щупать девушку, которая этого не хочет допустить. Ведь это же мещанство—протестовать против «чисто товарищеского», шутливого лапанья! Наверное, протестующая является интеллигенткой. Кисейная барышня! Институтка! Мещанка! Не понимает простоты «товарищеских» отношений.

Потом с чисто «товарищеской» простотой доводят девушку до одного аборта, до второго, до третьего. Потом одновременно доводят до абортов вторую, скрывая от нее

связь с первой. Потом с чисто «товарищеской» откровенностью бахвалятся перед первой своими амурными похождениями.

Потом выживают из комнаты первую, чтобы подготовить место для третьей. Потом оставляют на видном месте револьвер с патронами после того, как затравленная женщина несколько раз думала и говорила о самоубийстве.

Сначала «лапают». Потом безжалостно растаптывают. Затем доводят до мыслей о самоубийстве. И наконец далеко ли отсюда до самого настоящего убийства?

Районная контрольная комиссия Замоскворецкого района отнеслась к Кореньков снисходительно. Она оказала кредит его молодости. Она ограничилась строгим выговором с предупреждением за некоммунистическое поведение и решила снять его с учебы, направив на производство. Однако и в резолюции РКК совершенно ясно определена его физиономия:

«На партколлегии выяснилось, что Кореньков вел себя по отношению к тов. Давидсон крайне нетактично. Считает и считал свою связь с Давидсон случайной. Факт одновременного сожительства с другими женщинами показывает, что Кореньков относился к Давидсон не товарищески, грубо, принимал всевозможные, частью очень некрасивые меры по выживанию ее из своей комнаты. Не прерывал с ней половых отношений, не желая и не собираясь с ней жить в дальнейшем, в результате чего было несколько абортов.

На заседании партколлегии и во время следствия вел себя нетактично...»

Районная контрольная комиссия надеялась, что после тяжелого случая с Давидсон, после суда партии и Комсомола над ним Кореньков изменится к лучшему. Он оценит доверие партии, оставившей за ним звание коммуниста.

Бывает и так. Но с Кореньковым вышло иначе.

На-днях маленькая заметка в отделе происшествий известила об ограблении кассы Горной академии, при чем жена кассира была грабителями убита, а сам кассир тяжело ранен кинжалом.

На другой день газета сообщила, что грабители пойманы и оказались студентами Горной академии братьями Кореньковыми и Смирновым. На допросе старший Кореньков об'яснил, что на полученные от грабежа деньги он хотел пожить в Крыму. Это и есть герой нашего романа.

На-днях предстоит суд над бандитом Кореньковым и его сообщниками. Будет ли при этом поднят вопрос о самоубийстве Ривы Давидсон—не знаю. Но у меня теперь совсем мало сомнений в том, что Кореньков мог убить несчастную

Риву Давидсон. Подозрения нескольких студентов Горной академии насчет того, что самоубийства, может быть, и не было, а было убийство, теперь становятся особенно вескими и основательными. Если Кореньков мог хладнокровно убивать девушку морально, трудно ли ему пустить ей пулю в висок?

С Кореньковым вопрос покончен. Суд скажет свое слово, последнее слово о коммунисте Коренькове. Возмущение студенчества Горной академии, говорят, очень велико. Студенты требуют самой суровой меры в отношении суб'ектов, осмелившихся загрязнить звание пролетарского студента.

Но дело Коренькова не будет исчерпано только судебным приговором. Гораздо важнее, чтобы наша общественность разобрала и беспощадно осудила «кореньковщину» в среде нашей молодежи и не только молодежи.

Кореньков орудовал не в глухом лесу, а в общежитии Горной академии. Десятки студентов партийцев и комсомольцев видели, как он издевался над нервным, впечатлительным человеком. Видели, как он ее выталкивал из комнаты, и она со слезами ходила по товарищам. Она обращалась к ряду товарищей со своими горькими думами и сомнениями. Она не понимала, как это коммунист может так обращаться с близким человеком. Как можно столь бездушно топтать личность товарища и жены. Как можно лгать так бессовестно, запутывая в грязный клубок жизнь нескольких человек, членов комсомольской организации.

И ни одна душа не догадалась, что «кореньковщина» вовсе не является частным делом данной парочки. Никто не призвал Коренькова к ответу. Никто не сделал его поведения предметом коллективного обсуждения. Общественное мнение молодежи всколыхнулось только тогда, когда раздался выстрел. Да и то Кореньков смог опрокинуть первую партийно-комсомольскую комиссию, разбиравшую его дело. Кореньков мог на общем собрании ячейки безнаказанно называть честных партийцев подлецами, прихлебателями, шпаной, барбосами—словом, как ему хотелось.

Разве не раздавались голоса активных партийцев-студентов в защиту Коренькова?

— Где написано, что партиец может иметь только одну жену, а не несколько?—восклицал один член комиссии и протестовал против исключения Коренькова из партии. Тем более, что Давидсон была, по его мнению, человеком из интеллигентской семьи с мещанскими замашками, пошедшим даже на аборт.

Даже на аборт!!! И Кореньков тут, конечно, не при чем. Ведь он пролетарского происхождения. К слову сказать,

чистота его пролетарского происхождения тоже подлежит сомнению. Почему-то его брат был офицером в белой армии. Это не похоже на рабочую семью Донбасса.

Кореньковщина не получает у нас должного отпора со стороны общественного мнения. Кореньковы слишком легко и безнаказанно топчут юные жизни. Не всегда дело доходит до убийства и самоубийства. Но моральные убийства очень часты. Разве не моральным убийством является такой поступок, когда студентке приходится пройти через постель какого-нибудь типа в роде Кореньков, занимающего в вузе выборную должность, чтобы ей, студентке, получить отпуск, стипендию, проездной билет или что-нибудь в роде этого?

А такие факты не являются, к сожалению, совсем исключительными. И главное, что делается это почти открыто. Нужны какие-нибудь особенные обстоятельства, чтобы поднять общественность против негодяйства. Между тем, достаточно было бы самого простого обращения в ячейку, в райком, в газету, к прокурору, в контрольную комиссию, чтобы прекратить безобразие.

Кореньковщина отвратительна и опасна даже тогда, когда Кореньковы еще не имеют никакой власти. Когда же Кореньковы втираются на административные или хозяйственные посты, тогда они, как купоросное масло, сжигают ткань молодого советского организма. Представьте себе Кореньков директором фабрики, начальником учреждения, заведующим школой. Вокруг него расцветет карьеризм, кумовство, бездушие, корысть, надругательство над подчиненными и гаремные нравы.

Всякий хищник бывает в детстве молодым забавным зверенышем. Таковы и Кореньковы. Сначала они имеют вид этаких славных грубоватых парней, «настоящих пролетариев». Потом, почти шутя, растаптывают несколько жизней, а уже дальнейшее зависит от обстоятельств.

В статье «О культуре и мещанстве» я предостерегал молодежь от тех людей, которые в нашем быту особенно щеголяют неуважением к правам и интересам другой личности и особенно часто прибегают к клейму «мещанство». Я приводил примеры сравнительно мелкие. Дело Кореньков представляет собой пример исключительной яркости и наглядности. Если Кореньковы не будут с первых шагов своих встречать сознательного отпора молодой нашей общественности, с ними трудно будет справляться впоследствии, когда они вырастут в зрелых хищников и негодяев.

(„Правда")

С. Смидович

О КОРЕНЬКОВЩИНЕ

Припомним, как было дело. Братья Кореньковы, комсомолец и кандидат ВКП (б), бывшие студенты Горной академии, все еще проживающие в общежитии того же вуза, в июне 1926 года ограбили кассу Горной академии, предварительно нанеся ножом тяжелую колотую рану кассиру и убив его жену. Их арестовали. Их будут судить.

Несколько времени до этой уголовщины один из Кореньковых, старший—Константин, был заподозрен в убийстве комсомолки Давидсон, которая жила с ним в одной комнате и, по собственному его показанию следователю, состояла с ним в браке.

В конечном счете суд не счел возможным по тем данным, которые имелись у него в руках, привлечь Коренькова за убийство Давидсон, но моральную ответственность за самоубийство человека, товарища по Комсомолу, над которым он всячески издевался, которого третировал, как третирует проститутку буржуазная золотая молодежь, ячейка Комсомола за ним признала, исключив его из партии и ЛКСМ. Районная КК смягчила приговор, надеясь на исправление Коренькова, и вынесла ему строгий выговор с предупреждением. Из последовавшего затем преступления Коренькова ясно, что он не оправдал надежд партии. Кореньков обвиняется теперь уже не в неэтичном поведении, как коммунист, а в ничем неприкрытом б а н д и т и з м е.

Вполне прав тов. Сосновский, который усматривает глубокую связь между отношением Коренькова к женщине, моральным убийцей которой он сделался, благодаря циничному, грубому, издевательскому подходу к ней, и его бандитизмом.

Поведение Коренькова, сознательно толкавшее Давидсон к самоубийству, с другой стороны, убийство и ограбление тем же Кореньковым с целью получения денег для поездки в Крым—это две стороны одного и того же опасного общественного явления—кореньковщины, на борьбу с которым следует обратить серьезнейшее внимание.

Мы склонны многое прощать, на многое закрывать глаза, когда дело идет о так называемой личной жизни. «С точки зрения коммунистической этики, никак не подойдешь к данному поступку»,—частенько говорим мы. «Где написано, что коммунист может иметь только одну жену, а не несколько?» (слова одного из членов комиссии, разбирав-

шей дело Коренькова). И мало ли что еще приходится слышать и говорить в таких случаях. Мы опасаемся, как бы не впасть в догматизм, поповское ханжество и пр. и т. п.

Не так ли подошла районная КК к Кореньков у? Ведь если бы он украл порученные ему государством или партийные средства или избил, хотя бы и в пьяном виде, своего товарища, или даже просто как следует обложил кого-нибудь матом или антисемитской руганью, исключение из партии было бы обеспечено. Но здесь районная комиссия имела дело с отношением Коренькова к женщине, с которой он находился в половой близости, и районная КК сочла возможным смягчить приговор. «Дело семейное, кто их разберет. Почем знать, кто прав, кто виноват».

А между тем, дело ясное, как апельсин. Разве брачные взаимоотношения дают право коммунисту издеваться над товарищем, унижать его? А между тем и то, и другое делал Кореньков, о чем имеются определенные показания близко соприкасавшихся с Кореньковым и Давидсон товарищей. «Шпана», «жидовская пролаза»—вот те эпитеты, которыми наделяет Кореньков Давидсон. Он запирался в комнате и не пускал ее; чтобы заставить ее уйти, рассказывал при ней товарищам о своих связях с женщинами или вообще говорил о женщинах в циничных выражениях; не считаясь с тем, что у них общая комната, оставлял ночевать товарищей и еще в день смерти намекал на то, что он желает уехать отдыхать к родным без нее, так как там у него-де знакомые девицы и проч., а когда она что-то хотела выяснить, спросить, он прервал ее одним словом: «Достаточно».

А выяснять было что: Давидсон была не одна у Коренькова. Он лгал и изворачивался, не говоря Давидсон всей правды о своих многочисленных связях с другими женщинами.

Было ли достаточно оснований у Коренькова знать, что живущий с ним в одной комнате товарищ, Давидсон, близок к самоубийству? Да. Дня за три до случившегося он нашел у нее в кармане записку и револьвер, а несколько дней до этого Давидсон при нем сделала попытку броситься из окна.

Кореньков не только не поставил этого вопроса в ячейке, не только не счел нужным принять меры, а... как-раз обратно: хранил свой револьвер незапертым в столе да еще предупредительно как-раз накануне самоубийства снабдил его патронами.

Вот так, по-бандитски, относился Кореньков к живущему с ним в одной комнате товарищу, Давидсон. И разве всего этого не достаточно было бы, чтобы исключить его из пар-

тии... если бы дело не касалось «личной жизни» Коренькова, т. е. взаимоотношений с женщиной.

Само собой разумеется, что как бы ни была тяжела жизнь Давидсон, которой пришлось по настоянию Коренькова сделать себе три аборта за один год, при невероятно трудных условиях как жилищных, так и материальных, которая неоднократно жаловалась товарищам на грубость своего мужа—Коренькова и которая, повидимому, все же не находила в себе мужества порвать с ним,—все это нисколько не оправдывает акта самоубийства.

Но не это в данном случае нас интересует. Давидсон, будь она сильнее и не так нервно издергана, конечно, не покончила бы с собой, а нашла бы выход из казавшегося ей таким безвыходным положения.

Но не так легко, повидимому, было разобраться Давидсон в проявлениях Коренькова и оценить их, как бандитские, если в них не сразу разобрался и более сведущий в оценке поступков коммунистов партийный орган. Вот если бы Давидсон встретилась с бандитом где-нибудь в лесу или на большой дороге, тогда бы легко было сообразить, что надо громко звать на помощь, и, если услышат ее голос и придут люди,—она спасена...

Бандитское поведение Коренькова по отношению к Давидсон принималось ею за неуравновешенные проявления любимого человека, тем более, что все ее-то поведение по отношению к нему ясно показывает, что она не изжила веками заложенного в ней рабского отношения к мужчине.

Бывали тяжелые минуты у Давидсон. Хотелось кричать, но ведь то, что возможно в лесу или на большой дороге, то недопустимо в вузовском общежитии. Давидсон потихоньку жаловалась товарищам, с заплаканными глазами, виновато улыбаясь, потому что она, Давидсон, все еще надеялась, что жизнь ее изменится к лучшему, и не хотела разрывать с Кореньковым, которого... любила.

«По внешности Давидсон была интересной брюнеткой, развитой умственно, и она вообще нравилась». Так говорит о ней студентка А., член ВКП (б) Замрайона, жившая в одном с нею коридоре и часто встречавшаяся с нею. «По характеру она была очень приветливая и общительная, в самом лучшем смысле хороший товарищ, отзывчивая. Способностей она была выше средних; предварительно, до поступления в Горную академию, она хорошо окончила рабфак, любила общественную работу. Последний год Давидсон, вследствие сильной неврастении (повидимому, от абортов), не могла заниматься. Но по окончании лета она решила вернуться к своим занятиям».

Таким образом не было никаких данных хорошему, отзывчивому, приветливому товарищу очутиться в заколдованном кругу каких-то таких противоречий, которых нельзя изжить в коллективе. Давидсон живет в общежитии Горной академии, т. е. как-будто является частью молодого, живого, отзывчивого коллектива. Товарищеская солидарность, чуткость—вот то, что должно было спасти Давидсон, вытащить ее из болота кореньковщины, в которое она попала, раскрыть перед нею временно утерянные ею перспективы, крепче связать ее с жизнью.

Что же представляет собой жизнь того коллектива, который должен был помочь молодой женщине справиться с навалившимся на нее ужасом—в виде совместной жизни с Кореньковым?

При опросе студентов вырисовывается картина жизни общежития, и далеко не радостная картина, мало чем отличающаяся от жизни в общежитиях студенчества старых времен.

В каждой комнате общежития течет своя обособленная жизнь, мало чем отличающаяся в этом отношении от обывательского существования в любых меблированных комнатах. Абсолютно не чувствуется биения жизни единого целого, а есть только механическое соединение людей, не пытающихся вникнуть в жизнь соседей по коридору, а иногда и по комнате.

В комнате Коренькова и Давидсон рассказываются циничные анекдоты о женщинах, лежит Давидсон, запертая на ключ, истекающая кровью после третьего аборта. В один прекрасный день раздается выстрел, которым кончает с собой Давидсон и который при сколько-нибудь чутком отношении окружающей среды не мог явиться для нее неожиданностью, но здесь мы имеем дело с какими угодно связями между людьми, густо населяющими общежитие, но связями случайными, не носящими органического характера. Студенты ходят вместе в кино, катаются на лодке, одалживают друг у друга брюки, стаканы, деньги, играют вместе в мяч...

Вот, например, как рассказывает о смерти Давидсон один из студентов, член ВЛКСМ: «Знаю Коренькова и Давидсон с 1925 года как студентов, а с Кореньковым мы земляки. Подробностей его семейной жизни я не знаю, от других слышал, что они живут неважно. В день смерти Давидсон, до момента выстрела, мы играли в мяч, и в числе других игравших был и Кореньков. Когда мы кончили, то разошлись, а через полчаса мне сказали, что Д. застрелилась. Вначале не поверил этому, а так как они живут наверху, а я

внизу, то я даже не пошел проверить сказанное».

Один член коллектива выбыл из строя,—как-будто естественно было бы хотя бы проверить-то, если услышал, что случился такой грех!

Все знали, все видели, что Кореньков груб к жене, издевается над ней, но в подробности их совместной жизни никто не вникал. Рядом жил бандит и по-бандитски издевался над товарищем, но коллектив ничего не предпринял, чтобы справиться с недопустимым отношением к своему члену.

Здесь по существу самое больное во всем вопросе о кореньковщине. Что в студенческом общежитии оказался хоть и вменяемый, но все же психопатический суб'ект, который в конечном счете проявился как форменный бандит,—здесь еще нет ничего особенного, но что окружающая его молодежь, живя с ним изо дня в день, наблюдая его отношения с несчастной Давидсон, констатируя невероятную его грубость, цинизм, издевательство над нею, никак на все это не реагирует и выбрасывает его из своей среды только после того, как двукратно комиссия признает его виновным в смерти Давидсон, — вот это самое нехорошее, что есть в кореньковщине.

«Моя хата с краю, ничего не знаю»—мещанское, обывательское умывание рук. Личная жизнь товарища—не мое дело. На глазах у всего студенческого коллектива Кореньков запирает тяжело больную, буквально истекающую кровью жену на ключ—ну, что же, его личное дело. Он обращается к ней не иначе, как с ругательствами и издевательствами — никто не вмешивается. Чего же лучше: в комнате Кореньков раздался выстрел, и студент, комната которого отделена одним этажем, не считает нужным проверить, в чем дело. Ведь это же, по мнению студента, личное дело Кореньков с Давидсон.

Но Кореньков не один, и кореньковщина только потому нас и занимает, что издевательское, бандитское отношение к женщине, принимая характер общественного явления, не вызывает должного отпора со стороны окружающей среды.

Вот Моргунов—тоже бывший кандидат ВКП (б) и кандидат ВЛКСМ с 1920 года, правда, с большим кандидатским стажем (с 1921 года), 23 лет, женат, имеет ребенка. Дело об использовании Моргуновым служебного положения «путем вымогательства половой связи от нуждающихся в работе и обращавшихся к нему девочек-подростков» привело его к исключению из партии и к отдаче под суд.

Он занимал уже ряд должностей и в момент совершения преступления работает инструктором профсоюза сов-

торгслужащих. По его собственным словам, он, Моргунов, «был командирован МК ВЛКСМ в губотдел совторгслужащих для работы среди молодежи, для защиты экономических требований молодежи (направления молодежи на работу и инструктирования молодежи)». Но вот девушка-подросток, только недавно из деревни, получив из рук Моргунова службу, подает, по совету своей случайной знакомой, кандидатки ВКП (б), следующее заявление в ЦКК: «Прошу расследовать мое дело. Гражданин Моргунов служит в губотделе совработников и посылает девочек-подростков на службу по выбору — кто ему понравится, но не кто нуждается».

Ну какой это есть коммунист? Говорит девчонке: «я тебя люблю, если ты меня любишь, то я тебя устрою на работу, я все могу устроить, даже на 46 рублей, только услуга за услугу». В конце заявления тов. А. прибавляет: «Хотела бы я, чтобы Моргунов был девчонкой и остался бы без работы. Как бы ему понравилась «услуга за услугу?»

Следствие, которое было начато согласно полученному заявлению партколлегией ЦКК, выявило кошмарную картину бандитских похождений Моргунова. Оказалось, что Моргунов тянул дело с посылкой на работу до тех пор, пока не совершил над девушкой гнусного насилия, заведя ее в какой-то подвал на Солянке. 11-го ноября совершилась гнусность—15-го ноября А. получила работу.

В том учреждении, куда была послана на работу А., оказалось, как потом выяснилось, несколько посланных тем же Моргуновым подростков, из которых одна была приведена им в тот же подвал на Солянке и не была изнасилована только потому, что оказала сопротивление, а другая 17-летняя девочка отделалась только приставаниями. В своих показаниях обе указывали на то, что «Моргунов нарочно затягивал дело и все предлагал приходить на другой день». Работу они получили после той или другой грязной истории с Моргуновым. Вот показания У.: «Загородив мне выход (все того же подвала), ведущий из подвала по крутой лестнице вверх, он стал открыто говорить, что за устройство на работу нужно, чтобы я ему отдалась. Я возмутилась и хотела уйти. Он не пускал и, настаивая на своем, говорил, что в противном случае он меня на работу не пошлет, а мне вообще устроиться на работу трудно, и что многие девчонки так делают, что ничего страшного в этом нет и что, мол, никто ничего не узнает. Я решительно отвергла его предложения».

Моргунов грозит револьвером. У. не сдается. «Он схватил меня и пытался повалить, но не мог, так как не был достаточно силен, и я, как выросшая в деревне и сильная,

сопротивлялась ему с успехом. В результате, видя, что он от меня ни угрозой, ни силой ничего не добьется и что я скорее готова умереть, чем пойти на гнусное предложение, Моргунов вышел из подвала первым и велел мне прийти на другой день за путевкой, которая и была мне вручена».

Пойманный бандит Моргунов отрицал насилие в подвале над А., но не отрицал, что, познакомившись с нею в губотделе совторгслужащих, как с подростком, которого он по роду своей службы должен был отправить на работу, он вступил с нею в половую связь, при чем не придавал этому «особенного значения, могущего вызвать излишние разговоры и подозрения, и считал своим личным делом».

И опять-таки в этом деле поражает не самое его существо. Совершилось тяжелое преступление, и преступник пойман, отдан под суд и наказан тремя годами строгой изоляции, после чего будет поражен в правах.

Общественное негодование, как будто, может быть удовлетворено. Но ведь не в этом дело.

Мы спрашиваем себя, как мог бандит Моргунов оказаться в роли представителя МК ВЛКСМ, бывшего члена МГСПС и проч. и т. п. Как мог Комсомол именно как-раз ему поручить дело распределения девочек-подростков? Не было ли и тут того же закрывания глаз на так называемую «личную жизнь», «личное поведение» Моргунова?

«Моргунов—развитой парень, хороший работник, а как у него насчет личной жизни—да разве это важно?

Он цинично говорит о женщинах, обманывает жену, имея какие-то связи на стороне, но нам-то какое дело?»

И Моргунов, начав с маленького, заканчивает свою карьеру на скамье подсудимых за изнасилование девочки-подростка почти что при исполнении служебных обязанностей.

Бывает и так, что бандитский подход к женщине находит отпор в окружающей среде, но затушевывается из соображений «высшего порядка».

В местечке Корсуни, Черкасского округа, активист Романов во время беременности жены Сони Гримберг находит себе другую женщину — «свежую, молодую пионерку, которой нет еще и шестнадцати лет».

Узнав об этом, Соня Гримберг заявила в бюро ячейки, которое постановило устроить закрытое собрание и обсудить вопрос. На этом собрании Романов (секретарь ячейки) дает об'яснение: «Если я не хочу с ней жить, она мещанка, с мещанской психологией, кому какое дело вмешиваться в личную жизнь. Я хочу две жены иметь—какое кому дело!» То же самое подтвердил

и секретарь райкома Комсомола: «Кому какое дело вмешиваться в личную жизнь Романова, а если еще кто-нибудь что-нибудь будет говорить о Романове, то даже до исключения дойдет из Комсомола, а не то в личное дело занесем».

Ребят напугали, все молчали, как воды в рот набрали, а некоторые стали итти по примеру секретаря ячейки, стали стрелять за молоденькими пионерками.

«Свободолюбие» Романова, подкрепленное угрозой «оргвыводов» со стороны секретаря райкома ВЛКСМ, привело к уголовщине. Романов избил и прогнал с квартиры только-что оправившуюся от родов «мещанку» Соню Гримберг с ребенком.

Ячейка опять поставила вопрос на обсуждение и, как один человек, высказалась за исключение начинающего свою карьеру Романова из рядов коммунистической молодежи. Не тут-то было. В защиту Романова выступают члены бюро райкома.

Вот как передается их речь в заявлении, направленном ЦК ВЛКСМ:

«Никогда не может быть, чтобы Романова исключить из Комсомола. Он активист, без него работы у вас не будет никакой». «Потом,—говорится далее в заявлении,—оратор останавливается на разврате жизни и говорит: это есть такая болезнь у каждого, как у Романова. Это есть хроническая болезнь, неизлечимая, так что страшного ничего нет. Если он немножко ошибся, так что же такого? Троцкий ошибался, почему же Романову не ошибиться».

Романов остался в комсомольских рядах, и во всей этой истории это опять-таки самое нехорошее. Если бы Романов украл, если бы он избил товарища или просто устроил здоровую выпивку с дебошем, он наверняка был бы изгнан из комсомольских рядов. Другое дело, если вопрос касается его «личной жизни». Здесь полный хаос в понимании того, что можно и чего нельзя, — вернее, здесь мы неизбежно сталкиваемся со стремлением «все понять, все простить», что, как известно, далеко не является принципом коммунистическим.

На этот раз ошибка райкома, надо надеяться, будет исправлена соответствующими органами, и Комсомолу не придется видеть в своих рядах Романова в качестве махрового уголовного преступника, но разве это меняет существо дела? Все же и тут проявился тот же неправильный подход, если не со стороны непосредственно окружающей Романова среды, то со стороны активистов.

«В личной жизни (понимай — отношение к женщине) у него неблагополучно, зато работник он хороший, без него не обойтись». Не так ли рассуждали товарищи, посылавшие Моргунова на работу в союз?

«Свой парень, а если три жены имеет, так это его личное дело». Не с такой ли точки зрения подошли к Кореньков товарищи, смягчившие приговор ячейки, которая исключила Кореньков из своих рядов?

Результат такого подхода налицо. Нетрудно подсчитать, что общественно целесообразнее: учитывать «личную жизнь», как неразрывную часть какого-то целого, определяющего человека во всех его проявлениях, или закрывать глаза на «личную жизнь», полагая, что без того или другого Моргунова, Романова и пр. обойтись нельзя.

(„Молодая Гвардия")

С. Смидович

О «ДАВИДСОНОВЩИНЕ»

«О мертвых или хорошо, или ничего», — так говорили когда-то римляне.

Мы не придерживаемся латинской мудрости и о мертвых говорим не только хорошо, но и плохо, если того требуют интересы нашей революции, или одного, хотя бы и самого небольшого ее фронта.

Борьба за молодежь, за ее здоровье и жизнерадостность — разве это не один из фронтов переживаемого нами периода революции? Давидсон была учащейся, комсомолкой, одной из представительниц нашей женской учащейся молодежи. Свидетели, допрошенные по делу Кореньков, говорят, что способности ее были выше среднего уровня; эти же свидетели говорят об ее умении работать. Она ушла из жизни, покинув фронт борьбы за культуру, за науку, за лучшее будущее. Она дезертировала, не имея на это никакого морального права. Этого достаточно, чтобы поговорить об умершей Давидсон, жизнь которой могла быть полна труда и достижений и которая убила себя, не найдя сил, чтобы распутать сложный клубок противоречий, сложившихся в результате совместной жизни с Кореньковым.

Под давидсоновщиной я разумею «женскую слабость», т. е. все то, что еще до сих пор во многих случаях характерно для психологии женщины, что воспевалось когда-то поэтами, как «вечно женственное» (ewig weibliches) и что

нами определенно расценивается, как неизбежное последствие векового рабства женщины в результате исторических условий, которые будут окончательно устранены только при коммунизме.

Условия переходного времени, как бы подчеркивая противоречие между полным освобождением женщины от всяческой зависимости (в том числе и от мужчины) при коммунизме, который уже не за горами, и косностью быта, полученного в наследство от старого строя, создают в жизни женщины такие трудности, которые необходимо осознать прежде всего ей самой и с которыми нельзя не считаться и окружающим.

У Давидсон не было детей. Выход из создавшихся противоречий как-будто был для нее поэтому стократно облегчен, и тем не менее обстоятельства для нее сплелись в трагический узел. Она не нашла в себе сил принять свое неудачливое супружество, как один из многих моментов в своей личной жизни, которые могут доставить временную боль, неприятность, но которые ни в какой мере не могут придать всей жизни трагическую окраску. Разве это не пережиток, оставшийся с того времени, когда уделом женщины было замужество и вся жизнь женщины была служением своему господину—мужу? От того, каков этот господин, зависело и то, счастлива или несчастлива жизнь женщины. Не было у нее никаких иных переживаний и перспектив, кроме тех, которые давала ей семья. В узко-замкнутом кругу протекало ее существование.

Давидсон страдала потому, что была оскорблена в лучших своих чувствах женщины, жены, матери (припомним ее аборты). Давидсон жаловалась товарищам, когда грубость Коренькова достигла геркулесовых столбов. Давидсон думала о самоубийстве. Но Давидсон *не пыталась освободиться от дикого кошмара—жизни с бандитом*. Как-будто не было у Давидсон никаких других перспектив, никакой возможности вырваться из узкого круга личных переживаний!

Подавленная «авторитетом» мужа, ее личность стирается до последней потери своего «я». Кореньков изменяет ей с первой встречной. Над ней подсмеиваются его друзья. Да и в самом деле, что может быть смешнее для мещанина, чем «обманутая» жена, которая еще цепляется за уходящее «супружеское счастье». Давидсон не протестует. Она скромненько принимает щелчок за щелчком и приходит к одному выходу — самоубийству.

Разве Давидсон не является истинной носительницей вечно женственного начала, воспетого поэтами доброго

старого времени? Разве она не принесла с собой из седой старины в качестве пережитков все то, что характеризовало женщину, как представительницу слабого пола.

К сожалению, Давидсон не исключение, и вот почему приходится останавливать внимание на давидсоновщине,

Крестьянка по происхождению, комсомолка, способная студентка рабфака на отделении изобразительных искусств, с громадным стремлением учиться, участвовала и в работе Комсомола, тов. З. кончает с собой по чисто личным причинам.

Здесь опять-таки женщина, правда, на этот раз имеющая детей, не находит выхода из каких-то трагических переживаний, связанных с узкой сферой семейного быта. В сообщении об этом случае самоубийства комсомолки говорится об ее «дикой ревности», решительно ни на чем не основанной.

Товарищ З. также не нашла выхода из личных переживаний, связанных взаимоотношениями с мужем. Личное заслонило собой все перспективы, закрыло путь к выходу из того тупика, в который попадает женщина, строющая свою жизнь исключительно на семейном благополучии.

Не всегда, конечно, разочарование приводит к трагическому исходу. Больше того, мы должны признать, что самоубийством в большинстве случаев кончают психически больные люди, а следовательно, такого рода исход далеко не является характерным.

Однако изучать то или другое явление мы можем и по некоторым уклонениям от нормы, которые в сгущенном виде отражают то, с чем приходится сплошь и рядом сталкиваться в жизни.

Оттого, что та или другая женщина, слишком много времени и сил уделяющая своим личным переживаниям, не кончает с собой, вопрос хотя и коренным образом изменяется, но все же он не перестает оставаться в той же плоскости преувеличения ценности переживаний, созданных личными взаимоотношениями, полного неумения отвести для своей личной жизни (как бы хороша или плоха она не была) того места, которое ей надлежит занимать. Естественно, что это явление тесно связано с материальными условиями, в которых находится женщина, даже у нас в СССР, все еще прикованная к своему домашнему быту, суживающему ее участие в общественной жизни страны.

Как это, например, ни покажется странным, у нас еще до сих пор, на 9 году революции, в некоторых особах женского пола сохранилось убеждение, что помимо своего покровителя-мужа они не способны получить политическое

развитие. Вот, например, что пишет одна комсомолка о своих переживаниях в этой области:

«Я была в то время очень мало политически развита, мне необходимо было руководство, а муж не способствовал моему развитию. Это был рабочий парень, сам мало развитой».

Отсюда поиски такого парня, который мог бы только раз'яснять «непонятные вопросы». Таковой находится.

«Мы стали часто встречаться, часами проводили время в беседах о различных партийных вопросах, я много получала от этих бесед, стала под его руководством читать книги, чувствовала, как он активно способствует моему развитию. Мне казалось, что под его руководством я смогу стать ценным работником для партии; и невольно, когда я сравнивала его с мужем, который переоценивал мое политическое развитие, сам нисколько не способствовал ему и не понимал моего состояния, я приходила к выводу, что тот, второй, мне ближе по духу, что он больше мне даст, что с ним я смогу построить более гармоничную жизнь. Во мне началась борьба. С одной стороны, я еще была тесно связана с мужем. Он был чудным парнем, страшно ко мне привязан, и я знала, что мой уход от него был бы для него тяжелым ударом, но я чувствовала, что с ним я не смогу развиться так, как мне нужно. С уходом от него у меня открывалась перспектива всей моей дальнейшей работы и партийного развития».

Вместо того, чтобы с любимым, «чудным», как она его сама характеризует, рабочим парнем работать и развиваться рука об руку, комсомолка ищет «развитого» мужа.

Комсомол, профсоюзы—первая ступень коммунизма—женотдел, политпросветы, библиотеки, товарищеское общение, наконец полная возможность слиться с рабочей массой и органически расти вместе с нею—всего этого для нее недостаточно. Только в образованном муже, видите ли, спасение женщины, стремящейся к политическому развитию.

А сколько девушек продолжает еще ловиться на удочку вот этой самой помощи в развитии, которую, якобы, всего вернее получить через посредство мужа. Наступающее затем в большинстве случаев горькое разочарование приводит опять-таки к тяжелым переживаниям, тесно связанным с отношением к себе со стороны женщины, как к чему-то неполноценному.

Правда, в борьбе за новый быт, как бы сложна и трудна она ни была, возникает новый тип женщины, не являющийся половиной какого-то самодовлеющего «я» в образе супруга, а самостоятельным и равноценным целым.

Новый тип женщины выковывается на наших социалистических фабриках и заводах. Там можно наблюдать, правда, медленный, но многообещающий рост женщин будущего, красоты которой ничего общего не имеют с вечно женственной красотой, воспетой поэтами старого времени. По кусочкам особый тип женщины уже воспроизводится новыми поэтами и писателями, но в целом он еще настолько весь в динамике роста, что не подается художественному воплощению.

Рост нашей промышленности и нашей общественности дает полную уверенность в том, что недалеко уже то время, когда давидсоновщина отойдет в область прошлого, и если нам приходится отмечать это явление, то только для того, чтобы облегчить борьбу с ним.

(„Молодая Гвардия")

КАКОЮ ДОЛЖНА БЫТЬ НАША МОЛОДЕЖЬ[1]

Ем. Ярославский

На вопрос «Молодой Гвардии» о том, какой я желал бы видеть нашу молодежь, я мог бы выразить свое пожелание очень коротко. Я желал бы, чтобы эта молодежь была лучше, чем молодежь того поколения, к которому принадлежу я.

Я принадлежу к поколению, которое пережило не только первую революцию 1905 года и все последующие, но пережило еще и младенческий период нашей партии, схватки с отживавшим народничеством.

Однако есть большая разница между молодежью сегодняшнего дня и той, из которой вышло наше поколение. Ведь сейчас приходится отвечать не сравнительно небольшой группе революционной молодежи, которая когда-то составляла источник, откуда партия черпала силы для революционной борьбы, — речь идет сейчас почти о двухмиллионной организации Комсомола, включающей в себя

---

[1] Редакция журнала ЦК ВКП и ЦК ВЛКСМ „Молодая Гвардия" обратилась к ряду товарищей с просьбой ответить на анкету по вопросу о том, какой бы они хотели видеть нашу молодежь.

Мы помещаем ответы тт. Ярославского, Гусева, Мильчакова, Луначарского, Семашко, проф. Завадовского, акад. Ольденбурга, проф. Ерманского, проф. Кольцова, А. Жарова, Бордадын, представляющие безусловно большой интерес.

Прим. составит.

несколько сот тысяч рабочей и крестьянской молодежи; речь идет не о той разночинной молодежи, которая когда-то, на заре рабочего движения, составляла основную массу молодежи, которая соприкасалась с революционной организацией. Поэтому, конечно, и отношение к вопросу должно быть несколько иное. Именно потому, что мы имеем теперь дело почти с двухмиллионной организацией Комсомола, в эту организацию неизбежно втягиваются элементы, которые с большим только трудом могут усвоить самое ценное, что есть в Комсомоле, то, что Комсомол есть школа коммунизма. Не следует забывать, что комсомольская организация есть не вообще школа коммунизма, а является такою в один из труднейших периодов. Как бы ни хотелось многим комсомольцам быстро переделать всю жизнь на коммунистический лад (а такие настроения—даешь немедленно коммуну, даешь немедленно коммунистический быт — есть у нашей молодежи), не следует забывать, что социальный строй, в котором мы живем, есть все же переходный.

Основное, что накладывает печать на Комсомол, это то, что это организация, об'единяющая молодежь двух классов—рабочего класса и крестьянства. Основные противоречия вытекают именно из существования двух классов в нашей стране (да в придачу еще новая буржуазия, влияние которой просачивается и в рабочую, и в крестьянскую массу), эти противоречия накладывают, несомненно, печать на Комсомол. Преодолеть эти противоречия, спаять на общих задачах коммунистического строительства рабочую и крестьянскую молодежь в Комсомоле,—в этом и состоит основная задача этой школы коммунизма для нашей молодежи. Задача эта сложная и трудная.

То, что мы живем в стране, где комсомольская организация находится в подавляющей массе в окружении мелкобуржуазного хозяйства (в деревне) и мещанского уклада жизни провинциальных городов, в которых отсутствует крупная промышленность; то, что на ряду с рабочим классом и крестьянством пока что растет и крепнет новая буржуазия, накладывает печать на часть комсомольцев. Встречаешь иногда комсомольцев, не только проникнутых насквозь беспринципным делячеством, но просто-напросто шкурническими интересами: трудно найти секретаря, если эта секретарская работа плохо оплачивается; трудно вообще передвинуть комсомольцев, имеющих определенный заработок, на другую работу, необходимую для комсомольской организации, которая оплачивается ниже. Бесплатная работа для

Комсомола встречает большие затруднения. Между тем, та молодежь, которая вовлекалась в нашу революционную партийную организацию в подполье, совершенно иначе относилась к этим вопросам об оплате, о материальной стороне дела и прочее. Этим я вовсе не хочу сказать, что в Комсомоле нет ребят, которые менее всего будут думать об оплате, о выгодах, если это потребует революция, — пойдут и на фронт, пойдут на какую угодно опасность и будут биться и бороться в каких угодно условиях; но со шкурническими элементами в Комсомоле надо вести борьбу, надо удалять такие шкурнические элементы, если их нельзя перевоспитать.

Переходный период и нашего хозяйства и всего нашего строительства выбивает из колеи значительную часть молодежи, которая отрывается от привычных условий существования, но еще недостаточно окрепла на новых путях.

Отсюда — неустойчивость в целом ряде вопросов, некоторого рода нигилизм, который имеет самые разнообразные проявления как во внешних привычках, так и во взаимоотношениях, половых, например.

Когда говорят о смене старой гвардии, говорят о подготовке нового поколения, способного прийти на смену старой гвардии, мне кажется не совсем правильно ставят вопрос: в чем должна походить молодежь на старую гвардию. Конечно, она должна быть похожа на нее в верности пролетарской революции; в основательной подготовке к борьбе за окончательную победу социализма; в готовности принести в жертву личное благополучие, если это нужно для дела пролетарской революции; в том, чтобы молодежь видела в революционной борьбе за победу социализма не только отвлеченный «общественный долг», но и органическую личную потребность. Однако требования сейчас иные, и иным масштабом ведется борьба. Мы строим социализм, о котором в подполье только мечтали. Предстоят еще серьезные международные бои. Для этих задач нужно не столько расширить комсомольскую организацию (это надо сделать), сколько углубить коммунистическое сознание, пропитать насквозь все сознание важностью предстоящих задач; практически подготовиться к этим задачам: создать такую тренировку и сознания, и тела, выработать такие общественные навыки, которые дали бы революции людей, способных выдержать те величайшие трудности, которые нам еще предстоят.

Над этим и должен работать Комсомол.

С. Гусев

На ваш запрос, какой бы я желал видеть нашу молодежь, я считаю возможным высказать нижеследующие общие соображения.

Теперешнему поколению нашей молодежи приходится развиваться в условиях более плохих, чем поколению, развивавшемуся во время военного коммунизма, и даже с известной стороны — чем поколению, выступавшему во время Февральской и Октябрьской революций. До введения нэпа задача была ясной. Враг, против которого направлялась борьба, был непосредственно ощутим, так сказать, руками. Методы борьбы против него были просты и бесспорны. Не то при нэпе: задача (строительство социализма, международная революция) сложна и длительна, простого решения такой задачи не может быть, «враг» — внутренний (кулак) — трудно уловим, а внешний — далек, оба действуют против нашего Союза сложными и запутанными методами экономического соревнования в сочетании с экономической блокадой. На их сложные ходы и маневры нам тоже приходится отвечать такими же запутанными экономическими ходами. Таким образом праздники непосредственной боевой революционной борьбы (восстания, гражданская война) сменились серенькими буднями кропотливой повседневной работы, основная цель которой — социалистическое накопление для развития нашего хозяйства и накопление обученных резервов для будущей международной революции.

Эта «выжидательная» работа не по вкусу горячим молодым головам. Противоречивое развитие нэпа, с его темными сторонами, отрицательно действует на молодежь, вызывая в ней настроения неверия, колебания и сомнения. Основная задача теперь — это преодолеть такие настроения, покончить с ними раз навсегда.

История говорит нам, что три раза мы ошибались в революционных сроках. Революция 1905 года, а также революция 1917 г. пришли раньше, чем мы это рассчитывали, даже за пару, другую лет до обеих. Социалистическая революция в Европе придет позже, чем мы считали в 1917 году. Но и теперь есть много оснований думать, что европейская революция может прийти раньше, чем мы это теперь считаем.

Основная задача теперешнего поколения молодежи — это оставаться и становиться революционерами, т. е. людьми, которые твердо уверены в крепости СССР и в близком торжестве мировой революции.

Это кажется простым и обыденным, а между тем быть революционером теперь гораздо труднее, чем в эпоху Октября и военного коммунизма. Быть революционером теперь значит научиться выжидать и готовиться к новому революционному под'ему в международном масштабе.

Готовиться к новым революционным боям, в то же время принимая участие в строительстве социализма в нашей стране — вот какова должна быть основная задача нашей молодежи, и этой задаче должно быть подчинено все другое: личная жизнь, учеба, общественная и партийная работа.

А. Мильчаков

1. Говоря о нашей молодежи, нельзя обойти молчанием прежде всего то обстоятельство, что советская революция всколыхнула широчайшие пласты рабочей и крестьянской молодежи и пробудила в них неуемную тягу к лучшей, свободной и радостной жизни.

Революционная восприимчивость современной молодежи является залогом того, что из недр ее выйдут действительно те люди, которых так жаждет крепнущий и растущий Советский Союз.

2. Отвечая на вопрос о том, какой желательно видеть нашу молодежь, не вредно вспомнить слова А. И. Рыкова на последнем с'езде Комсомола, обращенные к молодежи: «Вам недостаточно сравняться с нами в смысле сознательности, образованности, осведомленности, близости к науке, дисциплинированности и стойкости, — вы должны превзойти нас. Вы должны превзойти нас так же, как должно превзойти социалистическое общество весь тот строй, в котором мы жили, в котором мы живем».

3. Итак, материал мы имеем богатейший. Цель — ясна. Но заминки в темпе развития народного хозяйства и наше бощее житье «в обрез» не могут не отразиться на воспитании молодежи и на ее идейно-политическом и культурном росте. Отсюда — ряд тяжелых затруднений общего порядка. Отсюда же — болезненные явления в среде нашей молодежи.

4. Способна ли современная молодежь каждый шаг своей практической работы увязать с общими задачами борьбы рабочего класса, с перспективами социалистического строительства? Положительный ответ на этот вопрос можно дать только по отношению к передовым активным слоям молодежи. Широкие же массы (самые толщи) рабочей и крестьянской молодежи пребывают в состоянии огромной неосведомленности в самых главных вопросах нашей строительной работы. Для политических организаций (прежде

всего партии и Комсомола), да и для органов государства и советской общественности здесь великое поле деятельности.

5. В чем выражается непонимание особенностей переживаемого момента среди молодежи? Приведем несколько примеров (вернее—тем, вопросов), на которые не в состоянии правильно ответить многие и многие молодые товарищи: вопросы «равенства» в нашем обществе; хозяйственные затруднения и мероприятия партии в связи с ними; выпуск водки и причины, продиктовавшие эту меру; каковы условия и темп развития мировой пролетарской революции; как идет развитие нэпа, в частности в деревне; почему не удовлетворяются потребности молодежи в общем и специальном образовании; как совместить с нашим строительством отрицательные явления в роде безработицы, нищенства, проституции и т. д.

Непонимание курса партии в основных вопросах общей политики и порождает (в ряду других причин) настроения упадка, моральной подавленности, недовольства некоторыми мероприятиями, тенденции к уравнительности, толкает на путь пьянства, разврата и окончательно дезориентирует отдельных молодых товарищей.

6. Наша работа (буду говорить, главным образом, о Комсомоле) должна ясно видеть опасности и вырабатывать реальные пути их преодоления и возможного предотвращения. Массовой политической пропагандой и широкой культурной работой мы должны ответить на запросы теперешней молодежи. В умении этого достичь, в сочетании теснейшей увязки всей деятельности ВЛКСМ с запросами молодежи и ее стихийной тягой к общественности, к знаниям, к культуре, к новому быту заложен ключ разрешения задачи о воспитании новых кадров в СССР — стране строящегося социализма.

7. Для этого надо «подковать» как можно основательнее актив Комсомола и комсомольцев. Здесь надо неуклонно изживать ставшее присущим целым слоям в Комсомоле верхоглядство, пустозвонство, легкомыслие, безответственность, приучая молодежь к книге и ее использованию в широком смысле слова, поощряя учебу, морально дисциплинируя членов союза, укрепляя позиции ленинизма в Комсомоле и повышая одновременно требования к комсомольцам на общественном поприще.

От того, как будет работать Комсомол, зависит очень многое. Наша ближайшая задача поэтому—крепить ВЛКСМ.

А. Луначарский

Я не имею ни времени, ни возможности присматриваться к бытовому укладу нашей учащейся молодежи, Комсомолу и т. д. непосредственно; поэтому я никак не могу выдавать мои впечатления, созданные на основе отрывочных наблюдений, чужих рассказов и отражения жизни молодежи в литературе, за нечто обоснованное. В общем и целом молодежь наша производит на меня весьма положительное впечатление. Ее жизненный тонус, насколько я могу наблюдать, во всяком случае повышенный и энергичный. Она сильно реагирует на все проблемы общественности и строительства жизни, и, несмотря на большую бедность, в которой приходится жить огромному большинству молодежи, всякая встреча с ней производит на меня впечатление чего-то радостного и бодрого. Это не значит однако, чтобы общий фон, на котором рисуется мне молодежь, заслонял от меня черты, вызывающие сомнения и даже опасения.

Коммунисты старого поколения, проходя весьма серьезную марксистскую школу, воспитываясь в то же время в непосредственной борьбе с подавлявшим все самодержавием, являлись непосредственными продолжателями практического идеализма, героических народнических поколений, и во многом еще дух русской революционной интеллигенции жил в них; и те многочисленные рабочие, которые постепенно составляли подавляющее большинство нашей партии, усвоили себе тот же высокий дух. Сам быт революционеров старого поколения приноравливался к тому огромному делу, которому они отдавали себя целиком. В огромном большинстве случаев они отличались необыкновенной чистотой, своеобразной, отнюдь не нарочитой, аскетической строгостью.

Марксизм, как наука политической и экономической борьбы, а также и вся личная жизнь, понимаемые как развитие свободы личности, в процессе этого умственного напряжения и активной борьбы сливались воедино. Нашей молодежи приходится жить в совершенно других условиях. Многие из них еле помнят дореволюционный быт. Военные годы, революция вызвали огромное напряжение материализма, но придали ему совершенно своеобразный характер благодаря величайшей степени перенапряжения человеческих сил. Затем последовали годы более или менее мирного, хотя и усиленного строительства. Нервы несколько ослабли, и перед молодежью как бы вырисовалась какая-то пустота, какие-то пробелы, через которые глядели, с одной стороны, свойственная нашей эпохе материальная бедность, с другой—

кажущееся оскудение жизненного напряжения. В результате— некоторые признаки как бы чисто физиологического разочарования. Лучшие типы среди молодежи прекрасно поняли смысл нового времени и всецело отдались строительству. Но и здесь, среди этих лучших типов, заметен иногда уклон к практицизму, переступающему те границы, которые обязательны для коммуниста. По моим наблюдениям, очень часто талантливая молодежь, увлекшись лозунгом трезвости и деловитости, допускает некоторую расщепленность между своим марксизмом-ленинизмом, как всеохватывающим мировоззерцанием, и своей непосредственной практикой. Я иногда наблюдаю как бы какую-то тень того деления на священную фразу и на работу, применительно к серой действительности, которая в свое время оказалась так гибельна для социал-демократии. Необходимость применяться к нашей технической базе и к количеству наших ресурсов порою невольно наталкивает на принципы, звучащие в роде нехорошего принципа упадочных эпох: «наше время—не время великих задач». А ведь наше-то время и есть, конечно, время великих задач. Но эти величайшие задачи приходится преследовать через целый ряд мелких дел, через разрешение совершенно конкретных и будничных проблемок. Вот тут-то и важна постоянная связь этой практической работы со всеми широчайшими планами и всеми высокими настроениями, которые должны быть свойственны революционеру-коммунисту. Было бы, конечно, еще хуже, если бы молодежь была одержима каким-то фразистым пафосом и не умела делать подлинное дело. Но все-таки надо отметить, что не всегда наблюдается то об'единение принципиальной широты и практики, которое было бы желательно.

Молодежь вносит в свою учебную работу очень много рвения, но и здесь, меньше всего по вине молодежи, можно отметить много недостатков. Приходится соединять учебную работу с общественной деятельностью. Молодежь не виновата, что ее заставляют преследовать несколько целей сразу, но это порою приводит к разочарованию, подтачивает энергию и заставляет перейти к сравнительно пассивному преодолению отдельных моментов, то учебных, то общественных, то бытовых, как их посылает сама жизнь изо дня в день. И то сказать, почти совершенно невозможно создать вполне разумный план своей работы при таких тяжелых условиях. В результате однако получается пестрота в образовании молодежи. Кое-что они знают недурно, кое-где вдруг зияет настоящая неграмотность.

Большую роль играет во всем бытовом укладе вопрос о любви. Он далеко не является разрешенным и упорядо-

ченным. Среди молодежи встречаются люди, отказывающие себе подолгу в удовлетворении половых потребностей. Есть, разумеется, и превосходные пары. Можно с величайшим удовольствием отметить те струи нежности подруги, известное любование глубиною чувства, которые появляются, например, в последнее время в поэзии таких несомненных выразителей молодежи, как поэты Жаров и Уткин. Но рядом с этим нечто в роде так резко осужденной тов. Лениным теории «стакана воды» тоже имеет место. Практическая теория легких половых сношений, сопровождаемых абортами или покинутыми материально детьми, есть наихудший вид эксплоатации мужчиной женщины, казалось бы, совершенно недопустимой в отношениях молодежи, растущей под знаком коммунизма. Однако к этому, как и к другим чертам неряшливого богемства, например, губительной пьянки, приходится относиться без возлагания чрезмерной ответственности на самую молодежь. Надо помнить, что жизнь требует от нее больших напряжений и дает ей сравнительно очень мало радостей. А усталость, которая очень часто налагает свою руку на психику молодых людей, и жажда ярких впечатлений с такой силой толкают на развлечения ядовитые, но заманчивые, что было бы странным, если бы значительная часть молодежи не падала в большей или меньшей степени жертвой подобных искушений.

Надо сказать прямо, что здесь больше, чем где-нибудь, быт определяет сознание. Огромный быт нашего революционного строительства определяет сознание, на добрых семи десятых определяет его как революционное, коммунистическое, и это есть главная закваска той части молодежи, о которой я здесь говорю, т. е. молодежи действительно нашей. Но нищета, которая все еще не вывелась, разруха, которую мы только начинаем кое-как залечивать, делает болезненными переходные ступени к новому быту. И этот бивуачный, материально скудный, неустроенный быт в свою очередь отражается в сознании и наклонностью к некоторой бесшабашности, некоторым проявлениям цинического индивидуализма, невнимательного отношения к товарищам. И при большем обострении приводит даже к приступам наплевизма и отчаяния. Всякого рода пропаганда, даже очень хорошо поставленная моральная пропаганда—художественная литература и другие искусства на службе оздоравливания нашей молодежи—все это может иметь лишь второстепенное значение, как и соответственные воздействия партийных и комсомольских центров. Я не отрицаю важности этой работы сознания над минусами жизни молодежи, но указываю только на второстепенное значение всех таких мер.

Для того, чтобы сознание и бытовая реакция молодежи стали совершенно здоровыми, гармонично слились с их основными ленинскими принципами, надо изменить материальное положение молодежи и бытовое воздействие на нее. Но сделать это можно только путем значительных материальных затрат. Надо было организовать жизнь молодежи, дав ей более удобное жилище, хорошее питание, в благоустроенных общественных столовых того типа, о которых мечтает наш Нарпит, улучшить наши учебные заведения, сделать общедоступной хорошую книгу, дать более широкий доступ молодежи в театры, на концерты, к искусству вообще, широкой волной влить в быт молодежи правильную научную гигиеническую физкультуру, разгрузить ее от чрезмерных требований и т. д. Как человеческий материал, наша молодежь представляет собой такую великолепную силу, что, не подвергайся она некоторому калечению вышеупомянутых тяжелых жизненных условий, она, несомненно, уже во втором, следующем за нами, старыми большевиками, поколении создала бы могучий мотив зачинающегося социалистического человечества.

Н. Семашко

Предложенная «Молодой Гвардией» мне анкета слишком обща. Чтобы вразумительно ответить на нее, пришлось бы написать целую книгу.

В настоящей заметке я хочу остановиться на одном отдельном, но, по-моему, чрезвычайно важном вопросе: чего мы хотели бы от молодежи, как таковой, в строительстве нового быта.

Что молодежь, именно как молодежь, должна быть застрельщиком и организатором нового быта, это понятно. Старый быт веками увечил стариков, и недаром сказано: «горбатого исправит могила». Но молодежь у нас растет не «горбатенькая»: ее—старый проклятый строй непосредственно не трогал. Естественно, что она и должна быть проводником нового быта.

Но мало того: она должна быть организующей силой нового быта; вот этого-то пока у нас нет.

Посмотрим на наш «быт труда». Он еще насквозь пропитан старыми привычками и навыками. В старое время трудящиеся (рабочие и крестьяне) работали из-под палки помещика и капиталиста, под ударами хлыста царя-голода; работали на своих заклятых классовых врагов; «потом» крестья-

нина и рабочего «жирели обжоры», как поется в нашей революционной песне.

Естественно, что у трудящихся (рабочих и крестьян) в старое время установилось отношение к труду, как к какому-то проклятию (точно как по ветхому завету, где рассказывается, что Ева дала яблочко Адаму, боженька рассердился и сказал им: «в поте лица своего будете добывать хлеб свой»—и погнал их из рая); труд подневольный, надрывной («не сорвешь пупка—не срубишь дубка»,—говорит старая пословица), постылый—вот психология труда старого времени.

А привилегированные, паразитические классы (дворянство), наоборот, гордились тем, что они не имеют и не имели никакого отношения «к черной работе»: маленькие ручки и ножки, талия в рюмочку—все это долженствовало свидетельствовать, что даже предки не занимались «плебейским» трудом, что кровь в аристократии течет густопсовая, т. е. дворянская. Вспомните, как писатель Гончаров изобразил «труд» помещика Обломова: в халате и туфлях этот ожиревший барин ложился на кушетку и целый день занимался тем, что плевал в потолок и смотрел, какой плевок взлетит выше. А иногда ему вдруг приходила охота «работать»: он выходил на двор и останавливал каждого бегущего дворового вопросом: «Куда бежишь? Ну, беги, беги», т. е. толкался и мешал другим работать.

Разве пережитки этого «быта труда» у нас еще не наблюдаются. Разве каждый рабочий на фабрике или заводе дает себе полный отчет, что теперь он трудится не на капиталиста, а для пользы всего нашего общества; что на его труде теперь никто не наживается, а от поднятия производительности труда будет лучше житься всем; что труд каждого из нас есть доля участия в общем социалистическом строительстве; что машины, материалы, с которыми он имеет дело—не орудия эксплоатации его капиталистом, а общее народное достояние, к которому нужно относиться так же бережно, как к своему собственному?

Разве это понимает к а ж д ы й батрак, работающий у нас в совхозах? Разве к а ж д ы й из них понимает, что совхозы—не старые помещичьи гнезда закабаления крестьян, а образцовые хозяйства, которые учат крестьян, как правильно вести сельское хозяйство, снабжают крестьян лучшим скотом, лучшими семенами?

И разве в совхозах и н о г д а мы не встречаем старого отношения подневольного крестьянина к «барскому добру»: опоил потную лошадь, поставил машину на дожде—ничего. Это добро «казенное» или «барское».

А с другой стороны, разве не встречаем мы и отрыжки обломовщины, т. е. неуменья работать? Не кто другой, как тов. Ленин, и не на каком другом, а на очень ответственном собрании упрекал:

«Мы еще дьявольски неповоротливы, мешковаты, сколько еще у нас обломовщины, за которую нас еще неминуемо будут бить. Всюду у нас обычное, русское интеллигентство, неуменье практически дела делать—бестолковщина и безалаберщина... Сутолока, суматоха и ерунда». (Доклад о деятельности ЦК РКП на XI с'езде, т. XVIII, ч. 2, стр. 48—49).

«Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался, и надо его мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел. (Речь на комфракции с'езда металлистов, т. XVIII, стр. 15).

Старый мертвый «быт труда» еще цепко хватает «живой» новый быт.

И застрельщиком в борьбе со старым бытом должна быть прежде всего молодежь, им не исковерканная.

Как?

Прежде всего организацией общественного мнения. Если на фабрике или на заводе создается такое «настроение», что всé поймут новый «быт труда» и все будут добросовестно работать, тогда подтянутся и отдельные лентяи, «уроды» в трудовой семье. Если каждый без минутки опоздания будет являться на работу, старательно ее выполнять, беречь «как зеницу ока» народное добро—не привьется к этой фабрике или этому заводу разгильдяйство, лень, распущенность, недобросовестность.

А этого отношения к труду у нас еще маловато. В германском плену—во время империалистической войны—я один раз смотрел, как немцы чинили мостовую. Каждый работал так, как-будто починка мостовой была его кровным делом. Я заметил одного пожилого солдата в золотых очках, который, обливаясь потом, старательно укладывал, нахмурив брови, камешек к камешку. Я подошел и разговорился. Оказалось, это был учитель высшей школы, в роде нашего профессора. И вот этот профессор, которого сделали чернорабочим, поставили на неприятную, неинтересную и ему совершенно чуждую работу, старательно выполнял ее, раз чувствовал, что это «нужно делать». Это называется немецкой добросовестностью. Потому-то, как ни гнет в бараний рог Германию Антанта, германский народ все же впереди идет и по культуре и по хозяйству.

Но ведь это в капиталистической Германии, т. е. где трудящиеся работают на капиталистов. Во сколько же раз

добросовестность должна быть выше, а не ниже у нас, где трудящиеся работают на самих себя.

А у нас «бестолочь, суматоха и ерунда», «ковыряние пальцем в носу» во время работы еще до сих пор широко процветают.

Молодежь и в первую очередь Комсомол должны быть организаторами трудового общественного мнения. Всюду и везде, как только они замечают уклонения от трудовой дисциплины, они не должны стоять в стороне (моя хата с краю, ничего не знаю), а должны с присущей молодости откровенностью и решительностью реагировать. Портит ли кто народное имущество—сейчас же замечание и протест, где бы это ни случилось (на улицах, в вагонах ж. д., на фабриках, заводах, в учреждениях и т. д. и т. д.)

Хулиганит пьяный—сейчас же протест. Ругаются по-старому, безобразному—протест. Разгильдяйничают на работе, недобросовестно относятся к обязанностям — призвать к порядку.

Достаточно в таких случаях проявить инициативу, и вокруг нее сейчас же образуется общественное мнение. Вся беда в том, что царь приучил русский народ молчать, всячески преследовал общественное мнение трудящихся, ибо оно было против него. Эта проклятая привычка царских времен—молчать и прятаться тараканом в угол — осталась еще и теперь.

Молодежь, и никто другой, как именно молодежь, может создать товарищеское общественное мнение и трудовую дисциплину. Для этого, конечно, она сама должна быть образцом такой дисциплины и добросовестности.

И это будет строительством нового быта на самом важном в нашей трудовой республике участке быта—на фронте труда.

Проф. Б. Завадовский

Охотно откликаюсь на вашу анкету, но в виду неимения времени вынужден писать очень кратко и не аргументируя.

1. Вполне присоединяюсь к той постановке вопроса об оздоровлении полового быта молодежи, как он был освещен в печати тт. Смидович, Виноградской, Ярославским. С чисто физиологической стороны наша молодежь должна серьезнейшим образом задуматься над тем ущербом, который наносится нервной системе и всему телу большим вниманием к половой жизни. Борьба за оздоровление полового быта—

это борьба за здоровье нашей смены; это должна понять наша молодежь. С точки зрения социальной считаю крайне опасным симптомом попытки некоторой части молодежи покрыть и оправдать половую распущенность обвинением в «мещанстве» всех инакомыслящих. Я склонен думать, что Коли Ложкины в прекрасном очерке «Дело о Груне» (см. «Красная Новь», декабрь 1925 г.), наклеивающие ярлык «окончательного мещанства» на девушку за то, что она отказывается удовлетворить их физическую потребность (не вдаваясь в обсуждение того, что в данном «деле» Шура Голубева, действительно, по иным причинам может быть обвинена в этом грехе), сами несут на себе тяжелый груз мещанства. К сожалению, такие примеры упреков в «мещанстве» девушек, дающих отпор наступлениям самца, которые упоминает тов. Смидович, известны мне из жизни, и я полагал бы, что нашей молодежи следовало бы каленым железом выжигать из своей среды такие попытки прикрывать ссылками на идеологические принципы притязания и похоть самца.

2. Считаю, что наша молодежь часто еще не дооценивает те огромные трудности, которые предстоят ей в деле завоевания командных высот науки, техники и культурного строительства. Как педагог, понюхавший порох в одной из специальных наук, я часто с болью наблюдаю, как много еще нехватает специальных знаний и фактического багажа нашей учащейся молодежи. Это об'ясняется, главным образом, конечно, чисто внешними, об'ективными условиями: наша рабочая молодежь без всякой предварительной подготовки и опыта должна одолеть в 3—4 года то, что дети буржуазии усваивали исподволь в течение 10—15 лет учебы. Но к этому прибавляется и суб'ективный момент: наша молодежь может с полным правом похвастать исключительной зрелостью своей в понимании и знании проблем общественно-исторической жизни, и здесь она, владея марксистским анализом, заткнет за пояс не только сверстника, но и взрослого представителя буржуазных государств. Эта сила нашей молодежи в одной части представляет и ее слабую сторону, так как есть опасность потерять перспективу тех трудностей, которые предстоит преодолеть в части специальных знаний: многим начинает казаться, что раз мы сумели без большого труда обогнать западных сотоварищей в части общеполитической зрелости, то так же легко справиться и с специальными знаниями. Это заблуждение тем легче укрепляется в пролетарской молодежи, что она еще не достигла вершин знания, а перспектива и весь масштаб трудностей виден лишь тогда, когда человек достигнет конца пути.

Тем больше надо бороться с существующим в среде нашей молодежи преувеличением достигнутых ею успехов в деле завоевания командных высот специальных и в частности технических знаний. Ей надо помнить, что чем меньше буржуазное общество заботилось об общем образовании и политическом самосознании своей молодежи, тем больше оно умело накачивать ее специальными знаниями и тем больше трудностей придется еще преодолевать нам прежде, чем мы уравняемся в технике и специальных знаниях с западной культурой. Несколько «наплевательское» отношение части нашей молодежи к необходимой и острой для нас задаче накопления специальных знаний, ко всей важности знать не только обо всем понемногу, но и о чем-нибудь все и недооценка всей перспективы предстоящих нам на этом пути трудностей, недоучет той ответственности, которая ложится на каждого из них, за точное овладение той суммою математических, физических, химических и т. д. знаний, которые им предлагаются в их учебе,—это я рассматриваю как второй недостаток известной части нашей молодежи.

3. Выделяя две стороны из пункта о недостатках, наиболее мне близких, как естественнику и педагогу, отнюдь не хотел бы, чтобы мои указания недостатков были поняты как недоучет достоинств.

Зная хорошо старую интеллигентскую молодежь и старое студенчество и зная новую молодежь, без колебания я всегда высказывался, что новое студенчество несравненно здоровее духом, крепче в работе, сознательнее в стоящих перед ним целях, чем старое.

И если об'ективные условия не всегда позволяют нашей молодежи видеть всю перспективу предстоящих трудностей, то зато никогда раньше я не видел той общественной и сознательной установки на учебу, как сейчас. Поэтому коэффициент полезного действия, который мы получаем, несомненно и явно больше, чем давала старая учащаяся молодежь, на 90% шедшая в школу ради приличия и карьеры, а не ради знания. Несмотря на непривычку к учебе, современный учащийся имеет лучшую х в а т к у и более «нутряной» и крепкий подход к науке. Поэтому отмеченные мною недостатки прошу рассматривать лишь как желание указаниями на еще не учтенные трудности помочь нашей пролетарской молодежи ближе и вернее достичь той цели, которая поставлена ею так сознательно, как не ставилась она еще никогда раньше: изгрызть до конца гранит науки во имя интересов всего связывающего нас коллектива.

Академик С. Ольденбург

Когда уже только произнесешь слово «молодежь», становится хорошо на душе—светло, юно, радостно. В ней наши надежды, наша вера в великое будущее. Современная молодежь, естественно, очень разная. Главный ее недостаток, явившийся результатом пережитого ею—большая нервность и в связи с нею порывистость, отсутствие выдержки. Этот недостаток может исправить время и работа над собою. В эту работу я очень верю, потому что постоянно встречал у очень многих представителей молодежи глубокое сознание ответственности. На долю старшего поколения выпала борьба за новую жизнь, и сколько погибло в этой борьбе. Если и часть строительства выпала на долю тех же старших, то главная его часть, то, что впереди, ляжет на плечи молодому поколению. А строить то великое, о чем мы мечтаем,—«новый мир»,—дело исключительно трудное. И тут главное—знание: надо учиться, учиться и учиться. И часто молодежь не вполне сознает эту трудность и готова удовольствоваться «верхами» и чужими словами. Но знание, настоящее знание, которое одно и полезно для строительства жизни, требует самостоятельной проработки, а не повторения чужих слов: читать книги, даже очень хорошие—мало, надо их самостоятельно продумать.

Особенно труден путь деревенской молодежи, ей нужно громадное напряжение, и оно чувствуется у очень большого числа. Молодежь теперь увлекается спортом, это очень хорошо. В мое время молодежь пренебрегала спортом, и это ей очень вредило. Но надо помнить, что спорт—только средство, а не цель.

Есть еще один вопрос, которого нельзя не коснуться — половой. Насколько могу судить, в этом отношении уже наступает оздоровление—является сознание, что опошление столь важной и серьезной стороны жизни мельчит тех людей, которые не сознают всей важности здоровой и нормальной половой жизни. Молодежь чутка, и она начала это осознавать. Успеха ей на этом важном пути.

Подвожу итог: верю в нашу молодежь и убежден, что она будет строить бодро и энергично; тут хотелось бы сказать одно основное пожелание. Жизнь сложна и прекрасна именно этой сложностью, всякая попытка сделать сложное простым в жизни приводит только к обеднению этой жизни, а новая жизнь для всех должна быть богатой и красочной. Пусть молодежь это помнит. Привет ей и пожелание успеха.

Проф. О. Ерманский

Согласно вашему желанию, даю ответ на присланную мне анкету о нашей молодежи, преимущественно учащейся.

К положительным сторонам нашей учащейся молодежи относятся свежесть и жажда знания. Сюда же относятся незагруженность молодежи множеством буржуазных предрассудков, которые прежде всего присущи были большей части молодежи не только из среды господствовавших классов, но и из рядов разночинной интеллигенции, отчасти даже из рядов рабочего класса. К преимуществам в положении нынешней нашей молодежи принадлежит то, что она не встречает препятствий к выработке современного пролетарского мировоззрения и к участию в социалистическом строительстве.

В этом отсутствии препятствий счастье нынешней молодежи, но в нем же, пожалуй, и ее несчастье. И взгляды, и причастность к строительству слишком легко даются,—они как бы сами собой разумеются.

Раньше каждый складывающийся молодой участник революционной борьбы должен был все это брать с бою, отвоевывать у жестокой действительности. В этой борьбе закалялись характеры. Теперь мало характеров. Теперь большинство может итти по линии наименьшего сопротивления. Прежде революционная марксистская молодежь воспитывалась в атмосфере личных жертв на пользу дела революции. Теперь, в период мирного строительства, к жертвам сравнительно мало поводов и позывов,—отмирают соответствующие навыки.

Из этого, конечно, не вытекает, чтобы следовало вернуться к старым условиям и этим способом воспитывать характеры и готовность к самопожертвованию. Но также не вытекает, чтобы следовало закрывать глаза на наличные отрицательные стороны и опасности.

Конечно, в будущем, при более сложившихся и устойчивых формах нашего развития в сторону социализма, эти отрицательные моменты отпадут: во всей силе скажутся логика и психология пролетариата, как класса с определенной исторической миссией и задачами в международном масштабе. Но сейчас, в переходную эпоху, в период великой ломки, неизбежны указанные отрицательные явления, тем более обязательны продуманные меры борьбы с ними.

Проф. Ник. Кольцов

Современная молодежь столь же разнообразна по своим существенным, врожденным свойствам, как и в прежние времена. Среди нее есть много одаренных, но немало и тупиц; много активных, смелых, самостоятельных, или инертных, трусов, легко внушаемых, прилежных и лентяев и т. д. Конечно, в высшую школу попадает больше, чем прежде, недоучившихся, но это не важно; способные в первые же годы своего пребывания в университете быстро исправляют свои недочеты, а неспособным к науке в высшей школе не место. У меня нет никакого сомнения в том, что для потребностей великого культурного строительства в течение ближайших двух десятилетий достаточное количество подготовленных способных спецов найдется.

Но я желал бы, чтобы наша молодежь не забывала об одном. Лучшая молодежь должна не только отдать свои силы и способности делу организации современной культуры, но и передать свои способности следующему поколению, не оставляя дело продолжения рода исключительно на долю неэнергичных от природы людей, которые живут не задумываясь, как «небесные птицы», и прочно передают по наследству своим детям свою беззаботность и отсутствие активности. Каждый здоровый, сильный, способный юноша и каждая девушка с теми же задатками должны уже с первых лет своей физической зрелости помнить, что они обязаны дать жизнь, по крайней мере, трем, а лучше четырем детям, если они желают, чтобы следующее поколение было не менее богато ценными наследственными задатками, чем современное. Пусть каждый, вступая в брак, выбирает такого супруга, от которого он надеется получить и воспитать лучших детей. Для тех, кто держится такого взгляда на брак, все теперешние споры о брачном законодательстве, о регистрации браков, об алиментах и т. д. теряют всякое значение.

Я боюсь, что мой призыв не найдет отклика у большей части лучшей современной молодежи. Дети так связывают индивидуальную свободу, что эгоизм заставляет всячески уклоняться от появления их на свет. Этот эгоизм и эта жажда индивидуальной свободы, в угоду которым жертвуется судьба грядущего поколения, свойственны и интеллигенции всех стран и всех народов; было бы очень печально, если бы оказалось, что в этом отношении современная молодежь новой советской России, не знающая поисков приданого и забот об увеличении капитала, ничем не отличается от молодежи капиталистических стран.

А. Жаров

Вы помните энергичное выступление тов. Рязанова на юбилее «Молодой Гвардии», кажется, в прошлом году... Тов. Рязанов говорил о том, что у нашей молодежи нехватает удали, дерзости и чуть ли не бесшабашности, качеств, свойственных здоровой молодежи... Если это так, то:

Родить нам надо заново
Товарища Рязанова...
Пускай он с нами тоже
Послужит в молодежи...
И то—такой размах—
И ходит... в стариках.

А. Бордадын

(Прикрепленный к ячейке ВЛКСМ завода „Большевик", Красная Пресня)

Работая на фабрике «Большевик», я больше всего знаю рабочую молодежь. И отвечая на вопросы, поставленные в анкете «Молодой Гвардии», буду говорить о рабочей молодежи.

Здесь, отвечая на этот вопрос, я остановлюсь только на тех моментах жизни молодежи, которые мне кажутся отрицательными. Последнее время в печати и на всех наших комсомольских собраниях мы очень много кричим, что молодежь хулиганит, пьянствует и т. д. и что эти отрицательные проявления носят массовый характер. В действительности это не так: эти проявления, если к ним внимательно присмотреться, встречаются только в единичных случаях среди наших комсомольцев. У беспартийной молодежи это можно встретить чаще; они об'ясняют это тем, что они в организации не состоят и им можно делать все, что они желают. Часть ребят, которые пьянствуют, не считают, что пить вредно, а думают, что Комсомол только требует того, чтобы никто не видал его пьяным. И они горделиво заявляют: «Я, если пью, то умело».

Анархические черты среди молодежи проявляются: ребята не желают иногда подчиняться ни администрации, ни мастеру и никому другому. Если в целях производства их переводят в другой цех на худшую работу, они сопротивляются, грозят поколотить за это и мастера и администрацию. Безусые мальчишки ударяют себя в грудь и орут: «За что мы боролись!»

У некоторой части ребят существует взгляд на производственную работу, как на необходимость, только как на сред-

ство заработка (отсюда плохое отношение к производству). Часть старается отвильнуть от общественной работы, от учебы (в особенности от политучебы), стараясь больше выгородить времени для гулянья.

Уровень политического развития у молодежи слабый. Большинство молодежи с трудом отвечает на самые элементарные политические вопросы.

Вообще мировоззрение у большинства молодежи складывается не путем работы над отдельными общественными или научно-бытовыми вопросами. Молодежь рабочая недостаточно работает над собою, недостаточно систематически занимается самообразованием, хотя стремление к знанию есть. У ребят мировоззрение складывается таким образом: находится парень в Комсомоле, там говорят: «бога нет», «мировая революция неизбежна», парень это запоминает. У других мировоззрение складывается под влиянием старших, более умных людей, которые у них пользуются авторитетом.

Относительно увязки у молодежи каждого шага своей повседневной работы с общими задачами борьбы рабочего класса можно сказать следующее: об этом думает недостаточно большая часть молодежи. Очень многие заботятся прежде всего о своем личном благополучии.

Особенности переживаемого момента мировым комдвижением и Советским Союзом некоторые ребята понимают очень превратно. Один товарищ-комсомолец так заявил: «Все идет на убыль, время настало серое и скучное»...

Но таких можно встретить только единицы. Мне пришлось встретиться только с двумя такими товарищами. Большинство же молодежи стремится разобраться в переживаемом моменте. Неладно дело обстоит у молодежи с половым вопросом. Ребята совершенно не желают воздерживаться. Где только соберутся молодые ребята, так начинают толковать о половом вопросе. Это говорит за то, что половая проблема у нашей молодежи не разрешена. Некоторые хвастаются тем, что им удалось опутать несколько девчонок.

Положительными сторонами у нашей молодежи (абсолютного большинства) можно отметить стремление к техническому и общему образованию, стремление углубить свою квалификацию, упорядочить и нормализовать свою жизнь. У многих ребят проявляется желание быть на общественной работе, приносить пользу нашей партии; стремление укрепить себя физически. Сильно стремление к разумной организации своего досуга — ребята тянутся в хорошее кино, в хороший театр, участвуют в клубной работе.

Прежде всего над молодежью надо поработать в смысле ее воспитания, углубления политзнаний, помощи в сложении правильного мировоззрения. Надо молодежь воспитать так, чтобы она задачи борьбы рабочего класса ставила в первую голову, а вопросы своей личной жизни увязывала бы с этими задачами.

Надо организовать стремление молодежи к техническому и общему образованию; лучшей формой образования для рабочей молодежи будет вечерняя рабочая школа.

Молодежь наша больше должна заботиться о сотнях угнетенных товарищей на Западе и Востоке, для чего ее надо воспитывать в интернациональном духе. Научить ребят работать над собой, над углублением своего самообразования, приучить больше читать книги, для чего надо уметь организовать и распределить время. Поднять культурный уровень молодежи, поставить на должную высоту физическое воспитание молодежи.

Такими мероприятиями мы из рабочей молодежи сумеем воспитать хороших борцов-революционеров.

О БЫТЕ[1]

С. Смидович

Об отрицательных сторонах в быту молодежи, вызываемых современной обстановкой, и о формах борьбы с ними

К отрицательным сторонам быта нашей молодежи, связанным с нашим переходным временем, следует отнести все то, что связано с разрушением здоровья молодого поколения.

Вот, например, выпивка. У молодежи существует убеждение, что если не напиваться, а немного выпить в веселой компании, то это никакого вреда не принесет. Между тем это совершенно неправильно. Алкоголь вреден, в каком бы количестве его не потребляли. Чтобы сложиться в здоровых людей, продолжать дело старшего поколения и оставить после себя здоровое потомство, молодежь должна быть безусловно трезвой.

---

[1] Учитывая большой интерес читателей к вопросу о быте молодежи, редакция журнала ЦК ВЛКСМ „Смена" обратилась к ряду товарищей и к самим читателям журнала с просьбой ответить на анкету о быте.

Мы помещаем наиболее характерные из поступивших ответов на анкету: тт. Смидович, Залкинд, Мейер и Петрова и Якова.

Прим. составит.

Злоупотребление спиртными напитками приводит ко всяким нехорошим вещам. Человек разлагается, перестает владеть собой и может натворить много глупостей. Взять хотя бы случаи, когда парень в пьяном виде заражался нехорошей болезнью. Разве этого не бывает с нашей молодежью?

Вредна для молодого организма и слишком рано начатая половая жизнь. А это явление характерно для быта нашей молодежи. Тут мы встречаемся с двумя уклонами: в 18—19 лет парень и девушка обзаводятся семьей и стремятся к своему уюту и семейной обособленности, понемножку они отходят от товарищеской среды и потихоньку превращаются в обывателей. Другая крайность—это когда парень не желает связывать свою свободу, предается половой распущенности, меняя кратковременные связи, в результате которых получаются аборты и калечение женского организма, а то и хилые дети, да еще и оставляемые на произвол судьбы.

Молодежь должна быть своевременно осведомлена о всех вредных последствиях слишком ранних браков. Правильно поставленные образование и воспитание в этой области — физкультура, коньки, лыжи и другие виды спорта—все это должно войти в обиход молодежи, оздоровить ее, делать ее устойчивее и жизнерадостнее.

Отношение к женщине, как к самке, а не как к другу, товарищу, вносит также характерную черту в быт нашей молодежи. Такое мещанское отношение к женщине, заимствованное от старого времени, ничего общего не имеет с новым бытом. Представительницы женской части молодежи должны об'явить самую решительную борьбу мещанскому подходу к женщине со стороны своих товарищей.

Как отрицательную сторону в быту передовой части нашей молодежи, я отмечаю также и то, что она не умеет жить и работать культурно-организованно. С ранней юности получается переутомление нервной системы и подорванность всего организма. Все это скажется в зрелом возрасте, когда жизнь потребует от сложившегося человека еще большей работы и ответственности.

Переутомленные в юности нервы могут потом сказаться в упадочных настроениях, в неверии в торжество революции, в нежелании работать и даже жить. Внимательно должна поэтому молодежь относиться к распределению всей работы и отдыха, а главное—определенное количество часов в сутки отдавать сну. Нужно суметь сорганизовать свою жизнь так, чтобы в ней не было расхлябанности, траты времени зря, тогда будет больше времени для разумного, восстанавливаю-

щего силы отдыха. В большинстве случаев мы сами виноваты в том, что не умеем найти время для сна и отдыха. С юношеского возраста надо научиться не только работать, но и отдыхать.

Вопрос о переутомлении молодежи настолько важный вопрос, что его надо самым тщательным образом и всесторонне изучать. Недопустимые вещи в этом отношении происходят у нас в школах II ступени и в вузах, где нередко бывает по семи уроков в день, а время зачетов мало чем отличается по интенсивности работы от экзаменов в старой школе. Во многих буржуазных странах в школах бывает день отдыха посреди недели, а научаются в смысле учебы учащиеся не меньше чем у нас. Количество и качество знаний вовсе не зависят от количества часов, проведенных за занятиями, а от разумного их использования. Надо научить молодежь, как приобретать знания, не переутомляясь.

Забота о здоровье, организованности, дисциплинированности нашей молодежи должна быть положена в основу всей работы с молодежью и для молодежи. Наша молодежь должна быть жизнерадостна. Не преждевременные старцы, удрученные бременем, доделают дело отцов, а здоровая юность, не только не растратившая запаса природных сил, но и накопившая их путем разумной организованной жизни.

Забота о такой жизнерадостной молодежи, хорошо понимающей стоящие перед ней задачи и свою огромную роль в их выполнении теперь и в будущем, эта забота до значительной степени лежит в основе работы органов партийного и советского строительства. Ясно, что мы еще слишком бедны, чтобы сказать, что в этой области у нас все обстоит благополучно. Год от года развивая нашу социалистическую промышленность, мы будем подводить единственно крепкий фундамент под осуществление поставленной задачи.

А. Б. Залкинд

Ответ на анкету

Сжато, в анкетном порядке, ответить на поставленный вопрос учень трудно. Во-первых, нет возможности говорить об отрицательных сторонах, не упоминая о положительных, которых, конечно, не меньше, чем первых. Во-вторых, нельзя говорить об отрицательных сторонах, не давая их причинного анализа, — размеры же анкетного ответа не допускают такого анализа. Попытаемся однако в пределах возможности ответить, не расширяясь дальше того узкого вопроса, который поставлен журналом. В частности, у меня

имеется серьезное сомнение, может ли вообще получиться толк из подобной беглой анкеты. Каковы отрицательные стороны в быту молодежи.

1) У части молодежи выдохся (или вообще не появлялся) идейный революционный огонь. Одним стало сейчас скучно после недавних боевых праздников (1917—1921 года), другие, по молодости не успевшие повидать эти праздники, ничего идейно интересного не видят в сегодняшних «советских буднях», не понимают вообще, что же это такое — революция.

2) У части молодежи нет охоты к углубленной учебе. Нет понимания, зачем нужно так долго и серьезно учиться. Нехватает терпенья подольше сосредоточиться над научным вопросом, хочется переложить всю ответственность на преподавателя, руководителя, только бы самому «не пыхтеть».

3) У значительной части молодежи огромная неупорядоченность, халатность как в быту, так и в производстве, на учебе и пр. «Авось да пройдет», «лишь бы как». Перекидываются от книжки к книжке, от занятия к занятию, не умеют накоплять навыки организованной работы, не хотят порядка. Безалаберность, хаос.

4) У части молодежи замечается рвачество, «спешка жить». Страх — «а вдруг на мою долю придется мало радости, — надо поспешить». Наша всколыхнувшаяся общественная жизнь встряхнула у некоторых не жажду творчества, а волчью хватку, рвачество.

5) У значительной части молодежи нет своего мнения по главным жизненным вопросам, нет даже уменья строить собственные мнения, полная умственная несамостоятельность, внушаемость. Флюгер-ку—да ветер подует.

6) У многих нет даже элементарных понятий о гигиене, о здоровье. Нарушение основных правил оберегания сил. Либо пренебрежительное отношение к телу, либо полное невежество в этой области.

7) У части молодежи — обостренное озорничество, мелкое бузотерство. Не знают, куда девать лишнюю энергию,— бузят, делают глупости, дерутся, мешают себе и другим.

8) У другой части, наоборот, уклон в сторону ханжества, излишней скромности. Ни шагу без нравоучения, без серьезного «принципа». Выхолащивание молодости, молодой радости. Нет спайки между серьезностью и молодостью.

9) У части молодежи (сейчас меньше, чем 1—2 года назад) поверхностное отношение к вопросам любви. Слишком частые половые акты, частые смены связей. Насмешки над любовью, нежностью, сведение всего к голому половому акту.

10) Появились среди молодежи и «хозяйчики». Обзавестись квартиркой, уютом, получше одеться, накопить деньжат. Конечно, в желании более обеспеченной жизни, менее голодной жизни, имеется вполне здоровая сторона, но у многих замечается перегиб в этом вопросе, перегиб, переходящий уже в область самого обыкновенного мещанства. Не рабочий, а «хозяйчик», мелкий буржуа.

11) Этот мещанский уклон проявляется не только в хозяйственных вопросах, но и в художественных вкусах. Надеть ленточку, чистую рубашку, неразорванные брюки, аккуратное платьице—в этом, конечно, нет ничего плохого, наоборот, счастье, что наконец накопили средства приобрести все это. Но штукатурить физиономию, мазать губы и брови, прыскаться острыми духами, надевать чулки пофасонистее, сапоги обязательно с ударным блеском — это уже заскок за границу мещанства, и этот заскок, несомненно, уже замечается.

12) Часть молодежи устала, истрепалась. Нет сил, нет охоты ни к чему. Апатия, лень, утомляемость от пустяков.

13) Есть и бытовой развал. Водка, карты.

Конечно, это еще не все. Но основное взято. Как бороться? Сам Комсомол, понятно, бессилен. Здесь требуется целая сильная система общих и частных мер. Во-первых, надо учесть своеобразие нашей социально-экономической обстановки, при которой разложение и утомление части молодежи неминуемо: тут основная борьба должна вестись на экономическом фронте. Во-вторых, надо считаться и с психофизиологическим своеобразием нашего молодняка, с психофизиологией переходного возраста вообще.

Надо, чтобы работа Комсомола спаялась с культбытовой работой профсоюзов по оздоровлению взрослого быта.

Надо радикально пересмотреть методы политучебы, общей учебы, производственного обучения.

Тт. Мейер и Петров[1]

Об ответвливании, плохом здоровье, кутежах вскладчину и о модной юбке

Стремление ребят как можно лучше жить, личные интересы проходят в настоящей обстановке в разрез с общественным делом. В этом заключается причина всех отрицатель-

[1] Политпросвет общефабричной ячейки Красно-Пресненской Трехгорной мануфактуры и работницы-комсомолки этой фабрики.

ных явлений, которые можно наблюдать среди молодежи в настоящее время и с которыми бороться очень трудно, потому что не все зависит только от Комсомола. И если даже Комсомол и перестроит свою работу, что совершенно необходимо в настоящий период, то и тогда отрицательные явления не исчезнут совершенно. Нужно, чтобы партия и вся пролетарская общественность помогли Комсомолу в борьбе за качество нашей молодежи.

Примером того, как безразлично относится комсомолец к общественной работе, может служить хотя бы тот факт, что комсомольская нагрузка выполняется как неприятная и тяжелая обязанность. Отношение к своему делу, к порученной работе самое халатное, лишь бы сбыть с рук, и если работа выборная, то перевыборы ожидаются как освобождение. Никакой преданности делу, никакого увлечения работой нет. Исправить это можно при помощи воспитательной работы, но нужно, чтобы это была действительно воспитательная работа, а не только по названию.

В области развлечений отрицательных явлений сколько угодно, но это уже не новость. Нужно только сказать, что некоторые ребята доходят до того, что устраивают кутежи вскладчину в отдельных кабинетах, в ресторанах.

В театры не ходят, во-первых, потому, что все театры в центре и, чтобы поехать туда, надо много денег: и билеты, и раздевалка, и трамвай; во-вторых, потому, что плохое само лезет, оно тут же под боком, на окраине, в виде пивных или вечорок, а хорошее надо искать, да еще и уметь выбрать. Клубы тянут вечную нудную канитель любительских спектаклей, и молодежь использует клубы как место для встреч. Плохо обстоит дело и со здоровьем. При тяжелой работе и раннем вставании ребята гуляют до поздней ночи.

Здоровье ребят подтачивается.

Интересно отметить еще такое явление: появился какой-то ложный стыд за плохую или простую, не модную одежду. У всех стремление быть одетым не только прилично, но так, как одеваются в городе, в центре.

Однажды на вопрос «почему вы не пойдете в 1-е госкино посмотреть «Броненосец Потемкин», парни ответили: «Ехать в город в кино значит надо быть одетым не хуже других. Там, небось, все шикарно разодеты. Не спрашивают ведь, кто ты — рабочий или нет, а смотрят по виду. Что же я поеду «на-смех».

Среди девчат увлечение одеждой тоже переходит границы. Одалживают друг у друга платья, чтобы пойти на вечорку и т. д. «Хоть в чужом, зато по моде». Замужество

и своя самостоятельная и обеспеченная жизнь — на первом плане.

Отходят от работы в Комсомоле после замужества. При вступлении в Комсомол многие руководятся материальными соображениями: перейти при помощи ячейки на такую работу, где можно получить квалификацию, или в надежде на то, что пребывание в Комсомоле гарантирует оставление на фабрике в случае сокращения.

Одним словом, очень много отрицательного, и часто можно бороться своими силами, но часто ничего нельзя сделать без помощи со стороны. Все же главное — это перестроить комсомольскую работу, иначе ничего не выйдет. Кроме того, нужно воспитать крепкий актив, закрепив за комсомольскими ячейками ряд работников на продолжительное время. Новый актив растет теперь медленнее, чем раньше, и когда одни уходят, то на их месте не остается равноценных. Получается, что воспитательная работа проводится не кадром опытных, выдержанных пропагандистов, а одним каким-нибудь секретарем или политпросветом, которому, конечно, приходится только наблюдать отрицательные явления, а бороться с ними он сам не в силах. Кроме того, партия должна дать больше людей, по крайней мере, для обработки актива.

Тов. Яков[1]

О корыстном комсомольстве, о стыде и форсе по поводу квалификации и о любителях «телесных чулок»

Наиболее бросающимся в глаза отрицательным явлением в быту известной части молодежи является желание использовать Комсомол в своих целях. Особенно оно заметно среди взрослого юношества. Очень часто можно слышать такие заявления: «Если бы перевели в другой цех, так я бы поступил в Комсомол». Молодежь стремится получить квалификацию, но в этом стремлении она интересуется только большим заработком, который будет при высшей квалификации. Сознания, что большая квалификация даст более интересную и более полезную для производства работу, нет. Примешивается к этому также желание иметь какой-то вес перед другими, какой имеет квалифицированный рабочий. Неквалифицированные стыдятся своей работы и перед девушками, например, никогда не признаются, что они чернорабочие.

[1] Политпросвет цех'ячейки завода „Пролетарский Труд".

Квалифицированный молодой рабочий отходит от ячейки, он чувствует себя самостоятельным, начинает «форсить» и критикует все, что делает ячейка.

Стремление к самостоятельной жизни, к тому, чтобы иметь свои деньги, приводит к спорам и к скандалам в семье, потому что парень хочет оставить себе побольше денег, чтобы их прогулять.

Выпивка в получку—самое обычное явление, и тот, кто совсем не пьет, считается каким-то дурачком.

Очень отрицательным является и то, что никаких развлечений, кроме ухаживания за девушками, выпивки, вечорок, которые за последнее время очень развились на окраине, ребята не признают.

Кино очень любят, но посещают только картины «с любовью» или с сыщиками.

Я спрашивал ребят, которые видели «Бухту смерти», понравилась ли она им, так они сказали, что это «детская картина, потому что в ней нет любви», и что она совсем неинтересна.

Парни, которые имеют лишние деньги, посещают оперетту, а в другие театры не ходят.

Очень плохо то, что подростки с т а р а ю т с я подражать во всем взрослому юношеству; приучаются пить, носят зачесы, как у старших, самое лучшее удовольствие теперь — «цыганская» (чечетка на особый мотив). Пляшут все, и подростки стараются перещеголять взрослых парней. «Цыганская» на Пресне стала эпидемией.

К девушкам отношение, по-моему, также очень плохое. Парень, все равно, беспартийный или комсомолец, ни за что не пойдет гулять с девушкой, которая просто одета. Чем больше она одета по моде, в «телесные чулки» и пр., тем больше у такой девушки «кавалеров».

Девушки больше любят гулять с беспартийными, потому что ищут мужа с хорошим заработком, а у нас комсомольцы низкой квалификации.

В чтении тоже много отрицательного. Юношескую газету, особенно «Молодой Ленинец», никто даже и знать не хочет. Зато увлекаются «Комаром» и «Крокодилом». Из беллетристики читают мало, а если и читают, то выкапывают какие-то «Петербургские трущобы» и чуть не дерутся из-за такой книжки.

Бороться со всем этим, по-моему, можно только тогда, когда комсомольская ячейка, политкружки, клубы совершенно изменят свою работу, если работа эта не будет такой сухой, скучной. И в то же время надо строго относиться

ко всем нарушениям комсомольской дисциплины, чего теперь нет. И потом надо, чтобы в каждой ячейке было несколько парней, преданных работе и самоотверженных, чтобы с них брали пример.

ПИСЬМО КОМСОМОЛКИ К ТОВ. СМИДОВИЧ [1]

Тов. Смидович. Я читала ваши статьи о быте, помещенные в журналах и газетах, а потому я вывела заключение (хотя это и не трудно было), что вы хорошо знакомы с бытом молодежи, и мне хочется получить на некоторые вопросы ответы или, вернее, что делать. У меня хотя и есть свои ответы, но, может быть, я ошибаюсь, а вы, во всяком случае, гораздо больше меня знаете жизнь и можете дать ответ, как старший товарищ, а может быть, вольете новую струю в мое мировоззрение. Дело в том, что вопрос о новом быте слишком спорный, и каждый понимает по-своему; даже среди партийцев и комсомольцев не встретишь одного ответа.

Теперь я освещу несколько фактов моей жизни.

Мне 19 лет, живу я в Узбекистане — так далеко от центра. Столкнулась я уже вот два раза с одним вопросом в моей жизни. Первый раз был год тому назад. В ячейке я встретилась с одним комсомольцем и как-то неожиданно увлеклась им, то же самое я встретила с его стороны (может быть, в меньшей степени). Возвращались вместе с собраний, заседаний бюро и т. д. Заходили, как полагается, в темные уголки сквера, сада, улиц и тоже, как всегда, целовались. Я уходила домой вполне довольная. Но это было только месяц, потом в один вечер обрываются поцелуи. «Нет, я не могу, мне нужно больше». Мне же совсем ничего не нужно было больше. Я говорю, что «нет, этого не может быть, поскольку я молода; и затем, коверкать жизнь из-за мимолетного увлечения (принимая во внимание аборты) не стоит».

Х говорит: «абортов не будет, а я гарантирую жить с тобой месяцев семь». Я, конечно, на «такие выгодные условия» не согласилась. Х говорит, что он тогда уйдет к другой, и, может быть, ему не придется тогда видеть меня. Я согласилась на последнее, ибо он не желал терять свободы из-за меня, а я этого не хотела.

---

[1] На страницах журнала ЦК ВЛКСМ „Смена" завязалась интересная переписка между тов. Смидович и читателями журнала по вопросу о быте молодежи. Мы помещаем первое письмо комсомолки к тов. Смидович, ответ на письмо и ряд писем, полученных редакцией в связи с помещением этого письма и ответа. Стиль и выражения писем сохранены.

Прим. составит.

Правда, мне было тяжело сперва. Я сомневалась в своем решении, готова была снова вернуть свое решение, тем более он мимоходом бросал слова: «напрасно отказываешься от своего счастья». Но затем он уехал, и только недавно я встретила его, как комсомольца, на одной ячейке. Мы пошли домой вместе, но так чужды были мы друг другу, словно стена выросла между нами. Это первый случай, а теперь—второй.

Летом я часто посещала свой профклуб и часто видела одного комсомольца. Между нами были хорошие, дружеские, именно дружеские, отношения; совершенно не было различия полов, но в ноябре месяце почему-то перешло в чувство. Мы все знали друг о друге как в комсомольской, общественной, так и в личной жизни. Но опять я столкнулась с тем же фактом. Опять: «почему я люблю и не хочу удовлетворить его потребности» (хотя чувство иной раз допускало это). Я не согласилась, а он не хочет связывать свою судьбу, губить жизнь и т. д. Мы хотя и не кончили все и между нами остались дружеские отношения, но встречи не обладают той полнотой и чистотой чувств, как было прежде. Вечно вертится один и тот же разговор: почему я не хочу.

Почему «они» только хотят одного и потом уйти, совсем не считаясь с тем, что я могу исковеркать свою жизнь абортом и сознанием того, что я только удовлетворила его и он уйдет.

Почему это все они хотят тайком жить где-нибудь на траве. Я не думаю тащить в Загс, а просто жить вместе, если я гожусь в подруги жизни. Ясно ведь, я не требую уюта, материальной обеспеченности, а только того, что мы будем жить вместе, а не скитаться и не пугаться малейшего шороха, что вот кто-то идет... Я стою на перепутьи, я не знаю, права я или нет. Ну, хорошо, ну а дальше? Я встречу опять кого-нибудь, и опять сначала одно и то же. Что же делать? Не то жить под кустом, не то уходить и кончать все — и получается так глупо и не знаешь кого ругать: не то себя, не то другого. Я решила написать вам письмо и поделиться с вами, как с старшим другом, который имеет жизненный опыт, а я, как говорится, «приму к сведению и руководству».

С комсомольским приветом Л и д а.

Если я сейчас могу так сравнительно быстро кончить, то потом это будет совсем трудно, когда я буду старше, и тогда я буду вспоминать ваш ответ, если только он будет.

С. Смидович

ОТВЕТ НА ПИСЬМО КОМСОМОЛКИ

Разрешите мне, дорогой товарищ Лида, не ответить вам лично, а побеседовать на затронутую вами тему в статье на страницах «Смены», через редакцию которой вы и направили мне свое письмо.

Вы совершенно правы, характеризуя то, что предлагали вам эти парни, как стремление удовлетворить свои потребности, не беря дальнейшей ответственности за вытекающие отсюда последствия.

«Семь месяцев», а потом могут наступить и обычно наступают 8 и 9 месяцы беременности, наиболее трудные для женщины, уродующие ее в большинстве случаев, как самку, и подготовляющие весь ее организм как физически, так и психически к одному из значительнейших моментов в жизни женщины: к рождению ребенка. Этот парнишка кое-что понимает в физиологии.

Не в его интересах возиться с женщиной, хотя бы временно утратившей свою привлекательность самки, а затем взять на себя тяжелую ответственность за ту новую жизнь, которая является обычно результатом полового союза мужчины и женщины. Он предусмотрителен, этот парнишка, «гарантируя» семимесячное семейное «счастье» (правда, под кустом), а там он за себя не ручается, так как Лида не одна на свете. Наоборот, их очень и очень много. Все обладают красотой молодости и все превратятся в неинтересных беременных женщин приблизительно через семь месяцев, в продолжение которых им можно гарантировать «счастье».

То, что вы с такой безыскусственностью передаете насчет гарантии счастья в продолжение семи месяцев, поспорит со многими художественными моментами, долженствующими изображать в литературе «трагедию женской души», «проблему пола» и проч. и проч.

Да, на долю женщины, дорогой товарищ Лида, выпала почетная роль быть непосредственной воспроизводительницей человеческого рода. Эта роль, которая возложена на женщину, в значительной степени определяет и все ее отношение к любви.

Любовь для нее — это не «семь месяцев», которые можно, конечно, при желании (особенно на юге) провести молодой паре «на траве и под кустом», а длительный процесс зачатия, ношения, рождения, кормления и воспитания нового существа. Всего этого «под кустом» не осуществить.

Конечно, могут быть случаи бездетных браков, но они редки, в счет не идут, и не они определяют отношение женщины к любви. Правда, настанет время, и оно при наших условиях уже не за горами, когда государство возьмет на себя функции воспитания и питания ребенка, но сейчас, в наше переходное от капитализма к социализму время, женщина все еще несет ответственность за произведенное ею на свет дитя, и это продолжает определять ее отношение к любви.

Аборты для женщины уже не являются выходом. Слишком достаточно накопилось опыта в этом отношении. Аборт ценен в случаях исключительных, когда это единственная возможность спасти мать.

Для случаев нормальных, когда весь организм женщины устремлен к материнству, аборт калечит женщину физически и морально. Аборт—выход только по мнению и в устах тех юных парнишек, которые тщетно ищут возможности каким-либо способом отвязаться от последствий половых взаимоотношений с женщиной.

Имеем ли мы право клеймить мещанством отношение трудящейся женщины к любви?

У мужчины более легкое отношение к вопросам пола в основе об'ясняется, конечно, тем, что он не вынашивает и не рождает детей. Чувство к женщине у мужчины определяется поэтому и в основном моментом удовлетворения половой потребности, и этим об'ясняется, что, как физиологический тип, мужчина склонен подходить к женщине только как к красивой самке и менять ее по мере надобности.

Однако причины социального характера вносят изменения в такой чисто физиологический подход к женщине постольку, поскольку семья является на протяжении целого огромного периода жизни человечества хозяйственной ячейкой, без которой не может существовать общество.

Производственные отношения на известной ступени развития человечества определяют форму и содержание семейных взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Буржуа «любит» свою жену как свою собственность и мать наследников его имущества, предоставляя ей известные жизненные удобства и удовлетворяя свое стремление к перемене самки на стороне.

Пролетарий в своей борьбе за существование как личности, так и класса, стремится рядом с собой иметь друга и товарища, а не беспомощную самку, которая годна только для воспроизведения рода.

На стороне ему нет возможности развлекаться, так как ни времени, ни денег для этого ему не обеспечила судьба.

Производственные отношения, которые обусловили вовлечение женщины в производство, делают из нее равноправную подругу жизни мужа — пролетария. Те же причины придали новую форму семье пролетария, сделав ее действительно моногамной (единобрачной), основанной на общих интересах членов семьи.

Равноправие, общность интересов, товарищеские взаимоотношения между родителями и детьми, отсутствие мещанской узости, поскольку эта семья — часть коллектива, часть класса, который может выполнить свою историческую роль только в тесном единстве, в полной солидарности всех его частей.

Только такая семья соответствует экономическим интересам нашего переходного времени. Вместе с развитием промышленности, вместе с индустриализацией нашей страны все большее количество женщин будет втягиваться в производство, создавая тем самым основу для всяческого развития новых равноправных взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Работа партии и государства по раскрепощению женщины будет понемногу освобождать женщин от повседневных домашних забот и развивать взаимоотношения, основанные на равном участии в жизни общества мужчин и женщин.

Общая работа, общий отдых, общие интересы соцстроительства должны все больше и больше закреплять эти взаимоотношения. Общие дети при этих условиях создают новый общий интерес к науке воспитания ребенка, создания из него творца будущего. Переходный период, который закончится социалистическим устройством общества в развернутом виде, должен таким образом не разрушать пролетарской семьи, а способствовать созданию новых крепчайших уз между мужчиной и женщиной.

Вместе с отмиранием последних остатков хозяйственных функций семьи отомрут и последние отношения к женщине, как к слуге, существу низшего порядка. Таким образом в наш переходный период должно закрепляться то отношение к женщине, которое зародилось еще при капитализме в семье рабочего, и отмереть все, что связано с отношением буржуазии к женщине, как к вещи, к орудию наслаждений.

Переходный период — это период выявления пролетарской государственности и социалистических элементов общественности, а не расхлябанности и всяческих «свобод», цену которым пролетариат хорошо знает.

Если «любовь под кустом» — разнузданность, распущенность, несчитание с физиологическими последствиями любви, вся эта теория «стакана воды»[1] — и есть коммунистическая любовь, то ясно, что мы не будем поощрять такие явления и считать... переходом к высшей ступени взаимоотношений между мужчиной и женщиной. В обратном случае, если мы придем к заключению, что это отрыжка буржуазного мира, который брызжет ядовитой слюной на нашу новую, только-что складывающуюся, пролетарскую общественность, то мы постараемся возможно скорее справиться и с этим злом.

Ваше письмо ясно показывает, что вы присоединяетесь ко второму решению, т. е. всем своим существом протестуете против стремления использовать вас как орудие наслаждения. Ваше здоровое чувство женщины, могущей стать матерью, ничуть не противоречит интересам нашего пролетарского государства.

Плыть против течения, не помогать, а тормозить своему государству в выполнении его задач—является как-раз признаком мещанства, индивидуалистического, эгоистического подхода к жизни.

Интересы трудящейся женщины, будущей матери, которая совсем не пламенеет желанием устраивать свою семейную жизнь «на траве» и «под кустом», которая предвидит и физическую и моральную необходимость нормального произведения на свет и воспитания здорового потомства, как-раз, наоборот, совпадают с интересами пролетарского государства.

«Травка», «кусты», как олицетворение неорганизованной, беспорядочной половой жизни — сегодня с одной или с одним, завтра с другой или с другим — сулят государству в будущем немалое количество искалеченных людей и беспризорных детей.

Но значит ли это, что девушка должна искать выгодного жениха? Нет, это значит только, что тот, кто вместе с нею произведет на свет ребенка, должен взять на себя заботу о нем. Мы имеем в виду только трудящихся, т. е. людей, единственным обеспечением которых является заработок. Мы имеем в виду именно тех девушек, которые не хотят уюта и комфорта, не собираются «тащить в Загс» (хотя против советского узаконения брака в Загсе мы абсолютно не возражаем), хотят вместе жить с тем, кого полюбили, не считают нужным «бояться каждого шороха», а стремятся открыто признать его своим другом, товарищем, мужем.

[1] См. об'яснение в брошюре Кл. Цеткин „О Ленине".

Одна половая связь между людьми не создает прочного союза. Вот почему женщина, стремящаяся к крепкому союзу, который даст возможность совместно вырастить ребенка, в большинстве случаев не довольствуется одним половым чувством со стороны своего мужа. Она хочет в его лице иметь друга, товарища. Чем больше будет, помимо полового чувства, еще и так называемых духовных связей в их взаимоотношениях, тем прочнее будет их союз.

Вы грустно качаете головой. Ваш личный вопрос не разрешен. Да, пока вы не поработаете над разрешением общего вопроса, трудно вам будет получить удовлетворяющий ответ и в своем личном. Прежде всего, будьте твердо уверены в своей правоте. Не идите по пути уступок, потому что они не принесут вам ничего, кроме разочарования и горя, а обществу, в котором вы живете,—ничего, кроме вреда. Факты из вашей жизни, о которых вы пишете, все-таки не являются единственно определяющими наш быт.

Растет и здоровая пролетарская молодежь с здоровыми крепкими инстинктами, лишенная всей той гнили и разложения, которыми все еще дышит на нас издыхающая, проклятая, смердящая буржуазия.

Комсомол всячески поддерживает эти здоровые тенденции в жизни молодежи и борется с тем, что характеризует нездоровый подход к вопросам пола.

Работать по организации нового быта, бороться за создание нового человека—величайшее счастье.

Это новое, небывалое еще в истории человечества рождается в муках. Молодежь увидит в полном расцвете ту жизнь, которая сейчас зародилась.

С величайшим вниманием она должна наблюдать за правильным ростом ее буйных побегов.

Нина Вельт

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ТОВАРИЩУ СМИДОВИЧ

Брось свои иносказанья и гипотезы пустые.
На проклятые вопросы дай ответы нам прямые.

Дорогой товарищ!

Напечатав в последнем номере «Смены» свою переписку с комсомолкой Лидой, вы, повидимому, хотели подчеркнуть ее общественное значение. Тем самым вы даете мне право вмешаться в ваш разговор.

Я старше Лиды и возрастно и партийно-политически, поэтому меня ваш ответ, — скажу прямо, — совсем не удовлетворил. Мне кажется, что вы по существу не дали ответа тов. Лиде.

Судите сами.

Вступающая в жизнь комсомолка спрашивает у вас, старшего товарища, совета:

«Что делать? — писала Лида. — Не то жить под кустом, не то уходить и кончать все — и получается так глупо, и не знаешь, кого ругать: не то себя, не то другого».

Другими словами, от вас ждали ответа, как должны строиться, по вашему мнению, отношения между комсомолкой и любимым ею парнем. Вопрос был прям и ясен, «как доброе утро».

И вот что вы ответили на него:

«Вместе с развитием промышленности, вместе с индустриализацией нашей страны, все большее количество женщин будет втягиваться в производство, создавая тем самым основу для всяческого развития новых равноправных взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Работа партии и государства по раскрепощению женщины будет понемногу освобождать женщину от повседневных домашних забот и развивать взаимоотношения, основанные на равном участии в жизни общества мужчин и женщин».

Сказать так значит ничего не сказать. Когда сложится новая основа, тогда взимоотношения полов будут отличные. Верно. Но что прикажете делать в ожидании «новых основ». Я представляю себе разговор между доверчивой Лидой и тов. Смидович, если бы их не разделяло 3.500 километров.

— Вместе с отмиранием последних остатков хозяйственных функций семьи, — поучает тов. Смидович [1], — отомрут и последние отношения к женщине, как к слуге, существу низшего порядка. Таким образом...

— Позвольте вас перебить, тов. Смидович,—не выдерживает Лида.—Это все верно—то, что вы говорите. Это все хорошо, но я и сама это знаю и, поверьте, слышу не первый раз. Я знаю, через 100 лет жизнь будет прекрасна. Да ведь я-то живу не в 2.026 г. Мне интересно, чтобы вы посоветовали мне сейчас, когда я вернусь в свой клуб, к своим мучительным сомнениям. Ужель итти ложиться под первое дерево?

— Нет, что вы,—отвечает тов. Смидович.—Нет, конечно. «Любовь под кустом»—это отрыжка буржуазного мира,

[1] Реплики тов. Смидович почти дословно привожу из ее статьи.

который брызжет ядовитой слюной на нашу новую, пролетарскую общественность. Это все—гниль и разложение, которыми все еще дышит на нас издыхающая, проклятая, смердящая буржуазия. Мы постараемся возможно скорее справиться с этим злом.

— Вот и я так думаю...—задумчиво говорит Лида, теребя кончик косынки.—Но мне бы, товарищ Смидович, хотелось, если вам не трудно, услышать не дешевое морализирование, а что-нибудь более конкретное.

— Ах, конкретное...—задумывается в свою очередь тов. Смидович.—Прежде всего... прежде всего... прежде всего будьте уверены в своей правоте. Не идите по пути уступок, потому что они не принесут вам ничего, кроме разочарования и горя. Факты из вашей жизни, о которых вы так любезно мне рассказали, все-таки не являются единственно определяющими наш быт. Растет и здоровая («стало быть, я—нездоровая»,—думает Лида, но молчит) пролетарская молодежь со здоровыми и крепкими инстинктами. Наконец работать по организации нового быта, бороться за создание нового человека—подумайте, Лида, какое это для нас величайшее счастье...

Но Лида только грустно качает головой.

Посидев, ради приличия, еще некоторое время, выслушав еще несколько сентенций, Лида благодарит и прощается с разговорчивой хозяйкой. Лиду ждет пионерский отряд и у нее нет времени выслушивать прошлогоднюю газетную трескотню. Она уходит своей торопливой походкой, а голову сверлит мысль:

«Нет, это не ответ. Что же нам делать?»

* * *

Лида будет права, когда не удовлетворится ответом тов. Смидович. Да и кого удовлетворит ответ, где старательно замазаны и стерты острые углы, а сам вопрос передвинут в блестящую, но холодную надзвездную сферу принципиальных разговоров.

Лиды—их много—пойдут искать ответ в другом месте, будут учиться на своем маленьком опыте, своим горбом, а может быть, и комсомольской жизнью расплатятся за прекраснодушные советы взрослых товарищей, не дающие и намека на линию поведения. Не будем спорить о принципах—здесь мы во всем согласны. Поговорим лучше о земном применении небесных принципов.

Будем смелы и возьмем быка за рога: возьмемся за любовь.

Известно, что на эту тему исписано больше бумаги, чем может увезти сотня верблюдов, и не нам, и не в газетах решать этот извечный вопрос. Больше того; мы о ней слышали, много читали, еще больше думали, но сами никогда любви (к мужчине, в специальном смысле слова) не испытывали и поэтому не твердо уверены в непогрешимости своих суждений.

Любовь... что это такое?

Старая песня:

Зовет ее ангел блаженством небес,
Мученьями ада—зовет ее бес.

В отчаяние от того и другого, товарищ Смидович понимает ее проще. Она подходит к вопросу «с марксистской точки зрения» и очень решительно:

«На долю женщины, дорогой товарищ Лида, выпала почетная роль быть непосредственной воспроизводительницей человеческого рода. Эта роль в значительной степени определяет и все ее отношения к любви. Любовь для нее... длительный процесс зачатия, ношения, рождения, кормления и воспитания нового существа».

Мы смотрим на любовь иначе; она—сложный комплекс постоянных и условных рефлексов, гораздо более, во всяком случае, сложный, нежели она кажется почтенному тов. Смидович. Но, хотя формула тов. Смидович и упростительская, нельзя отрицать, что вопрос о плодах любви, о связи любви с процентом прироста населения СССР в данный момент — важнейшая практическая часть проблемы и заслуживает быть рассмотренной отдельно и внимательно.

Тов. Смидович не допускает мысли о любовных отношениях между людьми, не кончающимися рождением ребенка. А мы эту мысль допускаем.

Отсюда начинаются наши разногласия.

Революционерам и коммунистам не приличествует безусловное преклонение перед силами природы.

Не подчиняться природе, а подчинить ее себе—вот достойный лозунг социализма.

Природа устарела и к тому же плохо организована. Природа решительно нуждается в принципиальных поправках.

И—дайте срок—мы их внесем. Мы переделаем старушку-Землю так, чтобы человечеству жилось просторно и удобно, чтобы оно не зависело от какого-нибудь дождичка перед урожаем или буйного разлива весенних вод. Не мы, так дети

наши, не они, так дети детей наших, а доживут до времени, когда о так называемых «законах природы» будут вспоминать на экскурсиях в пыльные музеи, куда их сдадут вместе с сохой, бороной и проволочным телефоном, как говаривал Энгельс.

Но мы, кажется, размечтались. Суровые законы еще не отменены и заставляют нас сменить приятные фантазии на трезвую, наглядную аргументацию.

Частые аборты калечат женщину—совершенно бесспорно. Но что делают с женщинами частые роды? Оглядитесь—и вы нас поймете.

Дальше. Предложим вниманию тов. Смидович и ее сторонников такую задачу. Как известно, средний месячный заработок рабочего—50—60 рублей. На эту сумму он может хорошо воспитывать одного ребенка, или хуже—двух. Однако, следуя в своей любви советам тов. Смидович, наш рабочий за революцию произвел четырех ребят. Полсотни этой семье достаточно, чтобы не умереть от голода, но мало, чтобы жить. Оно и выходит, что дети пролетария, соблазненного советами тов. Смидович, будут расти впроголодь, хилыми, больными, никчемными ребятами. Короче: вместо двух работников, советская страна получает четырех инвалидов, т. е. вместо обещанной тов. Смидович пользы—чистый вред.

Собственно, этого примера достаточно для иллюстрации нашей мысли. Попробуйте-ка его оспорить. Пусть-ка тов. Смидович нам докажет, что для Союза Республик количество детей важнее их качества. Мы, вместе с тов. Троцким, и здесь поборемся за «качество продукции».

Подойдем теперь с другой стороны, стороны интересов не государства, а отдельной матери (хотя в большинстве случаев они совпадают). Если два ребенка еще дают женщине слабую возможность общественной работы, то большее число детей эту работу исключает. Тов. Смидович когда-то сама хорошо это понимала. В ее первых статьях в «Правде» мы читали: «Сколько неимоверных трудностей должна взять на себя молодая мать, чтобы вскормить и воспитать новорожденного. Она должна будет на долгое время распроститься с учением, если она учащаяся, с активной работой в организации, если она общественная работница. Ей придется отстать от общей работы, отстать от жизни». Мы подписываемся под этим обеими руками.

Итак, мы пришли к выводу, что часто бывает положение, когда всеобщие интересы требуют нарушения «закона природы». Любви без «ее плодов». Тем самым мы допускаем

контроль над деторождением, регулирование (относительное) его. Тем самым мы даем матери право самой выбирать время и отца своему ребенку [1].

Что и требовалось доказать.

* * *

Значит вы за аборты? — спросит нас хитроумная тов. Смидович.

Нет. Вовсе нет. Зачем прибегать к аборту, калечащему женщину физически и морально, когда есть десятки мирных и относительно безвредных и очень действительных предупредительных мер. Заметим кстати, что с нашей точки зрения, рост абортов в стране говорит не о росте «испорченности» и падения нравов, как думают многие, а лишь о нашей некультурности. Там, где достаточно смазать порезанный палец иодом, мы ампутируем (отрезываем) руку.

Чтобы быть понятными, поясняем: мы за детей. Жизнь без детей пуста и неоправдана. Для семьи ребенок необходим, как хлеб и вода, но рождение ребенка должно определяться волей разума, а не слепым случаем.

Отсюда нам легче перейти и ко второму, так сказать, программному вопросу: о новых формах семьи.

Они определяются не статьями, даже самыми прекрасными, а—увы—другими, грубыми и упрямыми факторами—материальными условиями.

Старая, складывавшаяся веками семья распадалась фактически еще до революции, соответственно изменению материальных отношений общества. Революция только завершила и оформила, так сказать, де-юре, этот процесс, разрушив сковывавшие его правовые нормы. В нашу эпоху переходного периода, когда все течет и меняется, когда еле-еле намечается костяк новой социальной организации, в столь неустойчивой обстановке первых дней мироздания — большая наивность ждать и требовать определенных выкристаллизовавшихся форм брачного союза, «пролетарской семьи», по выражению тов. Смидович. Мы даже отдаленно не можем представить формы, в которые выльются взаимоотношения между мужчиной и женщиной, хотя бы в первичной фазе социалистического общества.

Разумеется, отсюда никак не следует, что нам можно сложить руки и плыть по течению, предоставив событиям итти куда вздумается. Наоборот, общественное вмешатель-

[1] Нашу сестру это до некоторой степени страхует и от „роковых ошибок" молодости.

ство необходимо и неизбежно по одному тому, что сам переходный период грозит затянуться надолго.

Вопрос о формах вмешательства. Одни придумывают красивые пожелания, под которые пытаются подогнать жизнь. Другие—и мы в их числе—предпочитают приглядеться к жизни и помочь оформлению тех затвердевающих отношений, в которых видят проблески нового, грядущего быта.

Новую (переходного периода) семью создадут новые люди. Для них на первом плане будет стоять общество, класс, партия, а на втором уже — личная жизнь, любовь, семья. В женщине будут видеть сначала товарища по борьбе, а затем жену.

Такая обстановка складывается уже теперь, и если товарищ Смидович, не только на словах, знала бы быт комсомольской молодежи, она бы нашла кое-какие камешки, пригодные для фундамента будущей семьи.

Позвольте продемонстрировать противоречия в наших взглядах:

Вы, товарищ Смидович, под женской половиной строителей нового быта «имеете в виду именно тех девушек, которые не хотят уюта и комфорта, не собираются «тащить в Загс», а хотят вместе жить с тем, кого полюбили».

Наши девушки ведут себя иначе. Они и добиваются и комфорта и уюта, и регистрируются в Загсе, и живут отдельно от любимого.

Что имеет возразить тов. Смидович против минимального комфорта и уюта? Почему, докажите нам, предосудительно иметь чистые занавески на окнах, отдельную кровать, шкаф для книг и т. д.? Рост культурности предполагает рост не только материальных, но и (о, ужас) эстетических потребностей пролетария. Вы с этим несогласны, товарищ Смидович? Или вы думаете, что чем более аскетичен образ жизни, тем он коммунистичнее, шелковая блузка—паспорт мещанки, и за нее нужно гнать из партии. Ответьте откровенно, тов. Смидович.

Почему тов. Смидович говорит о Загсе с плохо скрытой презрительностью (оговариваясь одновременно, что «абсолютно не возражает»)? Чем стыдно, что дурного, если я с мужем пошла в Загс расписаться? Отчего бы коммунистам не подавать всем гражданам примера уважения к советскому законодательству? Об'ясните это нам, тов. Смидович. Мы не понимаем.

Если вы хотите знать, товарищ Смидович, то в настоящий момент наиважнейшей предпосылкой «счастливого брака» является не «равноправие» или «отсутствие мещан-

ской узости», как вы полагаете, и даже не высокая материальная обеспеченность, а всего-навсего—правильный выбор об'екта с обеих сторон (нашей и мужчин). Мое письмо разрослось. Я боюсь, у вас нехватит терпения его читать, а то я бы много рассказала на этот счет. Но мысль моя ясна и так: вы, надеюсь, поймете ее и без иллюстрации, а мне бы хотелось тем временем сказать несколько слов о раздельной жизни супругов. Вы уж, будьте добры, простите мою женскую болтливость. И то сказать, сколько лет молчала.

Все, что в себе я таю и ношу,
О том я пространно теперь расскажу.

Не пугайтесь: уже рассказала. Сейчас совсем кончу.

Вы, как и все, знаете, что, несмотря на наши хорошие слова и разговоры, мужчина остается сильнейшей стороной. При совместной жизни сильная сторона неотвратимо подчиняет себе женщину и—горе побежденным. На женщину падает вся техническая, черная работа на дому; среди партийцев, комсомольцев, беспартийных—все равно. Она обязана заботиться, чтобы мужу было что позавтракать, штопать его носки, убирать комнату и т. д. и т. п. А если при этом она попадает и в денежную зависимость от мужчины—песенка ее спета.

Совместная жизнь в наших нищенских условиях (особенно жилищных) искривляет и беднит человеческие отношения. Отсутствие «своего угла» доводит иногда до того, что добрые по существу люди чувствуют себя как каторжники, прикованные к одному ядру. Из всех пакостей, подрывающих комсомольские семьи, эта—самая злая.

Именно раздельная жизнь создает полное «равноправие» сторон, обеспечивает духовный рост, раскрепощает женщину.

Тов. Смидович, вы очень верно сказали: «одна половая связь не создает прочного союза между людьми». Союз должен покоиться, кроме чувственности и взаимной симпатии, на общности интересов, духовной связи, взаимном уважении, обоюдном умственном росте и полной независимости женщин. А для всего этого лучшая гарантия—самостоятельная жизнь. В нашей среде такие примеры встречаются все чаще и чаще. И именно они наиболее прочны и удачны. Ясно, это не рецепт всеобщего счастья. Я не думаю предлагать морриссоновые пилюли, в каждом отдельном случае есть свое лучшее решение. Я только хотела обратить ваше внимание, товарищ Смидович, на эту светлую сторону «проклятого вопроса».

Вот все, что я имела вам сказать. Извините меня, если письмо покажется резким. Я не думала вас обидеть, но считала ошибочным жертвовать четкой постановкой вопроса ради неумеренной щепетильности.

Жму руку.

С компривето Нина Вельт, комсомолка и партийка.

В. О. Клемм

ТОВАРИЩУ НЫНЕ ВЕЛЬТ

Дорогой товарищ.

Я еще не успел познакомиться с письмами тов. Лиды и тов. Смидович. Но думаю, что ваше письмо («Смена» № 12) исчерпывающе ввело меня в курс начавшейся полемики. И мне захотелось побеседовать с вами, чтобы поделиться своими собственными соображениями, являющимися результатом 45 лет довольно многогранной жизни, не малого житейского опыта и неугасавшего всю жизнь (с 1905 года, заставшего меня уже студентом) интереса к так называемому «женскому вопросу».

Для меня было бы легче побеседовать с вами. Но раз уж пришлось оторваться от работы для письма, не хочу ограничиваться короткой запиской.

Если, выражаясь вашими словами, «быть смелым и взять быка за рога», то, подойдя к женскому вопросу в целом и притом без всяких увертюк и без всякого лицемерия, не остается ничего другого, как сознаться, что положение современной женщины у нас (о капиталистических странах и говорить нечего) еще в полной мере отвратительно и для нее неприемлемо. В лучшем случае ее положение подобно положению рабочего класса, скажем, в Америке, где он юридически вполне равноправен с господствующим классом, но где, вместе с тем, он вполне порабощен экономически, ибо равноправие по букве закона ни в какой мере не обеспечивает равноправия экономического.

Положение «женского класса» еще труднее. Ибо, как доказала современная действительность, не только юридическое равноправие, но и равноправие экономическое (так как до некоторой степени «женский класс» его достиг) еще не гарантирует ему освобождения со стороны «мужского класса в силу целого ряда специфических условий, сохранивших за ним—даже при юридическом и экономическом уравнении с «женским классом»—положение класса господствующего.

Мне думается, что все вытекающее из этого моего утверждения и даже то, что даже «любимый парень» для современной женщины еще является классовым врагом, является вполне марксистским подходом к вопросу. Ибо как-никак, а первое разделение труда (т. е. начало классовой борьбы) явилось разделением мужского и женского труда, и разделение это еще ни в какой мере не изжито.

Эксплоатируемость «женского класса» (и в то же время господствующее положение «мужского класса») создают следующие три фактора:

1) вся черная работа падает в семье на женщину; 2) рожает женщина; 3) вся тяжесть выхаживания детей падает на женщину.

Из этих трех факторов неустраним только второй. Но при устранении остальных двух факторов он утратит свое теперешнее отрицательное значение. Однако не будем забегать вперед и разберем все три фактора по порядку.

1) В своем превосходном письме вы даете исчерпывающую характеристику первого фактора.

«Вы, как и все (пишете вы товарищу Смидович), знаете, что несмотря на наши хорошие слова и разговоры, мужчина остается сильнейшей стороной. При совместной жизни сильная сторона неотвратимо подчиняет себе слабейшую, т. е. женщину. И—горе побежденному. На женщину падает вся техническая черная работа по дому; в среде партийцев, комсомольцев, беспартийных—все равно. А если при этом она попадает и в денежную зависимость от мужчины, песенка ее спета».

И вы же даете исчерпывающий ответ на вопрос, как преодолеть это зло:

«Именно раздельная жизнь создает подлинное «равноправие» сторон, обеспечивает духовный рост, раскрепощает женщину».

Вы глубочайшим образом правы. Только раздельная жизнь может создать полное счастье любви (да простят мне это поэтическое отступление). Ибо, не говоря уже о всех последствиях совместной жизни для женщины, которые вы так полно охарактеризовали, только раздельная жизнь может уберечь мужа и жену от опускания, привычки, пресыщения и всех необходимо вытекающих из них тривиальностей семейной жизни. И это не только в наших «нищенских условиях», но и во всяких условиях, до буржуазных особняков включительно, поскольку мужем и женой не практиковалась там раздельная жизнь под одним кровом.

Ницше со своей квинтэссенцией индивидуализма был архи-буржуа, но ему никак нельзя отказать в меткости уста-

новок. И он сказал: «мы любим друг друга, посмотрим — можем ли мы любить друг друга».

Однако всякий вопрос может считаться выведенным из плоскости пустых разговоров только в том случае, если он получает хоть какое-нибудь практическое разрешение. Вопрос семьи с раздельным жительством супругов, по моему мнению, практически разрешается без всяких затруднений даже в своих мельчайших подробностях.

В дни, когда нерабочее время у обоих или у одного из супругов занято, они не встречаются (ограничиваясь телефоном). Свободные вечера проводят вместе в зависимости от того, как сложатся обстоятельства: муж у жены или жена у мужа. Но вот, скажем, плохая погода или не хочется поздно вечером тащиться к себе, или просто не хочется расставаться. Тогда остаются ночевать. Всегда можно обзавестись на этот случай соответствующим ложем (диван, складная койка), ибо спать всю ночь вдвоем на кровати для одного—неудобно и поэтому вредно. Поскольку муж и жена будут оставаться друг у друга попеременно, черная работа по уборке и обслуживание другого будет распределяться равномерно. При таком разрешении семейной проблемы остается один больной вопрос, а именно: старость. Неужели и в старости прикажете ходить друг к другу в гости. Но нужно понять, что для счастья такая раздельная жизнь нужна не на всю жизнь, а только до тех пор:

а) пока супруги не убедятся в том, что «они могут любить друг друга», и б) пока они не окрепнут в уважении друг к другу, во взаимном понимании вкусов, потребностей и привычек другого и в уменьи не быть другому в тягость.

Само собой разумеется, что, когда после нескольких лет раздельной жизни супруги поймут, что это на всю жизнь, они бросят раздельную жизнь, как излишнюю предосторожность, и тогда все отрицательные свойства совместной жизни диалектически перейдут в положительные. Получится новый синтез семьи новой формации. Но зато, насколько предварительная раздельная жизнь упростит и облегчит разрыв супругов, когда окончательно выяснится, что они «не могут любить друг друга». А таких случаев в браках до известного возраста всегда будет большинство. Уменье любить есть достояние житейского опыта.

2) Перейдем теперь ко второму фактору.

Как я уже сказал, отрицательное значение его обусловливается наличностью остальных двух факторов.

О почетной роли женщины, как непосредственной воспроизводительницы человеческого рода, выставляемой на первый план тов. Смидович, я говорить не буду.

Ограничусь констатированием того, что деторождение является естественной потребностью женского организма и женщине просто-напросто нужно. Поскольку оно перестанет служить началом окончательного закрепощения женщины, как матери своих детей, оно и сведется к удовлетворению потребности организма. Нет сомнения в том, что в будущем деторождение будет урегулировано и превратится в гражданскую обязанность. В какие рамки это уложится, гадать сейчас не приходится. Можно только предвидеть, что на долю каждой здоровой женщины придется обязанность родить не менее двух и не более трех детей, вернее—трех, считая третьего на покрытие детской смертности и бесплодной части женщин.

В связи с этим вопросом имеется не мало вопросов — о выборе отца (и даже об искусственном оплодотворении), о мерах предохранения от дальнейшей беременности (сверх нормы) и т. д. Но все эти вопросы не связаны непосредственно с закрепощением и раскрепощением женщины, и поэтому здесь останавливаться на них нечего.

Одно важно отметить, что сведение брака исключительно к оплодотворению есть не что иное, как умаление брака, умаление здорового и красивого влечения друг к другу сблизившихся людей и попросту—уклон в идеализм, поскольку этим вырывается из-под ног база материалистического влечения двух организмов друг к другу (по-старому—«страсти»), которая вовсе не является буржуазным пережитком, и поскольку этим навязываются какие-то идеалистические платонические чувства. Женщины и мужчины новой формации, конечно, будут и желать друг друга и стремиться к обладанию, и эти элементы чувственного порядка будут прекрасно уживаться с истинно-товарищескими отношениями двух людей, интеллектуально связанных, при чем обе эти категории (влечения и товарищества) будут взаимно обуславливать друг друга.

3) Но наиболее актуальное значение имеет ныне вопрос о третьем факторе закрепощения женщины—вопрос о выхаживании детей.

Вопрос этот будет, конечно, со временем исчерпывающе разрешен социальным воспитанием. Но пока его нет. Пока наше становящееся на ноги государство еще не в состоянии прийти женщине на помощь.

Мне думается, что при существующих условиях этот вопрос является центральным, что в плоскости переживаемой нами переходной эпохи именно в нем

лежит узел всего «женского вопроса». Поэтому именно он является вопросом, который ныне же в первейшую очередь требует практического разрешения.

Ибо, как в свое время понимала сама тов. Смидович, «сколько неимоверных трудностей должна взять на себя молодая мать, чтобы вскормить и воспитать новорожденного: она должна будет на долгое время распроститься с учением, если она учащаяся, с активной работой в организации, если она общественный работник» и т. д.

«Мужской класс» тут, и в особенности тут, имеет все преимущества. Не свобода от беременности, родов и кормления, главным образом, дала мужчине возможность работать и творить с свободным умом, что в свою очередь дало ему возможность развернуть все богатство его человеческой природы. Беременность, роды и кормление являются вопросом всего нескольких месяцев. Главное преимущество мужчины в том, что на него не падает забота о детях. Вместо того, чтобы оторваться от своей работы, от поставленных целей, он ограничивается наиболее легким уделом — кормильца семьи. Это — если есть семья. А если ее нет, все ограничивается для него алиментами, т. е. неприятностью лишиться, в крайности, третьей части зарплаты. А что это значит в сравнении с непосредственной материнской заботой о ребенке?

Сплошь да рядом эта материальная жертва (алименты) развязывает мужчине руки и открывает возможность начать новую жизнь, завязать новые отношения. А для женщины. Она связана детьми по рукам и по ногам. Новая жизнь, новые отношения с другим, лучшим человеком для нее почти закрыта, так как она уже не одна, а с детьми, и редкий мужчина любит и даже вообще приемлет детей другого мужчины. И алименты превращаются для нее в жалованье кормилицы, няни, воспитательницы собственных детей.

Вот где с исключительной яркостью выступает рабское положение «женского класса». Я уж не говорю о тех еще многочисленных случаях, когда, несмотря на наше законодательство, мужчине удается бросить мать и детей на произвол судьбы и поставить женщину лицом к лицу с чудовищной необходимостью в дополнение ко всему прочему еще работать для прокормления своих детей.

И мне рисуется, что впредь до введения социального воспитания единственным выходом из этого положения является к о о п е р и р о в а н и е ж е н щ и н а м и в ы х а ж и в а н и я с в о и х д е т е й. Но выход этот требует величайшего напряжения женской инициативы.

Постараюсь выразить свою мысль возможно короче.

1) Десять женщин на третьем месяце беременности сговариваются о совместном воспитании своих будущих детей. (Остаются 6 месяцев на организацию кооператива).

2) Приискивается помещение за городом (что возможно даже в Москве, и для детей здоровее) или строится стандартная постройка.

3) Оборудуются первоначально ясли, заготавливается приданое.

4) Приискиваются 3 няни (8-часовой рабочий день). Врач районный.

5) После рождения 10 однолеток водворяются в ясли.

6) На время кормления приобретается автомобиль, который развозит детей для кормления по местам работы матерей или доставляет матерей для кормления в ясли.

7) Раз в десять дней каждая мать дежурит в яслях от конца работы до следующего утра.

8) По мере надобности в дни отдыха общее собрание матерей.

9) Взаимное страхование на случай смерти или инвалидности матери, на случай смерти ребенка право продать свой пай другой матери подходящего по возрасту ребенка.

Таковы важнейшие основные положения проектируемого кооперативного соглашения, которые могут быть по необходимости развиты.

Не буду загромождать настоящее письмо подробной сметой. По моему грубому подсчету вся затрата из расчета на десять детей (может быть, на одну няню можно взять и больше), включая стандартную постройку, потери по приобретению на полгода автомобиля, все оборудование и приданое на первые пять лет, должна выразиться в сумме 5.000 рублей. Исходя из расчета амортизации в пять лет с начислением 6% годовых, это даст ежегодную выплату 5.000 + 1.500 (6% годовых) = 6.500 : 5 (лет) : 10 (матерей) = 130 рублей в год на мать.

Содержание (считая 6 месяцев шоферу и болезни), а именно: 3 няни, питание, освещение, отопление, аптека, починка приданого, покупки и прочее—6.000 руб. в год, на мать—600 рублей.

Итого на долю каждой матери в течение первых 5-и лет расход с амортизацией придется в сумме 720 руб. в год, т. е. в месяц 60 руб., из которых из ее заработка—30 руб. и 30 руб.—из заработка отца ребенка (алименты).

Значительную трудность представит нахождение основного капитала. Но тут должно помочь «Материнство и Младенчество», но возможны и другие выходы, до банковой ссуды включительно.

Вот, дорогой товарищ, в самых общих чертах то, что я хотел высказать вам. Мне кажется, что все приведенные мною практические соображения (которые, конечно, требуют дальнейшей обработки) способны открыть тов. Лиде и ее товарищам по классовому несчастью некоторые горизонты.

Вдаваться сейчас в новые подробности просто не имею времени, но был бы очень рад побеседовать с вами на эту тему. На случай если вы это пожелаете, прилагаю свой адрес и телефон.

До беседы с вами не хотел бы печатать это письмо.

Н. Коржиков

«ДРУЖЕСТВЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ НИНЫ ВЕЛЬТ»

Ниной Вельт получено письмо, в которой ее корреспондент, всецело соглашаясь с ее взглядами, старается придать им конкретное жизненное разрешение.

Автор корреспонденции—уже пожилой товарищ, многое испытавший и сильно заинтересовавшийся так называемым «женским вопросом». Тем более интересно услышать мнение старшего, пожелавшего принять участие в тех спорах и сомнениях, которые столь волнующи и остры в среде молодежи.

Вот выдержки из этого письма, любезно представленного нам Ниной Вельт.

«Современную эксплоатируемость «женского класса», как условно выражается упомянутый товарищ (и в то же время господствующее положение «мужского класса»), создают следующие три фактора:

1) вся черная работа падает в семье на женщину; 2) рожает женщина; 3) вся тяжесть выхаживания детей падает на женщину.

Из этих трех факторов неустраним только второй, но при устранении остальных двух факторов (и при урегулировании его самого) он утратит все свое теперешнее отрицательное значение».

Первый фактор устраняется — в этом корреспондент Нины всецело присоединяется к ее мысли — «раздельною жизнью»; однако он находит нужным уточнить и развить это положение в следующем направлении:

«Нужно понять, что для счастья такая раздельная жизнь нужна не на всю жизнь, а только до тех пор: а) пока супруги не убедятся в том, что «они могут любить друг друга» (автор

письма настаивает на необходимости не только любви, но и умения любить и употребляет выражение Ницше: «Мы любим друг друга, посмотрим — можем ли мы любить друг друга»), и б) пока они не убедятся в уважении друг к другу, во взаимном понимании вкусов, потребностей и привычек другого и в умении не быть другому в тягость.

Таким образом «раздельная жизнь» принимается как «временная предосторожность и затем переходит при благоприятном развитии отношений в «новый синтез семьи новой формации».

Третий фактор, наиболее закрепляющий женщину—«выхаживание детей»—должен быть облегчен, по мнению корреспондента Нины, и это его новое практическое предложение—«кооперирование женщинами выхаживания своих детей».

Вопрос этот особенно важен потому, что «пока наше становящееся на ноги государство не в состоянии исчерпывающе разрешить его социальным воспитанием», а также и потому, что так называемые «алименты» — материальный оброк с мужчины — не освобождают женщину, не развязывают ей рук и нередко «превращаются для нее в жалованье кормилицы, няни, воспитательницы собственных детей».

Кооперирование 10-и женщин-сверстниц по беременности и родам для совместного выхаживания своих детей кажется автору письма к Нине делом вполне доступным, хотя и требующим по его исчислениям расходов на первые 5 лет не менее 7-и тысяч рублей. Сюда входят расходы: по найму или новой постройке помещения, на приобретение автомобиля для развозки детей по местам работы матерей для кормления, на содержание шофера и 3-х нянь, не говоря об одежде и пище детей, а также на погашение процентов ссуды, которая, несомненно, потребуется для такого предприятия. Все это составит на долю каждой матери расход в 60 рублей в месяц (30 от нее лично и 30 предполагается от отца ребенка).

Видите, какого конкретного и, в сущности, необходимого дополнения потребовала теория о раздельной жизни, и нельзя не отметить того, что это не случайность. Еще в планах Нины Вельт сквозила легкость, с которой она справлялась с поставленным вопросом: стоило только преподнести «раздельность», как все оказалось разрешенным. Чувствовалось, что только налаженный и устроенный личный уклад давали такую скорую разгадку.

У ее же дружественного корреспондента в его попытках конкретизировать теорию Вельт еще ярче обнаруживаются данныя, что любить по предложенному плану могут зрелые, культурные, рассудительные, нормально обеспеченные люди.

Почти нет сомнений, что теория Нины Вельт и ее корреспондента выражают настроения людей интеллигентных профессий. Чувствуется, что их предложения наиболее близки и родны культурным одиночкам, обладающим неплохим минимумом обеспеченности и способным взвешивать каждую деталь, прежде чем сделать тот или другой шаг.

Нарисованные ими перспективы безупречны по своей размеренности (может быть, и умеренности), и «могий вместити да вместит» их, но доступны ли, приемлемы ли они для широких масс молодежи?

По крайней мере, методы их рассуждений как-то вообще не общественны, как-то узко личны или кустарны. Выходит так, что если Нине Вельт (или какому-либо ее последователю) удается устроиться так, как она загадывает, то этим дело и ограничивается. Личное счастье обеспечено.

Наше мнение сводится к тому, что для «личного счастья» каждый—безотносительно, холост ли он, женат ли, счастлив или нет — должен чувствовать себя пионером, зачинателем в деле перерождения семьи и направлять свои инициативу и энергию во все стороны, способствующие пробить дорогу новому быту в этой семье (будь ли то кооперирование, будь ли то организация по общежитиям, будь ли то добровольное содействие детским домам, яслям и пр.).

А направление этой деятельности должно клонитьс к обобществлению выхаживания детей, обобществлению семейно-кухонных процессов и пр. Об этом, кажется, не приходится спорить. А будет ли это совместная или раздельная жизнь—все это отвлеченные рассуждения. Одно ясно, что мы должны сопротивляться узкому замыканию в семейную скорлупу двух достигших счастья существ и погрузившихся в различные рукоделия, связанные с появлением на свет потомства. Потому, что есть и такая реакция — «назад к семье» — вызванная тою же нашей неорганизованностью и пассивностью.

И не следует, как многим товарищам кажется, только и заниматься, что ждать прихода социализма, иначе откуда же он придет? Нужно также сознаться, что за спорами — совместно ли, раздельно ли жить — мы эгоистически забыли вопрос, поставленный Лидой. Мы всячески старались доказать, что совместно жить не следует, а ведь бедной Лиде никто этого не предложил; наоборот, ее обольщали всего только «совместным мигом». А такие тенденции у нас имеют еще широкое распространение, и им следует положить конец.

Александр Дольников

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «СМЕНЫ»

Дорогие товарищи!

«Миром правят любовь и голод»—вспомнилось мне, когда я услышал те разговоры, споры и рассуждения, которые поднялись вокруг письма второй комсомолки, помещенного в № 12 вашего журнала.

Вся молодежь взволнована и поднята на ноги. В читальне только и требуют, что 12-й номер «Смены». Ничто, кажется, не интересует молодежь больше, чем вопросы пола и быта. А посему этим вопросам следует особенно много уделять внимания, а ставить эти вопросы и отвечать на них должно в ясной и четкой форме.

Я хочу поделиться с вами моими мыслями на этот счет (должен добавить, что со мной были согласны те ребята, с которыми мне пришлось на эту тему беседовать).

Мы разберем обоснованность некоторых нападок Нины Вельт на тов. Смидович и попутно выскажем свои взгляды.

Тов. Вельт жалуется, что Смидович не отвечает на вопрос Лиды, что она обещает Лиде множество благ в будущем, но не говорит ей, что делать теперь. Это, конечно, очень печально, но иначе быть не может. На Лидин, да и не только на Лидин вопрос—«что же, что же нам делать?»—исчерпывающего ответа мы не получим. Как это ни печально, но еще долго, до тех пор, пока на земле не воцарится социализм, перед нами будет стоять неразрешенной проблема молодежи, как и десятки других не разрешенных проблем. Допустим, что Лида в своем разговоре с Смидович говорит, что она живет не в 2026, а в 1926 году, что она хочет сейчас быть счастливой со своим любимым, но разве она не замечает, что это связано с десятками других препятствий, которые будут устранены только при социализме.

«Разве нищета, беспризорщина, проституция меньше на нас давят и мешают нашему строительству, нежели неустановившиеся формы семьи и брака? А ведь они исчезнут окончательно и бесследно только при социализме».

Тов. Рыбаков в своей статье о специалистах говорит: «И это неравенство (зарплаты) сохранится до тех пор, пока мы полностью не построим социализма». Ведь это зло тоже не маленькое, а мы ведь соглашаемся терпеть его сто или сколько там лет до наступления социализма.

Но Нина Вельт, видите ли, девушка или женщина очень горячая, ей не терпится, она не хочет ждать наступления социализма, ей сейчас же подавай разрешение проблемы. Но больше того: указывая на ошибку Смидович, заключающуюся в том, что она не дает прямого ответа Лиде, тов. Вельт и не старается исправить ошибку Смидович.

В конце своего письма тов. Вельт говорит: «Я не думаю предлагать моррисоновые пилюли. Я только хотела обратить ваше внимание, тов. Смидович, на эту светлую сторону «проклятого вопроса».

Сама-то тов. Вельт моррисоновые пилюли предлагать не хочет, а вот от тов. Смидович она требует какого-то быстродействующего рецепта. А то, что в этом вопросе есть светлые стороны—это и мы знаем, знаем мы также, какие именно светлые стороны следует поощрять и поддерживать. О них поговорим ниже.

Тов. Вельт с иронией приводит следующие слова Смидович: «Наконец работать по организации нового быта, бороться за создание нового человека — подумайте, Лида, какое это для нас величайшее счастье...» Не знаю, счастье или нет, но твердо знаю, что это единственное, что можно советовать нашей молодежи. Нужно раз и навсегда сказать ей, что если она хочет найти разрешение этих «проклятых вопросов», то она должна строить кооперацию, строить коммуны рабочей молодежи, поднимать производительные силы нашего союза и делать еще десятки других вещей, уже давно завязших у всех в зубах.

Тов. Вельт не знает, что делать в ожидании «новых основ». Вернее, она не знает, что будет до утверждения этих «новых основ». Напрасно. Следует знать. В ожидании «новых основ» будут, тов. Вельт, умирать тысячи молодых девушек, десятки тысяч будут калечиться и еще больше будут разочаровываться и выбывать из наших рядов. Но все это должно только прибавить нам энергии и упрямства в борьбе за осуществление социализма.

Теперь несколько слов о новых формах семьи.

Тов. Вельт, приглядываясь, как она говорит, к жизни и быту «комсомолодежи», находит кой-какие камешки, пригодные для фундамента будущей семьи. Но, к сожалению, она не говорит, что это за камешки, а это было бы очень и очень интересно знать. Это просто необходимо знать для того, чтобы иметь возможность мыслить и укреплять эти «камешки». Но вот в чем я с тов. Вельт абсолютно согласен. Это то, что,

«несмотря на наши хорошие слова и разговоры, мужчина остается сильнейшей стороной. При совместной жизни

сильная сторона неотвратимо подчиняет себе слабейшую, т. е. женщину. И—горе побежденным. На женщину падает вся техническая, черная работа по дому; в среде партийцев, комсомольцев, беспартийных—все равно. А если при этом она попадает и в денежную зависимость от мужчины — песенка ее спета.

Совместная жизнь в наших условиях (особенно жилищных) искривляет и беднит человеческие отношения...»

«...Именно раздельная жизнь создает подлинное «равноправие» сторон, обеспечивает духовный рост, раскрепощает женщину...»

«...Союз должен покоиться, кроме чувственности и взаимных симпатий, на общности интересов, духовных связях...»

«...А для всего этого лучшая гарантия—самостоятельная жизнь...»

Все это удивительно верно, но летит вверх тормашками, как только появляется ребенок и нет яслей.

Да и раздельная жизнь может быть осуществлена только при хороших столовых, прачечных и т. п. общественных учреждениях, которые будут у нас только через несколько лет.

Я лично хочу указать еще на одну светлую сторону этого проклятого вопроса. Я хочу указать на кой-какие камешки, на камешки, на которые мы должны обратить особое внимание.

Это коммуны рабочей молодежи.

Вопрос о взаимоотношении мужчины и женщины может и должен и понемногу разрешается в коммунах молодежи.

Напрасно тов. Карпенко в № 3 «Смены» поспешила сделать заключение, что коммуна не разрешает семейного вопроса, что она исключает семейную жизнь.

Коммуны молодежи еще слишком молоды, чтобы о них делать какое-нибудь заключение, но все говорит за то, что в коммуне могут ужиться и жить и живут любящие друг друга девушка и парень.

На мой вопрос казначею одной коммуны: как строятся ваши взаимоотношения с девушками и как вы думаете поступить с женитьбой, тот ответил: «Мы живем с нашими девушками гораздо лучше, чем могут жить идеальные братья и сестры. Мы о женитьбе еще не думаем, потому что мы слишком заняты и к тому же совместная жизнь с девушками ослабляет наши половые желания. Мы не чувствуем остро половых различий. А если этот вопрос и станет перед нами, мы его, конечно, разрешим». Да, они его разрешат совершенно безболезненно. Аборты-то уж, наверно, не придется делать. Вступающей в половую связь девушке не придется

оторваться от общественной жизни. Ведь ее жизнь ничем не изменилась, она ведь попрежнему живет в коммуне. И от рождения ребенка также не будет много горя. Я имею некоторые сведения из сельско-хозяйственных коммун, которых я не привожу, не желая удлинять письмо: там тоже этот вопрос удачно разрешается.

До сих пор Комсомол не ахти как хорошо руководил коммунами молодежи. Не выражено еще ясной и четкой формы руководства. Зачастую ребята, желающие организовать коммуну, не находят достаточной поддержки со стороны комсомольской ячейки. Обо всем этом ЦК Комсомола должен серьезно призадуматься.

Тов. Вельт говорит женской части молодежи: не впадайте в денежную зависимость от мужчины, не живите с мужчиной. А я добавляю и говорю всей молодежи: если хотите построить совместную и светлую жизнь, сейчас, теперь, если не хотите жить так, как жили ваши отцы и деды, если хотите найти удовлетворительное разрешение вопроса о взаимоотношении полов сейчас же, стройте коммуны рабочей и селянской молодежи.

О ТОМ, КАК КОМСОМОЛКА НИНА ВЗЯЛА «ЛЮБОВЬ ЗА РОГА»

Комсомолка Нина не удовлетворилась ответом тов. Смидович, помещенным в «Смене».

«Лиды—их много—пойдут искать ответ в другом месте, будут учиться на своем маленьком опыте, своим горбом, а может быть, и комсомольской жизнью расплатятся за прекраснодумные советы взрослых товарищей... Будем смелы и возьмем быка за рога: возьмемся за любовь»,—восклицает Нина.

Вот эта-то смелость нас и пугает. Если бы Нина не обещала ответов прямых и ясных, как «доброе утро», если бы она не говорила таким уверенным тоном, если бы были «светлые стороны проклятого вопроса» там, где их указывает Нина, можно бы очень коротко об'ясниться с Ниной. Но Нина убеждена, что найдет спасительный рецепт, вернее, рецепты любви, «какой она должна быть». Нина думает, что «загадка пола» в ее руках. И вот опасение того, что многие могут уверовать во всеспасительность провозглашаемых Ниной советов, заставляет нас о них высказаться.

Рецепт № 1. Любовь без ее плодов. Мирные и безвредные предупредительные средства

Тов. Нина в роли святой девы, к которой одна красивая девушка обратилась с такой просьбой: „Ты, которая зачала без греха, дай мне возможность согрешить без зачатия".

Мы не можем огульно отвергнуть предупредительные меры. Много частных случаев, когда прибегание к средствам предупреждения предпочтительнее другого. Но мы протестуем против самой постановки вопроса тов. Ниной. Против того предположения, что если бы «культурность» наша повысилась и употребление мер предупреждения стало бы всеобщим явлением, то тем самым были бы разрешены вопросы любви, семьи и брака. Против того, что пропагандой «изделий резинотреста» мы срежем отрицательные явления нашей теперешней действительности. Против того наконец, что всем сомневающимся и спрашивающим совет, мы дадим магический ответ: предупредительные меры.

Здесь мы поставим несколько общеизвестных вопросов. Употребление действительных мер девушкой, ни разу не имевшей половой связи, почти невозможно, и вообще о пользовании предупредительных мер можно говорить лишь в применении к женщине, которая хотя бы короткое время жила половой жизнью. Затем в отношении здоровья длительное употребление предупредительных мер дает отклонения в женской половой сфере. (См. «Половой вопрос в свете научного знания». ГИЗ. 1926 г. Под редакцией В. Зеленина).

Мы не говорим уже о том, что непозволительно в качестве длительной перспективы наметить сильно сокращенный прирост населения.

Рабочий класс, стоящий у власти, не может вести такую политику.

А разве одной страховкой от деторождения исчерпывается вопрос? Ведь тов. Нина протестует (и справедливо), когда тов. Смидович сводит для женщины «любовь только к процессу рождения и воспитания ребенка». Единичны ли факты разрыва и полного исковеркания отношений и тогда, когда «проблема ребенка» перестает существовать как препятствие к совместной жизни? Не массовы ли явления очень быстрого исчерпания отношений, мужчины—в первую голову, и стремление превращать свою связь во временную и даже кратковременную (на что между прочим жаловалась и Лида).

На улицах Москвы можно слышать зазывания в роде такого: не надо ниток, не надо иголок; не надо услуг, не надо прислуг; не надо жениться, не надо с женой разводиться — есть механические пуговицы. Несмотря на очевидную выгодность пуговичного рецепта, как-будто большинство брюк продолжают застегиваться простыми пуговицами. Патентованный рецепт тов. Нины не решает вопроса. И не может решить его.

Отметим кстати совпадение точки зрения тов. Нины со взглядами, развиваемыми в последнее время некоторыми буржуазными учеными. Эти взгляды в частности высказал известный английский профессор, посетивший наш Союз во время юбилея Академии Наук. Проф. Кейнс утверждает, что в настоящее время выход для поднятия материального благосостояния отдельных лиц и всей страны заключается в ограничении деторождения (предупредительные меры). В буржуазной прессе (в Англии в частности) пишут, что жизненный уровень рабочих может быть сохранен лишь сокращением детопроизводства.

Это совпадение точек зрения не устраняется тем обстоятельством, что Нина ищет разрешение половой проблемы для переходного к социализму периода, а проф. Кейнс ищет выход для капиталистического строя.

Рецепт № 2. Раздельная жизнь

У Нины есть вспомогательный рецепт. Очевидно, и Нина чувствует нужду в дополнительных мерах к мерам предупреждения. Она пишет: «Совместная жизнь в наших нищенских условиях (особенно жилищных) беднит человеческие отношения... Именно раздельная жизнь создает полное равноправие сторон, обеспечивает духовный рост, раскрепощает женщину...»

Во-первых. Нам думается наоборот: современные материальные и особенно жилищные условия не благоприятствуют раздельной жизни. А раздельная жизнь там, где она есть, вынужденна (общежитие и пр.), и ее всемерно стремятся преодолеть. Кроме того, чувствуется в этом предложении Нины б о я з н ь тесных отношений парня и девушки, боязнь быстрого сгорания этих отношений, стремление искусственным душем подвергать постоянному освежению супругов.

Во-вторых. В новизне, преподносимой Ниной, старина нам слышится. За несколько десятков лет до революции Н. Г. Чернышевский написал роман: «Что делать», в котором

проповедуется раздельная жизнь. Попросим извинения за две длинные выдержки из этого романа.

Героиня романа, Верочка, в разговоре со своим женихом устанавливает три правила их будущей совместной жизни.

«Первое—у нас будут две комнаты,—говорит Верочка,—твоя и моя; и третья, в которой мы будем пить чай, обедать, принимать гостей, которые бывают у нас у обоих, а не у тебя одного, не у меня одной.

Второе—я в твою комнату не смею входить, чтобы не надоедать тебе. Ты в мою — также.

Третье—я не имею права ни о чем спрашивать тебя, мой милый. Если тебе хочется или надобно сказать мне что-нибудь о твоих делах, ты сам мне скажешь, и точно так же наоборот».

Вот это—полное «равноправие сторон». Ведь не думает Нина, чтобы раздельность заключалась в том, что он живет на Пречистенке, а она—в Марьиной роще?

А какая «красивая жизнь». Какая деликатность в отношениях... Послушаем, что рассказывает старуха, у которой поселилась Верочка с мужем.

«Как они вечером-то расходятся. Разойдутся по своим комнатам, сидят, книжки читают, он тоже пишет. Вот что раз было. Слышу, встает перед зеркалом, волоса поправляет. Точно к гостям собирается. Слышу, подошла. «Можно войти, миленький?» А он. «Сейчас, Верочка, минутку погоди». Лежал тоже. Пальтишко натягивает. Ну, думаю, галстук подвязывать станет. Нет, не подвязал: «Теперь можно, Верочка». Кончили разговор. «Ну, говорит, извини, что побеспокоила». А он: «Ничего, Верочка, ты не помешала». Ну, она и ушла...»

Что и говорить: не жизнь, а малина. Только в книгах это, а не в подлинной, живой жизни с ее лишениями, буднями, загруженными работой, учебой, когда должна быть радостной каждая минута, проведенная со своим другом, мужем или женой.

Нина будет протестовать, что ей вкладывают в уста глупости, которых она не говорила. Но суть ведь в том, что раздельная жизнь призвана обеспечить равноправие сторон, духовный рост и пр. В романе Чернышевского условия раздельной жизни развиты ясно и до конца. Тов. Нина вытаскивает из старых книг интеллигентские рассуждения и предлагает рабочей молодежи действовать по ним на 9-й год революции.

Нина отменяет законы природы

«Природа устарела и к тому же плохо организована»... Будет время, когда «о законах природы будут вспоминать на экскурсиях в пыльных музеях, куда их сдадут вместе с сохой, бороной и проволочным телефоном»... До сих пор мы привыкли считать, что «законы природы не могут быть уничтожены, измениться может, в зависимости от различных исторических условий, лишь форма, в которой эти законы проявляются» (Маркс).

С легкой руки тов. Нины отменить неудобный закон, что чихнуть — совершенный пустяк (ведь предупреждение беременности можно назвать отменой закона природы). Впрочем, это совершенно понятно. Нина сама любви к мужчине не испытывала (так она пишет), она о ней только читала, слышала, думала—так что не пришлось ей, «бедной, испытать на себе действие «природы и ее законов».

В заключение

Мы сфотографировали Нину в положении, когда она смело взяла быка за рога, разрешала вопросы любви. Мы должны предупредить, что критика предложений тов. Нины в том виде, как она их подала на страницах «Смены», не означает того, что мы защищаем точку зрения тов. Смидович. Во-первых, тов. Смидович, вероятно, ответит сама (если сочтет нужным) Нине. Во-вторых, там, где тов. Смидович пытается давать конкретные указания и практические советы (как это было с ответом Лиде), она столь же мало разрешает вопрос, как и тов. Нина.

Нас спросят: что же мы противопоставляем критикуемым положениям? На это ответим, что рецепта, как любить, как разрешить половой вопрос «на все случаи жизни», нет.

Кто пытается его дать, тот обещает больше того, что может дать.

Называют половой вопрос тупиковым вопросом. И это верно. Верно не потому, что нет практического выхода из современных пестрых, бесформенных и несколько хаотичных отношений. Нет никакого сомнения, что мы выковываем и выкуем формы тех взаимоотношений, которые соответствуют обществу строящегося социализма. Но это верно потому, что всякие попытки начертания практических путей и советов в этой области никого не удовлетворяют. Их охотно читают, еще охотнее обсуждают, но ни на иоту это

не облегчает мук решения вопроса в каждом отдельном случае, в жизни, на практике.

К социализму мы можем прийти только тогда, когда будет произведена коренная «переделка людей» (см. у Владимира Ильича о культуре). Можем ли мы сейчас спроектировать тип этих «переделанных людей»? Можем ли мы даже отдаленно представить себе взаимоотношения этих «переделанных людей»? Мы имеем сейчас подспудный, мало выступающий на поверхность процесс именно этой переделки и вместе с ним формирования новых отношений. Поэтому материала для решения вопроса, как сложатся отношения, пока нет.

Оглянитесь вокруг, и вы убедитесь, как сложны бывают переплеты личных отношений. Об этом говорят опубликованные и не опубликованные печатью материалы, об этом говорят наблюдения и каждодневные факты с товарищами, друзьями, знакомыми, об этом наконец говорит практика судебных органов, контрольных комиссий и комитетов ЛКСМ.

Обрекает ли это на простое созерцание этого процесса и ожидание «счастливого будущего»? Нет, наше воздействие на этот массовый, стихийный (и медленный) процесс формирования новой «общественной психологии» должен состоять в усиленном разоблачении, выпалывании пережитков старого, «гримас быта», всего сорного, противоречащего нашим классовым интересам...

Наша постановка вопроса не удовлетворит тех, у кого этот вопрос заострен, запутан, трудно разрешается, кто думает, что не может не быть ответа на этот «живой» из живых вопрос и что кто-то да должен дать его. Но мы предпочитаем никого не успокаивать золотой оттепелью слов.

Нас убеждает в этом прошлое, когда высоко вздымались волны горячих дискуссий по половому вопросу и быстро смывались, не оставляя и следа.

Но мы считаем нужным подчеркнуть, что во всех рассуждениях по вопросам любви и пола слишком мало собранных, изученных и анализированных фактов. Поставим эту работу (мы рекомендуем «Смене» заняться этим делом) и будем смотреть, что даст этот материал [1].

---

[1] Мы вынуждены были поместить всю переписку с тов. Смидович без ее заключительного ответа на эти письма в виду того, что к моменту окончательной сдачи сборника в печать ответа от тов. Смидович в редакцию журнала „Смена" не поступило. Отсылаем читателей к одному из №№ „Смены" в октябре или ноябре месяце 1926 г., где этот ответ будет помещен.

Прим. составит.

В. Кузьмин

О «МОЛОДОЙ СТАРОСТИ», АСКЕТИЗМЕ И КАЗЕНЩИНЕ

Совсем недавно автору этих строк довелось поместить в «Комсомольской Правде» фельетон: «Письмо о новом быте». Там приводится глупейшее письмо, написанное в таком тоне, который, казалось, способен вызвать лишь насмешку. Автор письма безапелляционно заявляет, что рукопожатия—выдумка буржуазии, которая хотела будто бы этим путем заражать и без того угнетенных рабочих и крестьян. По поводу галстуков он восклицает, что если их и носили некоторые вожаки рабочего класса, то было бы карьеризмом, желанием попасть в вожди—надевать этот аттрибут простым смертным комсомольцам. Красивую и простую одежду он предлагает изгнать из обихода, как мещанский предрассудок, и обрядить всех девушек в сапоги. Любовь он называет «плешью» и глубокомысленно настаивает на признании лишь голой физической связи, лишенной товарищества, нежности и увлечения. Комсомольцам, которые не любят скуки и после безалаберного и сухого доклада весело свистят, он пророчит путь меньшевиков и эс-эров. Танцы — тоже мещанство, и тех, кто танцует, автор злосчастного письма предлагает «выполоть» из союза, как сорную траву.

Считая, что письмо говорит само за себя и все ясно, как день, я сделал лишь небольшую приписку, заимствованную из произведения великого писателя Салтыкова-Щедрина. В этой приписке подобного рода нравоучители были сравнены с порожними казенными штанами.

В свое время этим образом Салтыков-Щедрин хотел высмеять всю внутреннюю пустоту, бессодержательность и бесчеловечность командного состава старой армии.

Только что в вас и есть — одна форма, — как бы хотел сказать Щедрин.

Казалось бы, все ясно, что к чему. И что же вы думаете? После этого приходит письмо тов. Л-ч, сотрудника фабрики им. «Октябрьской революции». Товарищ пишет, что поручила ячейка местному оратору делать доклад о новом быте. Тот, не долго думая, ухватился за письмо о новом быте, «проработал» его, согласился с ним, приписку о казенных штанах счел недоразумением или просто приложением, долженствующим украшать мысли чудака, написавшего письмо, и сделал доклад. Вот, говорит, надо считать карьеристами всех лиц, кои носят галстуки — эту отрыжку проклятого прошлого.

Некоторые не соглашались. Но оратор только взмахнул «Комсомольской Правдой».

— Смотрите, я в полном согласии с директивами ЦК.

На «неправоверных» это обстоятельство подействовало, повидимому, хорошо. Что же касается до многих других, то они так и поддержали тезисы горе-докладчика, приятно льстя себя надеждой, что их мнения совпадают с «директивой ЦК».

Только после, когда некоторые товарищи дали себе труд проверить, так ли написано в фельетоне, ошибка была более или менее вскрыта, и ребята поняли, в какую лужу они сели.

Это кажется анекдотом, однако это настоящий кусок жизни. К такому же убеждению приходишь, когда читаешь многочисленные отклики товарищей, высказавшихся о фельетоне.

Рабфаковец В. Мартененко пишет, что очень грустно читать заключения о казенных штанах. Он говорит: «письмо есть, действительно, как письмо, ставящее ребром пережитки быта. Прав товарищ, поместивший его».

У меня волосы поднялись дыбом. Как-будто культурный товарищ. На обороте его статьи аккуратно выписаны алгебраические вычисления. И пожалуйте, он против веселья, он против молодежи, которая любит в свободное время потанцовать, поиграть и т. д.

Можно подумать, что это писал не молодой, живой юноша, а старая монастырская калоша.

Комсомолка из Петрозаводска М. Д-ва также выражает согласие с мнением автора письма о любви, мальчишестве и рукопожатиях.

С своей стороны она предлагает: «входя в уголок Ленина, ребята не снимают головных уборов. Надо их снимать».

Это предложение хорошо дополняет представление об его авторе. Суровая девушка — аскетка, думающая, что коммунизм требует от нее потушить всякие чувства и человеческие потребности.

Человеку, особенно молодому, свойственно смеяться, шутить, впадать даже в «детство». Это нисколько как-будто не мешает серьезности и ответственности в делах. Нет, по мнению М. Д-вой, это — дьявольское наваждение.

Сама природа тянет юношу к девушке и обратно. Они вместе гуляют, ласкают друг друга, пытаются украсить свои отношения, как стремится украсить и обогатить свою жизнь здоровый человек, который не терпит скуки. Конечно, разные классы по-своему понимают красоту. Верно, что пролетариат резко расходится с буржуазией во взглядах. Но следует ли из этого, что пролетариат несет с собой взгляд на любовь,

который исключает близкую, теплую и товарищескую связь и предлагает лишь просто животное удовлетворение друг с другом. Совсем не следует. Так думают о пролетариате лишь не приявшие революцию самовлюбленные интеллигенты, которым кажется, что рабочий — это какая-то бездушная, суровая скотина, которая лезет с ногами на стол и, конечно, неспособна по-человечески чувствовать и понимать.

М. Д-ва тоже думает, что любовь и коммунизм — вещи несовместимые, хотя, по чести говоря, я не думаю, чтоб М. Д-ва искренно разделяла эту точку зрения. Вероятно, все же жизнь, выставленная за дверь, лезет в окно.

Заметьте, читатель, этого взгляда придерживается не только М. Д-ва. В этом же стиле пишут и другие товарищи. Мало того, по части отношения к любви мы имеем просто курьезные случаи.

В редакцию «Комсомольской Правды» поступают, например, просьбы товарищей, которые где-то перехватывают любовные письма комсомольцев и предлагают фельетонистам хорошенько намылить им голову. Предложение обычно составлено с пафосом.

Вот мол, смотрите, что это за комсомолец. Разве это будущая смена старой гвардии? Это — обыватели, которые несут яд старой идеологии, и т. д. и т. п.

Читаешь письмо. Образ развратного, растленного и разложившегося юноши или девушки уже создан впечатлением от предисловия товарища, перехватившего любовные строки и любезно доставившего их в редакцию. И что же? Самое обычное письмо к любимой девушке. Начинается словами: «Дорогая, милая», кончается: «горячо любящий, крепко целую» и т. д. Вот и все. В чем дело? Что громить? Обывателей, контр-революцию, мещанство? Где оно?

Совсем недавно А. Зорич опубликовал интересный факт, который послужит хорошей иллюстрацией к высказываемым здесь мыслям.

«В Карачееве (Пермского округа) комитет РЛКСМ решил, что буде ночью у реки Обвы будут застигнуты на скамейке сидящие комсомолец с комсомолкой, таковых товарищей задерживать неукоснительно и доставлять в комитет для общественного порицания и товарищеского внушения. А чтобы ребята не спасались от бдительного ока комитета бегством, каждую застигнутую на реке пару стали опутывать, подкравшись сзади, сенным кошелем и связанных доставлять, проводя в таком виде через все местечко, в Комсомол.

Однажды в кошель попал на реке даже и сам секретарь, чьей блестящей инициативе была обязана ячейка мерами по

насаждению и соблюдению нравственности в карачеевской комсомольской среде.

Его хотели было из уважения к чину освободить, но он достойно сказал: «Ведите, у нас демократия, и различия быть не должно». Повели. В комитете развязали. Спрашивают:

— Знаешь, что по уставу членам РЛКСМ запрещается сидеть у реки на лавочках? Зачем разлагаешься?

— Знаю, говорит, и прошу и прошу снисхождения. Это ошибка молодости.

К нему снизошли, а ловлю кошелями повели, по его настоянию, с удвоенной энергией».

Здесь уже не только гонение на любовь, на гулянье взрослых ребят с девушками. Здесь просто монастырь Просто какое-то поповство, ханжество. Кому это нужно? Понятно, надо бороться с психологией, которая считает, что человек призван природой исключительно для того, чтобы валяться на брачной и небрачной постели. Понятно, надо бороться с половой распущенностью, безответственностью и легкомыслием. В разговоре с Кларой Цеткин Владимир Ильич очень решительно и справедливо осуждал невоздержанность в половой жизни:

«Вы ведь знаете молодого товарища Х. Прекрасный высокоодаренный юноша. Боюсь, что, несмотря на все, из него ничего путного не выйдет. Он мечется, бросается из одной любовной истории в другую. Это не годится ни для политической борьбы, ни для революции. Я не поручусь также за надежность и стойкость к борьбе тех женщин, у которых личный роман переплетается с политикой, и за мужчин, которые бегают за каждой юбкой и дают себя опутывать каждой молодой бабенке».

Но никогда Ильич не договаривался до того, чтобы за любовь ловить кошелями.

В этой же беседе он несколько раз подчеркивает: «ничего не могло бы быть более ложного, чем начать проповедывать молодежи монашеский аскетизм». Пе его мнению, мы не можем отнимать у юношества «бодрость и жизнерадостность, вызванную также и полнотой любовной жизни».

Но возвратимся к «молодой старушке» М. Д-вой. Ее елейный образ дополняется новой чертой.

Она предлагает обнажать голову перед портретом Ильича. Как это характерно. Какая казенщина. Какое поповство.

Ну так-сяк, было бы предложение вообще снимать фуражки в помещениях. Это понятно. Возражать против этого неумно. Но когда товарищи увлекаются, начинают строить из Ильича икону, нельзя не напомнить этим ревни-

телям святой казенщины слова Н. К. Крупской, сказанные ею на VI с'езде Комсомола: «Ленина не надо превращать в икону, надо, чтобы его идеи служили руководством к действию».

Другая комсомолка, подписавшаяся псевдонимом «Шило», согласная с доводом приведенного мною в фельетоне чудака, что сапоги и грубая одежда более всего к лицу ленинке, просит дать ей совет, как уберечь себя от упреков ребят в отсутствии женственности. Дело в том, что она принципиально ходит в сапогах и грубой одежде, что должно, по ее мнению, отличать ее от мещанок и свидетельствовать о простоте. Затем она не зашивает дырки и прорехи на платье в знак наглядного доказательства о своей занятости борьбой за коммунизм.

Пожалуй, единственное, что здесь можно предложить, это—посоветовать ходить в мешке, в котором обычно возят уголь. При этом места для рук и головы можно вырезать. Хотя можно и не вырезать.

Написав этот совет, я не уверен, что после того сочувственного отношения к «письму о новом быте», которое многие проявили, некоторые товарищи всерьез не воспользуются этим предложением. Да, да, — скажут, — вот блестящая мысль. И, может быть, они по-своему правы, потому что как не дойти до этого после всего того, что имеется в быту.

«Пыль, грязь, копоть — постоянные спутники многих комсомольцев,—пишет тов. Середкин.—Особенно этим качеством обременены активисты-холостяки. В комнате или в общежитии вечно беспорядок, вещи и книги разбросаны по всей комнате: один грязный, прогнивший носок соседствует неподалеку от продуктов, другой ночует под столом. Чайники все в саже от кипячения на примусе. На редкость грязные чашки и стаканы—всегда открытое убежище для мух. Постель расстилается не каждый день. Пыль из матрацев и одеял не выколачивается. Бани не посещаются по три месяца. В квартире плавают облака табачного дыма, и запах его спорит с неприятными ароматами грязного жилья».

В духе приведенных откликов имеется и еще десятка два. Правда, большинство товарищей издевается над «письмом», но наличие большого количества положительных отзывов заставляет призадуматься. Пожалуй, мы имеем дело с определенной болезнью недооценки тех изменений в быту, сделать которые диктует нам сама жизнь.

Галстук не смей носить. Платье хорошее не смей надевать. В баню ходить нечего. Руки близким товарищам нельзя подать — сифилисом или чумой заразит. Любовь — предрассудок. Посвистел — стал меньшевиком. Плясать и танцовать начал — круглый мещанин.

Сдается, что этот кодекс норм распространяется и дальше. Факты открывают дорогу этому предложению.

Тов. П. Ефимов пишет: «Салтыковых-Щедриных сами читайте. А молодежь теперь наша не читает далеко стоящих от нас мелко-буржуазных идеологов».

И товарищ, вероятно, искренно полагает, что он высказал правильную мысль. К чорту, стало быть, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Пушкина, Лермонтова, Тургенева. Мы сами с усами. Надо заметить, что такое настроение не единичное. Находится достаточно любителей положить ноги на произведения классиков. Искусство, которое обогащает кругозор, которое помогает видеть вещи сильнее, ярче, конкретнее, которое служит одним из лучших видов наслаждения человека, украшающих его будничные, иногда серые дни, недооценивается. Нередко к товарищам, которые пробуют свое перо, пишут стихи, рассказы или учатся играть на мандолине, относятся с какой-то глухой полувраждебностью.

В «Комсомольской Правде» уже не раз отмечалось товарищами, что в клубах молодежь нередко засушивают. Пичкают всевозможными докладами, политфантами. Хваленые вечера самодеятельности также нередко превращаются в какое-то нудное, скучное и бесцветное убивание времени. Об этом очень хорошо сумел написать тов. Вл. Слепков.

А посмотрите, каким языком говорят комсомольцы. Ведь это же сплошной ребус, который нельзя разгадать. Или, в лучшем случае, это — сухие, казенные фразы, от которых на собраниях зевают и мертвецки спят. И здесь дело, конечно, не только и не столько в языке. Главное в том, что не всегда умеют соединить общие задачи с выявлением и учетом нужд, потребностей, мыслей и настроений молодежи, с чутким, проникновенным отношением к ним. Жизнь товарищей складывается из многих составных частей. Здесь и Комсомол, и разные товарищи, и завод или учреждение, и школа, и семья, и улица. Тысячи влияний накладывают свою печать на строй, мысли и настроения молодого коммуниста. Он ищет сплошь и рядом выход из создавшихся противоречивых влияний. Он искренно страдает. У него рождаются новые запросы, мысли и желания. Только чутко увидев человека в целом, можно успешно найти те паруса, в которые должен дуть ветер революции, чтобы успешно двигать человека вперед.

Между тем даже опытные комсомольцы не могут найти эти паруса, и слова поэтому непонятными повисают в воздухе.

Эта нечуткость, над которой лежит совершенно явный налет казенщины, проявляется в самых разновидных формах.

Один из знакомых примеров. Активный комсомолец Х. Работает инструктором. На него валят одну работу за другой. Нет ни минуты свободного времени. Некогда почитать, некогда пораздумать, некогда сходить в театр или на концерт, некогда позаботиться о себе. И вот вдруг наступает реакция. Товарищ чувствует неполноту жизни, находит, что чего-то нехватает. Между тем в комнате этого не замечают. Побеседовать же, как говорят, по-душевному не с кем, да и обстановка не располагает — все заняты, у всех дела. Дают новую нагрузку, новые поручения. Товарищ же тем временем идет по линии наименьшего сопротивления, запивает и, чем далее, тем более проникается каким-то мрачным и неприязненным отношением к окружающим: не понимают, какие-то столбы, а не люди. Эти настроения приходят в столкновение с привычными для мозга мыслями и обобщениями о необходимости борьбы за общее дело. Начинается внутренняя борьба. В итоге вырабатывается какой-то исковерканный, настроенный на индивидуалистический лад молодой старикашка. А ведь можно было бы этого не допустить.

Другой пример: знаменитое «мещанство». Это слово в большом ходу, хотя многие не понимают его значения. Тов. Сосновский в «Правде» посвятил этому вопросу целый фельетон, чтобы разобрать, что нередко скрывается под флагом «мещанства».

Он пишет: «Работница-рабфаковка, жившая когда-то за границей и кое-что там позаимствовавшая по части «хваленой культуры», протестует, когда на ее постель садятся, да еще в верхнем платье, да еще иногда с сапожищами. Ее за это награждают тем же убийственным словом — «мещанство».

Одна рабфаковка одалживает у другой блузку, чтобы пойти куда-то на вечер. Берет блузку чистую, а возвращает грязную. На выражение неудовольствия тот же отклик — «мещанство»...

Сколько прощалыг, проходимцев и пошляков, вооруженных этим великолепным словечком «мещанство», мнут и топчут не только галстуки и блузки, но и человеческие жизни более застенчивых, более совестливых, более наивных и доверчивых и пуще всего боящихся обвинения в мещанстве.

Вообще, проявлять уважение к правам и вкусам другой личности, считаться с ее желаниями — мещанство.

Соберите вокруг себя в любом вузе, рабфаке десяток юношей и девушек и выслушайте, насколько употребительно и в каких разнообразных формах и оттенках слово «мещанство». Если девушка колеблется отдать себя в распоряжение некоего ухаря, если она не позволяет «лапать» себя

(это делается в порядке чисто товарищеского отношения), ее клеймят тем же «словечком».

Из этих примеров очевидно, что сухость, казенщина, нечуткость, аскетизм, собачья старость завоевали себе право гражданства среди некоторых слоев молодежи не только в мелочном, по сути дела, вопросе о рукопожатиях или о танцах. Нет, они проложили себе путь и дальше — в глубь бытовых отношений.

Какие же причины лежат в основе этих явлений? Основная причина, по-моему, удачно указана тов. Яковлевым в его статье «О пролетарской культуре и пролеткульте», прередактированной тов. Лениным. Тов. Яковлев пишет:

«Плеханов в своем реферате об искусстве, читанном им в Париже в 1912 г., говорит: «Надо вообще заметить, что на стараниях людей придать себе ту или иную внешность всегда отражаются общественные отношения данной эпохи...»

Совершенно несомненно, что хотя бы стремление нашей революционной молодежи иметь возможно более обтрепанный, обшпаренный «комсомольский вид», что грязь в казарме, блохи и клопы в наших советских домах есть отражение того же общественного отношения, которое проявляется в сверх-бюрократизме нашего аппарата—в некультурности.

Именно на почве общественных отношений, которые опираются на бедность и нищету производительных сил, на недостаточность материального уровня, вырастают те явления, о которых мы вели речь.

Ведь это легко говорить, что парень не обращает внимания на одежду, не покупает мыла, зубной щетки, не ходит в театр, не читает Толстого, говорит безграмотные вещи, недостаточно чуток и т. д.

А посмотрите в корень, как говорил Кузьма Прутков, и вы увидите, что многие, особенно несколько лет тому назад, буквально не имели возможности все это делать, потому что человек связан нуждой.

Ведь это не трудно пальцем указать: смотрите, какое невнимание к человеку и его запросам, смотрите — его нагружают, как лошадь. Но надо учитывать и другое: загружают потому, что квалифицированных работников мало, а работы уйма. И здесь, стало быть, лежит печать нашей бедности и некультурности. Если внимательнее вникнуть в суть и других явлений, отмеченных нами, то эту печать можно найти и на них.

Какой же тогда выход? Выход, конечно, прежде всего в борьбе на разных участках нашего хозяйства. Только успехи нашей работы по поднятию производства, по повышению материальной базы создадут действительно прочные

условия для культурного расцвета, в самом широком смысле этого слова, рабочих, крестьян и молодежи. И вся наша тактика, все нормы поведения, все качества должны быть приспособлены для лучшего проведения этих задач. Только так можно ставить данный вопрос, если мы хотим быть трезвыми людьми. В ближайшие годы и пятилетия на нашем быту и в отношениях по необходимости будет лежать тень трудной и суровой борьбы и работы. В ближайшие годы нам едва ли удастся в широких масштабах осчастливить и осветить быт, внести в него такие краски, как мы того бы хотели. Этому мешает наше материальное и культурное положение.

Но значит ли это, что нам сейчас, при данном состоянии материальных условий, в данной обстановке заказаны все пути к борьбе с тем, что мы обобщили под названием «молодой старости, аскетизма и казенщины». Конечно, не значит. За это с достаточной убедительностью ратует рост культурных запросов и активности среди широких масс трудящихся и молодежи в особенности. У нас есть уже достаточная материальная база по сравнению хотя бы с первыми годами революции, чтобы внести значительные изменения и решающие поправки в быт и отношения.

Мы можем сейчас уделить большее внимание одежде, чистоте, искусству, книге, развлечениям, непринужденному веселью, борьбе с казенщиной, с сухостью в отношениях, чем это было в годы гражданской войны.

Чем далее, чем успешнее будут результаты нашего социалистического накопления, тем более будут расширяться в этом направлении наши возможности. Надо только правильно, сознательно уметь поставить вопрос о том, в какой мере и какие мы можем провести бытовые изменения. Было бы нелепым сейчас включать в культурную программу дня для всей молодежи, положим, ежедневное посещение театров, концертов, кино и т. д. Это — просто чепуха. В тысячу раз вреднее было поддаться известному лозунгу, который некоторые чуждые революции люди пытаются подсунуть молодежи под фирмой оживления быта.

Спешите жить, спешите жить,
И все от жизни брать.
Не все ль равно, не все ль равно,
Придется умирать.

Этакий легкомысленный взгляд на жизнь, зовущий относиться к ней, как к источнику всевозможных наслаждений, совершенно не к лицу нашей молодежи. Мы знаем, что современная жизнь—это жестокая и трудная борьба, связанная

с муками и лишениями, которых нельзя обойти, чтобы действительно улучшить условия труда и быта.

Каутский, когда он был марксистом, писал о том, чего мы достигнем в результате труднейшей борьбы и работы:

«Социализм приносит людям обеспеченность, спокойствие и досуг. Он поднимает их души выше будничных забот, и им не придется изо дня в день думать о насущном хлебе. Социализм сделает каждую отдельную личность независимой от других личностей и искоренит таким образом холопские чувства и чувство презрения к людям. Мы в праве ожидать наконец, что наступит царство силы и красоты, достойное идеалов наших глубочайших и благороднейших мыслителей».

Но подойти к постоянному осуществлению этих прекрасных положений можно лишь в результате напряженной, организованной и сознательной борьбы, под давлением которой постепенно улучшаются и будут улучшаться условия и сами люди.

Однако нелепым является, с другой стороны, и механический культ того, что было тяжелой необходимостью в годы ожесточенной борьбы на фронтах; например, некоторая неопрятность, суровость и небрежность в отношении к людям, непомерная перегруженность работой, чрезмерное ограничение своих запросов, равнодушие к литературе и т. д.

Голоса товарищей, поддерживающих мысли автора письма, которое довелось нам высмеять, опоздали, по крайней мере, года на три, на четыре. Под этими криками нет почвы. Если что и могут доказать эти голоса, так только то, что психология очень консервативна. Призраки прошлого беспокоят людей даже тогда, когда жизнь ушла далеко вперед.

В самом деле, ведь смешно, глупо и наивно полагать, что трудящиеся до полного построения социализма должны ходить принципиально рваными, грязными и т. д. и потом уже, некоторым образом на радостях, окончательно и бесповоротно очиститься в социалистической бане.

Пролетариат и крестьянство пользуются каждым удобным моментом для того, чтобы использовать хозяйственные успехи, поскольку это не противоречит целям и задачам дальнейшей борьбы, в интересах жизни, более обеспеченной, более сочной и культурной, чем раньше.

А разве противоречит интересам нашей дальнейшей борьбы, разве есть какая-либо угроза в том, что комсомольская молодежь, на ряду с серьезной работой, будет следить за собой, чисто и по возможности красиво одеваться, носить, положим, галстуки, если кому это нравится, актив освободится от излишней нагрузки, распределив ее равномерней

среди членов союза, в деревне ребята будут в часы досуга плясать и играть на гармошке, будут первыми запевалами (но отнюдь, конечно, не «запивалами») и организаторами веселых комсомольских улиц?

Конечно, нет. Надо видеть угрозу как-раз в обратном.

Для примера воспользуемся письмом тов. Поповой. Она приводит разговор с одним беспартийным парнем, который сказал ей: «Мне очень хочется быть комсомольцем, меня интересует работа союза... Но мне хочется жить. А вы разве живете? Все у вас доклады да доклады, скучно».

Либо вот вам еще пример: философия одного молодого 16-летнего комсомольца. Он полон желанием бороться, и с этой стороны заслуживает только поощрения. Но смотрите, какими мыслями пропитан этот человек. Он говорит: «Ну что за пустяки—следить за своей одеждой, за своим здоровьем, ходить иногда в театры и прочее, когда кругом столько дикости и невежества. Надо бороться за коммунизм все 24 часа. Надо работать и работать, не покладая рук». И, полный этих благородных и идеальных чувств и настроений, он чувствует себя на голову выше молодежи, которая находит время и для работы, и для бани, и для семьи, и для развлечения. Товарищ не умеет и не хочет понять, что такие мысли неуместны сейчас, когда нет горячей поры гражданской войны, во время которой нужно было уметь жертвовать всем. Сейчас — новая обстановка. Сейчас надо уметь увязать общественную работу с удовлетворением бытовых запросов, которые неизбежно вырастают на почве укрепления нашего хозяйственного положения и которые не могут послужить помехой для сохранения революционной целеустремленности в борьбе. Молодой философ не понимает, что удовлетворение своих здоровых потребностей, — конечно, в тех пределах, которые не мешают оставаться выдержанным, преданным, дисциплинированным комсомольцем, готовым, когда этого требуют интересы общего дела, пожертвовать всем,—должно сейчас войти в сознание, как общественная обязанность. Эту обязанность класс выдвигает в качестве одного из условий сохранения бодрости, жизнерадостности и боеспособности трудящейся молодежи.

Итак, о чем же говорят эти заключительные примеры?

Эти примеры, понятно—живое доказательство того, что если и грозят нам опасности по линии отрыва от масс, так именно потому, что в связи с хозяйственными успехами, в связи с ростом активности и запросов надо внести существенные поправки в быт и взгляды комсомольцев.

(„Юный Коммунист")

В. Слепков

«НЕ О ЕДИНОЙ ПОЛИТИКЕ ЖИВ КОМСОМОЛЕЦ»

Некоторые комсомольцы (особенно деревенские), с превеликим старанием «переоценивающие» старые ценности, относят, между прочим, к числу буржуазных предрассудков: игры, пение, пляски и танцы.

И таких комсомольцев не один и не два. Заглушая в себе все, что от «лукавого», т. е. от юности, они выступают в роли политических гувернеров остальной молодежи, отпугивая ее от себя малопонятными, выспренними рассуждениями. Разумеется, они совершенно не учитывают того, что у молодежи имеются специфические запросы иного порядка, об'ясняемые возрастом.

Эти комсомольцы полагают далее, что «легкомысленные» занятия (так, например, игры и пляски) если и разрешаются, то только беспартийной молодежи, лишь благодаря ее политической и культурной отсталости.

Комсомолец же, по их мнению, должен вести чуть ли не аскетический образ жизни, быть в разных обстановках в одинаковой мере серьезным и подходить ко всему «с точки зрения».

Словом, не комсомолец, а какой-то мешок, начиненный мудростью, или какая-то ходячая энциклопедия.

Если такие комсомольцы—исключение из общего правила, то нужно отметить, как явление довольно типичное, главным образом для комсомольского актива, что большая часть его живет только политикой, перегружена работой и не по летам «рассудочна». Едва ли такое явление можно считать совершенно нормальным, так как это несомненно засушивает молодежь. И не даром один из наших стариков как-то с горечью заметил, что если комсомольцы на собраниях поражают своими ораторскими способностями и прекрасной ориентировкой в политических вопросах, то в быту они отталкивают от себя схожестью с чеховскими героями в «футлярах».

Все это заставляет призадуматься. Действительно, молодежь зачастую перестает походить на молодежь. Приглядитесь внимательно к комсомольцам в быту, и вы невольно подумаете, что они как бы потеряли способность по-юношески воспринимать жизнь, как бы утратили свою непосредственность, изобретательность

и гибкость, юношескую порывистость, свежесть и жизнерадостность смеха — и стыдятся всех этих великолепных качеств.

Зато они приобрели—и в больших, пугающих размерах—резкость в движениях, суровость в поступках, безапелляционность в суждениях и полное пренебрежение к тому, что не импонирует, так сказать, задачам текущего момента и тому высокому положению, которое занимает, скажем, член бюро райкома ВЛКСМ и вообще видный комсомольский работник.

Этим и об'ясняется то великолепное презрение многих комсомольцев к играм и прочим развлечениям, которое дает себя чувствовать с ощутительной остротой.

Этим об'ясняется и нездоровое увлечение комсомольцев фразой, а также и тяга их к взрослой аудитории.

Комсомольцу тесно в рамках своего возраста, он их старается перепрыгнуть, да, пожалуй, порой и перепрыгивает. А между тем это—уже искривление роста. Быть юношей со всеми особенностями этого периода в человеческом развитии совсем не грех, совсем не плохо и, конечно, необходимо.

«Не делайтесь стариками»,—сколько раз звучал этот предупреждающий призыв к молодежи и, в первую очередь, к комсомольцам.

Слова Пушкина—«Блажен, кто смолоду был молод, блажен, кто во-время созрел»—не потеряли для нас до сих пор своего значения.

Жизнь подтверждает, и к несчастью, слишком часто, что преждевременно состарившиеся, быстро подорвавшиеся физически и переутомившиеся умственно люди особенно подвержены упаднические настроениям и разочарованию в жизни. Нужно говорить прямо: от этого мы не гарантированы в дальнейшем.

Дутая, павлинья важность в наших условиях почитается кое-кем за необходимый и основной признак дисциплины и деловитости. Но здесь уместно будет напомнить, что хулиганство и расхлябанность, с одной стороны, юношеский задор и острота восприятия жизни, с другой стороны—особенности характера, взаимно друг друга исключающие. Оттого, что их постоянно смешивают, у нас происходят курьезные недоразумения.

Почему же, спрашивается, вести себя порой «по-мальчишески» у нас считается постыдным? А это факт. Совершенно непонятно также, почему всякая инициатива в приданий

веселого колорита тому или иному собранию молодежи заглушается.

Могут сослаться на хоровые песни. Да, хоровые песни, конечно, у нас поощряются, но этого мало, а ведь этим круг развлечений молодежи и ограничивается. Но, строго говоря, даже хоровое пение не есть развлечение; это—неизбежный придаток к собранию и всей общественной, массовой работе; да так его и рассматривают.

Здесь же мы хотели остановить внимание товарищей еще на одном забытом, но верном положении, что «не о единой политике жив человек». Это положение особенно верно для молодежи.

А комсомольцы всегда почти подводят под себя, если так можно выразиться, идеологический «базис», рассматривая даже развлечение с «принципиальной» стороны, чрезмерно этим увлекаясь.

Комсомолец старается в каждую игру непременно вложить элементы политики. От этого-то комсомольцы, представляющие собой все же молодежь, порой теряют свой истинный природный облик.

А между тем нельзя смешивать одно с другим, необходимо знать чувство меры и соблюдать пропорции.

*

Где он, новый, комсомольский быт? В то время, как он должен произрасти из старого быта, он надумывается, а старый быт и не думает умирать.

Танцы, например, осуждаются, их мещанский характер выявлен в статьях и речах.

Приходят комсомольцы на вечер и срывают танцы. Их спрашивают: а где новые формы быта? Сколько угодно. Ответ не заставляет себя ждать.

Устраиваются вечера юнсекций, вечера самодеятельности, семейные вечера.

Но будем строгими к самим себе и спросим... Можно ли назвать семейными вечера, на которых вечеру, собственно, предшествует продолжительное заседание с неподдающимися регламенту докладами.

Правда, музыка скрашивает однотонность и вялость вечера, правда, на этих вечерах декламируют патетические стихотворения... Ну, а дальше, что же еще? Политфанты, политлотерея.

Политфанты, — ну, простите, это веселое занятие, как правило, напоминает политпроверку, а ее не то что беспартийная молодежь, комсомольцы рядовые как огня боятся.

Нам пришлось быть свидетелями того, как одна крупная производственная ячейка с целью популяризации кружков политграмоты организовала «вечер рабочей молодежи». Вечер прошел на редкость тоскливо. Дух политграмоты витал над залом. В программу вечера вошли три доклада и политфанты. Положение у организаторов вечера получилось весьма конфузное, так как молодежь очень переутомилась и ждала чего-то. А этого чего-то не оказалось. Все сидели на стульях, обмахиваясь платками, слушали рассеянно беспрерывно гремевший оркестр. Затем, как по команде, встали и, видимо, совсем неудовлетворенные вечером, разошлись. Заметьте: политфанты были исключены из программы, так как они явно шли вразрез с настроениями молодежи.

Неизбежный и всем нам хорошо знакомый конец. Но как уместно вспомнить в таких случаях пословицу: «делу—время, потехе—час». Час отдыха должен был доставить молодежи облегчение за тяжелый умственный и физический труд, повседневно ею выполняемый. Ей нужно было движение, ей нужно было разгорячить кровь, ей нужно было вызвать румянец на свои поблекшие щеки от механической производственной работы и академических занятий. А мы ей преподносили оригинальный вариант политграмоты и думаем, что это и есть отдых.

Характерная особенность этих вечеров в том, что в них отсутствует внутренний под'ем и преобладает внешность.

Ничего другого не может получиться из программы, которая пытается не перестроить старый быт, а искусственно привить новый теоретический быт по Бердникову и Светлову.

*

В заключение мы еще раз подчеркиваем, что указанная «болезнь» не распространяется, к счастью, на всю комсомольскую массу, а представляет собой по преимуществу «профессиональную» болезнь комсомольского актива. На это есть, конечно, свои причины. Главные из них: засушливость работы и чрезмерная нагрузка.

Но вся беда в том, что многие активные комсомольцы придерживаются совершенно сознательно своеобразной «аскетической» морали. Покоится она на том неверном принципе, что звание передового комсомольца будто бы связано с отказом от полноты жизни. Несмотря на очевидность той истины, что «коммунисту, а тем более комсомольцу, ничто человеческое не чуждо», многие комсомольцы пытаются исходить порой из дутых принципов и признают достоинством свою односторонность в воззрениях на жизнь.

Мы не предлагаем переходить к голому культурничеству. Совсем нет.

«У вас, у комсомольцев, — говорил нам как-то один товарищ, — политвечера, политфанты, политлотереи, кругом «полит», но вам ведь нужна жизнь и без «полит», что, конечно, не исключает «полит».

Речь идет об оживлении комсомольского быта, и в этой плоскости должен ставиться и разрешаться вопрос.

(„Комсомольская Правда")

Л. Колесников

ЛИЧНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ

Парень с кепкой набекрень, в пиджаке нараспашку, несмотря на яростный ветер, говорит, после каждого слова ожесточенно сплевывая.

1-й парень. В Комсомоле мне теперь трудно терпеть. Тьфу. Скучища... Тьфу. Ни тебе поплясать, ни... Тьфу. Раньше с девчонками было свободно, а теперь... Тьфу. Против ругательств, самых русских слов — поход... Тьфу. Надоела мне дисциплина...

Разговаривает с ним парень с головы до ног совершенно отличного типа. Пальтецо застегнуто на все пуговицы, треушка крепко посажена на голову, говорит спокойно и ровно, словно об'ясняет какое-нибудь место учебника арифметики.

2-й парень. Нет, Вася, я за ругательства заступаться не буду. Конечно, в Комсомоле скука. Но скуку ругательствами не прогонишь. По-моему, главная беда в том, что в Комсомоле одной политикой занимаются. А мне эта политика уже в печонках сидит. То ли дело, обучали бы настоящим наукам: физике, химии, географии. Тогда уже дорогу в жизни легко будет себе пробить.

1-й парень. Тьфу. Из куля в рогожку. Да разве геометрией скуку уймешь? Геометрия, поди, еще скучней твоей политики. Вот поплясать, да выпить, да с девчонками побаловаться...

2-й парень. Да разве я говорю, чтобы с утра до ночи одной геометрией заниматься? Делу — время, потехе — час. Танцы, кино, вечеринка время от времени не повредят. Только за пьянство я не стою. С девчонками тоже осторожность нужна, а то как-раз на алименты налетишь, одной

третью расплатишься. Главное — в люди выйти, а не баловством заниматься.

1-й парень. По-твоему жить — чорт знает что. Комсомол хуже горькой редьки надоел со своей дисциплиной, а ты тоже: того нельзя, того нельзя. А по-моему — чего душа просит, то и можно.

2-й парень. Ну, дисциплина и мне, Вася, мешает. Вот давеча чуть было в секретари ячейки не выбрали. Я уже за сотню перевалил, а там мне жалованья и шестидесяти рублей не пришлось бы... Какой расчет? Теперь не гражданская война. Каждый должен стараться лучше жить. А то вот еще: собрания, заседания — так весь отдых в трубу и полетит. Дисциплину я тоже не очень уважаю.

1-й парень. Да..: Вступал я в Комсомол—казалось, что все будет по душе... А теперь... Тьфу.

Заявление в ячейку

Ерохинской фабрики комсомолки с 1923 г., Нины Яковлевой.

Потому, как я вышла замуж и скоро будет ребенок, а также вообще хлопотно по хозяйству — то в Комсомоле только числиться не хочу, а прошу меня из членов Комсомола выписать. А также прошу не считать меня в юнсекции Ерохинского клуба, потому что времени тоже нет.

Товарищ *Нина Яковлева.*

Заявление в ячейки

Огаревского ж.-д. депо ученика Константина Ивановича Петрова.

Как на 8-м году всемирной победы пролетариата в России, кроме как во всех остальных странах, я убедился, что только Комсомол есть великий защитник рабочей молодежи, желаю вступить в его железные ряды, чтобы под красным знаменем сражаться против всех гадов империализма. Как Комсомол защищает рабочую молодежь и стоит на страже,— желаю искоренить огромную несправедливость. Многие у нас ученики уже по многу времени, и никто не хочет их выдвинуть в высший разряд. Как я уже тоже три месяца, то и меня касается эта огромная несправедливость. Как я буду комсомольцем, желаю перейти в высший разряд.

К сему *Константин Петров.*

Недавно умер, повесившись от тоски, Сергей Есенин, замечательнейший поэт нашего времени. Певец глубоких личных переживаний, он не нашел себе места в сокрушительной борьбе классов, которая подчас жестоко попирает эти личные переживания и устремления. У него не было материальной нужды в последние годы, он был окружен славой и почетом,—но все-таки повесился. В его стихах мы находим об'яснение этого самоубийства. С. Есенин повесился потому, что в своем краю он чувствовал себя иностранцем, потому что молодость прошла в кабацком чаду, а он слишком мало требовал (т. е. жил впустую) и т. д. В конечном счете, и слава и материальная обеспеченность не спасли глубоко чувствующего поэта от неизмеримой тяжести сознания, что он о д и н о ч к а, что он не соучастник того общего великого дела, которое составляет ось нашего времени.

К чему мы остановились на этом отдаленном от рабочей молодежи примере?

Дело в том, что вопрос о сочетании личных и общественных интересов для каждого молодого рабочего может быть сведен к тому: хочет ли он являться о д и н о ч к о й, замкнутым в скорлупе своих маленьких горестей и радостей, или полноправным участником общей борьбы и общего строительства.

Есть ли непримиримость?

Не так страшен чорт, как его малюют. Если послушать такие разговоры, которые мы привели выше, то может показаться, что между личными интересами и запросами и велениями организации всегда лежит непроходимая пропасть. Но гвоздь в том, что личные интересы вовсе не одинаковы у всех молодых рабочих. Выше мы имели столкновение развинченного, распущенного, скатывающегося в болото шпаны парня с кряжистым, домовитым, изрядно попахивающим собственническим душком. Разница между ними разительная, несмотря на то, что комсомольская дисциплина и интересы организации им одинаково не по вкусу. Но разве эти примеры исчерпывают всю портретную галлерею комсомольцев? Конечно, нет.

Личные интересы молодежи могут и очень часто совпадают с действительными потребностями революции и с основным направлением работы Комсомола. Взять хотя бы жалобы на то, что Комсомол погряз в политграмоте и мало отдает внимания общему образованию молодежи. Расходится ли это с общественными интересами? Конечно, нет. Социалистическое строительство повелительно требует выковки

кадров, вооруженных не только политическими знаниями, но и конкретными знаниями, которые можно приложить в той или иной области производства. Нам нужны грамотные люди, техники, инженеры, квалифицированные рабочие, исправные сельские хозяева. Последний с'езд партии и с'езд Комсомола достаточно отчетливо поставили ударение на общем образовании молодежи. Тут нет никакой опасности для политического воспитания молодежи, ибо политические знания, выросшие на фундаменте общего культурного под'ема, будут только прочнее.

А жалобы на скуку, на скудость развлечений?

Разве Комсомол стремится вытравить из молодежи веселье, жизнерадостность? Это — беда, которая возникла вопреки желанию Комсомола. Революционная смена не может быть малокровной, тоскующей, глядящей исподлобья. Молодежь, которая должна будет принять из рук старшего поколения революции боевое знамя, должна быть здоровой каждой своей клеточкой. Она должна обладать огромной бодростью. Этого нельзя добиться, если мы не сумеем отвести развлечениям почетное место в нашей работе. Опять-таки и с'езд партии и с'езд Комсомола рассеяли всякие сомнения по этому поводу.

Наконец о материальном положении молодежи. Разве нашим идеалом является равенство в нищете? Неравенство существует и сейчас в значительной мере, потому что иначе нельзя поднимать уровень отдельных прослоек трудящихся. Мы стоим за равенство в довольстве, а пока всячески стремимся шаг за шагом, пядь за пядью улучшать материальное положение рабочих. Жить лучше—это вполне законное стремление, и политика советской власти, в конечном счете, направлена к тому, чтобы это законное стремление непреклонно удовлетворять.

Где можно найти такого Иванушку-дурачка, который проповедует воздержание от хорошей пищи, удобного жилья, опрятного костюма?

Но, с другой стороны, у отдельных отщепенцев, а то и у более обширных групп молодежи, могут быть личные интересы, противоречащие всему укладу нового быта, всему переплету теперешнего строительства. С пьянством очень многим нелегко расстаться. Хулиганство для некоторых молодых рабочих является чем-то в роде любимого спорта. В борьбе против половой распущенности некоторые комсомольцы видят ничем неоправданные оковы, которые налагает на них организация. Все это—тоже личные интересы, но уже совершенно иного пошиба. Им покровительствовать Комсомол не может.

Не может Комсомол и плыть по течению тех интересов молодежи, которые содержат в себе здоровую струю, но очень легко могут замутиться и перейти в свою противоположность. Тут нужно соблюдать грани.

О гранях

Вот самый злободневный вопрос: материальное улучшение быта. Комсомол борется против неряшливости, против разгильдяйства. Комсомол должен добиваться вместе со всеми организациями пролетариата, чтобы рабочая молодежь имела возможность есть досыта, жить в сносных условиях и т. д.

«Вот это мне на руку, — решает молодой рабочий, у которого где-то в тайниках души копошится червь собственничества. — В самом деле, главное — жить получше. За что мы боролись?»

Он успевает. В праздник вы можете его видеть чинно гуляющим в новеньком, с иголочки, костюме. В свободное время он посещает кино, а то и театр. Он довольно скромен и тих. Но в «Комсомольской Правде» помещалась целая груда писем, в которых ребята подобного типа открещиваются от всякой общественной работы: на теперешней должности мы, дескать, больше зарабатываем. В одной книжке «о быте» рассказывается, как комсомольцы отказываются что-либо об'яснить новичку:

«За это время, что с тобой, дураком, потеряешь, полтинник выгнать можно».

Грань потеряна. Законное стремление «жить лучше» превращается в погоню за «полтинником». У Глеба Успенского в одном из его очерков описывается, как старушка завещает сыну: «В карман норови, норови в карман». «Норовить в карман» — это очень нехитрая линия поведения, но она нисколько не совпадает с интересами революции. Сила революции и сила рабочего класса заключается, по памятным словам В. И. Ленина, в единой воле миллионов. Возможна ли такая единая воля, когда жажда устроиться самому получше заслоняет все остальное? Парень, который сделал своим жизненным идеалом «полтинник», уже мало беспокоится о судьбе всего рабочего класса, о судьбе революции. Этот парень при малейшем затруднении может оказаться по ту сторону баррикады. Недаром буржуазия старается подкупать за границей верхние слои рабочего класса, обставлять их получше, развить у них заботу о себе только, о своем доме. Одна головня и в печи не горит, а две и в поле не гаснут. Интересы буржуазии состоят в том, чтобы разобщить рабо-

чих, вместо сплоченного класса иметь против себя разрозненное стадо людей, жаждущих личного благополучия. Интересы пролетариата состоят в том, чтобы крепко-накрепко связать каждого рабочего со всей махиной его класса.

Недаром в Америке, например, усиленно возопили о том, что каждый рабочий может сделаться капиталистом, если он будет бережлив, порядочен и т. д. Рабочий, который мечтает о возвышении до капиталиста или пусть даже до старшего мастера и только, отделяет свою судьбу от судьбы рабочего класса в целом и не страшен буржуазии.

Наконец нельзя забывать, что непреклонное материальное улучшение жизни рабочих — основная линия, главный путь. В отдельных случаях интересы революции могут еще потребовать частных лишений ради общего дела. Самопожертвование со стороны отдельного комсомольца может быть необходимо еще чаще.

Только несколько недель тому назад мы читали в газетах о пытках комсомольцев в застенках Чжан-Цзо-Лина. Комсомольцы на Восточно-Китайской железной дороге постоянно находятся под угрозой дикого террора со стороны китайской полиции. Что получилось бы, если бы они думали только о сладком житье? Нет нужды приводить примеры из борьбы наших западных товарищей. Там вступление в Комсомол уже никогда не приносит выгоды. Там комсомолец ежеминутно рискует не только свободой, но часто и жизнью без всякой личной корысти. Его л и ч н ы е интересы воплотились для него в успехах пролетарской революции, в интересах рабочего класса в целом.

Таким образом мы видим, что вопрос о личных интересах и их сочетании с интересами революции очень сложен и многообразен. Нужна очень большая осторожность, нужна постоянная самопроверка для того, чтобы не отступиться и не скатиться в болото мещанства.

Кто пострадает?

Но может статься, что та самая Нина Яковлева, которая решила ограничить домашним хозяйством свою жизнь, и Константин Петров, вступающий в Комсомол ради высшего разряда, махнут только рукой: «Эка невидаль—революция, рабочий класс и все прочее. Мы для себя жить хотим. Пусть революция пойдет прахом, но зато я, имярек, буду жить припеваючи».

Действительно ли они учли все выгоды?

Только сослепу можно наткнуться на такую дикую мысль. Крах революции означал бы неисчислимые несчастья

для всего рабочего класса и очень быстро похоронил бы те немногочисленные личные успехи, которые одерживают отбившиеся от всего класса искатели личного счастья. Крах революции означал бы нищету всех рабочих на многие годы, разгул свирепствующих победителей в такой мере, что пострадали бы наверняка и те, кто сейчас так беззаботен. Выиграть они могли бы только в случае прямого предательства и собачьей службы у своих классовых врагов.

Конечно, перспектива разгрома революции ни в какой степени не стоит перед нами. Но она далека от нас, она невозможна исключительно потому, что рабочий класс достаточно сплочен и достаточно твердо осязает сущность своих классовых интересов.

*

Грани — одна сторона вопроса. Есть явления и устремления молодежи, которые мы осуждаем безоговорочно. Мы уже упоминали о пьянстве, о хулиганстве, о половой распущенности. Все это несовместимо с дисциплинированным и сознательным участием в общественной работе. Но и здесь только при поверхностном взгляде, с птичьего полета, можно считать, что терпят ущерб подлинные, действительные, личные интересы молодежи. Этого нет.

Молодежь во всех этих случаях просто не сознает того личного вреда, который приносят эти позорные явления. А они разрушают здоровье, ведут молодежь к преступлениям. Охраняя интересы общественные, Комсомол одновременно выступает защитником многих интересов молодежи, недооцениваемых ею самой.

*

На открытии комсомольского с'езда любимый поэт молодежи тов. А. Безыменский прочел стихотворение «Слово о телячьей отбивной».

Вот какой бодростью, каким упрямым нежеланием свести борьбу к собственной сытости звучат его строки:

Да, ели воблу мы. Бифштексы и компоты —
Из воблы было все. Но не Комсе тужить.
Мы все хотели есть — и ели без заботы.
Мы ели, чтобы жить, мы ели, чтобы жить,
А жить, чтоб увидать, как стали мы богаты.
Хотя бы увидать, как буйною волной
Теперь бегут на с'езд все те же делегаты,
Но кормятся в обед телячьей отбивной.
Простились навсегда мы с воблой—голодовкой.
Но не забыть пути, который мы прошли.
Телячьей отбивной и верною винтовкой
Мы вырвем у земли
Грядущий день земли.

(„Смена")

А. Горлов

БОГДАНОВСКО-МЕССИАНСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ К МОЛОДЕЖИ

Вопросы коммунистического воспитания нового подрастающего поколения, чем дальше, тем больше будут приобретать и уже теперь приобретают важнейшее и первостепенное значение. Современной молодежи предстоит быть продолжательницей того великого дела, начало которому положило старшее поколение нашей партии. Мы можем наблюдать, как уже и теперь в дело социалистического строительства в нашей стране втягиваются все новые и новые отряды молодежи. Но эти новые массы представляют собою продукт совершенно новой среды, нового социального уклада. Это такая молодежь, которая не видела самодержавия, часто не помнит буржуазного режима в нашей стране, которая не участвовала в Октябрьской революции и не закалялась на фронтах гражданской войны. Именно поэтому теперь первостепенное значение приобретают такие вопросы, как вопрос об утере молодежью революционных перспектив, вопросы культуры, быта молодежи и тех форм, в коих они выражаются.

То, что мы социализм строим в мелко-буржуазной, технически и культурно отсталой стране, где социалистические, высокие по своей технике и организации формы хозяйства часто сочетаются с первобытными натуральными и товарно-капиталистическими формами,—уже одно только это в деле коммунистического воспитания молодежи ставит перед партией и Комсомолом весьма существенные препятствия и трудности.

«Развертывающиеся классовые противоречия и рост новой буржуазии в городе и деревне означают таким образом и развертывающуюся борьбу за молодежь. Совершенно не случайно поэтому, что остатки разбитых революцией партий, эс-эры и в особенности меньшевики, спекулируют прежде всего на молодежь, проповедуя буржуазно-реставрационные взгляды среди рабочей и учащейся молодежи; они рисуют наши социалистические по своему типу госпредприятия, как просто капитализм, или ту либо иную форму государственного капитализма, их систему—как систему эксплоатации рабочего класса, государство пролетариата—как капиталистического нанимателя и т. д. Они отрицают диктатуру пролетариата, факт принадлежности пролетарскому государству основных средств производства, используют наши нехватки, стараются подорвать веру рабочего класса и уча-

щейся молодежи в силу пролетариата, сеют пессимизм и готовят таким образом идейное поле для откровенно-буржуазной контр-революции. (См. «Соц. Вестник», «Рев. Россия» эс-эров, а равно Устрялова, Милюкова и др.) Среди крестьянства они одновременно хотят использовать и недовольство кулацкой верхушки и недовольство части бедноты, все еще находящейся в тяжелом материальном положении» [1].

Для того, чтобы показать, что такие попытки враждебных нам элементов на деле имеют место, мы укажем читателям на так называемые «тезисы политического обоснования групп коммунистического быта», составленные неизвестным нам, по всей вероятности, коллективным автором и представляющие собою не что иное, как меньшевистскую попытку дискредитировать нашу партию в глазах широких масс молодежи и Комсомола [2].

Мы считаем необходимым поэтому специально заняться разбором означенных тезисов.

«Тезисы политического обоснования», как их глубокомысленно именует автор, рассматривают вопросы быта в связи со всем тем, чем этот быт должен определяться. По сути дела тезисы представляют собой целый манифест, целое меньшевистское откровение о делах партийных, комсомольских и о нашей экономике. Небезынтересно поэтому проследить за всеми основными положениями тезисов. Только в этом случае будет понятна вся их меньшевистская и ликвидаторская суть.

Начнем хотя бы с того, с чего начинаются тезисы — с экономики СССР.

Этому вопросу (во имя «обоснования») в тезисах уделяется весьма-таки порядочное место.

По вопросу о нашем экономическом положении в тезисах, например, констатируется, что у нас происходит: «с одной стороны—рост социалистического накопления, с другой—реставрирование капиталистических форм и методов хозяйства».

И дальше, на вопрос о том, «кто — кого», тезисы отвечают, что «элементы социализма в советской экономике тесно переплетены с реставрированными капиталистическими отношениями (наемный труд, капиталистический способ распределения — торговля, частичное восстановление частной соб-

[1] Бухарин. Резолюция XIV с'езда ВКП (б) о молодежи.

[2] Означенные „тезисы политического обоснования групп коммунистического быта" распространяются в качестве рукописи среди учащейся молодежи с надписью: „Ко всем детским домам СССР".

ственности) и могут быть последними поглощены при отсутствии социальной мировой революции».

При этом, дальше, в качестве оговорки, призванной, как видно, подкрепить этот тезис, заявляется, что «констатируется прессой и жизненным опытом образование «пауков» (кулаков! А. Г.) внутри сельско-хозяйственных коллективов» (то бишь, в деревне. А. Г) [1].

Спрашивается, верно ли такое рассуждение? Можно ли так просто подходить к вопросам?

Безусловно, нельзя. Неправильно, во-первых, то, что автор тезисов конкретный анализ процессов, имеющих место в экономике нашей страны, заменяет только лишь отвлеченными рассуждениями насчет того, что социалистические элементы «могут оказаться поглощенными» капиталистическими, восстанавливающимися, мол, у нас элементами («пауки»—кулаки).

Конечно, смешно было бы огульно отрицать возможность подобного процесса реставрации капитализма в нашей стране. Никто, и тем более наша партия, не отрицает опасности подобного рода.

Но ведь дело-то не только в этом. Главный вопрос в том, что есть в самом деле: побеждают ли теперь эти капиталистические элементы или, наоборот, побеждают социалистические.

Тезисы говорят, что побеждают капиталистические элементы, что, мол, у нас растет кулак и что, если к нам на помощь не подоспеет мировая революция, то кулак нас вытеснит с наших позиций совсем. В этом — корень вопроса, а не только в общих рассуждениях насчет того, могут ли нас победить капиталистические элементы или нет.

В тезисах нет и намека на учет действительного соотношения сил. Автор тезисов видит кулака, но не видит роста нашей социалистической промышленности, не замечает консолидации, «собирания» рабочего класса, не видит и не понимает значения наших социалистических командных высот, не понимает той роли, которую играет наша крупная государственная социалистическая промышленность.

Автор тезисов видит внешне, по форме капиталистические элементы в нашей экономике, видит, что у нас так же, как и в капиталистическом государстве, имеется частная собственность и товарные отношения (торговля) и деньги, являющиеся выражением этих отношений, и на этом основа-

---

[1] Необходимо отметить, что четкостью формулировок тезисы не блещут. „Высокий", но малограмотный, с точки зрения русского языка, стиль!"

нии делает вывод, что у нас реставрируются капиталистические отношения.

Само собой разумеется, наличие частной собственности и товарно-денежных отношений способствует некоторому росту капиталистических элементов, противостоящих элементам социализма в нашей стране. Бесспорно и очевидно, что это влечет за собой возможность некоторого усиления роли частного капитала.

Но при этом нужно понять, что у нас есть и кое-какое отличие от буржуазно-капиталистического государства, что у нас политическая власть не в руках буржуазии, а в руках пролетариата, — а это не пустяк. Это — весьма существенный и по сути дела решающий фактор в борьбе за окончательную победу социалистических элементов нашей экономики над капиталистическими.

При условии, если власть в руках пролетариата, если пролетариат имеет целую систему командных высот, препятствующих беспредельному росту капиталистических элементов в нашем хозяйстве, при таких условиях роль торговли, денег и т. п. приобретает совершенно иное значение, чем при буржуазно-капиталистическом строе.

Торговля, товарные и денежные отношения у нас являются, в первую очередь, средством сомкнуть нашу социалистическую промышленность с распыленным крестьянским хозяйством. В этом — главное и решающее значение нэпа. В своей статье «О золоте» тов. Ленин дал очень правильный ответ на этот вопрос. «Не дадим себя, — говорит он, — во власть «социализму чувств», или старорусскому, полубарскому, полумужицкому, патриархальному настроению, коим свойственно безотчетное пренебрежение к торговле. Всеми и всякими экономически-переходными формами позволительно пользоваться и надо уметь пользоваться, раз является в том надобность для укрепления связи крестьянства с пролетариатом». И, продолжая, он пишет: «Это кажется странным. Коммунизм и торговля? Что-то очень уж несвязное, несуразное, далекое. Но, если поразмыслить, экономически одно от другого не дальше, чем коммунизм от мелкого крестьянского патриархального земледелия». (Курсив тов. Ленина. А. Г.)

Вот таким образом ставил вопрос о торговле тов. Ленин. Дает он ответ и на вопрос о роли денег в современных условиях нашей страны: «Когда мы победим в мировом масштабе, — пишет тов. Ленин, — мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах несколь-

ких самых больших городов мира. Но как ни «справедливо», как ни полезно, как ни гуманно было бы указанное потребление золота, а мы все же скажем: поработать еще надо десяток-другой лет с таким же напряжением и с таким же успехом, как мы работали в 1917—21 годах, только на гораздо более широком поприще, чтобы до этого добраться. Пока же беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле».

Смычка социалистической промышленности с мелким крестьянским хозяйством, включение его в орбиту влияний наших социалистических, экономических командных высот—вот то, чему должны способствовать торговля, товарные и денежные отношения в нашей стране, и вот то, чего как-раз не понимает автор разбираемых нами тезисов.

Нет также в тезисах ничего и о кооперации. Не замечать принципиальной, отличной, чем при капиталистическом строе, роли кооперации в наших условиях, не видеть, что теперь в наших условиях кооперация является лучшим видом организации мелкого, распыленного крестьянского хозяйства, не понимать, что благодаря кооперированию деревня пойдет быстрыми шагами к социализму, не понимать, что кооперация есть лучшее орудие борьбы основной массы крестьянства с кулачеством в деревне; не понимать всего этого—значит неминуемо скатываться до утверждения неизбежности нашей гибели.

Отсюда и приговор автора тезисов таков, что социалистические элементы «могут быть поглощены» капиталистическими, а о том, что этого может и не быть, что победит социализм, автор совершенно не говорит, да, пожалуй, и не верит в это.

Но посмотрим, как все это обстоит на самом деле. Можем ли мы строить социализм? Есть ли возможность строить социализм на основе нэпа или нэп со всеми его «аттрибутами» (торговля, деньги и т. п.) есть только средство продержаться до «социальной мировой революции», до того, как победит пролетариат во всех странах? Можно ли строить социализм в нашей технически и культурно отсталой стране или нужно только «держаться»?

На все эти принципиальные вопросы не кто иной, как тов. Ленин дал исчерпывающие ответы, в частности, в своей статье «О кооперации». По вопросу о нэпе он, например, сказал, что «нэп в этом отношении представляет собой в том отношении прогресс, что он приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не

требует от него ничего высшего». (Курсив наш. А. Г.)

«У нас, — пишет тов. Ленин, — действительно, раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, — у нас действительно задачей осталось только кооперировать население. При условии максимального кооперирования населения сам собой достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе». И дальше он пишет: «Разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Одно дело — фантазировать насчет всяких рабочих об'единений для построения социализма, другое дело—научиться практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении».

Наконец еще одна цитата: «Нам наши противники, — пишет тов. Ленин, — не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно-культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки стали. Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной...»

Из всех этих цитат явствует лишь одно, что мы можем строить социализм и строим его. Само собой разумеется, нам многому нужно «научиться», но ведь это не отрицание, а подтверждение этой возможности строить социализм в нашей стране.

Теперь посмотрим, как обстоит дело практически.

Растет ли, крепнет ли наше хозяйство, и если растет, то за счет каких элементов — социалистических или капиталистических? Из контрольных цифр Госплана видно, что мы растем. Так, например, валовая сельско-хозяйственная продукция в 1924—25 годах уже равняется 71% по сравнению с довоенной (1913 год). Продукция нашей крупной промышленности также возросла. Промышленность по ценности своих изделий в 1924 — 1925 годах достигла 70% по сравнению с 1913 годом, тогда как в 1923 — 24 годах ценность ее изделий равнялась лишь 46%.

Что касается того, за счет ли социалистических или капиталистических элементов происходит рост нашей хозяйственной базы, то здесь данныя говорят в пользу социализма.

Так, например, средства производства, этот решающий в экономике фактор, по их ценности распределяются следующим образом: обобществленных средств производства, т. е. принадлежащих государству и кооперации — 62% всей их ценностной массы (главным образом, технически высоких) и не обобществленных (крестьянских и частно-капиталистических) — 38% (низких, главным образом, по их техническому уровню).

Такое соотношение сил, когда у нас диктатура пролетариата, когда промышленность, банки, кредит, кооперация, внешняя торговля являются в руках пролетариата командными высотами, позволяет нам победоносно вести борьбу за дальнейшее укрепление позиции социализма, в частности, в деревне, где эта борьба идет главным образом через посредство кооперирования и электрификации крестьянских хозяйств.

Что касается процесса расслоения крестьянства, то необходимо иметь в виду, что пролетариат всемерно идет на помощь бедноте и среднему крестьянству в их борьбе с кулаком экономическими методами, препятствуя этому росту кулачества, содействуя кооперированию бедноты и среднего крестьянства.

Такова реальная обстановка, таково действительное положение вещей. Мы строим социализм, и он победит. Выводы, вытекающие из этого положения вещей, никак не соответствуют тому, что говорится в тезисах. Там только одна перспектива: если не будет мировой социальной революции, у нас могут победить капиталистические элементы и больше ничего; здесь совсем иное — у нас трудности, но мы растем, крепнут позиции пролетариата, мы победоносно строим социализм.

Это, конечно, не исключает возможности интервенции, военного нападения на наш СССР. В данном случае речь идет о внутренних силах нашей страны, о возможности строительства социализма в одной стране. Было бы смешно на этом основании утверждать, что здесь, мол, забывают о мировой пролетарской революции. Только победа пролетарской революции в ряде крупных решающих стран может окончательно обезопасить нас от интервенции и явиться окончательной, в широком смысле этого слова, победой социализма. Но борьбу за победу пролетарской революции в других странах мы должны вести на ряду с строительством социализма в нашей стране. Наш внутренний рост и укрепление есть рост и укрепление первой цитадели социализма и мировой революции. Поэтому разделять две стороны одного и того же дела — победу

социалистической революции во всем мире и победу социализма в одной стране — вредно и опасно, ибо это может повести к утере революционной перспективы — с одной стороны, и к ликвидаторству и пессимизму—с другой.

Но последуем за автором тезисов дальше. От своих неверных экономических посылок автор переходит к вопросам расстановки классовых сил и формам их взаимодействия в нашей стране. При этом и здесь все подгоняется к тому, чтобы доказать наше перерождение. По этому поводу автор тезисов говорит, что «отсталость советской экономики... и социальных отношений (население на 90% мелкобуржуазное) придает пролетарской демократии формальный характер, особенно в периферии, на окраинах, где она превращается в новый вид бюрократии».

Говоря вышеуказанное, автор тезисов об'ясняет якобы формальный характер пролетарской демократии отсталостью у нас экономической социальной основы. По тезисам выходит, что, чем выше уровень экономики, чем сильнее в стране количественно пролетариат, тем менее формальна демократия. Правильно ли это? Безусловно, не правильно. Правильно лишь то, что рассуждения автора тезисов есть не что иное, как формальный поверхностный подход к вопросу.

Нельзя сводить все дело к количеству пролетариата в стране. Разумеется, мелко-буржуазный характер нашей страны, наша отсталость и некультурность обусловливают собой подчас еще очень и очень сильный, имеющийся в нашей стране, бюрократизм. Не кто иной, как тов. Ленин обращал на это особое внимание нашей партии и подчеркивал необходимость борьбы с этими явлениями бюрократизма, хлестаковщины и т. п.

Конечно, если бы диктатура пролетариата была в более технически и культурно высокой стране, нежели наша, было бы и бюрократизма меньше, чем у нас.

Но можно ли, например, говорить, что в современной буржуазной Америке или в Германии, где и техника выше, и рабочих много, что там теперь больше демократии, чем у нас, что там широчайшие массы рабочих и крестьян пользуются теми же правами, какими пользуются русские рабочие и крестьяне.

Разве вовлечение широких масс рабочих и крестьян в советскую работу, в секции советов, в организацию производства не является доказательством наличия у нас не формальной, не парламентской, а пролетарской демократии? Разве не у нас растут такие организации, как Комсомол и детдвижение? Разве не у нас, как нигде, растет самодеятельность масс? Разве рабкорское, селькорское и юнкорское дви-

жение не является показателем роста нашей демократии? Только меньшевик может это отрицать.

Тогда в чем же формальность пролетарской демократии? Что хочет автор, что ему не нравится?

Последующее рассмотрение «тезисов» раз'ясняет нам со всей очевидностью, что сам-то автор неспособен понимать действительную революционную советскую и партийную демократию. Так, например, оценивая роль и значение пионердвижения и Комсомола, автор заявляет, что «пионердвижение сумело правильно поставить и разрешить вопросы коммунистического воспитания», при чем всю правильность он видит лишь в том, что в пионердвижении «имеет место первобытный демократизм без всякой политики». Говоря таким образом, автор выдает свои скрытые желания и вожделения. Он, видите ли, хочет «первобытной демократии без политики»!

Но мы-то знаем, что демократии «вообще», демократии вечной нет. Есть демократия в буржуазном понимании этого слова («околпачивай трудящихся»), преподносимая под соусом «общечеловеческой», «справедливой» демократии «без политики», и есть пролетарская демократия, основанная на максимальном вовлечении широких масс трудящихся в дело управления государством, при чем эта демократия основана на подавлении паразитических классов и опирается на диктатуру пролетариата.

Но в том-то и дело, что нашему герою претит все то, что гарантирует трудящимся действительную, не на словах, а на деле, возможность обеспечения пролетарской демократии, боится обеспечения трудящимся действительной возможности управлять страной.

По этому же самому он против и демократического централизма. На этот счет автор вещает, что «процессы государственной централизации находятся в тесной зависимости и от аналогичных процессов внутри РКП и РЛКСМ», т. е., что наша государственная централизация есть то же самое, что и внутрипартийная и комсомольская.

И по тому же самому дальше он пишет: «Государственный централизм не может быть выдержан по условиям социальной и культурной разнородности РКП, Комсомола и населения». Все это связывается с заявлением автора тезисов о том, что «бюрократическая (!—А. Г.) централизация является единственным средством... связать... групповую борьбу внутри партии и Комсомола».

Разбирая все сказанное в тезисах насчет демократии, мы должны сразу же установить, что автор, во-первых, спу-

тал два понятия: дисциплину партии и Комсомола, т. е. добровольных пролетарских организаций, с «дисциплиной» государственной. Во-вторых, благодаря этому, наш «ученый муж» запутался и не понял того, что «государственная централизация» потому и применяется, что мы имеем разнородный, в социальном отношении, состав в нашей стране, что у нас есть пролетариат, крестьянство, торговцы и капиталисты и что именно поэтому необходимо «единое» (под руководством пролетарской партии) начало в руководстве нашей страны, именно поэтому необходима диктатура пролетариата, идущего в союзе с крестьянством; и наконец, в третьих, он не понял и не мог понять того, что в отличие от дисциплины государственного порядка, основанной на подавлении классов эксплоататоров, наша партийная и комсомольская дисциплина основана на идейной и организационной монолитности членов этих организаций. Идейная монолитность—вот основа нашего демократического централизма внутри партии и КСМ. Не понять этого—значит не понять главного, что делает нас сильными и сплоченными.

И если наш герой не сумел отличить демократию в ее буржуазном формальном виде от нашей демократии, основанной на обеспечении широким массам трудящихся действительного участия в управлении страной, если он этого не понял, если, кроме того, он ухитрился свалить в одну кучу общественные отношения классов внутри государства и внутрипартийные отношения, то тем более становится очевидным, что ему не понять диктатуры пролетариата, как формы классовой гегемонии пролетариата, основанной на союзе пролетариата с крестьянством, не понять ее классовой революционной и сугубо-демократической сущности, заключенной в ней.

Но попробуем пойти за автором тезисов дальше. А дальше он, самодовольно потирая руки, изрекает, что «РКП в целом не может быть преемницей революционного движения, социального прогресса». На вполне резонный вопрос: «почему же это не может» — нам отвечают: потому, что 1) «в период мирного государственного строительства все члены партии не могут быть революционными; 2) потому, что партия по своему культурному и этическому уровню сливается с массой (в партии есть технически неграмотные, терпятся так называемые «нечистоплотные» коммунисты); 3) потому, что освещение действительных форм жизни (?!?—А. Г.) государственной партии, исходя из соображений

общей и внутрипартийной политики, и не возможно и не доступно; 4) потому, что РКП(б) есть государственная партия — правительственная».

Итак... в экономике социалистические элементы «могут быть» поглощены капиталистическими; в отношении политическом подчеркивается отсутствие демократии в нашей стране, что в ней господствуют сугубо формальные методы, и наконец, в завершение всего, преподносится перл: «РКП(б) в целом не может быть преемницей революционного движения», т. е., что РКП уже переродилась, уже не является революционной.

Для чего нашему герою понадобилось говорить о якобы перерождении нашей партии, мы покажем дальше, когда станем разбирать вопрос об интеллигенции и «группах коммунистического быта», ради которых, собственно, и истребляет столь много чернил наш герой.

Сейчас же мы займемся разбором по существу положения о перерождении РКП. Верно ли оно? Безусловно, верно. Неправильно утверждать, что в период мирного государственного строительства все члены партии не могут быть революционерами.

Само собой разумеется, легче, вернее, проще всего делать дело революции в обстановке борьбы с самодержавием или во время гражданской войны. Тогда враг непосредственно ощущается и тогда задачи, вытекающие из этого, до очевидности ясны.

Не то, конечно, в период мирного строительства, в особенности, когда это строительство приходится осуществлять в невероятно трудной и сложной, противоречивой обстановке, когда пролетариат становится руководителем всей страны, когда перед ним стоит задача использовать деятельность даже нашего классового врага — нэпмана, концессионера, торговца — для укрепления наших позиций, для обеспечения окончательной победы социализма.

Не кто иной, как Ленин, говорил об этих трудностях. Он говорил: «Это еще полдела — мало буржуазию победить, доконать, надо заставить на нас работать».

«Да, кто не понимает смены лозунга гражданской войны лозунгом гражданского мира, тот смешон, если не хуже»[1].

Но вот в этом-то и состоит самое трудное. Трудность состоит в том, что мы должны всемерно использовать капиталистические элементы, ограничивая однако максимально их спекулятивные и эксплоататорские тенденции.

---

[1] Ленин. Письмо к Мясникову. Т. XVIII, гл. 1, стр. 359.

В этом сложность и трудность руководства страной. Опять-таки не кто иной, как тов. Ленин, говорил, что «России в конкретной, исторически чрезвычайно оригинальной ситуации 1917 года было легко начать социалистическую революцию, тогда как продолжать ее и довести до конца России будет труднее, чем европейским странам». (Т. XVII, стр. 153).

Своим непониманием всего того р е в о л ю ц и о н н о г о в современной политике нашей партии, непониманием по существу революционной, прогрессивной, двигающей нас вперед роли новой экономической политики, непониманием того, что медленное, но продвижение вперед по пути к социализму лучше, чем поражение с барабанным боем, — непониманием этого автор лишь показал, что он мог быть в свое время «р е в о л ю ц и о н н о-н а с т р о е н н ы м», но не мог и не был пролетарским революционером (марксистом-большевиком).

Есть ли однако какие-либо опасности перерождения членов и отдельных клеточек организма нашей партии? Безусловно, есть. Противоречивость нашей обстановки, окружающая нас мелко-буржуазная (крестьянская), буржуазная и наконец нэпманская среда, необходимость часто соприкасаться с враждебными нам элементами—все это таит в себе опасности обволакивания и отдельных членов нашей партии, опасности перерождения и отдельных клеточек нашей партии.

Но это вовсе не значит, что мы здесь не можем организовывать отпор или что они у нас побеждают. Рост нашей промышленности, консолидация пролетариата, орабочение, рост пролетарской части членов нашей партии, рост сознательности и накопление политического опыта рабочим классом, уменьшение доли и роли частного капитала и т. д. и т. п. — все это говорит как-раз об обратном, говорит об РКП, как здоровой партии, говорит о правильности ее линии.

Тот факт, что партия умеет во-время подмечать мельчайшие молекулярные процессы, происходящие вокруг нее и в ней, один только этот факт говорит о том, что она здорова, что она не теряет своего революционного чутья. Наоборот, трудности и опасности заостряют ее внимание и ее чутье.

Что касается разговоров о том, что наша партия «сливается с массой» и что у нас «есть технически неграмотные», то на это есть один ответ: в условиях капиталистической эксплоатации и самодержавного гнета рабочий класс не мог и не имел возможности обучаться грамоте, и вполне понятно поэтому, что у нас есть технически неграмотные. Но, во-первых, технически неграмотные в н а ш е й п а р т и и — не правило, а исключение, а во-вторых, это не исключает возможности быть им достаточно классово-сознательными, чтобы

быть не только членами «класса в себе», но и «для себя» (т. е. ясно понимать свои классовые интересы). И, наоборот, «технически грамотная» интеллигенция (за которую ратует наш автор) всегда выделяла менее твердые и последовательные элементы, всегда давала менее устойчивый человеческий материал.

В чем упрекает автор нашу партию? В том, что она благодаря своей правильной политике подняла широкие слои рабочих, в том, что она эти активные слои двинула на командные посты для укрепления диктатуры пролетариата, в том, что она втягивает в свои ряды все большие массы рабочего класса. В этом ее упрекает строптивый автор!

Но сумеет ли он при этом доказать, что партия, вынужденная об'ективным ходом вещей, ею же направляемых, развернуть масштаб своей работы, сумеет ли она при этом доказать, что на этой расширившейся базе она расползлась, не овладела движением, что она не сумела свою революционную сознательность партии направить по руслу руководства стихийностью масс?

Вот если бы это было доказано, тогда бы автор был прав в своем утверждении. Но ему это не суметь доказать, потому что этого нет, потому что партия неоднократно делом показывала, как она умеет стихийность масс, индивидуалистические или личные интересы подчинить и сочетать с интересами всего класса и как ей это неоднократно блестяще удавалось.

Укажем, хотя бы, как на пример, на блестяще удавшуюся кампанию партии за поднятие производительности труда. Разве это не показывает, что партия умеет влиять на массы, умеет ими руководить?

Это вовсе не значит, что наша партия должна на этом основании давать лозунг о немедленном втягивании в ряды нашей партии всего рабочего класса, или его 90%.

Не кто иной, как тов. Ленин, предостерегал партию от огульного подхода при приеме в партию.

Он, например, писал, что «со времени войны фабрично-заводские рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде, ибо во время войны поступали на заводы те, кто хотел уклониться от военной службы».

«Далее, — писал тов. Ленин, — надо принять во внимание, что соблазн вступления в правительственную партию в настоящее время гигантский».

Подчеркивая трудности политического руководства страной, тов. Ленин дальше писал: «Безусловно необходимо, чтобы не обманывать себя и других, определить понятие «рабочий» таким образом, чтобы под это понятие подходили

только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта» [1].

Еще более строго подходил тов. Ленин к приему в партию непролетарских элементов.

Всемерно стремиться к вовлечению в ряды нашей партии все больших масс рабочего класса, прошедших школу классовой закалки и организации (производство, профсоюзы), но отнюдь не засоряя партии — вот действительная линия нашей партии.

А насчет «нечистоплотных коммунистов», как в таких случаях говорят — «помолчали бы вы лучше в тряпочку». Разве не очевидна суровая борьба партии с «нечистоплотными», разве не наша партия бичует их, разве не она организует борьбу против бюрократов и растратчиков, разве не она способствовала росту и под'ему такого здорового движения, как рабкорское и юнкорское движение?

Дальше наш «бесфамильный герой» обижается на то, что партия по соображениям, как он говорит, «общей и внутрипартийной политики» не допускает «освещения действительных форм жизни государственной партии». Но и здесь маломальски умному человеку должно быть очевидно, что это неправда. Широкая пропаганда и раз'яснение внутрипартийного положения, задач, трудностей и т. п., — все это является основным в работе нашей партии. Наша партия никогда не замазывала и не будет замазывать те вопросы и те трудности, которые перед ней встают. Ярким показателем того, что это не так, показателем того, что партия воспитывает свои массы в духе непримиримой борьбы с внутрипартийными уклонами, являются две дискуссии с троцкизмом и наконец хотя бы последняя дискуссия, имевшая место в нашей партии, о госкапитализме и т. п., по которой XIV с'езд партии высказал свое авторитетное мнение. Партия не скрывает своих болезней и недостатков. И если в чем ее и можно «упрекнуть», так это часто в резкости и заострении внимания на тех или иных политических и внутренних вопросах, но отнюдь не в их умалчивании.

Что касается того, что «РКП(б) — государственная и правительственная партия», то это отнюдь не должно говорить за ее обязательное перерождение. Дальнейшее наше продвижение вперед, к коммунизму, чем дальше, тем больше,

[1] Письмо Ленина тов. Молотову и членам ЦК от 24-го марта 1922 г. Цитировано по бюллетеню № 5 XIV с'езда РКП.

должно способствовать отмиранию классовых противоречий и государственной власти, как формы насилия одного класса над другим. Приводить довод о том, что РКП — партия господствующего класса, и то, что она якобы от этого становится менее революционной, чем до взятия пролетариатом власти, как повод к ее перерождению, поэтому смешно.

Нечего намекать на то, что наша партия, как государственная партия, господствующая партия, имеет или может иметь склонность к затушевыванию ею своей роли, как классовой по сути дела партии. Между партией пролетариата, стремящегося к коммунизму (т. е. к полному отмиранию классов), и между старыми революционно-буржуазными партиями, проповедывавшими классовую борьбу до свержения феодального строя, а затем после взятия власти в свои руки начавшими проповедывать гражданский мир, есть все-таки разница и разница не маленькая. Разница хотя бы в том, что пролетариат не заинтересован в эксплоатации какого-либо другого класса. Он заинтересован в организации коммунистического строя. Поэтому здесь нельзя проводить и какую-либо аналогию.

Нужно понять, что можно обмануть одного, группу лиц, но класс обмануть нельзя.

Только явный враг или глупец не может отличить принципиально отличную сущность буржуазно-классовой государственности, призванной подавлять трудящиеся классы на пользу буржуазии, от пролетарской диктатуры, от пролетарского понимания этой диктатуры, ставящей себе целью вырвать власть и уничтожить существующих и бывших эксплоататоров и вывести человечество на путь, где не будет места никакой эксплоатации. Но вот как-раз этого-то и не понял автор разбираемых нами тезисов и потому поставил на одну доску нашу Коммунистическую и какую-либо заурядно-буржуазную партию.

Таким способом он пытается «доказать» факт такого порядка, как «перерождение» нашей партии.

Но он идет и дальше. Он, например, пишет, что «благодаря этому («формальной демократии» и «бюрократической централизации». А. Г.) в партии и Комсомоле возрастает роль служилого элемента, интеллектуально более сильного, но и более удобного и склонного к проведению внутрипартийной централизации. И дальше он изрекает: «Советский строй представляет собой интеллигентно-рабочее совластие. Интеллигенция в советской экономике противостоит пролетариату, как организатор

всего производственного и распределительного процесса. В государственном и партийном аппарате она занимает командные высоты».

Итак, советский строй — это не рабоче-крестьянское государство, не диктатура пролетариата в стране с крестьянским большинством, нет, это, по словам автора «тезисов»— «интеллигентно-рабочее совластие». Из его схемы выпала сущая «мелочь» — выпало крестьянство. «Трудно» заметить такую «мелочь». А вот говорить, что интеллигенция—класс, это куда проще и сподручнее.

Привлечение пролетариатом к сотрудничеству буржуазии (частная торговля, концессии и т. п.), привлечение к строительству социализма интеллигенции (спецы), все это автор рассматривает, как совластие интеллигенции и пролетариата, как раздел власти. Верно ли это? Есть ли здесь хоть капля правды? Безусловно, нет. Было бы, например, смешно уверять, что у власти стоит не один пролетариат, а что у власти стоит и буржуазия, исходя при этом из того факта, что пролетариат эту самую буржуазию допускает к сотрудничеству, ограничивая однако ее эксплоататорские стремления, регулируя, используя и направляя ее деятельность в своих интересах, в интересах укрепления диктатуры пролетариата и союза рабочих и крестьян.

Еще товарищ Ленин в своем докладе на XI с'езде РКП говорил о том, что управлять хозяйством можно тогда, «если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят».

Разве это раздел власти, разве это похоже на блок во власти? Ничуть не бывало.

Точно так же из того факта, что интеллигенция (служилый элемент) привлечена к сотрудничеству, к работе под руководством пролетариата в стране, где власть принадлежит пролетариату и его партии, смешно делать вывод о «совластии», о разделе власти между пролетариатом и интеллигенцией. Кстати, нужно напомнить, что именно служилая интеллигенция занималась первое время революции саботажем. Спрашивается, было ли в это время «совластие»? Здесь со всей очевидностью не сведены концы с концами.

Здесь смешение двух понятий: «классового блока, союза двух или нескольких классов (например: пролетариат — крестьянство) с понятием блока во власти. Есть ли у нас, например, такой блок во власти с крестьянством? Безусловно, нет. У власти стоит пролетариат, который так ведет свою политику, что она совпадает с основными интересами большинства крестьянства, и потому оно поддер-

живает соввласть, поддерживает диктатуру пролетариата. Но у власти-то стоит только одна партия — партия пролетариата. Так ведь это же нужно различать, а не считать за одно и то же.

Это нелепое «интеллигентно-рабочее совластие» особенно смешно звучит, если учесть, что интеллигенция — не класс, не единое целое, и что есть интеллигенция революционная, ставшая на точку зрения пролетариата, и есть интеллигенция, целиком связанная всеми своими корнями с буржуазией. Доказательством тому служит эмигрантская интеллигенция, эс-эры, меньшевики, целиком перешедшие на сторону буржуазии.

Разговоры о том, что в партии и в Комсомоле возрастает роль интеллигенции, звучат нелепо, особенно теперь, когда после революции актив нашей партии пополняется главным образом за счет рабочих. Если и раньше, во времена реакции, наша партия по своему составу была рабочей, хотя тогда роль профессионалов-революционеров интеллигентов была особенно крупной, то теперь особенно очевидны выдвижение и пополнение рядов нашей партии за счет передовиков-рабочих.

То же самое и в Комсомоле.

Но для нас ясно, зачем приводится этот перл, уснащенный махаевской приправой. Попытаться натравить одну группу партии и Комсомола на другую — вот в чем суть этих рассуждений. Это становится ясным и очевидным особенно после того, как в тезисах протаскивается пункт, где говорится, что в рядах партии и Комсомола создаются противоречия «между... старым рабоче-крестьянским активом, проведшим революционные годы в боях... и новым... выдвигаемым жизнью активом из служилого (интеллигенции) элемента, революционно не закаленным»[1].

Что вообще-то такого рода опасность возможна, об этом нельзя спорить, но что это сейчас так, что здесь сейчас налицо эти противоречия, что они неизбежны — это ересь.

Но для того ведь и выдумываются несуществующие болезни, чтобы затем прописывать соответствующие рецепты. И наш герой тоже имеет свои рецепты.

Именно поэтому, исходя из высказываемого им положения, что РКП «не революционна», а также из того, что

[1] Здесь вопрос поставлен на голову. Неужели автору тезисов неизвестно было, что в старые времена подполья партийными „комитетчиками" были главным образом революционеры-профессионалы интеллигенты и что теперь больше чем когда-либо раньше идет усиленный процесс орабочения партийных комитетов.

«нельзя строить коммунизм не-коммунистической организации, можно лишь создать предпосылки подобного строительства», наш знахарь сообщает, что им открыта новая бацилла коммунизма, новый тип коммунистической организации — «ГКБ» (группы коммунистического быта).

Как видит читатель, даже сокращенное название придумали.

Мы уже указывали, как наш горе-критик шельмует РКП, с апломбом заявляя о том, что она «не революционна». Но немножечко иначе он говорит, например, о Комсомоле. Здесь он благосклонно снизошел до признания более или менее коммунистическими организациями пионердвижение и Комсомол. Но только их, и отнюдь не РКП.

«Только, — пишет автор тезисов, — в пролетарском детском и отчасти КСМ движении, поскольку последнее связано с первым, есть первая база для коммунистического социального строительства» (а читателю уже известно, что в пионердвижении ему нравится больше всего «первобытная демократия без всякой политики»).

Отсюда новый тезис, что «всякое новое революционное социальное образование питалось юношеской средой», что, как видно, должно означать, что и «ГКБ» начинать нужно строить с молодежи.

Говоря, что молодежь питает собою всякое новое революционное начинание, автор «скромно» умалчивает о том, какую роль в формировании молодежи играют взрослые революционные организации. Ссылаясь на то, что «компартии Запада вышли из рядов юношеских организаций», автор дипломатично умалчивает о том, почему это так получилось, умалчивает о том, какую до этого большую воспитательную работу с этой молодежью проделали такие большевики, как Ленин, Либкнехт и другие.

Воспитание молодежи в духе интернационализма, в духе ненависти к соглашательству велось ими изо дня в день. Ими поддерживалось и руководилось всякое революционное начинание молодежи (Ленин и Либкнехт, например, активно сотрудничали в журнале «Интернационал Молодежи»). Только благодаря такому руководству юношескими организациями на Западе со стороны большевиков, они сумели стать оплотом, вокруг которых собирались революционные элементы, организовавшиеся затем в ком-

партии. Только благодаря этому, а отнюдь не потому, что это—организации молодежи. Обо всем этом автор дипломатически умалчивает, дабы доказать, что «РКП не может быть революционной» и что молодежь должна поэтому «питать собою» новое социальное образование—группы коммунистического быта. Стройно, не правда ли?

А дабы не было каких-либо сомнений насчет того, какую роль должны играть группы коммунистического быта в деле «революционизирования» и самого Комсомола, в тезисах является, что «ГКБ, участвуя во внутренней жизни КСМ, придают идейную направленность в борьбе между служилой и рабочей частью КСМ». Не сказано в тезисах только еще одного—на чью мельницу лить воду: поддерживать ли рабочую часть союза или служилую. Но это очевидно и без прямого указания. Как видит читатель, рекомендуется придавать «идейную направленность борьбе» внутри Комсомола. И дальше говорится, что «практика советского социального воспитания требует революционного вмешательства «групп коммунистического быта» во все формы социального воспитания, использования всех соответствующих организаций», т. е., попросту говоря, дается лозунг—проникать во все щели, всюду вести свою разлагающую работу, противопоставляя якобы «революционные» группы комбыта партии и Комсомолу.

Только не удастся эта попытка. Молодежь, в особенности комсомольская, прошла хорошую школу для того, чтобы суметь разоблачить меньшевистского волка в овечьей шкуре.

Но посмотрим, в чем же «изюминка» этих групп коммунистического быта, в чем их принципиальное, с точки зрения тезисов, отличие от РКП и Комсомола.

Что же такое «ГКБ»?

«ГКБ,—говорится в тезисах,—как более высокая форма социально-революционной организации, создаются на основе общежитейских коммун-ячеек: новая семья бескровных связей, пред'являющая к своим членам известный минимум бытовой этики, разрыв с мещанской средой (кто же от кого должен отрываться-то? А. Г.), обязательная (!—А. Г.), периодическая физическая работа для социально-классовой связи с массой».

Вот и вся программа этой новой «бациллы коммунизма». Что же, собственно, здесь в тезисах предлагается нового? Предлагается кому-то с кем-то рвать, завязывать связи, кому-то рекомендуется «обязательная», в виде послеобеденного моциона, физическая «периодическая» работа.

Ну, разве это не смешно? Кому-то хотят втереть очки насчет того, что в партии и Комсомоле засилие интеллигентов, и сами выбалтывают свое интеллигентское «кредо».

Ведь только человек, не занимающийся физическим трудом, обращаясь к себе же подобному, может рекомендовать «периодическую» физическую, с позволения сказать, работу. Только не связанный с пролетарской массой молодежи интеллигент, обращаясь к другому, такому же интеллигенту, может рекомендовать физическую работу «для социально-классовой связи с массой».

И почему это «социально-классовой»?

Почему, хотя бы, не просто связи с массами?

Очень просто—почему: потому, что интеллигент ищет «социально-классовой» связи, ищет того, к кому бы он мог примкнуть, ищет себе новую социальную почву, где бы он смог опять «развернуться».

Только удастся ли? Нас только удивляет, почему, где говорится о «классово-социальной связи», в тезисах ни слова нет о необходимости осуществлять эту связь через работу в советах, в клубах, вообще путем участия в великом деле пролетариата—в строительстве социализма.

Пусть не подумает автор разбираемых нами тезисов, что мы вообще против физической работы. Нам кажется, что некоторым это даже полезно. Кое-кому было бы, например, значительно полезнее заняться колкой дров или чем-либо подобным, нежели писанием всяких «прожектов».

Ну, разве читателю не стало уже ясным, что из всего этого вороха благоглупостей торчат длиннейшие интеллигентско-меньшевистские уши?

Так вот из-за чего ломались копья, вот из-за чего много сказано «архи-р-р-революционных» фраз. Вот зачем нужно было «обосновывать» наше (партии и Комсомола) якобы перерождение.

Но последуем за автором тезисов дальше. Программным методологическим пунктом этих тезисов нужно, пожалуй, считать их последний пункт, где говорится, что «в своей совокупности все бытовые явления представляют собой жизнь в ее конкретных формах, взятых под углом зрения частной жизни».

Как надо понимать сие—«познание быта даст познание социальной стихии до конца»?

Все обстоит очень просто. Читатель может сидеть себе спокойно дома, «познавать» свой быт (попросту говоря,

ковырять у себя в носу), и все «жизненные пути» ему сами собой откроются. Зачем изучать какие-то там экономические, классовые, политические отношения людей, зачем утруждать себя изучением марксизма, ленинизма. Ничего этого не требуется. Нужно только познавать свою «частную» жизнь (это жизнь обывателя-интеллигента-то! А. Г.), и тогда само собой осенит тебя, читатель, «познание социальной стихии до конца».

Но допустим, что это так. Допустим, что в результате ковыряния в своем собственном политическом грязном белье и в своих собственных натуральных штанах («познание частной жизни»!) вы «познали» эту «стихию жизни». Но изменить-то ведь ее также надо. Или все идет «само собой»? Не вяжутся и здесь концы с концами.

Думать, что можно построить коммунизм посредством групп коммунистического быта, посредством «познания частной жизни»—думать так значит заниматься мессианской проповедью пассивности, ничегонеделанья, ожидания у моря погоды, значит не понимать двигающих сил истории, не понимать роли экономики, роли классовой борьбы, роли политической активной деятельности. Заявлять, что познание быта (это частной жизни обывателя-то! А. Г.) дает «познание социальной стихии до конца», говорить таким образом значит пытаться столкнуть молодежь в болото идеалистических бредней и меньшевистско-устряловских утопий и надежд.

Рассматривая тезисы в целом, нельзя не отметить схожести их методологии с методологией в бозе почившей «Рабочей Правды», с методологией Богданова.

Тот же схематизм, те же приемы критики, те же речи о перерождении, об интеллигенции, как одном из суб'ектов «интеллигентно-рабочего совластия», то же непонимание принципиально отличных условий существования денежной системы, наемного труда, частной торговли у нас и в капиталистических государствах. То же непонимание, что в СССР власть в руках пролетариата, что командные высоты (промышленность, внешняя торговля и т. п.) находятся под руководством пролетариата, непонимание того, что за формой (товарно-денежными отношениями) скрываются совершенно новые социальные отношения, отрицающие самое существование капиталистической системы.

Непонимание всего этого приводит тех и других—и «Рабочую Правду» и автора разбираемых нами тезисов—к признанию необходимости... «революционизировать» эти яко-

бы реставрированно-капиталистические отношения—«Рабочую Правду» и Богданова—путем организации всеспасающих пролеткультов автора известных нам «тезисов», путем организации «групп коммунистического быта».

А по сути дела это, как говорит русская пословица: «тех же щей лишь пожиже влей».

При этом все эти проповеди производятся на фоне исключительного внимания к вопросу об интеллигенции. И здесь бросается в глаза сходство, если не сказать: прямая связь, положений автора «тезисов» с «Рабочей Правдой».

Всемерное подчеркивание и переоценка автором тезисов роли технически-организаторской интеллигенции в РКП и РЛКСМ как-раз и показывает, что подобная идеология есть не что иное, как идеология этого типа интеллигенции.

Читатель мог на примерах, уже хотя бы нами приводимых, практически убедиться в правильности этого нашего утверждения.

Точно так же и схема разделения человеческого общества не на эксплоататоров и эксплоатируемых (при постоянно изменяющихся формах—феодал, помещик, капиталист), а на организаторов и организуемых, «вечность» этой схемы, короче, весь богдановский и «Рабочей Правды» «арсенал благоглупости» приводится и в тезисах. Так, например, в тезисах высказывается мысль, что главное, из чего нужно исходить при определении правильных путей к коммунизму, это изучение всего исторического прошлого человечества. Этим утверждением затушевывается и сводится на-нет задача критики капитализма, как последнего конкретного типа общественных отношений, основанных на угнетении человека человеком.

Эта мысль почти, если не целиком, взята у Богданова и из манифеста «Рабочей Правды». Она основана на «вечности» богдановской схемы. Автор тезисов проповедует не конкретный анализ капиталистической системы, а, исходя из абстрактного изучения истории всего человечества, хочет создать всеспасающие «группы коммунистического быта, эти новые «ячейки пролеткультуры».

Из той же оперы и разговоры насчет формального характера нашей демократии. Те же богдановско-меньшевистские речи о всечеловеческой демократии без политики. Но и здесь опять же нашего героя подводят длиннейшие уши меньшевистской «философии».

Что же нового в таком случае во всей этой «философии»? Что здесь «специфически-молодежного»? Новое здесь

заключается в том, что пытаются старые вещи протащить под новой формой и протащить через молодежь, опираясь на нее, используя ее в борьбе с партией, натравливая ее против партии. В этом новое.

Новое в том, что пытаются на этой основе создать платформу для всех тех из молодежи, кто недоволен политикой партии, кто считает ее политикой нереволюционной, кто считает, что она перерождается. Новое в том, что, пытаясь льстить молодежи, на деле роют яму и для Комсомола и для РКП, как коммунистических организаций.

Новое в том, что, подновив старые идеи дешевым «серебряным блеском», хотят эти идеи начать проводить через Комсомол.

Новое в том, что пытаются «политически обосновать» новую тактику борьбы с партией, тактику завоевания легальных возможностей, воспитывать молодежь в меньшевистском духе через посредство организации так называемых «групп коммунистического быта», в частности, и внутри Комсомола.

Новое в том, что свои первые шаги по завоеванию себе последователей авторы идеи «ГКБ» ищут внутри Комсомола, в первую очередь, из среды учащихся и «служилых» и т. п. элементов, разговорами насчет борьбы старого и нового актива, актива рабочего, и из служилой молодежи внутри Комсомола.

В этом—новое и в этом—опасное. Поэтому борьба за молодежь, соответствующее ее воспитание, сохранение преемственности опыта Комсомола у партии, приспособление к великим задачам дня, усиление и укрепление связей партии с молодежью в этой связи приобретают решающее значение.

Само собой разумеется, что в борьбе за молодежь победит наша партия, а не меньшевизм. Порукой тому служат решения XIV с'езда РКП о молодежи.

(„Юный Коммунист")

Генрих Бергман

ЗА ЗДОРОВУЮ ЖИЗНЬ [1]

Против упадочности, против хулиганства

Новое общество создается не сразу. Не сразу создается и новый человек — продукт этого общества. Больше того: сознание одного и того же человека, — как это было уже отмечено тов. Троцким, — развертывается не сплошной лентой; одна область сознания далеко опережает в своем развитии другую; третья и вовсе «спит», находясь пока в состоянии «покоя», застоя. За примерами недалеко ходить. Мы на каждом шагу встречаем революционера, вооруженного марксистской теорией, бесстрашного в бою, упорного и самоотверженного строителя и в то же время ведущего вполне «старорежимную» семейную жизнь. «Политическое сознание» человека, вскормленное жесточайшей классовой борьбой в ее законченном, развернутом виде, опередило «бытовое сознание», коренящееся в глубоких пластах личного, мелкого, отдельного бытия, лежащего в стороне от больших исторических дорог и лишь в последнюю очередь, да и то очень медленно и нехотя, поддающегося революционному разрушению и тем более—переработке заново.

Если это верно для общества в целом и даже для многих из наиболее передовых (т. е. революционных) его членов, то тем более должно отставать «бытовое сознание» рядовых людей, подчас неустойчивых и политически и во всяком случае не вооруженных сколько-нибудь прочным теоретическим, научным пониманием всего происходящего. Если говорить о пролетариате, то классовый «инстинкт»—великий революционный рычаг, но и он нуждается в теоретической закалке и организационной обработке и руководстве. Но ведь, когда мы говорим о нездоровых явлениях быта, мы имеем в виду не только пролетариат. Во-вторых, и пролетариат не един по своему социально-качественному составу. Есть, например, слои, только-что вышедшие из деревенской избы, т. е. из собственнического, ограниченного, нередко прямо варварского быта, покоящегося на первобытной

[1] Статья „За здоровую жизнь" написана специально для настоящего сборника, когда он находился уже в печати. Это обстоятельство, как мы указывали в предисловии („От составителя"), лишило возможности дать больше материала, а также более широко поставить эти вопросы в означенной статье.

Прим. составит.

экономике и застарелых «традициях» - предрассудках. И даже наиболее чистопролетарские слои, имеющие за собой поколения заводских рабочих (металлисты, например), не вполне свободны от влияния стомиллионного крестьянского «окружения», и еще гораздо менее свободны от влияния собственных старых привычек и, главное, от влияния отдельного, семейного, вообще не-общественного жития. Революция ведь еще только начинает вторгаться в быт, если говорить не об идеях и лозунгах, а о реальностях. Много ли у нас общественных столовых и т. п. «ростков коммунизма»? Удовлетворяют ли они потребителя со стороны качества?

И старый быт силен. Он иногда побеждает новые формы, наполняя их старым содержанием. Например, общежития, задуманные как рассадники бытового коллективизма (общая кухня, дежурства, освобождающие большинство женщин, и т. п.), сплошь и рядом постепенно «сползают» на уровень «обычного» дома, т. е. механического соединения под одной крышей ничем внутренне — ни материально, ни технически, ни духовно — не соединенных клеток (примус в каждой комнате или 10 примусов на кухне, соответствующие ссоры «хозяек» и т. п.) Старый быт очень цепок.

Он имеет сильных союзников. Некультурность (что́ некультурность — безграмотность!) Резкие внешние противоречия: богатство одних, нужда других. Слабость повседневной спайки между людьми, даже членами передовых организаций. Недостаточно чуткое порой руководство. Казенщина, подрывающая общественные, массовые, т. е. единственно надежные попытки переустройства быта (например, казенщина в клубной работе). Все это либо поддерживает старый быт, либо, что то же самое, мешает бороться с ним.

Старый быт вместе со своими союзниками создает в человеческом сознании «установку», не только сопротивляющуюся новым, т. е. революционным, идеям и настроениям, но и прямо питающую настроения старые, противореволюционные, противообщественные.

Упадочность и хулиганство — детища старого быта, точнее — противоречий, раздирающих незакаленное сознание человека, в первую очередь сознание молодежи. В настоящей статье центр внимания отведен хулиганству — как потому, что этот вопрос в сборнике почти не освещен (и то вне связи с последними «событиями» в этой области), так и потому, что хулиганство, повидимому, «затмевает» собой — по крайней мере в данный момент — остальные бытовые болезни, хотя, бесспорно, имеет с ними и общность, и связь.

Революция и упадочность

Иногда сводят к одному знаменателю упадочность у нас и у буржуазии. Это — ошибка. Общие черты есть—и в причинах явления, и в его формах. Но общественная значимость его у нас совершенно иная.

Буржуазия — уходящий, исторически «отпетый» класс (с исторической точки зрения неважно, удержится ли она еще пару—другую десятилетий или меньше).

Пролетариат — свежий, восходящий класс. Великая дорога в великое будущее распростерлась у его ног.

Помните известную картину? Старуха сидит в кресле, дряхлая, понурая, и ей мерещится великолепная усадьба, в которой она гуляла молодой. И подпись: «всё в прошлом».

У пролетариата — всё в будущем.

Поэтому всякая упадочность соответствует классовой «судьбе», ожидающей буржуазию, и противоречит классовой «судьбе», к которой идет пролетариат.

Но что значит «идет»? Это значит — борется.

Упадочность противоречит, следовательно, мешает этой борьбе. Упадочность глубоко враждебна пролетариату.

Тем не менее отдельные члены этого класса могут поддаваться и поддаются упадочным настроениям. Почему?

Понятно, когда упадок овладевает сознанием буржуа. Ему «податься некуда». Правда, он отчаянно борется за свою власть и собственность, за свою классовую жизнь. Но потрясения множатся и растут. Явственно поднимается новый могучий класс, угрожая все чаще и сильнее самому существованию господствующего класса. Современный буржуа, часто не имеющий ничего общего с производством, рантье, бездельник, чувствует смутно, что у него нет корней в жизненной толще. А враг грозит... Хочется забыться; инстинкт самосохранения заставляет искать нереальных способов спасения, ибо реальные оказываются ненадежными. Буржуа кидается в разврат, которому мог бы позавидовать любой развращеннейший патриций времен упадка древнего Рима. Буржуа хватается за религию (с которой его же класс некогда сражался) и за ее разновидности — мистику, спиритизм и т. п. Это — то самое «разложение» гибнущего класса, которое столь бездарно инсценируют в наших театрах и кино, когда товарищи режиссеры и сценаристы желают добросовестно соблюсти советский «тон» и попутно поразить неискушенного зрителя, показывая ему, в виде избитой схемы, то, что в буржуазной действительности в тысячу раз сложнее и, соответственно, отвратительнее.

В поисках забытья и спасенья буржуа (и буржуазный интеллигент) приходит к фокстроту и мистицизму.

Все это понятно. Но у нас? Почему наш юноша идет в кабак, впадает в половой хаос, присасывается к порнографической «литературе», низкой и унижающей? Почему наш юноша пресекает пулей, веревкой свою жизнь, нужную его классу, нужную революции?

Потому — и только потому, — что он не чувствует, или перестал чувствовать, что он нужен революции и революция — ему.

Но ведь его классу революция нужна? Да. Значит, он не чувствует связи с этим классом. Он оторвался от своего класса, от своего общества.

Отсюда—ощущение «пустоты». Социальная, общественная пустота приводит к пустоте душевной. Как и гибнущему буржуа, такому человеку «некуда податься». Зачем жить? И чем жить?

На одном юнкорском совещании (материалы коего приведены в этом сборнике) кто-то говорил: «Иногда внешние условия, тяжелая жизнь ставят парня в такое положение, что он задумывается о самоубийстве». В такой оголенной постановке это в корне неверно. Разве у пролетариата, у класса в целом, легкая жизнь? Однако он не «задумывается о самоубийстве» — ни физическом, ни политическом. Одна только тяжелая жизнь ничего не об'ясняет. Здорового человека «тяжесть» жизни толкает к борьбе за лучшую жизнь, а не к капитуляции.

Но если оборвались связи между человеком и его классом, его обществом, или эти связи вообще были ничтожны, тогда человек ни во что не верит, воля его парализуется, бороться он не может и не хочет. Вот тогда, действительно, «тяжелая жизнь» выступает на первый план. И человек либо обрывает ее бесповоротно (пуля), либо бежит от нее (кабак), либо наконец, потеряв интерес к общественной жизни (жизни своего класса), не чувствуя ее красоты и мощи, уходит всецело в личное, в исключительную заботу о себе.

Этот уход в личное лишь иногда принимает явно уродливые формы (преступления в погоне за обогащением и т. п.) Гораздо чаще нет ни преступления, ни самоубийства, ни даже особой пьянки. Самоубийцу, пьяницу мы замечаем. Мы часто не замечаем, как вокруг нас, совсем рядышком, под самым носом, живет себе этакий человечек, занимающийся в жизни только собственной персоной. При чем человечек этот иногда и в партии состоит, и ответственный пост занимает, и всякие обрядности выполняет (посещает собрания и т. п., — для

него это только неизбежные и досадные обрядности), и даже речи говорит п р о т и в ухода в личное...

Такой тип, на мой взгляд, куда опаснее для общества, чем десять «упадочников».

Но «упадочники» опасны именно тем, что их много. На-днях я прочел в газете, что по Москве за один только день задержано «за появление в нетрезвом виде в общественных местах» 196 человек. Цифра солидная. Задерживается же незначительная часть «появляющихся». А сколько не «появляются», а «тихо» пьют дома, но не менее «крепко»?

Другие не пьют, просто впадая в «серую тоску». Их жизнь пуста.

Ленин говорил (по воспоминаниям К. Цеткин, выдержки из которых помещены в сборнике): «Революция требует сосредоточения, напряжения сил. От масс, от личности... Пролетариат — восходящий класс. Он не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало. Ему не нужно ни опьянения половой несдержанности, ни опьянения алкоголем. Он не смеет и не хочет забыть о гнусности, грязи и варварстве капитализма. Он черпает сильнейшие побуждения в борьбе и положении своего класса, в коммунистическом идеале. Ему нужны ясность, ясность и еще раз ясность».

Наше время, борьба настолько полновесны, горячи, что «возбуждений» тут сколько угодно. Кто ищет их в вине или дрянной порнографической книжонке, тот, стало быть, не получает достаточного «возбуждения» от общественной борьбы и работы. Но класс в целом получает? Бесспорно. Иначе он давно погиб бы. Значит, тот, кто не чувствует полноты этой борьбы, не «возбуждается» ею, отошел от своего класса, от его дела, от революции, — или еще не пришел (особенно это можно сказать о молодежи).

Конечно, не всякий, кто пьет и т. д., окончательно потерян для революции. Вовсе нет. Есть различные степени отрыва — как и различные степени пьянства, упадочности. Один пропал совсем. Другой только начинает. Третий уже находится на пути к полному упадку. Степени и формы бывают разные. Но это не меняет сущности явления. Упадочность целиком враждебна революции. Упадочность насквозь буржуазна. Ленин ставил вопрос с обычной своей беспощадной ясностью: «Несдержанность в половой жизни— буржуазна: она—признак разложения». Не только потому буржуазна упадочность, что она, ослабляя пролетариат, уже тем самым идет на пользу врагу; но она еще и тем буржуазна, что знаменует собой отход от революции, уход в замкнутую личную жизнь, где отсутствие общественных интересов и переживаний возмещается вздутым и нездоровым интересом

в половой области и т. п. Это типично для собственника, — притом собственника времен упадка, — а не для пролетария.

Революция должна вести упорную и постоянную (а не только «ударными» рывками) борьбу против всех видов упадка. Не нужно только сводить эту борьбу к атакам на отдельные, второстепенные влияния. Так было, например, с Есениным. Литература, конечно, не только «зеркало», отражающее жизнь, но и мощная организующая—или дезорганизующая — сила. Есенин в упадочной части своего творчества играл и играет такую деморализующую роль. Но нельзя же, как это делают иные товарищи, валить на Есенина совершенно непомерную ответственность чуть ли не за все болячки нашего быта. Самоубийства—Есенин виноват. Хулиганство—опять Есенин. Можно подумать, что, не будь Есенина, не было бы ни самоубийц, ни хулиганов. Ставить так вопрос — значит искажать реальные соотношения людей и вещей и, по существу, мешать борьбе, затемняя действительные причины явления — об'ективные и иные. Нездоровые стороны есенинского (и не только его) творчества и их влияние на рост хулиганства и т. п. разоблачать нужно, но без преувеличений, которые только вредны и мешают делу.

А главное — необходимо создавать в массе, особенно среди молодежи, глубоко-отрицательное, почти физическое отвращение к упадочному и уважение к чистому телу и ясной голове.

Общественность против хулиганства

Кампания борьбы против хулиганства, с таким опозданием организованная (когда болезнь проникла глубоко и угнездилась прочно), сразу же поставила в порядок дня — и поставит еще—ряд крупных вопросов первоклассного общественного значения. Нет сомнения, что некоторые из этих вопросов, связанные с хулиганством лишь частично, ушли своими корнями в гораздо более глубокие пласты нашего общественного бытия.

Рассмотрим здесь несколько таких вопросов.

Кто хулиганит? Рабочий рабочему рознь

В Москве больше половины лиц, уличенных в хулиганстве, составляют рабочие. Подобное явление наблюдается и в других городах. В Ленинграде большинство хулиганов составляют рабочие, занятые на производстве; меньше всего хулиганов — среди безработных (по данным совещания при НКВД). Нечего, следовательно, говорить, как это пытались

иногда, о материальной нужде, как об одном из непосредственных источников хулиганства.

Во-вторых — и это главное — тут встает вопрос о том, что пролетарская общественность должна отрешиться от огульного, «оптового» подхода к рабочему, тщательно разграничивая виды и степени этого подхода, в зависимости от пользы или вреда, приносимого революции данным, живым, реальным пролетарием. Надо отделаться от никуда негодного, нереволюционного, «хвостистского», сюсюкающего подхода к рабочему, особенно к молодому.

Старик Алексей Толстой, русский поэт прошлого столетия, писал как-то:

Есть мужик и мужик.
Я тогда мужика уважаю,
Если он не пропьет урожаю.

Алексей Толстой, помещик и дворянин, граф, подходил к вопросу об «уважении», разумеется, по-своему, т. е. в конечном счете с точки зрения интересов своего класса, патриотизма и т. п. А «уважение» барское было адресовано преимущественно кулаку.

И все-таки пролетариат, правящий страной, может смело повторить слова дворянского поэта, притом распространив их не только на «мужика», но и на членов собственного класса. Рабочих-штрейкбрехеров в свое время презирали; рабочих-дезертиров в гражданскую войну расстреливали. Рабочий рабочему рознь.

Закон, суд, прокуратура ведут уже борьбу с неправильной и вреднейшей тактикой, прочно укоренившейся в судебной работе, когда за тягчайшие преступления суд назначал пустяковые меры наказания, социальной защиты, исходя единственно из «пролетарского происхождения» преступника.

Необходимо, чтобы не только официальные, в частности карательные органы, но и общественное мнение пролетариата твердо стало на ту точку зрения, что если ты — рабочий, член класса-диктатора, правящего гигантской страной в труднейшей и ответственнейшей обстановке, то ты за свои действия отвечаешь не меньше, а больше, чем другие трудящиеся.

Пока-что однако существует опасность, что такого убеждения в широких массах еще нет. Товарищ с Трехгорного завода (Москва) сообщает. («Комсомольская Правда» от 19/IX):

«Большим препятствием в работе дружины (против хулиганов. Г. Б.) является именно снисходительное отношение рабочих к хулиганским выходкам своих же товарищей...

Разбуянившийся парень, который только что устроил скандал в клубе, ждет, что возмущенные рабочие потребуют для него сурового наказания. Совершенно неожиданно для себя он получает от них же поддержку... Конечно, при таком отношении к хулиганам самих же рабочих они (хулиганы) чувствуют под собой твердую почву и набираются отваги для дальнейших подвигов».

Другой товарищ, с фабрики быв. Цинделя (Москва), пишет (тот же номер газеты):

«Во время осмотра общежития к директору подошел молодой рабочий «под мухой». Покричав и поругавшись, он пустил в ход кулаки. Подоспевшему милиционеру тоже не посчастливилось. Хулигана уволили с фабрики, но у него нашлись защитники в рабочей среде».

Все это происходит в столице, на крупных предприятиях.

Допустим, что в этих случаях хулиганство было мелкотравчатое, и малосознательной части рабочих было трудно усвоить себе необходимость строгих мер (хотя эта необходимость бесспорна). Но и такое, весьма шаткое, об'яснение должно отпасть, если мы обратимся к делу ленинградских насильников. Большинство их, как известно, принадлежит к рабочим завода «Кооператор». Часть рабочих этого завода выступила на защиту своих, с позволения сказать, «товарищей».

И не только рядовые рабочие. Ответственный организатор комсомольского коллектива, некий Кочергин, произнес на собрании «пламенную» речь в защиту мерзавцев:

«Здесь ораторы кричали, что вот, мол, сорок хулиганов и бандитов, сорок зверей. Товарищи, наш завод всех этих зверей знает. Можно ли, в самом деле, их так назвать... требовать их расстрела? Это—демагогия! Расстреливать надо растратчиков... Наш завод хорошо знает всех задержанных. Кто работал с ними в цехах, скажите—это звери? Какой же он зверь? Он—обыкновенный парень».

«Смена», ленинградская комсомольская газета, сообщает:

«Часть собрания определенно на стороне Кочергина. Она выражает свое согласие аплодисментами, выкриками».

Какими выкриками? «Смене» не следует доверять!» — вот что кричали между прочим. А «Смена» вела энергичную кампанию за суровую кару негодяям, печатая, кстати сказать, сотни резолюций с различных предприятий.

Стремление не допустить примерной расправы над «своими» приводит, как видим, даже к атакам на рабочую печать. Тут тоже, несомненно, налицо признаки опасности, отмеченной Сосновским: признаки «перерастания» хулиган-

ства и окружающих его настроений в явление политическое, противореволюционное.

Гражданину Кочергину — повторим еще раз: ответственному работнику Комсомола — будто бы невдомек, что у «обыкновенного парня» на лбу не помечено, способен ли он на преступление или нет. А растратчиков, которых Кочергин сам рекомендует расстреливать, окружающие распознавали, что ли, заранее? Вздор какой! «Смена» правильно отметила, что тут никакой пролетарской солидарностью и не пахнет, тут «солидарность» стадная, темная, опасная: «своих» выручить. Однако эти опасные настроения прикрываются пролетарскими, якобы, соображениями.

Кочергин, правда, имеет еще некоторые добавочные основания для своей философии: в числе насильников двоюродной его брат и родственник. Это несколько об'ясняет горячность этого хулиганского адвоката, вооруженного не только лукавым языком, но и комсомольским билетом и ответственными полномочиями. Но Кочергин не одинок, и поддерживают его не только рядовые рабочие, но и кое-кто из «активных». Например, в «Смене» (от 16/IX) помещено вполне грамотное письмо-статья, за тремя подписями (В. Петров, Новиков и В. Сухачев), под названием «Не рано ли шум?» Одно заглавие чего стоит! В самом деле, есть ли из-за чего «шуметь»: не растратили, не украли, не сняли пальто, а всего только изнасиловали!

Что же пишет почтенная троица? Она прежде всего распространяет пущенный кем-то мерзкий слушок (по заявлению ленинградского пом. губпрокурора, слух этот пущен главным обвиняемым):

«что потерпевшая якобы с одним из участников по добровольному соглашению пошла в сад, за известную мзду, учинить половой акт, и потом только, откуда неизвестно (?), явилась кампания молодежи. Поэтому (?!), прежде чем говорить о бандитизме, разобе, необходимо было бы одновременно осветить и образ жизни самой потерпевшей».

Очень старенький и тем более гнусный приемчик—оклеветать жертву с целью убить сразу двух зайцев: и отвлечь общественное внимание (а может быть, и следствие) от преступников, натравив его на жертву, и «смазать» тяжесть преступления. По существу, авторы письма (рабочие того же завода) подсказывают обвиняемым, как держать себя на суде: дескать, «она сама себя высекла» — пошла «по добровольному соглашению», да еще за деньги. Чего доброго, тридцать молодцов окажутся невинными младенцами, соблазненными опытной распутницей. Нужды нет, что жертва, как установили врачи, до этой чудовищной ночи не знала

половой жизни; «адвокаты» действуют по правилу: клевещи, клевещи, авось что-нибудь да останется, хоть кусочек клеветы прилипнет.

Далее авторы призывают «ленинградский пролетариат» к «гуманности» (буквально!) по отношению к преступникам. И чрезвычайно показательна заключительная фраза письма [1]:

«Появившееся в печати требование об отстранени ответственного организатора Кочергина от руководства коллективом ВЛКСМ по тем лишь причинам, что он взял на себя защиту преступников, ничем не обосновано; человек высказал свое мнение, а это у нас не запрещено, и годится ли он для дальнейшей работы, скажет сама рабочая молодежь завода «Кооператор».

Даже рабочая демократия мобилизована на защиту защитника хулиганов! Что и говорить: внутрисоюзная демократия далеко не везде и не всегда осуществляется, но уж избавьте от «воссоединения» демократии с хулиганством и с его защитниками! Если бы, положим, Кочергин «высказал свое мнение» за допустимость растрат, а часть «рабочей молодежи» данного завода его поддерживала,—что же, авторы статьи и тогда протестовали бы против отстранения его, основываясь на неприкосновенности демократических прав группы рабочих, не понимающей общих интересов класса и идущей против них? Но ведь кто требует отстранения Кочергина? Многие тысячи комсомольцев — что видно из десятков резолюций, печатаемых в «Смене». И поскольку никто не может оспаривать искренность этих резолюций, так как они касаются очевидного преступления, возмутившего и всколыхнувшего все здоровое большинство пролетариата,—то в чем же будет демократия? В том, чтобы эту волю масс выполнить. Авторы письма думают иначе.

Они хватаются за извращенное ими слово «демократия» единственно для того, чтобы выручить хулиганского заступника. Они демагогически используют страницы рабочей газеты единственно для того, чтобы выручить и самих хулиганов-преступников.

Здесь тоже стык с «политикой». Каждое общественное явление — отрицательное, как и положительное — подыскивает себе идеологов. Хулиганство, обороняясь против общественности (а от обороны недалеко и до наступления, хотя бы потому, что наступление есть часто лучший вид обороны), тоже ищет своих «идеологов».

---

[1] Редакция „Смены" об'явила о своем полнейшем несогласии с авторами.

И — находит.

Стоило ли так долго останавливаться на явлениях, сопутствующих ленинградскому преступлению? Стоило. Недаром «Смена» отводила всему этому целые страницы. Во-первых, ленинградское преступление есть — пока — наивысшая ступень, достигнутая хулиганством (не забудем к тому же, что среди преступников есть комсомольцы и кандидат партии). Во-вторых, именно здесь с полной очевидностью и отчетливостью выступила опасность не меньшая, чем само хулиганство: пассивное отношение к нему со стороны части рабочих, иногда даже сочувственное отношение и, главное, не только пассивность, но и неспособность распознать враждебность хулиганства (даже дошедшего до степени прямого и тяжкого преступления) интересам пролетариата; больше того, подмена общеклассовой солидарности пролетариата «солидарностью» узкой, групповой, кучковой— и притом на гнилой основе защиты преступников. Эту «солидарность» проявили не только беспартийные, но и часть комсомольцев с «Кооператора». Эти комсомольцы определенно мешали следствию, имея сведения об участниках насилия, но скрывая эти сведения в течение трех недель. Только путем перекрестного допроса удалось кое-что узнать от этих «сознательных» членов Комсомола. Больше того, они пытались запутать следствие, давая ложные показания, заявляя, например, что видели преступников в этот вечер в кино и т. п. Даже проститутки были «призваны» на помощь преступникам. И проститутки заявляли, что некоторые из преступников провели эту ночь с ними!

«Солидарность» эта, как видим, приводит и к определенным политическим действиям (недоверие к рабочей газете— в бесспорном, казалось бы, деле борьбы с преступлением — и дискредитирование газеты),—правда, пока еще к действиям зародышевым. Но опасность и нужно замечать именно при ее возникновении.

Выводы? Их еще делать, пожалуй, преждевременно. Фактов еще не вполне достаточно. Одно ясно: надо избавляться от сладенькой, некритической оценки и соответствующего подхода к живому, конкретному составу рабочей массы и, в частности, рабочей молодежи,—подхода, который между прочим может способствовать появлению кастовой психологии, а отсюда — девизу «всё позволено», расчету на безнаказанность и т. п. Необходимо усвоить отчетливо, что тут есть нездоровые группы. Учесть это, исследовать их, изучать, и не только, конечно, в связи с вопросом о хулиганстве. И, главное, поднимать общественную активность здоровых пролетарских масс, организуя их

для борьбы не только против хулиганства, но и против его «окружения», против сопутствующих ему настроений, против отсталых, темных, иногда прямо реакционных настроений, имеющихся в части самого рабочего класса.

Такие настроения могут повести к срыву борьбы против хулиганства и других болезненных явлений, во всяком случае послужить значительным препятствием в этой борьбе, ибо успешно вести ее можно, лишь опираясь на активное содействие пролетарских масс.

Хулиганство и бюрократизм

Бюрократизм — пособник хулиганства.

Одной из характерных черт хулиганства является неуважение к личности. Бюрократизм и его «конкретные носители»—бюрократы—не только «болеют» этим неуважением, но и питают его.

Отдельная личность, отдельный рядовой трудящийся соприкасается с организованным обществом преимущественно по линии работы различных учреждений и организаций. В качестве ли «просителя» или в качестве человека, желающего проявить свою общественную или производственную активность, рядовой трудящийся имеет дело с государственными, профессиональными и другими учреждениями.

Здесь этот рядовой человек наталкивается сплошь и рядом на вопиющее неуважение к нему. Откуда оно? Не только из стародавнего российского бескультурья. Неуважение к массе — вот один из первоочередных источников неуважения к личности. Кто не уважает массу, не чувствует своей ответственности перед ней, тот тем более не будет уважать и отдельного члена этой массы.

Бюрократизм, бесконтрольность, произвол, безответственность многих «ответственных» людей — богатый рассадник неуважения к человеку. Почти вся общественная жизнь вращается вокруг системы наших учреждений, так или иначе с ними соприкасаясь. Бюрократические из'яны, имеющиеся в этой системе, бьют по миллионам людей. И один из наиболее болезненных и ощутимых для множества людей из'янов — как-раз это неуважение к личности и человеку из массы.

И не только в советских органах. Разве в Комсомоле этого не бывает? И юноша, воспитываемый в обстановке, где частенько наблюдается недостаток уважения к массе, а следовательно, и к личности,—будет ли этот юноша са-

в свою очередь уважать человека, товарища, женщину? Вряд ли.

Хулиган обругал или ударил кого-то. Мы говорим: это — азиатчина, неуважение к личности. Секретарь ячейки или председатель треста подчас свысока относится к рядовому товарищу, иногда члену той же организации, в которой состоит и само «начальство» (например, Комсомола). Что это? Та же азиатчина, то же неуважение к человеку. Тут можно поставить знак равенства между хулиганом и этим секретарем. Только «пути жизни» их разнятся. Хулиган, начинающий с брани и драки, может «перерасти» в законченного и опасного преступника. Секретарь, начинающий с «легонького» пренебрежения к рядовому товарищу, может «перерасти» в законченного и опасного бюрократа.

Если мы хотим всерьез бороться с хулиганством, то необходимо искоренять неуважение к человеческой личности. Но искоренять его нужно везде, и в первую голову в тех организациях и учреждениях, которые оказывают огромное влияние на всю общественную жизнь, работу и быт, — искоренять неуважение к человеку не только в «низах», в гуще этих учреждений, но и в руководстве ими.

*

Но бюрократизм питает хулиганство не только по линии неуважения к личности. Различные товарищи уже писали о том, что одним из источников хулиганства является избыточная энергия молодежи, не находящая себе разумного, т. е. общественно - целесообразного, применения. Действительно, миллионы людей разбужены революцией, и громко гудит ее колокол, зовя к живому делу. Право участия в общественной жизни завоевано для всех, но часто нет практической возможности это право осуществить.

В этом повинны не только непреодолимые об'ективные обстоятельства, на которые так любят валить все беды и вины. В этом виновен и бюрократизм. А энергия, не находящая применения в рамках общественной целесообразности, прорывается подобно прегражденной реке в обход плотины, т. е. по руслу противообщественному.

Возьмем пример, нарочито упрощенный. Происходит собрание, общее или комсомольское, любое. Присутствуют 100 человек. Докладчик скучен, — не в том дело, что он плохой оратор, а в том, что он говорит заученными формулами и фразами, годными «на все случаи жизни», словно они взяты из письмовника. Он не задевает за живое. Выходит человек с критикой, — допустим, здоровой, нужной, — тем не менее его одергивают, кричат ему: «бузишь!» Председа-

тель и актив не способствуют оживлению собрания, а, напротив, мешают, идя навстречу наиболее отсталой части присутствующих, желающей итти домой (или в пивную). Критикуемые лица не отвечают по существу, а принимают надутый вид, «обижаются», иногда начинают демагогически задевать личность критика, в то же время обвиняя критика же в демагогии, в склоке и т. д. Все это, понятно, отбивает охоту к критике и вообще к проявлению своей активности. Иногда попросту боятся: покритикуешь, заденешь «лицо» — уволят, затрут, затравят. Бывает так? Бывает. Редко? Не так уж редко.

100 человек просидели на собрании зря. Заряд энергии не истрачен. Выходят на улицу. Куда деть заряд? Тут выступает на сцену, с одной стороны, отсутствие культурных привычек. Нет привычки и любви к книге, спорту, театру; клуб скучен. А с другой стороны, выступают вещи, факты, люди, влияющие отрицательно: пивная, бульвар, хулиганящие друзья. Сотня людей, не знающая, куда девать свою энергию, разбредается кто куда. И немалое число пойдет по хулиганской дорожке.

Клуб скучен. Кто виноват? И здесь не обошлось без бюрократизма и бюрократов. Хорошая вещь—план и порядок. Но когда «план» мешает живой работе (вместо того, чтобы направлять ее), тогда такой план хуже, чем бесплановость. Приведем один из многочисленных примеров. В большом московском клубе был в начале этого года составлен «прекрасный» календарный план вперед месяца на два. Взялись его проводить. Тем временем, в печати широко развернулась «алиментная» дискуссия. Члены клуба приходят в правление: так и так, интерес к этому вопросу велик, давайте устроим диспут. Нельзя—дня нет. По плану все дни заполнены наперед. Нельзя нарушать план, тем более, что он кем-то утвержден. Так и не нашли дня!

На совещании юнкоров «Молодого Ленинца» один из участников говорил:

«Часто ребята хулиганят из-за того, что им нечего делать. Наша клубная работа не интересует молодежь. Она слишком суха... Понятно, что ребята пойдут скорее в пивную. Чтобы избежать пьянства, хулиганства и других ненормальных явлений, надо лучше поставить клубную работу».

«Лучше»—это значит не только улучшение материальных средств клуба. Это также значит, что на наши клубы надо побрызгать «живой водой»—да основательно! «Живая вода» в советском государстве—активность массы и каждого ее члена. Молодежь «не интересует» клуб. Плохо, если молодежь—и вообще члены клуба—являются только об'ектом

«клубной работы». Надо, чтобы членская масса сама создавала свой клуб, чтобы руководители не корчили неприступных и всезнающих богов, а чутко прислушивались к мнениям, желаниям и предложениям членской массы и отдельных товарищей из нее,—мало того: всеми силами старались эту активность вызывать, поддерживать и расширять.

Хорошая вещь—план и порядок. Но когда хотят всю жизнь и всех людей ровненько подстричь, подогнать под какую-то линейку, это не план и это не порядок, а чорт знает что. В клубе должно быть весело. Это относится не только к развлечениям. Нет, весело должно быть и в том смысле, чтобы в клубе кипели споры; чтобы здесь можно было собраться вечерком и поговорить без всякой программы; чтобы каждый мог выдвинуть свою мысль, проявить свой почин, будь это в кружковой работе или в игре. Все это не исключает руководства—напротив, должно помогать ему. Но руководство-то должно быть не бюрократичным — в этом вся суть.

Клуб—важнейший бытовой узел. Именно здесь может разрядиться энергия, неиспользованная на работе. Здесь, в вольной (не надо пугаться слов) беседе, в веселых затеях (пусть непредусмотренных мудрейшим планом — жизнь мудрее) может, между прочим, рождаться и вырабатываться вообще привычка к общественной активности, к публичным выступлениям и т. д.

Бюрократизм глубоко враждебен всему этому. Ему претит всякая активность. Он сам страшно пассивен, проявляя активность лишь в одном—в сопротивлении против активности.

Бюрократизм боится активности масс не только в работе, но и в таких вещах, которые абсолютно не терпят никакой бюрократической опеки («просят не смешивать» опеку с разумным руководством), например, в массовых демонстрациях, развлечениях и т. п. Вопиющий образец того, до чего может дойти бюрократизм, если дать ему «жить спокойно», без массовой борьбы против него, показала в этом году московская комиссия по проведению МЮД'а. Комиссия эта разразилась инструкцией, как проводить демонстрацию. Можно подумать, что авторы инструкции собрались писать не деловой документ, а юмористический фельетон (они и заслужили его, см. «Комсомольскую Правду» от 18-го сентября). Вот, например, пункт 3 инструкции:

«Выходить с мест нельзя. Курить на Красной площади нельзя. Устраивать игры и забавы нельзя. Разговаривать вслух нельзя».

Пункт 6: «по окончании каждой речи свои приветствия делегаты выражают аплодисментами, без участия голоса».

Вот чего, действительно, хочется бюрократизму. Хоть хлебом не корми: чтобы все было по струнке и—«без участия голоса...»

Тут, конечно, нет и намека на дисциплину. Наоборот, этакие «инструкции» способны вызвать отвращение ко всякой дисциплине. Все это похоже на анекдот. Увы—факт. Но это же—самое доподлинное издевательство! «Устраивать игры и забавы нельзя»!!! Сравните эту «гениальную» фразу (недаром кто-то сказал, что от гениальности до помешательства—один шаг; но тут и шага нет) с следующими словами Ленина:

«Коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость... Молодежи особенно нужны жизнерадостность и бодрость».

Мудрено ли, если после такой «тихой» демонстрации — «без участия голоса»—найдутся парни, которые пошлют ко всем чертям т а к и е «общественные выступления» и пойдут искать в н е к о л л е к т и в а выход для своей энергии, веселья, желанья покричать, петь, «побеситься»?

Уж подлинно: изобретательный бюрократ опаснее врага!

Хулиганов, превратившихся в преступников, надо карать беспощадно, по делам их. Хулиганов, остающихся еще на ступени простого озорства, надо и карать, когда нужно, и, главное, воспитывать.

Но это—меры излечения, а не предупреждения. Предупреждать же болезнь нужно не только через повышение культурного уровня, через борьбу с пьянкой и т. д., но и через борьбу против бюрократизма и бюрократов («клубных» и иных), против мертвечины, против застоя, организуя для этой борьбы массу.

Хулиганство тесно связано с другими, более общими явлениями. Особенно ясно это видно на насилиях над женщинами. Если число случаев изнасилования[1] сложить

[1] Которое гораздо больше, чем официально зарегистрированное. Например, в газете „Смена“ работница, тов. Петрова, сообщает что очень многие случаи изнасилования остались нераскрытыми и безнаказанными из-за того, что жертва не жалуется, боясь родителей, „позора“, а так же мести преступников. Из этого следует, между прочим, что женщины должны сами проявить гораздо большую, чем доселе, активность в борьбе не только против прямых насилий, но и против „легкого“ отношения к женщине. Сами женщины в первую очередь должны мобилизовывать в этом направлении общественное мнение, способствуя созданию насмешливого, возмущенного отношения к мужской косности и безответственности. Иногда тут нужна настоящая, массовая, организованная травля. Женщины сами должны создавать ее, опираясь на всю здоровую общественность.

с «невинным» «лапаньем» девушек, приставаньем, похабничаньем и т. п., то все это, вместе взятое, займет, вероятно, не менее половины всех случаев хулиганства. По «качеству» же, по общественной вредности насилие над личностью женщины занимает безусловно первое место.

Почему так? Потому, что и в гуще трудящейся массы — в том числе рабочей—и молодежи отношение к женщине все еще находится на чрезвычайно низкой ступени, изменяясь очень медленно. Это проявляется не только в быту, но и в работе. Бросается в глаза ничтожный процент женщин среди делегатов советских, партийных, комсомольских с'ездов. Не всегда этому виной об'ективные обстоятельства (связанность домашней работой, пассивность самих женщин); очень часто решающую роль играет косность мужчин. Ретивые администраторы все еще на каждом шагу норовят увольнять женщин или «затирать» их. Кроме того—улыбочки, анекдотцы. Наконец легонький подходец к половой жизни (все еще процветающий «стакан воды»), по существу представляющий собой эксплоатацию, угнетение и унижение женщины. Все это имеется и в рабочей среде, и не только в беспартийной, и в «ответственной».

Все это есть не что иное, как разновидности насилия над женщиной. От такой атмосферы, от таких фактов и настроений не так уж далеко до физического насилия.

Можно было бы привести еще ряд примеров того, как тесно связано хулиганство с различными общими бытовыми—и не только бытовыми—явлениями. Но это невозможно в рамках статьи, и без того растянувшейся. Важно установить, что хулиганство не висит в воздухе, что оно не только имеет корни в общественной действительности—это-то всем ясно,—но что ряд его разновидностей имеет прямых «двойников» в нашей повседневной, «обычной» жизни, кажущейся многим нормальной и проходящей незамеченной. А она-то именно и питает хулиганство и прочее.

Поэтому необходимо бороться не только против хулиганства, как такового, и против непосредственных причин его (например, пьянства), но и против этих «двойников». Мне приходилось слышать и оспаривать на одном совещании такое мнение: не нужно-де ставить «побочных» вопросов (например, о бюрократизме[1]), потому что это-де распылит борьбу против хулиганства. Неверно! Во всякой борьбе нужна ясность. Вскрыть причины, вызывающие явление

[1] Товарищ, споривший со мной, договорился до того, что в комсомольских ячейках вообще нет и не может быть бюрократизма и бюрократов, а есть только... формализм. Что в лоб, что по лбу!

и способствующие ему («побочные»), это и значит придать вопросу ясность, которая может только помочь борьбе, а никак не помешать ей.

Но вот чего, действительно, надо избежать, это—превращения борьбы с хулиганством исключительно в «ударную кампанию». Выскочит какой-либо новый «жгучий» вопрос, заслонит этот, пропадет «ударность», а с ней и вся борьба. Надо борьбу сделать постоянной и глубокой. А для этого существует лишь один способ: увлечь в борьбу действительно крупные массы, чего пока еще нет.

*

Пролетариату и его молодежи «нужны ясность, ясность и еще раз ясность». Ясность головы, чувства дается не только борьбой против «половой несдержанности» и вообще факторов разложения, упадка,—ясность дается знанием, а также интересом к борьбе, вообще ко всему общественному.

Наша жизнь необычайно интересна. Иной человек идет курить опиум, потому что, видите ли, его собственная фантазия бессильна создать интересные образы; опиум даст и забытье, и мечты, и яркие сны. Другой просто скучает. Третий прочтет в газете, что в Якутии люди мрут, как мухи, от грязи, нищеты и болезней, погрустит и помечтает о том, что́ «было бы, если бы» туда аэропланы летали сотнями. Но, увы, сие неосуществимо... И он успокоится.

Четвертый около себя ищет, что́ можно и нужно переделать. Он находит множество интересных вещей. Найдя, он начинает смекать, как переделывать эту окружающую его действительность. И, смекнув, иногда посоветовавшись с товарищами, завербовав единомышленников, он начинает работать и бороться за эту переделку.

Вот этот «четвертый» и есть настоящий и единственный революционер.

Такой, будьте уверены, ни при какой «тяжелой жизни» не пойдет ни в хулиганы, ни в самоубийцы.

У него ясность. У него воля к борьбе и работе. Интерес к ним. У него нет ощущения пустоты жизни, скуки и т. п. Напротив, он ощущает всю полноту и прелесть бытия, заключающуюся в преодолении препятствий, в победе над старым и косным, в организации нового, в вечном движении.

Но таких людей не очень много. В то же время многие могут стать такими — из молодежи особенно.

Нужно только суметь заинтересовать их (и, заинтересовав, направлять куда нужно). Скучный доклад о буржуазии никого не заинтересует. Интересный доклад о том же, с бытовыми подробностями и т. п., заинтересует, особенно если сам докладчик «горит». Заинтересует—это значит: укрепит ненависть к врагу и волю к борьбе, толкнет к дальнейшему изучению, вообще вызовет желание тратить силы в этом направлении (тогда для хулиганства и т. п. не останется ни сил, ни охоты)[1].

То же и с любым вопросом борьбы и строительства. Надо заинтересовать людей, особенно молодежь, будить их фантазию, чувство, не только ум, а не присыпать мозги и сердца бюрократическим нафталином.

Наша жизнь интересна, как никогда. «Руки чешутся» работать над ней! Нужно показать молодежи этот интерес и показать... интересно. Кто же пойдет хулиганить (не говорю об «отпетых»), если есть дело интереснее, куда можно «загнать» силушку?

*

И еще одно. Ряд людей уходит в хулиганство и т. д. из-за одиночества. Иногда активного, энергичного, способного человека травят только потому, что он выделяется как-то. Мало у нас товарищеского внимания друг к другу, и не только среди беспартийных. Встретятся на собрании — и больше ничего друг о друге не знают: кто чем живет, какие у кого мысли, желания, радости и печали. Нет внимания, нет поддержки. Все это способствует отходу от коллектива. Тут немудрено свихнуться. Усиление спайки, товарищеской, человеческой близости, борьба с бюрократизмом (который не только «мертвит» живое дело, но и раз'единяет людей, клином врезаясь иногда даже в целые организации),—вот пути, по которым, на ряду с карательными мерами и с повышением культуры, должна пойти революционная общественность в борьбе с упадочностью, хулиганством—и не только с ними.

28-го сентября 1926 года.

---

[1] „Броненосец Потемкин" говорит не о половом, не о личном, а об общественном. Но фильма интересна—и поэтому привлекает массу и организует ее сознание в нужном направлении.

С. Смидович

О ЛЮБВИ

(Посвящается нашей женской молодежи)

«Надо уметь признать зло безбоязненно, чтобы твердо повести борьбу с ним» — слова Владимира Ильича.

Неблагополучие в области половой жизни широких слоев нашего пролетарского юношества стало почти общим местом. Молодежь, повидимому, полагает, что самый примитивный подход к вопросам половой любви и есть подход вполне коммунистический. При этом все, что выходит за пределы примитивнейшей мерки, которая может быть вполне уместна для готтентота или для представителя еще более примитивно живущего первобытного племени, квалифицируется как «мещанство», т. е. чисто буржуазный подход к половому вопросу.

Вот коротенькая схема того, как эта «идеология» в области полового вопроса, отнюдь не являющаяся действительным отражением глубоких экономических причин, претворяется в жизни:

1) Каждый комсомолец-рабфаковец и др. очень еще юный, безусый мальчик может и должен удовлетворять свои половые стремления. Это почему-то считается неоспоримой истиной. Половое воздержание квалифицируется как мещанство.

2) Каждая комсомолка-рабфаковка, просто учащаяся, на которую при этом пал выбор того или другого мальчика-самца (откуда у нас на севере развились такие африканские страсти, судить не берусь), должна пойти ему навстречу; иначе она — мещанка, недостойна носить имя комсомолки, быть рабфаковкой, пролетарской студенткой.

И наконец мы подходим к развязке, к третьей части этой своеобразной «трилогии». Необходимое действующее лицо развязки — это врач, производящий «аборт», т. е. калечение физического организма юной матери и нанесение огромной травмы ее психике. Пылавший страстью юный африканец в большинстве случаев не принимает никакого участия в этом заключительном аккорде, ибо «мавр сделал свое дело». Частенько он уже имеет другой предмет утех и наслаждений, в редких случаях он сам покинут «мещанкой»-женой, которая, поняв, что от нее было нужно, оскорбленная в своих инстинктах женщины и матери, предпочитает что угодно одиночеству вдвоем. Бледное, истощенное лицо девочки,

готовящейся стать матерью, с трогательным глубоким выражением глаз беременной женщины! В приемной комиссии по разрешению абортов в этих глазах вы можете прочесть не одну скорбную повесть комсомольской любви.

«Мы разрешаем аборт, — говорит товарищ, заведующий приемом заявлений на «аборты», — когда роды грозят самому существованию матери или когда работница уже обременена слишком большой семьей. Вы не подходите ни под один из этих случаев».

Затем следует длинная, мучительная сцена упрашивания, доказывания всей необходимости для данного случая «сделать исключение».

— Позвольте, но ведь через два—три месяца опять придется для вас делать исключение. Если мы пойдем по этому пути, мы не удовлетворим вполне законных требований.

— Через два месяца. Что вы говорите! Я теперь больше никогда не допущу, чтобы это повторилось. Я хочу работать. Мне нужно кончить вуз. Сколько сил затрачено...

— Но ведь ваш муж...

— Муж? У меня нет мужа. Это было минутное увлечение. У него сейчас — другая...

Но бывает и так, что в результате «минутного увлечения» не только зарождается, но и рождается на свет тот, имя которому человек — будущий октябренок. Что бывает в этих случаях в деревнях, хотя бы и в комсомольской среде, об этом лучше помолчать,—там косность среды, отца, матери, сестер, братьев нередко приводит юную мать на скамью подсудимых. Мы возьмем город, где предрассудки не играют такой роли и где есть учреждения охраны материнства и младенчества.

В одном из окраинных городков нашего Союза автору этих строк пришлось видеть маленькую девочку с наперсточек, попавшую в дом младенца при не совсем обычных условиях. Она родилась у рабфаковки-комсомолки, которая более или менее незаметно для себя и окружающих доносила ее, а родив в родильном доме, заявила, что родившийся от нее ребенок не ее и что она никакого ребенка на свет не производила! Но вещественное доказательство, в виде копошившегося маленького комочка жизни, и свидетели акта рождения ребенка, в виде врача и акушерки, были налицо. Из родильного дома подруги родившей унесли маленький комочек высокоорганизованной материи в дом младенца, а мать «уговорили» походить туда, покормить его, хотя бы первое время. Нужно полагать, что здесь мы имеем случай, когда рабфаковка-комсомолка в корень освободилась от мещанства под влиянием усиленной пропаганды своих товарищей.

Таинственный незнакомец — отец ребенка — во всей истории никак не фигурировал, играя однако в ней не последнюю роль, наподобие роковой силы в греческой трагедии.

Дом, в котором находится этот рожденный не только без отца, но и без матери октябренок, переполнен подкидышами и круглыми сиротами. Подругам отказавшейся от своего ребенка матери пришлось упрашивать, умаливать сделать исключение охрану матмлада, женотдел и проч. и т. п.

Наша охрана матмлада по тем небольшим средствам, которыми она обладает, не может воспитать тех, кто имеет отцов и матерей. Ее учреждения закрытого типа не могут вместить и круглых сирот. Разве все это—новость для отцов и матерей, рассчитывающих немедленно по рождении сдать своего ребенка на попечение государства? Для нашего переходного времени охрана матмлада ни в коей мере не разрешает вопроса о последствии деторождения. Всевозможные бумажки, просьба сделать для того или иного ребенка или, вернее, для их родителей исключение, — конечно, все это никуда не годится и ни в коем случае не является выходом из положения. Но когда ничего не действует, тогда, повидимому, голова начинает работать как-то совсем по-особенному. Так, например, как-то в одном из центральных городов Союза к заведывающей охраной матмлада в приемную вкатили два бравых рабфаковца с категорическим требованием принять на воспитание их ребенка. «То-есть, как это?» — удивилась заведывающая охраной матмлада, врач, не позабывшая еще элементов физиологии. «Ну да, — взволнованно заявляют рабфаковцы, — мы оба являемся отцами этого ребенка, так как оба одновременно были в половой связи с его матерью». «Коллективный ребенок», вопреки всем законам природы, произведенный на свет не одним, а двумя отцами,— это настолько звучало по... коммунистически, случай был такой исключительный, а напор на этот раз не одного, а двух отцов был так внушителен, что... «пришлось принять: ну что же с ними поделаешь?»

Но ведь телята о двух головах рождаются слишком редко, и не всякая выдумка помогает выйти из положения. Вся тяжесть содержания ребенка и забота о нем в 95 случаях из 100 ложится на плечи матери, покинутой отцом ребенка. Ну, а если даже отец захочет принять участие в содержании ребенка, то разве этим все сказано? Сколько неимоверных трудностей должна взять на себя молодая мать, чтобы вскормить и вспоить новорожденного? Она должна будет на долгое время распроститься с учением, если она учащаяся, с активной работой в организации, если она—общественный работник. Ей придется отстать от общей работы, отстать от

жизни. Хочет она этого? Разве женщина так же, как и мужчина, не имеет полного права планировать свою жизнь? Сходиться и рождать когда и с кем захочет этого сама, а не опрометчиво поддаваясь натиску фразы о мещанстве воздержания и прочей чепуховине, которую мужская молодежь, сама того не подозревая, прикрывает свою половую распущенность, расцветающую пышным цветом на почве безответственности за вытекающие отсюда последствия.

Безответственная фразеология! Вот что такое все эти разговоры о том, что воздержание — мещанство, что юноше нужно удовлетворять чуть ли не с пятнадцати лет свои половые инстинкты, иначе, видите ли, будет плохо его драгоценному здоровью и нанесен непоправимый ущерб его работоспособности!

Кто-то слышал звон, ну а откуда он, не знает!

Французский буржуа не желает иметь больше двух детей, так как иначе он не может их достаточно хорошо обеспечить после смерти. Но разве это значит, что он воздерживается? Нисколько! К его услугам, во-первых, все самые новейшие презервативы, во-вторых, дома терпимости с врачебными осмотрами и прочим и т. п., и наконец он может производить на свет сколько ему угодно «незаконных» детей, так как они, по его буржуазным законам, не должны наследовать его имущество. Кто сказал, что мещанин воздерживается, когда он-то первый и выдумал бессмысленную чепуху о том, что воздержание вредно. Разве не для него его мамаша нанимала красивую горничную, чтобы он не заболел и не потерял своей «работоспособности», учась на инженера, пока, окончив курс, не женится на богатой невесте с хорошим приданым из его среды. Вот отношение к половому вопросу. Этот-то мещанин и является прототипом того, что наблюдается в жизни нашей молодежи.

«Нет, какая же она жена, я просто временно с ней «сошелся». Женюсь я на такой женщине, которая будет меня удовлетворять, как человек, друг, товарищ». Но какое же право вы имеете так относиться к этой женщине? Такая же рабфаковка как и вы, комсомолка... «Ну, что же теперь прикажете, к проституткам итти?».

Слушайте, слушайте, товарищи женщины! Все эти слова подслушаны у жизни. Здесь нет ни одного слова вымысла.

Формы брака всегда соответствуют данной ступени экономического развития общества. Полигамия или, вернее, беспорядочные половые отношения, свойственные первобытному коммунизму, отнюдь не соответствуют нашему строю

общества. В этой области, повидимому, произошел временный разрыв между экономической основой и идеологической надстройкой. Советское законодательство, конечно, учитывает наше экономическое развитие, упорядочивая брачные взаимоотношения посредством законов, которые защищают интересы матери и ребенка, давая им всяческие гарантии в смысле отыскания отцовства и проч. и т. п.

В. И. Ленин, говоря об Октябрьской революции, которая подрезала корни угнетения и неравенства женщины так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия, ни одна революция в мире, первый шаг к освобождению женщины видит в том, что особенно гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожено соввластью. Равенство брачущихся по отношению к ребенку предполагает, прежде всего, равенство в заботах о нем. До тех пор, пока не будет у государства возможности взять на себя всю заботу о каждом ребенке Союза, ответственность отца за воспитание ребенка не может отмереть.

Мещанством как-раз следует квалифицировать индивидуалистический подход к вопросам, связанным с деторождением, стихийное, почти мистическое отношение к половому влечению, совершенно якобы не поддающемуся никакой регулировке. На заре юности, да еще когда голова занята работой, а тело тренируется физкультурой, при том условии, что наше пролетарское юношество абсолютно не может пожаловаться на сверхпитание и изнеженность организма с детства, откуда эта упадочность? Ведь на животных клевещут, будто бы они особенно невоздержанны. Самое невоздержанное животное — это буржуа, давший волю всему своему прогнившему естеству. Отношение к женщине, как к самке, которая должна служить орудием наслаждений для своего господина, это — наследие неизжитого еще нами прошлого. Новая, высшая ступень взаимоотношений мужчины и женщины — это не буржуазная семья с устойчивостью ее форм, базирующейся на институте частной собственности, а свободный союз равноправных людей, одинаково несущих перед лицом всего общества ответственность за рождающихся от этого союза детей, которых государство долго будет еще не в силах взять на свой кошт. Союз этот предполагает совершенно другое отношение к женщине, чем то, которое досталось нам в наследство от буржуазии. Материнство в нашем обществе — это функция общественная. Калечение организма матери преждевременными родами, абортами и прочее — общественно вредное дело. Специальные заботы государства о женщине, как о воспроизводитель-

нице рода, только тогда будут базироваться на реальном основании, когда весь коллектив в целом проникнется важностью этой задачи. Легкое отношение к вопросам пола, стремление поставить вопрос так, как-будто бы дело идет только об удовлетворении инстинкта, это — мещанство, которое недостойно нашей коммунистической молодежи!

(„Правда")

ИЗ ОТЗЫВОВ ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРАВДЫ» НА СТАТЬЮ ТОВ. СМИДОВИЧ «О ЛЮБВИ»

Большинство авторов высказалось о причинах ненормальных явлений в области половой жизни нашей молодежи, указывая на тяжелые и ненормальные бытовые условия, на перегруженность молодежи и неурегулированность ее работы, на критическое положение жилищного вопроса в рабфаковских и вузовских общежитиях, на неудовлетворительную организацию яслей и т. д. В конечном итоге все они приходят к тому выводу, что корень всего зла надо искать в тяжелых экономических условиях жизни молодежи.

Из множества отзывов здесь приводим лишь те, которые освещают вопрос с новой стороны или же выставляют более или менее новые практические предложения.

Так, например, тов. Седых пишет:

«Острота полового вопроса, половые извращения, идеологическое перерождение на этой почве, в частности то, про которое пишет тов. Смидович, наблюдается не в комсомольской, а в вузовской среде, где преобладающим возрастом является возраст 23—26 лет, и дело не в «африканских страстях», а в том, что эта часть молодежи поставлена в такие условия, в которых она не может разрешать половой вопрос естественным, нормальным путем — деторождением.

Отсюда аборт, отсюда извращение коммунистических понятий о половых отношениях, отсюда самоубийства и т. д.»

Тов. Г. Кузнецов и Е. Сергеева указывают на тяжелые препятствия, которые приходится преодолевать матерям-рабфаковкам.

«Если беременна работница или крестьянка, это для всех нормальное явление. Беременная же рабфаковка-студентка— явление особенное, необыкновенное в настоящее время. Общественное мнение настроено так:

а) «безусый юный мальчик» открыто хохочет над беременностью студентки;

б) вторая группа молодежи, представляя себя на месте беременной студентки, с напряженным вниманием следит за

состоянием данной пары и вместе с ней переживает ее радости и печали;

в) президиум, ячейка и другие общественные организации начинают коситься и становятся, неизвестно почему, строже к беременной, чем ко всем прочим;

г) высшие инстанции с досадой читают нотации, считая, что данный экземпляр взялся не за свое дело; у них господствует странный взгляд по отношению к студентке-матери, в каком бы возрасте она ни была: «или учиться, или рожать...»

Работница-мать пользуется заботами государства. Она получает 4-месячный отпуск, получает пособие на кормление ребенка и т. п. Всего этого нет у матери-рабфаковки, она находится в обратном положении.

Эти исключительные условия и являются причиной того, что «бравые рабфаковцы» частенько осаждают учреждения охраны матмлада. Но надо полагать, что в будущем в связи с улучшением материального положения учащихся, с расширением сети яслей и пр. эти налеты сильно уменьшатся».

Подводя итоги всему изложенному, авторы еще раз подчеркивают необходимость «решительного осуждения и изменения нынешнего отношения к беременной комсомолке, студентке и проч. со стороны наших административных и общественных организаций».

Тов. И. Ч—ов считает неправильной обычную постановку вопроса о семье.

«Рассуждают товарищи, примерно, следующим образом: при «старом быте», скажем, была «старая семья», при «новом быте» должна быть «новая семья», и так как на деле каждый шаг в сторону нового быта приводит не к «новой семье», а к «беспорядку» и «анархии» в области половых отношений, то надо найти причины этого явления и устранить их. Но ведь «новый быт» тем и отличается от «старого», что в нем... вовсе не должно быть никакой семьи: ни новой, ни старой. Что же остается тут от всех «причин», мешающих якобы созданию «новой семьи». Если вышеупомянутые товарищи начнут искать реальную почву для такой своей хорошей семьи, то найдут они ее, пожалуй, только в деревне, где самый характер мелкого, наполовину еще натурального хозяйства является основой, на которой может строиться прочная семья в виду особого трудового коллектива. В городе же вопреки всяким «нравственным» и «моральным» окрикам возмущенных товарищей, семья рассыпается прямо у нас на глазах и будет рассыпаться чем дальше, тем быстрее. «Анархия в половых отношениях» все более ширится и притом не только у нас, а и везде, где налицо современная культура большого города, а иллюстрацией к разговорам о «государ-

ственной необходимости» в области деторождения может служить волна абортов, с которой не могут справиться учреждения Наркомздрава.

Взывать в таких условиях к «воздержанию»—бесплодная трата слов, бумаги и типографской краски. Потребности человека («естественные» или «привитые», безразлично) никакой агитацией не сломишь. И тут надо, раз навсегда отказавшись от ломки их, найти способ удовлетворения этих потребностей с наименьшим вредом для общества и отдельных его членов».

Автор призывает поменьше «воздерживаться» от обсуждения полового вопроса.

Подобные же взгляды развивает и тов. М. Брудный.

«Какой у нас строй? Строй систематического разрушения частной собственности. От него и все качества. В отношении к семье это означает систематическое разрушение основы семьи. Современные половые отношения не что иное, как глубокое отражение экономических процессов в нашей стране. Современный быт молодежи—это революционная ломка половых отношений, возникших на основе частной собственности. И кто знает? Быть может, в брезгливости к коллективному ребенку выявляется бессознательный протест именно этой ущемленной частной собственности. Мещанкой в глазах молодежи является не просто девушка «воздерживающаяся», а та, которая губит молодость во имя предрассудков прошлого, хранит себя для мужа-собственника. Противникам нового быта карты в руки, у них ряд козырей, почерпнутых в хозяйственной бедности нашей страны. Но надо твердо запомнить, что бедность—не основа нового быта, и в той мере, в какой мы бедны, мы ограничиваем его поступательное движение. Недостаточное количество яслей вынуждает нас уступать старому. Но уступки не должны фетишизироваться и возводиться в программу».

Комсомольцы Н. Терентьев и Я. Заферман выступают против обвинений молодежи в упадочности.

«Все наши недостатки, в том числе и наша неразбериха в половом процессе, совсем другого качества и ничего общего с упадочностью не имеют. Ничего общего не имеют они также с «африканской страстью» и с «примитивным подходом, который достоин готтентота». Скорей можно сказать, что именно такое об'яснение, такая оценка и есть крайне примитивный подход к вопросу.

Никто не сомневается, что в нашей среде нет еще даже приблизительно коммунистических отношений между парнями и девчатами, что эти отношения теперь представляют груду обломков. Но в том и заслуга наша, что мы старые

понятия превратили в груду обломков. Правда, горшки с мещанской моралью и поповщиной мы разбили с таким же ожесточением, что из этого битья вышли сами немножко побитыми. Но было бы грубой ошибкой забывать революционную роль так называемой распущенности. В первые годы революции надо было не просто бороться с мещанством, а издеваться над ним, надо было во всем противопоставлять себя старому, делать «все наоборот», часто не считаясь с тем, насколько это соответствует идеалам будущего.

В старину хорошим тоном считались скромность девушки, ее способность краснеть от малейшего намека. А в первые годы революции, наоборот, хорошим тоном была бойкость, свободное поведение и некоторая распоясанность. Вообще говоря, нехороша эта распоясанность, но ведь это же переходная ступень, которую перескочить нельзя; только опершись на нее, можно подняться на следующую ступень. Возьмем для примера «распущенность» рабочих, которые плохо работают, бастуют и всячески причиняют неприятность своим хозяевам. Никто не скажет: это образец будущего коммунистического производства. Но без этой стадии так называемой распущенности рабочих мы никогда не дошли бы до действительно коммунистического производства; в известный период «распущенность» рабочих—революционный фактор.

В области правовых норм у нас господствовали принципы революционной совести—в противоположность лицемерной законности буржуазии. Теперь же у нас быстро устанавливается переход к революционной законности. Также необходим и в области половых отношений переход, если можно так выразиться, к революционно-законному браку. Мы признаем не меньше, чем тов. Смидович, что этот переход вполне современен, признаем, что мы даже немножко запоздали,—надо торопиться, чтобы наши вчерашние достоинства были сегодняшними недостатками. Но не следует говорить жалкие слова. Не говорим же мы, что принципы революционной совести, когда судили, казнили и миловали без статей кодекса, были принципами, «достойными примитивного готтентотства»,—как выражается тов. Смидович,—разгулом «африканских страстей», «упадочности» и т. д.»

Авторы призывают молодежь к ликвидации уже пережившего себя «художественного беспорядка» в области половых отношений.

«Прежде всего надо покончить с укоренившимся взглядом, что, дескать, «парень выполняет свои комсомольские обязанности, а его любовные дела нас не касаются». Пора на деле признать, что достойное поведение в быту есть тоже

ответственная комсомольская обязанность, как и его политическое поведение. Нарушение этики на деле надо рассматривать, как нарушение устава и других обязанностей комсомольца».

Тов. Виктор Колкий видит выход в «половой грамотности» и пропаганде примером.

«Дать половую грамотность молодежи! Таков ответ. Пора покончить с кустарничеством в этом вопросе.

Партия может и должна дать задания марксистам биологам, медикам, философам, экономистам, педагогам, литераторам и т. д. всесторонне разработать половую проблему, дать соответствующие, руководящие указания нашей молодежи в рамках хотя бы еще неоформленной партийной этики.

Но одной половой грамотности еще недостаточно. Лучшая пропаганда, проведенная устно и в печати, окажется поведенной впустую, если столкнется с прямо противоположной пропагандой действием.

Неувязка между словом и делом в этом вопросе означает подрыв доверия и авторитета партии и Комсомола в массах. Требуется разработка целого ряда партийных и комсомольских мероприятий, направленных против сидящего в нашем брате-мужчине эксплоататора, которого нельзя убить, но которого можно и нужно перевоспитать.

ЦКК и Наркомюсту нужно также внести соответствующие поправки в статьях о мерах наказания за эксплоатацию женщины, усилив меры принуждения там, где не помогают методы убеждения».

Врач Боржец полагает, что «гвоздем всей половой проблемы является вопрос об абортах и предупреждении зачатия».

«Преждевременные половые сношения безусловно вредно отражаются на организме человека. Но в то же время является несомненным, что во многих случаях слишком длительное половое воздержание угнетающим образом действует на психику и понижает работоспособность. Значит, необходимы меры против зачатия и, как резерв к ним, «аборт».

Исходя из этих положений, автор предлагает такое решение вопроса.

«1) Специалисты после коллективного рассмотрения мер против зачатия, до сего времени практиковавшихся, в кратчайший срок издают брошюру с рекомендацией наилучших из них. Свою работу в этой области они не прекращают до изыскания вполне удовлетворительных мер.

2) Советская власть широко распространяет эту брошюру прежде всего там, где наиболее неблагополучно в этом отношении—среди пролетарской молодежи.

3) Специалисты хотя бы схематически устанавливают минимальный возраст для начала половых сношений, широко пропагандируя в то же время необходимость, если это возможно, предварительного медосмотра.

4) В школах 2-й ступени на уроках гигиены должны обсуждаться вопросы половой жизни; так как в этом возрасте рекомендуется половое воздержание, то здесь говорить о мерах против зачатия неуместно.

5) В советских амбулаториях необходимо учредить гинекологические кабинеты для девушек во главе с женщиной-врачом, к которой девушки могли бы, не стесняясь, обращаться по всем интимным вопросам, касающимся наступающей половой зрелости».

Тов. Элик предлагает искать выход в общественном воспитании детей. Средства для этого нужно во что бы то ни стало найти. На помощь должно прийти законодательство.

«Первым законом в гражданском кодексе должен быть закон о том, что каждый гражданин СССР (мужчина или женщина), достигший известного возраста (22—25 до 50—60 лет), обязан принимать участие в воспитании детей, уплачивая прогрессивно-подоходный детский налог в размере не менее 2—3 проц. фактического заработка. От налога освобождаются лишь имеющие при себе не менее 2 детей, безработные и зарабатывающие менее 30 рублей в месяц. Имеющие при себе одного ребенка уплачивают только половину следуемого с них налога. Имеющие ребенка и желающие отдать его на общественное содержание и воспитание уплачивают сверх налога еще 10—15 проц. заработка. Все граждане СССР имеют право на общественное воспитание своих детей.

(„Правда“)

П. Квиринг

ЖЕНЫ И БЫТ

Несколько лет тому назад, в разгар революционных страстей, о женах коммунистов партия вспоминала, когда нужно было готовиться к очередной эвакуации или посылать материальную помощь семьям, находящимся где-то в далеком тылу—в деревне, у родных и т. п. Тогда жены (и семья), как общее правило, не играли никакой роли в коммунистическом быту. Революция охватывала все, семье не оставалось ничего.

За последние годы, вместе с упрочением всех форм общественной жизни, произошло и «восстановление» семьи. Происходит значительное обрастание. Пережившие тяжелые муки голода и холода, страха за судьбу близких, семьи понемногу стягиваются. Помимо жен и детей, появляются мамаши, тещи, тетки — одним словом, семейное окружение коммунистов идет самым усиленным темпом, и семья в жизни коммуниста занимает большое место. Определяется новый быт в переходных условиях нэпа, и партия не может оставаться безучастным зрителем складывающихся отношений.

Главным лицом, определяющим быт семьи коммуниста, является прежде всего жена. Сейчас уже можно сказать, что революция внесла в семейную жизнь коммуниста едва-ли большие изменения, чем в соответствующую беспартийную семью. Как бы ни кричали о развале «коммунистической» семьи наши враги, мы должны констатировать, что семья существует, и существует довольно крепко для громадного количества коммунистов. Во время революции (в связи с ней или по естественному развитию событий) не одна дореволюционная семья потерпела крушение. Лучшим исходом этих семейных «катастроф» было, когда коммунист уходил от жены, не смогшей быть товарищем в борьбе, и строил новую семью, спаянную не только взаимным влечением, но также общей борьбой рука об руку. В таких семьях закладывается понемногу быт новой семьи-товарищества. Но таких семей, может быть, только меньшинство. Женщина отстала. Политически активных женщин и теперь, на шестом году пролетарской революции, еще слишком недостаточно. Коммунистки составляют меньше 10% всего числа членов партии. Эта арифметика говорит о том, что в идеальном сочетании только около 10% коммунистов могут иметь жен — членов партии. Следовательно, остальные жены приходятся на политически часто несознательных, а иногда и враждебных коммунизму обывательниц.

Кто не знает тяжелых трагедий, пережитых и переживаемых многими талантливыми, выдвинувшимися за время революции рабочими, которых старая дореволюционная семья тянет в яму обывательщины. Но во много раз хуже многие новые, революционного периода семьи, в которых член партии попал в окружение буржуазии нового типа. Кому не известно, как женщины буржуазного общества гнались и гонятся за имеющими власть начальниками, комиссарами, предами. Это так понятно. Женщина буржуазного общества воспитана на том, что главная задача ее жизни—это «выгодная партия». Она достаточно умеет маневрировать своими «чарами», во всяком случае, совершенно достаточно, чтобы

очаровать, победить и покорить иногда очень стойких и крепких революционеров.

Быт буржуазный, быт обывательщины непреоборимой лавой заливает семьи многих коммунистов. Военная среда поддалась прежде всего. Жены офицеров, генералов, тех, которые сложили свои головы по ту сторону фронта, или тех, которые сейчас еще мытарятся в эмиграции, сделали свое дело. К тому же, краскомы тянулись за военспецами, и если это начиналось с невинного «рыцарского целования ручек» прекрасных полковых дам, с залихватских галифе и звенящих шпор, то сейчас оно уже привело к нелепой, дикой, гнусной и позорной дуэли двух краскомов из-за грузинской княжны. Вероятно, эта княжеского рода наркомфиновская машинистка и врожденная проститутка так же прекрасна, как и сотни других, взлелеянных породистыми столетними родами представителей голубой крови или красивейших представительниц буржуазии. Дикари после кровавой победы над врагом оставляли себе красивейших женщин побежденного племени. Через всю многовековую «цивилизацию» этот старый обычай дошел до наших времен и сохранился в той или иной форме.

Но коммунисту-революционеру в сто раз больше должен импонировать могучий образ Стеньки Разина, с размаху бросившего в Волгу-матушку сказочную персидскую царевну, как только она встала между ним и его вольницей, чем образ французских офицеров, мечтающих на грани жаркой африканской пустыни о легендарной Антинее, готовых через неделю «умереть от любви и стоять забальзамированной бронзовой статуей в нише под порядковым номером» (роман П. Бенуа—«Антинея»). И никакого сожаления, никакого чувства, кроме брезгливого презрения, не может вызвать коммунист-революционер, поднявший руку на своего товарища из-за княжны. Конечно, это случай исключительный, единичный, вернее всего, патологический. Но он в уродливой форме выявил то, что проявляется в других формах, имея под собой ту же сущность: многие члены партии в семейной обстановке измельчали, подпали под влияние насквозь буржуазных жен и семей последних. Попросту—хороший работник, честный коммунист попадает под какой-либо маленький, но достаточно тяжелый башмачок, и начинается домашнее перерождение. Такая жена прежде всего старается окружить себя и мужа достаточным комфортом и уютом, а вместе с тем и достаточно «приличным» обществом.

В последнее время «Коммунист» об'явил фельетоновую войну таким женам, и эта война как-то неизбежно связалась с автомобилем, лошадьми, дачей, Крымом, модистками и т. п.

Я слыхал, что некоторые товарищи считают эти фельетоны и демагогичными, и плоскими, другие просто обижаются, считая себя задетыми. Я не берусь давать оценку фельетонам—это дело литературных критиков, не берусь успокаивать обиженных—для разбора отдельных случаев есть контрольная комиссия. Наша задача—обобщить наблюдения и сделать общие выводы, и это обобщение говорит: с семьями коммунистов неблагополучно. Буржуазное влияние все больше усиливается, классово-враждебная сеть вокруг многих наших товарищей затягивается все туже. Партия должна вмешаться и, конечно, не только методами воздействия, фельетонами, контрольными комиссиями и т. п.

И фельетоны, и КК нужны, нужны крутые, резкие меры, может быть, иногда несправедливые. Если из-за взбалмошной самодурки, действующей именем своего слабовольного (в отношении к ней) мужа, хотя бы один рабочий уехал с курорта, обозленный на засилье советских жен, а следовательно, и на советскую власть, я готов приветствовать десятки самых ядовитых фельетонов и предложить десяток—другой мер воздействия как по отношению к женам, так и мужьям. Ибо, если муж-коммунист позволяет своей жене, проникнутой буржуазными замашками и традициями, злоупотреблять его именем или заставлять мужа итти на поступки, его дискредитирующие, — ответственность целиком и полностью вдвойне и втройне лежит именно на нем, и только на нем.

Мы имеем право требовать и мы должны требовать от членов партии, чтобы духовное верховенство в семье принадлежало им — коммунистам. Коммунист, который перед своей буржуазной женой чувствует себя дачным мужем на побегушках, мужем, который не может домашнюю жизнь повернуть по-своему, внести в семью свое коммунистическое руководящее начало, такой коммунист очень мало стоит.

Партия до сих пор слишком мало занималась семейным бытом своих членов, и этот пробел уже давно чувствуется в низах. Беда не только в том, что отдельные товарищи подпали под слишком большое влияние своих буржуазных или аристократических жен. Беда еще в том, что в средней семье коммуниста-рабочего сохранилась в общем и целом старая домостройщина: жена — существо, если не низшего, то второго порядка. Ее дело — вести хозяйство, готовить обед, стирать, чистить, рожать и растить детей, а муж — кормилец или глава, карающий и милующий, или безличный и безвольный в отношении всего семейного уклада, сросшийся с обывательщиной и не пытающийся подняться над ней. Муж-коммунист редко догадается пригласить с собой жену на

собрание ячейки. Вы помните прекрасную сцену из «Джимми Хиггинс». Джимми в воскресенье упаковывает двух своих детей в колясочку и спешит со своей женой на рабочее собрание. Как неутомимо ведет Джимми индивидуальное пропагандирование своей жены. Как он счастлив, когда она вместе с ним живет его восторгом. Почему, на самом деле, на заседаниях наших ячеек почти совсем не бывает беспартийных жен коммунистов? Только потому, что в этом направлении не велась работа. Фронт беспартийных жен еще не встал перед партией, как одна из важных задач. Я полагаю, что пора эту задачу поставить. Необходимо приступить к обсуждению вопроса во всех инстанциях снизу доверху.

Как сблизить с партией беспартийные семьи коммунистов, как бороться с проникновением буржуазного быта в эти семьи? Мне представляется, что на этом пути мы сделали одну большую ошибку: мы закрыли перед беспартийными женами двери коммунистических клубов. Это — ложное твердокаменное решение. Мы оттолкнули от возможности своего товарищеского воздействия большинство семей наших членов партии; вместо того, чтобы тянуть их в свою коммунистическую общественность, мы толкаем их на нэповскую обывательщину. Когда муж-коммунист идет в клуб, его беспартийная жена, если она приличная пролетарка, должна чувствовать некоторое озлобление к учреждению отдыха и развития, куда она не имеет доступа. Создается впечатление какой-то тайны, какого-то органического отгораживания от беспартийных. Вместо комклуба, она идет на бал, в кабаре и куда угодно и, конечно, в обществе достаточно обывательском. Это—ошибка, большая ошибка. Не всех беспартийных жен можно пускать в общество коммунистов. Это верно. Можно установить определенное ограничение: рекомендации, социальное происхождение, но огульное отметание беспартийных жен коммунистов — ошибка.

Семья еще долго будет являться важнейшим фактором нашей жизни. До идеала еще очень далеко. Нужно вплотную подойти к вопросам семейной жизни коммунистов, приподнять завесу, не боясь затронуть больные места. Партия справлялась со многими болезнями,—справится и с непорядками семейной жизни коммунистов. Может быть, нужен еще не один едкий фельетон, но вместе с тем необходимо и серьезное обсуждение вопроса.

(„Коммунист". 1923 г.)

Проф. В. Гориневский

ПОЛОВОЙ ВОПРОС

Половой вопрос — большой вопрос социальной гигиены и воспитания.

Не многие молодые люди глубоко вникают в этот вопрос и легко поддаются внушению и самовнушению, что половая потребность должна быть удовлетворена во что бы то ни стало, как скоро она явилась, что неудовлетворение влечет за собой если не гибель личности, то, во всяком случае, глубокое расстройство функций тела, вплоть до сумасшествия.

Этот предрассудок долго держался и теперь еще не изжит.

Но это такой же предрассудок, как курение табака, которое ведь тоже довольно ярко проявляется чуть ли не с пионерского возраста и отличается такой же несдержанностью в отношении некурящих. Курильщики ищут себе оправдания и стараются его найти даже в биологии. Пусть будет это соломинка, за которую хватается утопающий, но все-таки эта соломинка внушает некоторую уверенность в том, что не очень уже бессмысленны поступки тех, которые делают себя рабами папироски или трубочки.

Прямо поставленный вопрос о половом воздержании решается довольно определенно. Голос научной медицины, подкрепляемый величайшими авторитетами в этом вопросе, утверждает, что болезни от полового воздержания ей незнакомы, что об'ективно нельзя было установить никакого вреда для здоровья от воздержания. Профессор Тарновский, врач с колоссальным опытом по венерическим болезням, автор известной книги «Половая зрелость, ее течение, отклонения и болезни», пишет: «Половое воздержание до наступления полного периода возмужалости всегда приносит несомненную пользу развивающемуся организму: половые сношения неблагоприятно влияют на правильность и полноту физического развития юноши, который при этом может дать лишь слабое потомство».

Все новейшие авторитеты самым решительным образом подтверждают основную мысль.

Действительность однако идет совершенно вразрез с этими данными науки. Возьмем хотя бы обширную статистику того же В. М. Тарновского. По его данным, первые половые сношения в среднем бывают от 15—17 лет, когда половое созревание далеко не закончено.

По данным д-ра И. Гельмана («Половая жизнь современной молодежи», ГИЗ, 1923 г.), полученным из анкет, видно, что почти половина учащихся студентов мужчин начала половые сношения с 16 лет, из них большинство принадлежало к рабочим и крестьянам.

Имеются указания на то, что и школьники 2-й ступени в большей степени причастны к ранним проявлениям половой жизни.

Из доклада тов. Ярославского «О партийной этике» можно почерпнуть то тревожное сведение, что к абортам прибегают иногда совсем неподготовленные еще к половой жизни девочки, и нельзя не подчеркнуть справедливости его предостережений, что «если это будет прививаться в рабочей среде, если наша комсомольская среда будет этим заражена, это не может нам обеспечить здоровую смену, — об этом надо подумать...» Нельзя не согласиться, что нельзя претендовать на создание здорового коммунистического поколения, если оно разрушает свое здоровье ранними половыми связями и идет навстречу многим болезням и абортам.

Наука констатирует далее, что юношеский возраст, страдая, так или иначе, от ранних половых сношений, несет самую крупную дань венерическим болезням. Яды этих заразных болезней, очевидно, наиболее разрушительно действуют на молодой, неокрепший еще организм в периоде, не достигшем половой возмужалости.

Как бороться с этим злом?

Нужно ли комсомольцу, да и человеку постарше его, поддаваясь власти «половой науки», дать себя сосать и думать о презервативах, об аборте, о разных предосторожностях во время половых сношений, или нужно поступить иначе: встать на путь борьбы с раздражителями, возбуждающими половое чувство, резко, бесповоротно стать на сторону полового воздержания. Оценивая этот вопрос с разных сторон и, главным образом, с биологической и социальной точек зрения, разумный выбор может быть только один, и решение должно остаться в пользу полного воздержания до наступления полного полового созревания, даже с отсрочкой до того времени, когда половые сношения могут дать начало совместной жизни двух полов для произведения потомства.

Комсомольская молодежь, разумная, деловая, ищущая правила жизни и строющая новый быт, разобравшись в волнующих ее вопросах, не может прийти к другому решению.

Биологическая основа полового вопроса, выраженная в краткой форме, заключается в следующем:

В периоде полового созревания, — у девочек он начинается лет в 12, а у мальчиков на 1½ года позже, — начинают

функционировать половые железы, выделяющие двоякого рода продукты: одни (яйцо или семя)—выделяющиеся наружу, которые при взаимной встрече могут дать оплодотворение при достаточном созревании того или другого продукта; другие продукты (гормоны) не выделяются наружу, а остаются в крови и производят более или менее сильное влияние на разные органы тела.

Они возбуждают рост, развитие и оказывают особенное действие на наш мозг. В общем, это действие весьма благоприятное, оно называется сублимацией.

Получается яркая картина порывов юности — период жизни, не забываемый и продуктивный, если возбужденные силы найдут себе хорошие точки приложения, например, в смысле общественно-полезного труда.

Лучшие произведения искусства и всякого творчества человечества возникали на почве этой гормонизации человека в период его юности и молодости. Период любви не есть переживание настроений, возникающих на почве полового акта и ощущений, с ним тесно связанных, а нечто посложнее и поважнее. Даже неудачи при домогательствах и сознательное воздержание не уменьшают, а, скорее, усиливают действие этих продуктов половых желез и некоторых других желез внутренней секреции (называемых общим именем «гормоны»), а потому половое воздержание накопляет энергию и дает ей возможность проявляться в разных других видах деятельности и творчества.

Невоздержанный в половом отношении, наоборот, расточает свою энергию и не доводит все органы тела до того напряжения, которое необходимо для их максимальной деятельности и продуктивного творчества.

Что половые переживания доводят многие силы животного тела до большего напряжения, в этом мы убеждаемся на каждом шагу в природе.

Пение птицы в период гнездования и спаривания, бои многих животных за обладание самками, даже блестящее оперение птиц как бы с целью привлечения внимания — все это является результатом возбуждения разных органов под влиянием половой сублимации.

У человека эти явления выражаются гораздо разнообразнее, они глубже и полнее захватывают его, продолжаются дольше. Из сказанного следует, что такой под'ем всех сил, сублимация, представляет огромную ценность.

Половое созревание у человека — затяжной процесс и совершающийся довольно медленно. Чувственное половое возбуждение может быть однако ускорено разными обстоятельствами, где не малую роль играют раздражения непо-

средственные, действующие через наш слуховой аппарат и орган зрения.

Жизнь культурного человека богата этими раздражителями: рассказы товарищей, зрительные впечатления, получаемые в домашней жизни, на улице, в театре, в кино, в разных собраниях, зажигают преждевременное половое любопытство и дают возможность детям чувственно созреть раньше времени.

С этим прежде всего надо бороться Комсомолу: бросить нескромные шутки и анекдоты на скабрезные темы.

Комсомол должен быть осторожен в выборе книг и не портить вкуса к литературе чтением книг, рассчитанных на половое возбуждение.

В кругу товарищей он должен выдержать известный тон, не допускающий пошлостей; в разговорах по половому вопросу ему нужно говорить только серьезно, не оскорбляя ничьей скромности.

Дружеское общение полов ни в коем случае не может быть вредно, если «задние мысли» будут откинуты и если Комсомол, как это и случается в большинстве случаев, будет относиться к женщине с уважением, по-товарищески просто, не стараясь разжечь в ней половые инстинкты.

Равенство полов породило уже одинаковую ответственность мужчины и женщины друг перед другом; сдержанность в половом отношении одинаково обязательна как для женщины, так и для мужчины.

Сдержанность — это волевой акт, который требует особой тренировки; он ведет к победам над самим собою и победам над известными раздражениями и помыслами. Такая борьба закаляет характер, а победа над собою дает большое удовлетворение.

Люди, находящиеся в полной власти «половой науки»— или больные люди, или потерявшие одно из драгоценнейших свойств человека: уменье властвовать над собою. Один из методов самовоспитания заключается в проявлении полового воздержания. Наука доказала, что этот метод особенно безвреден для здоровья, особенно в юности.

Следует упомянуть еще об одном методе борьбы с половой распущенностью и с половым возбуждением. Этот метод можно было бы назвать отвлекающим; он вполне может быть обоснован научно.

Если гормоны, выделенные половыми железами, активируют разные органы и аккумулируют (собирают) энергию, то, чтобы энергия нашла себе выход и не тратилась на все,

что заведомо приносит вред организму, лучше пустить ее по другому руслу. Это русло — нервномышечный аппарат нашего тела; физкультура с ее богатыми оздоровляющими и воспитывающими средствами как-раз является хорошим громоотводом для разряжения накопившейся половой энергии.

Аналогия эта подкрепляется теорией и практикой. Широкое распространение физкультуры среди нашего молодняка дало факты, подтверждающие теоретический вывод об отвлекающем влиянии физупражнений.

Физупражнения приносят ту пользу, что мышечная работа всегда привлекает много крови к мышцам во время их деятельности. Отсюда получается отлив крови от тех мест, где кровь эта скопляется в избытке во время покоя мышц. Праздная жизнь и слабая мышечная деятельность, как известно, способствуют половой распущенности, особенно при хорошем питании. Сидячая жизнь вызывает приливы крови к органам, находящимся в полости таза, и этим вносит некоторое раздражение в половой сфере. Эти вредные стороны часто суммируются, и физические упражнения, распределяющие кровь более равномерно, являются своего рода регуляторами сложных явлений, частью физического, частью психического характера.

Выбор физических упражнений должен быть сделан правильный и соответствующий цели.

Молодежи нужны физупражнения, не только гармонически развивающие организм и правильно распределяющие кровь по всему телу, но и те, которые приводят человека в веселое эмоциональное состояние, возбуждая его органы к деятельности. Такие упражнения: подвижные игры и многие виды спорта (бег на коньках и лыжах, плавание, гребля) ценны тем, что усиливают сублимацию, увеличивают порывы к достижениям в кругу товарищей и заражают их общественными интересами, отвлекая от похоти.

Не менее отвлекающее и сублимирующее влияние оказывают кочевки, экскурсии, поддерживающие близость нашей молодежи с природой. Многие развивающиеся уже пороки и половые аномалии устраняются применением этих физкультурных средств, которые имеют, следовательно, иногда решающее врачебное действие. Профилактическое, т. е. предупреждающее, влияние тех же средств еще более разительно.

То, что мы привыкли теперь называть «физкультурой — 24 часа в сутки», т. е. чистый воздух, солнечные лучи, действующие непосредственно на кожу, купанья, в связи с физ-

упражнениями, создают в общем ту нормальную гигиеническую обстановку, которая необходима комсомольской молодежи для борьбы как со слабостями и пороками развития собственного тела, так и для организации новой, здоровой жизни, в которой они чувствуют себя строителями.

(„Комсомольская Правда")

Проф. Ив. Арямов

ЗНАЧЕНИЕ СОХРАНЕНИЯ ПОЛОВОЙ ЭНЕРГИИ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Существует довольно распространенное мнение, что половое влечение есть физиологическая потребность, в роде потребности в питании.

При этом часто ссылаются на мнения врачей, считающих будто бы воздержание вредным для здоровья.

Так ли это на самом деле?

В настоящее время среди врачей и биологов существует несомненное согласие лишь по вопросу о том, что половое влечение тесно связано с деятельностью половых желез.

Но деятельность половых желез проявляется в двух формах: 1) внешняя секреция, выработка половых продуктов, которые при половом сношении или заменяющем его ненормальном акте (онанизм) выбрасываются наружу, и 2) внутренняя секреция — выработка особых веществ (гормонов), которые поступают в кровь и через нее действуют на все органы и ткани, вызывая в них под'ем жизнедеятельности. В этом заключается сущность процесса омоложения, о котором все знают из работ Штейнаха, Воронова и др.

В чем сущность операции при омоложении? В том, что как при перевязке семявыводящего протока, так и при пересаживании чужих желез сохраняется жизнедеятельность половых желез, но они лишаются возможности выбрасывать свои продукты наружу.

Таким образом омолаживающее действие этой операции, несомненно, находится в близкой связи с задерживанием половых продуктов внутри организма. И большинство крупнейших работников в области внутренней секреции единогласно утверждают, что омолаживание является результатом усиления деятельности внутренней секреции половых желез за счет задержанных в организме половых продуктов или даже прямо, как результат того, что вследствие невоз-

можности оттока спермы происходит скопление семенной жидкости и большого количества белковых веществ, являющихся гормонами.

Следовательно, между внешней и внутренней секрецией половых желез существует самая тесная связь. И чем энергичнее внутренняя секреция, тем слабее внешняя, и наоборот: чем больше половых продуктов выбрасывается наружу, тем меньше остается материала для внутренней секреции.

Эту мысль определенно подтверждают современные врачи-невропатологи, которые считают, что невоздержание и половое истощение являются несомненной причиной нервных расстройств вследствие чрезмерного расходования половых продуктов.

Одной из главных составных частей семенной жидкости является спермин, играющий большую роль в соках внутренней секреции.

По мнению ученых, исследовавших его действие на организм, спермин служит переносчиком кислорода в крови, т. е. увеличивает окислительную способность крови, повышает нервно-мозговую работу, увеличивает работоспособность мышц, увеличивает общую жизнеспособность организма и т. п.

Это действительно наблюдается не только при опытах, но и при омолаживании. Такое значение для организма спермина и других половых продуктов находится в большой связи с родством этих продуктов по химическому составу с веществом мозга и мышц. И мозг, и мышцы, и половые продукты заключают в себе большой процент белковых и жировых веществ общего для них состава: нуклеины, глобулины, лецитин, митоиды, фосфатиды, а также одинаковые неорганические элементы (зола).

Так как один из основных фактов, установленных физиологией, является то, что в животном организме различные органы и ткани развивают различные виды энергии, обладая способностью выбирать нужные им вещества из одного и того же запаса (крови), то понятно, согласно закону сохранения и превращения энергии, что усиленная деятельность одних органов будет происходить за счет ослабления деятельности других.

Из сказанного прежде всего вытекает, что развитие творческой работы человека находится в прямой зависимости от энергичной деятельности половых желез, не сопровождающейся выбрасыванием половых продуктов наружу.

Эта связь между сильным половым влечением и под'емом творчества, при условии добровольного или вынужденного

воздержания, красной нитью проходит в биографиях великих ученых, поэтов, музыкантов и т. д.

Я не имею здесь возможности подробно остановиться на этом вопросе и приведу лишь один—два примера.

Так, например, эта связь под'ема творчества с сильным половым влечением, не сопровождавшимся однако внешней секрецией, очень ясно сказалась на творчестве А. С. Пушкина.

Его лучшие произведения написаны именно при таких условиях. Пушкин страстно любил Н. Н. Гончарову, свою будущую жену. Первое его сватовство было неудачно: последовал отказ, затем согласие было получено. Счастливый жених скачет в Болдино, чтобы достать деньги на необходимые расходы и скорее справить свадьбу, но застревает там на целых три месяца, так как в это время вспыхнула эпидемия холеры и всюду были устроены карантинные пункты.

Легко себе представить состояние Пушкина в этом вынужденном заточении, вдали от горячо любимой женщины, которой он так добивался и которая к тому же писала ему в это время еще более разжигающие его письма.

В результате произошло вот что: «Томясь страстным желанием увидеть невесту, получая от нее вздорные, тревожные письма, не имея поблизости никого, с кем бы можно было обменяться мыслями, почти лишенный книг, поэт с неожиданным жаром предался поэтическому творчеству.

В это время им были написаны: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», почти закончен «Евгений Онегин», написаны: «Домик в Коломне», «Пир во время чумы» и много лирических стихотворений».

Так описывает этот под'ем творчества Пушкина В. Брюсов, не понимая его причины. Для нас теперь этот под'ем и плодотворность творчества Пушкина вполне понятны: сильное половое влечение, не получившее прямого выхода, превратилось в высшие мозговые процессы, в творчество.

Специальное исследование, произведенное мною по этому вопросу, дало мне громадный материал, и я очень рекомендую молодежи чтение биографий великих людей.

Вот, например, Бетховен. Он был страстной натурой, но, обладая некрасивой наружностью, не находил взаимности. По словам биографа, «прибежищем всех его неудач было его творчество. Величайшее произведение его, «Героическая симфония», являясь истинным достижением бетховенского гения, было написано в момент неудач».

Во всех биографиях великих ученых красной нитью проходит длительное половое воздержание.

И, во всяком случае, периоды половой распущенности только обессиливают творчество, что очень хорошо отмечено

тем же Пушкиным, который писал, что в такие периоды жизни поэта:

Молчит его святая лира,
Душа вкушает сладкий сон,
И средь детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Дальше Пушкин прекрасно отмечает, что «лишь божественный глагол до слуха тонкого коснется», т. е. наступает период творчества, поэт уходит на «берега пустынных вод, в широкошумные дубравы», т. е. уходит от мещанских наслаждений, погружаясь целиком в творчество.

Итак, все сказанное с несомненностью убеждает нас в том, что половая энергия очень близка по своей природе к высшим формам нервно-мозговой энергии и может легко трансформироваться (превращаться) в эти высшие формы.

А отсюда с такой же несомненной ясностью вытекает и следующий вывод — о важности и нужности полового воздержания для усиления процесса творчества. Особенно, конечно, важно это воздержание в ранней юности, когда еще не закончено физическое развитие организма и когда, следовательно, расходование ценнейших по своему составу половых продуктов особенно вредно отражается на общем развитии и, в частности, на высшей нервной (психической) деятельности.

Вот к каким выводам приводят нас последние научные завоевания в этой области [1].

(„Комсомольская Правда")

В. Дмитриев

КАК ЛУЧШЕ ЖИТЬ?

«Разве на 30 рублей можно ж и т ь? На эти деньги только с у щ е с т в о в а т ь можно». Так восклицает в своем письме, присланном в редакцию «Комсомольской Правды», комсомолец, рабочий Николай П. Он говорит, конечно, не только свои слова. То, что волнует его, волнует и многие тысячи рабочей молодежи.

Как лучше жить, лучше одеться, лучше питаться, красивее обставить квартиру, чаще ходить в баню и в театр,

[1] Более подробное освещение этого вопроса читатель может найти в моей статье „Биологические основы половой жизни" в журнале „Вестник Просвещения" № 9 за 1925 г.

покупать книги, как делать все это, зарабатывая каких-нибудь 30—40 рублей в месяц? В этом—самый острый из всех бытовых вопросов, стоящих перед рабочей молодежью.

Можно ли поднять свое благосостояние в одиночку? Можно ли улучшить материальное положение отдельного парня, отдельной рабочей девушки, не улучшая одновременно общего положения, не подымая одновременно благосостояния всего рабочего класса?

Наша задача состоит в том, чтобы научиться самим и научить всю рабочую молодежь одной основной истине: только поднимая производительные силы страны, повышая производительность труда, улучшая качество продукции, строя новые фабрики и заводы, налаживая товарооборот, электрифицируя и машинизируя деревню, охватывая кооперативной сетью все деревни, поселки и волости, только строя социализм, мы будем постепенно, шаг за шагом, ступенька по ступеньке подымать благополучие всей страны и рабочей молодежи в частности.

Ответ на вопрос, который мы поставили в начале статьи, будет следующий: чтобы лучше жить, чтобы украсить и упорядочить свой быт, нужно прежде всего вместе со всем рабочим классом работать и бороться во имя завтрашнего дня.

Нужно научиться этот завтрашний день представлять себе не только в виде отвлеченной формулы. Нужно чувствовать его во плоти и крови.

Однако мы вовсе не проповедуем аскетизма во имя завтрашнего дня. Мы рисуем себе рабочую молодежь не худосочными мучениками, а здоровыми во всех отношениях, полнокровными, жизнерадостными людьми, умеющими не только мечтать, но и бороться, и строить, и сочетать свою личную жизнь, личные запросы с борьбой и строительством.

У Кузьмы Пруткова есть стихотворение о том, как Дон Педро Гомец, по прозванию «Лев Кастилии», осаждает неприступный замок. Дон Педро Гомец и все его девятитысячное войско дали обет, что за все время осады они не возьмут в рот ничего, кроме молока. Осада длилась несколько лет. Дон Педро и его войско, правда, не взяли замка, но зато сдержали свой обет, и к концу осады от девятитысячного войска осталось 19 человек.

Проповедь сознательного, самодовлеющего аскетизма в наших условиях уподобилась бы этому нелепому обету.

Однако для многих тысяч рабочей молодежи, как мы уже писали выше, плохое питание, плохая одежда, холодная

квартира—вовсе не выдуманные, сознательно проводимые аскетические заповеди. Для них это, правда, временная, но все же существующая суровая необходимость.

Давая общее разрешение вопросам, мы одновременно должны помочь рабочей молодежи лучше жить в пределах той возможности, которая нами уже завоевана. Нам нужно научиться самим и научить всю рабочую молодежь лучше использовать свой бюджет. Жить вровень с бюджетом, но жить как можно лучше.

Сберегательные кассы, кассы взаимопомощи, социальное страхование, лагери для подростков, дома отдыха, чистота в казармах и общежитиях, организация образцовых коммун, рабочий кредит, пользование библиотекой — все это облегчит и украсит жизнь молодого рабочего.

Бедность, плохое житье часто толкают рабочего подростка, рабочего юношу и девушку к пьянству, к распущенности всех сортов. В пьянстве, в хулиганстве, в половой распущенности расшвыриваются силы, нервы.

Второй крупнейший бытовой вопрос — это борьба против распущенности, борьба за упорядочение быта. Перед нами, как постановил XIV партс'езд, «стоит необходимость борьбы за упорядочение жизни и быта как внутри Комсомола, так и вне его, среди беспартийной рабочей и крестьянской молодежи».

Путь к упорядочению быта, к борьбе с распущенностью лежит в первую очередь опять-таки через упорядочение бюджета. Сплошь и рядом рабочий парень живет так: перед получкой он питается хлебом, солью и водой. После получки он несколько дней «шикует». Тут появляются на сцену и пиво, и прочие прелести. Потом опять переход на прежнее положение, опять подтягивание ремня.

Другая форма борьбы с распущенностью — правильная организация досуга молодежи. До сих пор мы еще не изучили, что же делает рабочий подросток в свободное время, чем заполнены его вечера, что привлекает его на пьяные домашние вечеринки, на дедективные картины, на бульвар и в пивную. Из этого изучения мы сумеем сделать и выводы о том, что можно противопоставить этим нездоровым увлечениям.

Действительно ли рабочий подросток ищет только развлеченья, только веселья во что бы то ни стало? Нам кажется, что это не так.

Оживление нашей клубной работы, то оживление, которое мы противопоставляем пьянству, хулиганству, распущенности, должно в первую очередь итти по линии острой и смелой постановки перед всей рабочей молодежью наиболее

больных, наиболее близко касающихся рабочего подростка вопросов. Эти вопросы нужно ставить так и в такой форме, чтобы они дошли до сознания самого отсталого. А что такие глубоко волнующие, затрагивающие насущный интерес каждого рабочего подростка вопросы есть, что рабочая молодежь этими вопросами болеет, ответа на них напряженно ищет, в этом сомневаться не приходится.

Полудикому веселью и кабацким развлеченьям нужно противопоставить не только разумный досуг и разумное развлечение (это тоже дело первостепенное), но и работу вместе со всей молодежью над разрешением действительно близких и тревожащих ее вопросов, над выковкой цельного и продуманного мировоззрения.

(„Комсомольская Правда")

ВСЕМ ОРГАНИЗАЦИЯМ ВЛКСМ «О БОРЬБЕ С ПЬЯНСТВОМ»

I

XIV партс'езд в своем постановлении о работе Комсомола обратил внимание на борьбу за упорядочение жизни и быта молодежи. Одной из крупнейших отрицательных сторон бытовой жизни молодежи является пьянство.

Развитию пьянства среди молодежи особенно способствуют:

1. Плохое материальное положение и ненормальность жилищно-бытовых условий жизни значительных слоев рабочей молодежи.

2. Низкий культурный уровень молодежи и слабое внимание, уделяемое комсомольскими организациями культурному обслуживанию рабочей молодежи, что, в частности, и приводило молодежь к организации различных «вечеринок», неизменно сопровождавшихся выпивкой.

3. Неорганизованность общественного мнения против пьянства, а также недостаточность раз'яснительной работы среди молодежи, в связи с выпуском сорокаградусной; нездоровое, иногда даже поощрительное отношение к пьянству молодежи со стороны взрослых.

Все это создает почву для роста пьянства среди молодежи и втягивания в него новых, еще не затронутых ее слоев.

Если этими причинами можно об'яснить пьянство среди масс молодежи, то в среде комсомольского актива его ни в коем случае нельзя оправдать.

Пьянство в активных слоях Комсомола, являющееся следствием усталости, переутомленности, а также неорганизованности быта, неумения разумно использовать свой досуг и т. д., особенно опасно как с точки зрения физического оздоровления, так и с точки зрения успешного развития союзной работы. Пьянство в среде актива тормозит работу с алкоголизмом среди комсомольцев и молодежи, тогда как в этом отношении актив должен быть примером.

Поэтому необходимо ясно сознавать, что успех намеченных по борьбе с алкоголизмом мероприятий будет обеспечен в том случае, если на ряду с широкой культурно-просветительной работой в массах будет проведена соответствующая работа в активе, будет дисциплинирован актив союза, что облегчит работу в широких массах молодежи.

II

На ряду с работой за улучшение материального положения молодежи и за организацию и улучшение ее быта Комсомол должен развернуть активную борьбу с пьянством. Основные мероприятия по борьбе с пьянством должны итти по линии:

а) оживления и усиления культурно-просветительной работы среди молодежи;

б) организации против пьянства общественного мнения всего союза и беспартийной молодежи.

Борьбу против пьянства необходимо связать с задачей общего оживления работы Комсомола, рассматривая ее не как очередную кампанию, а как повседневную систематическую работу среди молодежи, рассчитанную на долгий период.

В задачу ячеек и комитетов должны входить:

а) широкая организация вечеров, спектаклей, постановок;

б) распространение среди молодежи билетов в кино, в театры, на концерты, коллективное посещение их;

в) продвижение в массы молодежи книг, журналов, газет;

г) усиление работы культурных учреждений, обслуживающих молодежь (библиотеки, читальни, музеи, радио, выставки, юнсекции клубов и др.);

д) энергичное развитие работы по физкультуре, возможно лучшее использование спортивных площадок, купален и т. д.

е) развитие санитарного просвещения среди молодежи (санитарно-гигиенические лекции, беседы, суды, распростра-

нение плакатов), считая эту работу также одной из задач физкультурных кружков;

ж) раз'яснение причин и значения выпуска сорокаградусной, на основе тезисов Агитпропа ЦК ВКП, опубликованных 21-го февраля с. г. в центральной печати.

Необходимо добиться активного участия комсомольцев и рабочей молодежи в работе по культурному воспитанию масс. На конференциях молодежи надо ставить в порядок дня вопросы культурного обслуживания молодежи, а также собирать по этим вопросам совещания (на первое время в заводском масштабе).

Учитывая огромную роль печати (газет, журналов и художественной литературы) в борьбе с пьянством, поставить очередной задачей комитетов в ближайшее время посмотреть, насколько содержание печатных изданий отвечает запросам молодежи, а также проверить степень их распространенности среди молодежи и наметить ряд мер к устранению обнаруженных недостатков.

На ряду с оживлением и усилением культурно-просветительной работы клубов и юношеских секций, считаясь с невозможностью охвата клубами всей рабочей молодежи, а также учитывая имеющуюся в среде рабочей молодежи потребность общения в более узком кругу, поставить задачу «окультивирования» домашних вечеринок, искоренения там пьянства, внося в них элементы здорового развлечения. Кроме того, полезно проводить комсомольские вечеринки, развивающие общественность и культурные развлечения.

Добиваясь общего оживления работы юношеских секций рабочих клубов, необходимо особо учитывать дни выдачи заработной платы, приурочивая к ним устройство вечеров и комсомольских вечеринок, которые, как показывает опыт, способствуют сокращению пьянства.

III

Борьба с пьянством среди деревенской молодежи должна итти (как и в городе) прежде всего по линии усиления массовой культурной и политико-просветительной работы комсомольской ячейки, с учетом особенностей быта крестьянства.

В этой работе надо выделить организацию деревенских вечеринок в дни религиозных праздников, с которыми в деревне обычно связано и пьянство. Им необходимо противопоставить заранее подготовленные комсомольские вечеринки, летние гулянья и празднества, стремясь повлиять на устраиваемые беспартийной молодежью вечеринки в сторону недо-

пущения на них пьянства и хулиганства и отвлекая от пьянства и хулиганства прежде всего комсомольцев.

В агитационной работе, направленной против пьянства, надо особенно подчеркивать, что пьянство подрывает крестьянское хозяйство, влечет за собой драки, убийства, пожары и другие уродливые явления крестьянской жизни.

IV

Кроме общей задачи улучшения материального положения молодежи и помимо культурно-просветительных мер в Комсомоле и в среде рабочей и крестьянской молодежи, необходимо вокруг борьбы с пьянством создать широкое общественное мнение.

В комсомольских ячейках общественное мнение должно быть организовано под лозунгами: «Комсомолец не должен пить», «Комсомол борется с пьянством».

Одной из форм борьбы за культурный быт VII с'езд ВЛКСМ наметил кружки по борьбе с алкоголизмом при клубах и т. п. учреждениях. Эти кружки необходимо всячески развить, облегчая их работу в массах.

Необходимо сосредоточить внимание комсомольцев и молодежи на том обстоятельстве, что пьянство среди общественных работников срывает общественно-политическую работу, ведет к растратам, подрывает народное хозяйство и авторитет соответствующих организаций в глазах рабочих масс и крестьянства.

Необходимо повести раз'яснительную работу об особом вреде пьянства для организма молодежи, энергично борясь с поощрительным отношением к пьянству молодежи со стороны некоторых взрослых. Как в борьбе с пьянством актива, так и среди комсомольцев вообще, прибегая к культурно-просветительным мероприятиям, нельзя забывать и о мерах дисциплинарного порядка, привлекая к союзной ответственности участвующих в пьянстве и хулиганстве. Конфликтные комиссии при комитетах должны быть привлечены к этой работе.

Против пьянства нужно создать общественное мнение девушек, а также привлекать для борьбы с пьянством пионеров.

Самое серьезное внимание надо обратить на борьбу с употреблением спиртных напитков среди пионеров, перешедших в Комсомол, имея в виду, что подобные явления разлагающе действуют на пионерскую среду, тогда как среди

пионеров необходимо укреплять отрицательное отношение к пьянству, курению и т. п.

Агитация и пропаганда по борьбе с пьянством среди молодежи должна проводиться следующими лозунгами:

1. Комсомол—враг пьянства. Комсомолец не должен пить.
2. Пьянство понижает материальный и культурный уровень молодежи.
3. Пьянство—ближайший спутник хулиганства.
4. Пьянство ведет к растратам, прогулам; пьянство разрушает социалистическую промышленность.
5. Пьянство разрушает здоровье молодежи.
6. Пьянство—наследие старого быта царской России.
7. Пьянство—несовместимо с званием коммуниста, комсомольца, нового человека.

Секретарь ЦК ВЛКСМ Ал. Мильчаков

Зав. Политпросвет ЦК ВЛКСМ И. Жолдак

КОМСОМОЛЬСКИЙ БЫТ, КАК ОН ЕСТЬ

„...Комсомол не может обойти молчанием вопросы быта, которые обостряются обстановкой хозяйственного роста. Разлагающему влиянию нэпманских и мещанских элементов надо противопоставить организованную борьбу за рационализацию быта; Комсомол должен широко обсуждать подобного рода вопросы на общих собраниях, поощрять организацию добровольных об'единений вокруг и под руководством РЛКСМ, имеющих целью борьбу за эту рационализацию и за повышение культурного уровня комсомольской массы и рабоче-крестьянской молодежи вообще...“

(*Из резолюции XIV с'езда ВКП „О работе РЛКСМ“*)

КОМСОМОЛЬСКИЕ ЯЧЕЙКИ О БЫТЕ[1]

Резолюция по докладу о новом быте яч. Лихоборы, Моск.-Окр. жел. дор.

Заслушав доклад тов. Стратоницкого «О новом быте», мы, комсомольцы ячейки ст. Лихоборы, примем к сведению все сказанное тов. докладчиком, постараемся изучить вопросы «нового быта» и устранить все недостатки, заменять их здоровыми, полезными обществу и человеку бытовыми условиями. Мы, в первую очередь, обращаем внимание на поднятие производительности труда, на хулиганство, пьянство и кокетничество, которое так сильно развито в союзе и мешает общественной работе. Мы, по возможности, постараемся организовать ячейку «нового быта» и приветствуем высшие органы в том, что они не обошли молчанием вопрос о «новом быте», направляя молодежь к здоровой и полезной жизни.

Да здравствует новая, полезная и здоровая жизнь.

Председатель Володин.

Секретарь Андреев.

Резолюция ячейки фабрики «Дукат»

Заслушав доклад тов. Кривоносова о новом быте, собрание рабочей молодежи фабрики «Дукат» считает, что в связи с огромнейшей задачей, стоящей перед партией в переустройстве старого буржуазного мещанского быта, Комсомол должен уделить этому вопросу особое место в своей повседневной работе.

---

[1] Резолюции некоторых комсомольских ячеек по вопросу о новом быте и материал бытовых судов в комсомольских ячейках взяты нами из книги Я. Стратоницкого „Вопросы быта в Комсомоле". Изд. „Прибой".

Прим. составит.

Обедая дома за столом, работая у станка на фабрике или занимаясь в кружке при клубе, комсомолец должен понимать, что он обязан быть всем и всему пример.

Внимание поднятию производительности труда, поднятию культурного уровня молодого поколения должно быть отмечено у всех комсомольцев. Беречь время, разумно использовать таковое, учиться самому на работе, с книгой и в кружке и учить других — в этом задача нового быта.

Признать девушку другом и товарищем, помочь отсталым. Тратить деньги на книгу, вместо пива, не шиковать, а одеться чисто, красиво и хорошо—эту задачу должен выполнить комсомолец и показать пример.

Резолюция общего собрания ячейки РЛКСМ 8-го группкома пищевиков от 28-го ноября 1924 г.

Заслушав доклад тов. Стратоницкого о быте, общее собрание считает, что пролетариат вообще и Комсомол, как самая активная часть рабочей молодежи, должны иметь свою классовую мораль, т. е. известные правила, которых мы придерживаемся в нашей повседневной жизни, которые должны служить в пользу рабочего класса и всего общества, в противовес буржуазии, которая строит свою мораль для получения наживы.

Одной из главных сторон быта для Комсомола и рабочей молодежи являются отношения парня к девушке, которыми мы не должны ни в коем случае нарушать их работу на производстве, в ячейке и т. д., а наоборот, должны относиться к девушке как к равному товарищу.

Собрание считает, что вопрос быта является одним из насущных и необходимых вопросов, а потому создает комиссию и с ее помощью поставит вопрос быта на такую высоту, чтобы создать из нас хороших комсомольцев и партийцев.

Комиссию собрать немедленно в составе 3 человек.

КАК КОМСОМОЛ БОРЕТСЯ С ОТРИЦАТЕЛЬНЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ БЫТА

Обвинительный акт

Бюро ячейки 4-го дома подростков считает нужным привлечь к ответственности члена РКСМ, тов. Горелову, по обвинению ее в посещении церкви, в чем она созналась сама на общем собрании ячейки 15/VIII 1924 г., что ни в коем

случае не допустимо для сознательной комсомолки, которая знает, что посещать церковь—это поддерживать обман и терять время, которое может быть использовано для чисто товарищеской работы. И тем более надо поставить в вину тов. Гореловой, что она относилась халатно и небрежно к политическим кружкам и не посещала их, в то время как она должна была бы, как настоящая комсомолка, посещать антирелигиозный кружок, чтобы убедиться в том, что бога действительно нет. Тов. Горелова же, будучи несознательной и политически неразвитой, вступив в ряды РКСМ, не хотела работать над собой и узнавать в кружках настоящие понятия и истины и вместо того ходила в церковь, что бюро ячейки и ставит ей в вину.

Приговор

Именем Российского Коммунистического Союза Молодежи политсуд 4-го производственного дома подростков в составе судьи тов. Пеньковой и заседателей Гвоздевой и Афониной, при обвинителе тов. Стратоницкой и защитнике тов. Николаеве, ознакомившись с содержанием дела по обвинению члена РКСМ тов. Гореловой в посещении церкви на Рождестве 1923 г., нашел факт доказанным, в чем сознается и сама обвиняемая, но, принимая во внимание пролетарское происхождение тов. Гореловой, ее несознательность и малую политическую подготовленность, а также считаясь с ее желанием остаться в рядах РКСМ и активно работать, постановил:

Тов. Горелову оставить в рядах организации, предложив ей работать в кружках и ликвидировать свою политнеграмотность. И поставить в то же время на вид бюро ячейки неравномерное распределение обязанностей среди членов РКСМ и недостаточную воспитательную работу в ячейке.

*

Обвинительный акт

Следственная комиссия ячейки РКСМ фабрики Москвошвей № 3, ознакомившись с содержанием дела, считает нужным привлечь к союзной ответственности члена РКСМ с 1923 г. тов. Волкову по обвинению в том, что она, являясь активной комсомолкой и состоя членом бюро ячейки, выйдя замуж, совершенно порвала связь с организацией, перестала посещать кружки, с февраля месяца 1924 г. не платит членских взносов и не посещает общих собраний ячейки РЛКСМ, несмотря на указания со стороны бюро ячейки.

14-го февраля 1925 г.

Приговор

Именем Российского Ленинского Коммунистического Союза Молодежи политсуд райкома РЛКСМ Красной Пресни в составе судьи тов. Артамонова и заседателей Граната и Стратоницкого, при обвинителе тов. Галкине и защитнике тов. Фурлетове, в заседании своем 20-го февраля 1925 г. на фабрике Москвошвей № 3, ознакомившись с содержанием дела по обвинению члена РЛКСМ тов. Волковой в халатном отношении к Комсомолу, выразившемся в том, что она, выйдя замуж, не платит членских взносов в продолжение 11 месяцев, не посещает общих собраний ячейки и не участвует в работе кружков, постановил:

Тов. Волкову из рядов организации исключить. Но принимая во внимание ее пролетарское происхождение (дочь рабочего) и ее шестилетний производственный стаж, предоставить ей право вступления в РЛКСМ наново по осознанию ею задач союза.

Кроме того, суд считает нужным передать дело по партийной линии в ячейку мужа для привлечения его к партийной ответственности за то, что он совершенно не интересовался общественной деятельностью своей жены и способствовал ее выходу из Комсомола. Приговор окончательный.

Может быть обжалован в двухнедельный срок в районный комитет РЛКСМ Красной Пресни.

*

Обвинительное заключение

В первых числах января месяца сего года в Красно-Пресненский райком РЛКСМ поступило заявление комсомолки Лавицкой о том, что, по имеющимся у нее сведениям, член РЛКСМ Рутковская, Анна Исааковна, сделала себе аборт.

Бытовая комиссия Красно-Пресненского райкома, ссылаясь на то, что Рутковская, как комсомолка, об аборте райкому сама не сообщила, и считаясь с тем, что в связи с поднятой кампанией по борьбе со старым, гнилым бытом аборт является результатом этого быта, решила: назначить комиссию по выяснению причин, заставивших Рутковскую сделать аборт.

Комиссия установила:

1) что Рутковская, работающая на фабрике Трехгорной мануфактуры в качестве ткачихи, получает оклад жалованья в 47 рублей, что она замужняя и муж ее работает в типографии б. Сытина, тоже получает приличный оклад, так что они

были материально обеспечены, и предположение, что аборт ею сделан из-за критического материального положения, отпадает;

2) что Рутковская, как явствует из ее личных показаний, совершенно здорова, и нельзя предполагать, что аборт ею совершен по медицинским показаниям или что ребенок оторвет ее от общественной работы, так как она могла ребенка устроить в яслях;

3) что Рутковская, будучи довольно развитой, вполне должна была осознать вред, который приносит аборт как для самой женщины, так и для общества,

На основании вышеизложенного, бытовая комиссия Красно-Пресненского райкома РЛКСМ постановила:

Привлечь Рутковскую А. И., Таврической губернии, Симферопольского уезда, г. Алушты, члена РЛКСМ, замужем, не судившуюся, к союзной ответственности, устроив над ней показательный суд за нарушение комсомольской этики, за совершение действий, укрепляющих старый быт, за недостаточную стойкость, не подобающую члену Ленинского Союза Молодежи, что предусмотрено § 9 устава РЛКСМ.

Председатель (подпись).

Члены (подписи).

Приговор

Именем Российского Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

1925 г., февраля 15 дня, показательный суд Бытовой комиссии базы РЛКСМ Высших кооперативных курсов, заслушал на своем открытом заседании, в составе председателя тов. Гутермана, членов суда Будакова и Петухова, при секретаре Тараканової, дело по обвинению члена РЛКСМ Рутковской в том, что она в конце 1924 года сделала себе аборт.

Ознакомившись со всем имеющимся в деле материалом обстоятельного допроса обвиняемой, показаний свидетелей и выступления сторон, установил, что обвиняемая — рабочая с 17 лет — сделала себе аборт в декабре месяце 1924 года. Она мотивирует свой поступок тем, что не хотела углубиться в личную жизнь, считая, что иметь ребенка значит уйти от части общественной работы и предаться ребенку. Обвиняемая вела работу среди пионеров, в политкружке, по целым дням и вечерам была занята, и ей не хотелось отрываться от этой работы. Обвиняемая не понимала, что можно иметь

ребенка, отдать его в ясли, дом ребенка и таким образом абсолютно не оторваться от работы. Она не понимала, что вопрос о деторождении — не совсем уже личное дело, что это касается всего общества. Если все здоровые коммунистки и комсомолки будут исходить из тех соображений, из которых исходила обвиняемая, а буржуазия, будучи свободной, будет рожать, где же будет наше новое общество?

Муж обвиняемой, член РКП, тоже неправильно подошел к оценке этого вопроса. Он, как член партии, вместо того, чтобы подействовать на свою жену, уяснить ей, как коммунисты подходят к этому вопросу, сказал ей, что это — ее личное дело, и он не считает нужным вмешиваться.

На основании вышеизложенного, суд, исходя из тех соображений, что Комсомол, Ленинский Комсомол должен всегда быть впереди, показывать пример беспартийной молодежи во всем, также при строении нового быта, и что член РЛКСМ всегда должен подходить к любому вопросу и оценивать его с общественной стороны, и, считаясь с § 9 устава РЛКСМ, всегда способствовать борьбе со старым бытом за новое общество, п р и г о в о р и л:

Вынести Рутковской, члену РЛКСМ с 1922 года, рабочей, не судившейся, замужней, Таврической губ., Симферопольского уезда, г. Алушты, общественный выговор с об'явлением в печати и исключить у с л о в н о из союза сроком на 2 года, предложив ей углубить свои знания по половому вопросу, гигиене брака.

В отношении мужа ее И в а н о в а сообщить в райком РКП (б).

Приговор окончательный. Срок обжалования—2 недели, в МК.

Председатель (подпись).

Члены (подписи).

*

О п р е д е л е н и е

В виду поступившего заявления, что свидетельница комсомолка Р а к и т и н а носит золотое кольцо, суд п о с т а н о в и л: предложить Ракитиной сдать это кольцо в трехдневный срок в фонд Детской комиссии.

Определение окончательное. Срок обжалования—7 дней, в райком.

Председатель (подпись).

Члены (подписи).

Г. Бергман

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ

Это—гражданин Романов, посейчас состоящий членом организации ВЛКСМ местечка Корсунь и членом райкома. Что такое неприкосновенный комсомолец? Это такой комсомолец, которого никак невозможно вышвырнуть из Комсомола, несмотря на многочисленные художества, несмотря на возмущение рабочей массы, несмотря на отчетливо выраженное мнение многих членов союза. Что же это за таинственная сила, оберегающая покой тех, кого очень и очень нужно бы побеспокоить?

Редакция получила письмо из местечка Корсунь, Черкасского округа. Сообщение сводится к следующему. Романов, секретарь ячейки КСМ 1-го госуд. завода красок, был в половой связи одновременно с двумя женщинами, из коих одна—пионерка 16-и лет; выгонял жену с ребенком из своей комнаты и т. д. По предложению одного из членов бюро ячейки, бюро поставило на своем заседании вопрос о поведении Романова. Автор письма сообщает: «Романов сказал, что не дело Комсомолу мешаться в мою личную жизнь. Бюро услыхало такое авторитетное слово, как секретаря ячейки и члена бюро райкома, то все замолчали».

Однако через некоторое время «уже под нажимом членов ячейки устраивают закрытое собрание ячейки. «Вот тут-то и появляются на сцену люди из «вышестоящего органа», считающие своим долгом выступить на защиту оскорбленной секретаревой невинности. «На собрание ячейки,—пишет корсунский товарищ,—пришел секретарь райкома КСМ, некий тов. Сталинский. Во-первых, выступил сам Романов, как секретарь ячейки, и он заявил... «кому какое дело вмешиваться в мою жизнь? Я хочу две жены иметь, какое кому дело?»

«После Романова хотели выступать комсомольцы, но секретарь райкома не дал дальше разрешать этого вопроса и стал грубо говорить... Кому какое дело мешаться в его личную жизнь, а если еще кто-нибудь что-нибудь будет говорить о Романове, то даже до исключения дойдет из Комсомола, а не то в личное дело занесем. Вот как отнесся к этому вопросу секретарь райкома. Что ж, ребят напугали, все молчали, как воды в рот набрали, а некоторые стали итти по примеру секретаря ячейки,

стали стрелять за молоденькими пионерками... а некоторые комсомольцы ударились за проститутками, и здесь полный хаос».

На этом дело не кончилось. Секретарь, почуяв безнаказанность, множил свои подвиги. Об этом знали не только комсомольцы, но и беспартийная масса. Она возмущалась, и возмущение это переносила на весь Комсомол. «И в конце концов публика не давала прохода комсомольцам, а особенно рабочие...—называют развратниками, убийцами, так что́ же здесь приходится делать, жизни нет и остальным комсомольцам через Романова».

Тем временем бюро ячейки было переизбрано, и Романов в секретари уже не попал. Комсомольцы упорно требовали исключения его из союза. «Наконец,—пишет товарищ,—созывается снова закрытое бюро ячейки»... Однако «бюро ничего не могло сделать, так как Романов начал играть какую-то роль, стал плакать и кричать, что я застрелюсь, когда меня исключите,—бюро испугалось»...

Когда Романов был «у власти», он терроризировал массу и использовал свое положение для самообороны; теперь он переменил личину и пускает в ход истерику.

Не решаясь взять на себя почин в исключении Романова (ведь у него есть покровители «наверху»), бюро ставит вопрос невырешенным на общее собрание ячейки. «Пришло собрание, один за одним хладнокровно высказываются, и почти все высказались за то, чтобы Романова исключить из нашей организации, из наших коммунистических рядов».

Но вот—«выступают два члена бюро ячейки, некий Сталинский и Канюка... Они специально пришли в качестве защитников со стороны Романова, они вот на чем основывались: никогда не может быть, чтобы Романова исключить из Комсомола, он активист, член райкома КСМ, без него работы у вас не будет никакой».

Разукрасив «деловыми» доводами укрывательство разложившегося активиста от суда массы и революционной этики, «адвокаты» взялись обелять Романова вчистую. Разврат и т. п.? Пустяки, тут «страшного ничего нет, а если он немножко ошибся, так что же такого», кто не ошибается...

А итог? Итог понятный: «вот бюро райкома снова своими выступлениями сумело переубедить комсомольскую массу, итак Романов остался в наших коммунистических рядах, остался заражать своей болезнью всех комсомольцев».

В чем основной смысл корсунского «случая»? Бюро ячейки никак «не может» (?) справиться с одним прохвостом. Нажимает вся ячейка—тогда: запугивание, потом уговоры, и краснобаи из райкома тут как тут. На глазах у рабочей массы из кожи лезут вон, чтобы отстоять «незаменимого работника».

Основной смысл «романовщины» состоит в грубом нарушении внутрисоюзной демократии, в зажиме, в отрыве актива от масс.

Корсунь — не одинока.

29-го июня в «Комсомольской Правде» было помещено сообщение из Минска:

«Вопрос о взаимоотношениях комсомольского актива с рядовыми членами союза приобрел в минской организации особенную остроту».

Что же выяснилось в Минске? «Казенное отношение старого актива к выдвижению новых людей». «Чаще всего от активиста услышишь начальственное приказание, окрики, грубые насмешки. Больше практикуется нажим, чем убеждение». «Когда рядовик выступает, актив сидит в кучке и посмеивается».

Еще: «актив почти не читает «Комсомольскую Правду» и местную комсомольскую газету... Поверхностный подход к союзным обязанностям и полное незнание запросов рядовых комсомольцев».

Было бы, конечно, неправильно думать, что подобными «чудесами» богат один Минск...

Что же нужно делать для устранения таких явлений?

Нужно усиливать воспитательную работу. Нужно помочь массе тщательнее отсеивать, отбирать состав актива. Нужно отучить кого следует прятаться за опасение «дискредитировать» организацию: вот когда руководители организации занимаются укрывательством таких, как Романов, тогда, действительно, они ее дискредитируют.

Но все меры будут иметь успех лишь на одной основе—на основе активности самих масс. Иначе наилучшие решения о внутрисоюзной демократии, об оздоровлении быта и любые иные повиснут в воздухе.

(„Комсомольская Правда").

Г. Бергман

БУМЕРАНГ

По поводу «романовщины»

К сведению товарищей-читателей, а также некоторых руководителей организации Комсомола гор. Корсуни, Черкасского круга, поясняем: бумеранг—метательное оружие, употреблявшееся коренными жителями Австралии—представляет собою простой кусок дерева, выдолбленный и изогнутый столь хитроумным способом, что, поразив противника, возвращается к метальщику. Но если бумеранг метнет неопытная рука, то он в цель не попадет; зато, описав дугу, добросовестно вернется к бросившему и, бывает, хлопнет его по лбу, да пребольно.

Вот такой-то бумеранг, в виде увесистого и вполне неудачного «опровержения», пущен в пространство руководителями корсуньской организации. Метили в «Комсомольскую Правду»; угодили же, чудесным образом, в собственный лоб. Как и почему приключился пренеприятный этот случай, видно из нижеследующих фактов.

8-го июля в «Комсомольской Правде» был помещен мой фельетон «Неприкосновенный», содержание коего сводится, вкратце, к следующему. Некто Романов, член корсуньского райкома, секретарь ячейки КСМ 1-го гос. завода красок, развращал пионерок, измывался над своей женой и т. д. Комсомольская масса требовала исключения Романова. Вопрос о поведении Романова ставился четыре раза: дважды на бюро ячейки и дважды на общем собрании. Но исключить его не удалось, благодаря нажиму на массу со стороны его покровителей из райкома. На основании всего этого мы обвиняли этих «покровителей» в зажиме и т. п.

Фельетон был написан на основании корреспонденции, присланной из Корсуни. Через некоторое время редакция получила, как водится, «опровержение». Статья была напечатана 8-го июля. А уже 12-го состоялось заседание корсуньского райкома КСМ (когда требуется «опровергать»—работают быстро), принявшее постановление, первый пункт коего гласит:

«Все факты и принципиальные моменты, выдвинутые тов. Бергманом в статье «Неприкосновенный» — «Комсомольская Правда» № 154, от 8/VII 1926 г. — против корсуньской организации ЛКСМУ, считать в корне неверными, не соответствующими действительному положению вещей в корсуньской организации ЛКСМУ».

В письме в редакцию, подписанном руководителями райкома, они заявляют, что никакого зажима и отрыва от массы в Корсуни, слава богу, не имеется, в подтверждение чего говорится, между прочим, об обновлении (на перевыборах бюро ячеек) актива на 48%. Заметим мимоходом, что дело не в том, на сколько процентов обновлен актив, а в том, как и какими способами работает этот обновленный актив.

Вот на этот счет у`нас имеются солидные сомнения, которые присланными документами[1] не только не устраняются, а, напротив, усугубляются. Больше того. Мы полагаем, что нужно обладать, деликатно выражаясь, выдающейся смелостью, чтобы такими документами подпирать шаткое строение своего «опровержения». Ибо документы эти целиком и полностью не опровергают, а подтверждают то, что сообщил нам корсуньский корреспондент и что послужило основанием для фельетона.

Рассмотрим, например, протокол общего собрания ячейки КСМ завода красок от 16-го июня. Один за другим выступают девять товарищей, единодушно требуя исключения Романова.

Вот краткие отрывки из нескольких речей:

Василенко: «Вся Корсунь говорит о том, что... он бил свою жену...»

Марчеховский: «Вопрос о Романове ставится на собрании уже второй или третий раз[2]. Когда тов. Романов был еще секретарем, он заявил, что никто не имеет права вмешиваться в его личную жизнь, а кто будет вести о нем разговоры и следить за ним, тому он рожу набьет, и закрыл собрание (это не зажим? Г. Б.)... Мое предложение: за развращение пионерорганизации, за некомсомольское поведение исключить тов. Романова из Комсомола».

Свенцицкий: «Тов. Романов... подрывает авторитет нашей ячейки... Секретарь райкома тов. Сталинский на собрании запретил высказываться по этому вопросу (это не зажим? Г. Б.), вследствие чего это дело осталось нерассмотренным. Все же этот вопрос снова всплыл... Такого комсомольца нужно исключить из наших рядов».

---

[1] Документы присланы на украинском языке.

[2] Кстати, почему корсуньский райком не прислал нам все-таки всех документов, например: протоколы двух заседаний бюро, одного собрания ячейки и т. д. Невредно бы взглянуть!

Г. Б.

Коган: «Когда тов. Романов был секретарем ячейки, вожатым базы (пионеров), он подорвал всю работу, весь авторитет нашей ячейки... Если раньше родители охотно отдавали своих детей в пионер-отряды, то теперь они ругают и бьют их за то, что те ходят в пионерорганизацию... Романов протаскивал в Комсомол своих любимчиков... Таких комсомольцев мы должны гнать».

Кудревич: «...Его нужно исключить из наших рядов. Если бы так провалился не активный парень, как вот тов. Романов, то его давно бы исключили».

Кучинский: «...Такие парни нам не нужны. Предлагаю исключить его из Комсомола».

Устенко: «Лучше исключить тов. Романова из Комсомола, чем потерять авторитет и доверие к нашей ячейке среди населения».

Так говорили рядовые комсомольцы и местные заводские активисты. Представители райкома держатся, повидимому, иного мнения насчет «авторитета и доверия» к организации. Тут же выступил член райкома Канюка:

«Романов гулял с пионеркой-комсомолкой, которая имеет уже 16 лет. По нашим законам она уже может выходить замуж. Поэтому здесь тов. Романов не совершил никакого преступления».

О том, что Романов был в половой связи одновременно с двумя; о том, что он на улице бил жену; о том, что он угрожал призывавшим его к порядку комсомольцам,—обо всем этом ни-гу-гу. «Никакого преступления!» Как вам это нравится, товарищи?

Засим выступил секретарь райкома Сталинский (тот самый, что на предыдущем собрании запретил говорить о Романове):

«Неправильную линию вел в пионерорганизации, подорвал авторитет ячейки, но все-таки это не есть преступление (!!!)... Исключать из Комсомола за это нельзя, а нужно вынести ему строгий выговор и занести в личное дело».

Ни один комсомолец не выступал против исключения Романова. Множество выступало за исключение. Но представителям райкома удалось его спасти от исключения нажимом—с одной стороны, половинчатыми карательными мерами—с другой. Ячейка приняла следующее постановление:

«Вынести тов. Романову порицание с занесением в личное дело. Снять с него все нагрузки и не выдвигать на работу».

Очень показательно, как разбились голоса: за это предложение—23, за исключение—13, воздержалось—12.

Сопоставьте это соотношение голосов с тем фактом, что ни один комсомолец не высказывался против исключения; сопоставьте факт присутствия и выступления членов райкома с фактом предыдущего зажима с их стороны и со стороны Романова — и действительное настроение ячейки станет даже отсюда из Москвы видно, как на ладони.

*

Теперь другой документ—протокол заседания райкома КСМ от 12/VII. Замечательный протокол!

Член райкома Канюка говорит, что члены ячейки «занимаются склоками против Романова и др. товарищей». Мнищенко: «Если подойти по-деловому, то никаких фактов нет (еще бы! Г. Б.), которые подтверждали бы статью». Векслер. «Я утверждаю, что тов. Романов не имел половой связи с Касаевой (пионеркой)». Векслер предлагает «пересмотреть (?!) актив ячейки».

Выступил и сам Романов. Он заявил, что оскорблен (угнетенная невинность!) и что он передаст дело прокуратуре (без угроз никак обойтись нельзя!) По существу же возведенных на него обвинений Романов не нашел ничего лучшего, как пустить в ход излюбленный приемчик—оклеветание обвинителей:

«Марчеховский думает, что я женился на пальто и сапогах, как он. Коган имеет со мной личные счеты. Чеблин на заседании бюро говорил одно, а на собрании ему подсказывает его девочка, и он говорит другое».

И только! Нам кажется, что уже этим способом самозащиты человек себя разоблачает. Против него факты, против него ячейка, уже есть постановление о порицании, о снятии с работы и т. д., а этот человек говорит о «личных счетах», и члены райкома его поддерживают, говоря о «склоке» и т. п.

Но особо характерным было выступление Радченки, члена райкома Комсомола и в то же время секретаря районного и члена окружного комитетов партии.

«Нам необходимо разобраться в «романовщине», застрельщиками которой являются Коган и Марчеховский (Радченко «романовщиной» называет борьбу против Романова и тоже валит все на личности. Г. Б.)

...Мы дадим ответ на статью, а теперь рассмотрим группу, которая занимается склочничеством в ячейке... Рома-

нов, как рабочий, не мог сойтись с мещанкой, буржуазным выродком. Партийный вывод такой: чтоб разойтись с таким элементом... Пионерке 16 лет, почему с ней не поговорить серьезно (чом же не можна з нею побалакать серьозно)? Таким образом этот вопрос сам собою отпадает. Если бы он имел половые сношения (ах, вот что значит сальная шуточка — «поговорит серьезно!» Г. Б.) с ребенком 11—12 лет, его бы следовало исключить. Если мы его сейчас выбросим, то это будет линия не ленинская (!!!), а мелко-буржуазная... Наш пленум должен сказать, что эта кучка (?) не в праве исключать тов. Романова. Выводы, по моему мнению, следующее: 1) все моменты в статье тов. Бергмана о нашей организации неверны в корне...»

Так-то.

Неудивительно, что у одного из членов ячейки, присутствовавшего на заседании райкома (тов. Чеблина), вырвалась горькая фраза: «Мы знаем, что вы умеете крыть низовые ячейки».

*

Исключен ли Романов, по крайней мере, из райкома? Этого из присланных документов не видно. Вместе с тем мы опасаемся, что в Корсуни ретиво принялись за «пересмотр» ячейки завода красок. Говорится о «пересмотре» (?) актива этой ячейки; в пункте 2 постановления райкома сказано о необходимости «выявить инициаторов «романовщины» и те болезненные явления, которые связаны с мелкобуржуазным влиянием на ячейку». Но ведь «мелкобуржуазным влиянием» руководители организации об'ясняют борьбу против Романова, против разложившегося активиста.

Что все это значит? Повторяем: мы опасаемся, говоря откровенно, что в Корсуни под видом «пересмотра» и т. п. на деле готовятся репрессии, готовятся преследования против тех, кто боролся с Романовым. Это надо предупредить, остановить, пресечь немедленно!

Итак, я утверждаю вновь:

1) что Романов, член бюро райкома КСМ в Корсуни, дискредитировал организацию и вел себя непозволительно; 2) что комсомольская масса стояла за исключение Романова из организации; 3) что некоторые руководители организации изо всех сил «спасали» Романова, используя для этого свой авторитет и свое положение в организации; 4) что в Корсуни был проявлен зажим и нарушение внутрисоюзной

демократии; 5) что существует опасность подготовки расправы над членами ячейки завода и членами ее бюро, боровшимися против Романова; 6) что присланное в редакцию «опровержение» ничего не опровергает, а наоборот, подтверждает все вышесказанное и является ярким образцом бюрократической безответственности.

(„Комсомольская Правда")

О ДЕЛЕ РОМАНОВА

Постановление конфликтной комиссии ЦК ВЛКСМ по делу Романова (члена корсуньской организации ВЛКСМ)

Слушали: Романов (член корсуньской организации ЛКСМУ, секретарь ячейки завода красок и вожатый пионеротряда, член бюро райкома ЛКСМУ) обвиняется в некомсомольском поведении и нарушениях комсомольской этики, выразившихся: а) в половой распущенности, вызвавшей подрыв авторитета Комсомола и ненормальности в пионерорганизации, б) в избиении жены и в) в грубом нарушении внутрисоюзной демократии в своей работе секретарем ячейки (зажим в работе ячейки, грубое обращение с комсомольцами и т. п.)

При разборе дела в Корсуни Романов держал себя вызывающе и заявлял, что не позволит вмешиваться в его личную жизнь.

После наложенного на него союзного взыскания не исправился, и поведение его осталось прежним. Непозволительное поведение Романова и попытки корсуньского райкома ЛКСМУ затушевать его дело привели к возмущению в части организации. По неоднократным письмам из Корсуни «Комсомольская Правда» опубликовала два фельетона («Неприкосновенный» и «Бумеранг»), которыми подтверждаются обвинения Романову, его совершенно непозволительное поведение и неправильное отношение райкома к этому делу (попытки его затушевать).

По имеющимся материалам в конфликтной комиссии ЦК, отношения в корсуньской организации и ее актива представляются ненормальными и требующими вмешательства руководящих органов.

Постановили: 1. Исключить из рядов Комсомола Романова за грубое нарушение ком-

сомольской этики и за нарушение принципов внутрисоюзной демократии.

2. В виду того, что дело Романова вскрывает ненормальности в жизни корсуньской организации ЛКСМУ (Черкасского округа), считать необходимым обследование состояния корсуньской организации со стороны ЦК ЛКСМУ.

3. Направить в ЦК ЛКСМУ весь материал по этому делу, имеющийся в конфликтной комиссии ЦК и в редакции «Комсомольской Правды».

4. Просить ЦК ЛКСМУ выслать в ЦК ВЛКСМ результаты обследования Корсуньской организации со своим заключением.

Председатель конфликтной комиссии ЦК
Ал. Мильчаков

Секретарь КК
В. Репин

Р. Роман

НОВЫЙ БЫТ

Дискуссия о новом быте, поднятая на страницах «Смены», все расширяется и расширяется. По слухам, тов. С. Смидович набила на руках мозоли от одного только распечатывания очередных «писем комсомолки».

Желая прийти на помощь старшему товарищу, некоторые письма я перехватил и вскрыл. Вот что это за письма!

Письмо 1-е

Многоуважаемый товарищ!

Вы в своем ответе комсомолке Лиде не приняли в расчет тех бешеных успехов науки и техники, которые неудержимо шагают и побеждают законы природы и дают надежду, что скоро не останется ни одного такового закона. В настоящее время, когда омолаживают 90-летних старцев, когда в Африку отправляется экспедиция, желающая получить помесь человека и обезьяны, и когда известный комсомольский писатель тов. Веревкин летит на луну, смешно говорить о законах природы. Я лично надеюсь, что скоро наука избавит меня от восхищения женским полом и тем прекратит мои страдания и даже кошмары. Это письмо предлагаю препро-

водить комсомолке Лиде и показывать всем ее пылким друзьям. Пусть они берут пример с меня, который выдержанно дожидается побед науки и техники.

Кустарь-одиночка, но сочувствующий Комсомолу

Иван Козявкин.

Письмо 2-е

Дорогая С. Смидович!

Мне искренно жалко бедных мальчиков, пострадавших через несознательность комсомолки Лиды, которая, должно быть, просто маринованная селедка.

Пусть эти мальчики спишутся с нашей ячейкой (Управление треста «Красная Подошва»), и они тогда убедятся, что наши комсомолки уже разрешили новобытный вопрос целиком и полностью.

Пусть обязательно спишутся.

Комсомолка *Маня Брыкина.*

Письмо 3-е

Товарищ!

Вы разводите всякую теорию, а не даете практики. Например, неизвестно, можно ли любить сразу двух девчонок, особливо, если позволяет темперамент, а тем более, что алиментов как-будто не предвидится. Исправьте этот недостаток.

Константин Козырев.

Письмо 4-е

Дорогая товарищ!

Я считаю, что весь разврат современной молодежи содержится в одежде, которая раздражает зрительные нервы и отвлекает от общественно-полезной деятельности. В самом деле, я, как и многие другие, не могу смотреть равнодушно на всякое декольте. А на основании вышеизложенного я предлагаю прекратить разврат в одежде, закрывая тело целиком и полностью. Это даст возможность любить женщин не за их наружность, а за внутренность.

С приветом *Егор Селихвостов.*

Письмо 5-е

Ваше письмо придало мне силы для смертельной борьбы. Я давно своему уроду говорила, что он должен образовать со мной семейную ячейку и быть однобрачным. Однако. он оказался изменщиком и погубителем моей молодой жизни. И злая разлучница Катька Кошкина демонически хохочет над нашим семейным счастьем. Теперь, охраняя заветы социализма, я заставлю коварного обольстителя в наше переходное время уважать личность и достоинство несчастной страдалицы.

Я, как тень, проползу в ихний развратный рай и обожгу распутную Катькину ряжку своею местью и купоросом.

Покинутая.

Письмо 6-е

Спасибо вам. Я с вами вполне согласная. А то в нашем кине ребяты чересчур ухаживают, так что уходишь вовси с синяками, и даже платье рвуть. А ето уже не любовь, а форменное разоренье. Так что припечатайте наших ребят и чтоб они лапали полехчи.

С уважением *Соня Птичкина.*

Письмо 7-е

Тов. Смидович!

Я, как районный исполнитель N-ского участка, составил настоящий протокол, который препровождаю на ваше усмотрение, как касающий нового быта.

ПРОТОКОЛ № 1914

Мая, 7-го дня явилась гражданка Мария Петровна Брючкина, которая сообщила, что ее новобытный сожитель гр. Иван Сидорович Пинякин отказывается на основании письма С. Смидович в журнале «Смена» от исполнения супружеских обязанностей, мотивируя это тем, что он еще слишком молод и не хочет губить свои молодые силы на половые проблемы. И на основании мотивировки изображает из себя недоступную скалу. Такая мотивировка не является только словесной, но переходит и в кулачные аргументы, в подтверждение чего упомянутой гражд. Брючкиной пред'явлены

вещественные доказательства в виде трех синяков в области глаз и одного кровоподтека в области грудобрюшной преграды.

Районный исполнитель
Крутиков.

Я не хотел читать дальше. Я чувствовал, как какая-то мутная волна захлестывает мое сознание. Но взгляд мой упал еще на одно письмо:

Письмо 8-е

Дорогая тов. Смидович!

Я не знаю, может быть, я слишком прост, только думаю так: ежели ты настоящая пролетарская косточка, так в новом быте не запутаешься... Как надо любить? Тут рецепта не придумаешь. А надо помнить одно: не обижай товарища по классу, не подрывай силу работника. Класс—первее всего, ему в любви своей подчиняйся.

Может быть, я попросту, но только кажется, что верно.

Комсомолец *Петр Сидоров*
(ячейки завода «Пролетарий»).

Я облегченно вздохнул.
— Верно, Петр Сидоров!

(„Смена")

Вл. Кузьмин

ПИСЬМО О НОВОМ БЫТЕ

Я по ушам узнал его как-раз..
А. Пушкин

«Товарищи, Октябрьская революция, которая уничтожила гнет, который использовала в своих интересах капиталистическая и помещичья кучка, которая одурманивала рабочих и крестьян, создала базу для внедрения нового быта.

Я думаю, что мы во весь рост должны поставить тот вопрос, чтобы твердо и бесповоротно взять курс на изживание следующих явлений, каковые достались нам в наследство от рабского прошлого, когда царизм высасывал кровь.

1. Вопрос о рукопожатиях. Необходимость борьбы с этим позорным явлением прошлого ясна для каждого молодого сознательного ленинца. Мы ставим этот вопрос в плоскости:

а) антисанитарии данного акта, как источника заразы. На руках могут находиться зародыши заразных болезней, как-то: туберкулеза, ангины, крупозного воспаления легких, венерических болезней и т. д.;

б) строительства нового быта. Постольку, поскольку рукопожатие является преступной выдумкой попов и буржуев, которым было выгодно заражать забитых рабочих и крестьян, мы с презрением должны откинуть этот метод.

2. О галстуках. Это есть не более и не менее, как отрыжка прошлого. На вопрос о том, зачем ты носишь галстук, тот или иной бессознательный комсомолец с своей стороны базируется на том, что это охорашивает и что, в крайнем случае, это—не так плохо, потому что галстуки носили многие вожди рабочего класса.

Но я говорю: это есть карьеризм со стороны рядовых членов, когда они лезут в вожди. Они, как таковые, должны открывать шею солнцу, а не ходить, как собачка в ошейнике.

С этим тесно связан женский вопрос, к которому я и перехожу.

3. Об одежде комсомолок. Некоторые комсомолки стремятся одевать свое тело покрасивее, вешать на шею там разные бантики, шарфики, а на ноги стремятся надевать не сапоги, какие носит наш брат, а даже полуботинки на высоких каблуках. Спрашивается, к чему вышеуказанные декорации, как говорит одна особа, в лице женорганизатора, которая однажды указала нашим девчатам:

«Вы не мещаньтесь... Тоже нарядились, а вот загните подолы и вымойте пол в клубе. Тогда будете настоящими строителями светлого будущего».

4. Вопрос о любви. В этом пункте мы имеем влияние на некоторых членов союза разных стихов и другого хлама, которые сочинялись поэтами и прочими бумагомарателями о том, что любовь есть украшение личной жизни, а не голое размножение, что она должна быть как яркий букет хороших цветов и прочая там плешь. Между тем, любви нет, а есть физиологическое явление природы, и телячьи нежности тут не при чем.

5. О мальчишестве. Это тоже необходимо изжить. Например, прихожу в центральный клуб и начинаю говорить о регулировании клубной работы, каковая должна стать на рельсы систематической и планомерной обработки путем

лекций, докладов, политфантов и других живых форм работы. Во время моего доклада слышался недостойный комсомольца храп, а после, когда я кончил, какой-то товарищ начал время от времени издавать своими губами свист, а за ним последовали и другие.

Я считаю такие явления мальчишеством, здесь нет увязки с пролетарской моралью. Какие же это строители коммунизма, какая же это смена старой гвардии, когда они свистят и балуются в клубе. Клуб — это кузница пролетарской культуры. Раз они сейчас свистят, то что же будет дальше? Я твердо уверен, что они станут в конце концов в лагерь меньшевиков и эс-эров.

6. Наконец с танцах. Уже урегулирован вопрос о танцах, доказан их вред, но мы видим, как некоторые элементы еще продолжают вертеть ногами. Это недопустимое явление способствует, с одной стороны, поднятию пыли в клубах, а с другой — ведет к мещанской психологии и отрыву от масс.

Я думаю, что трудящиеся массы не из-за того взяли власть в свои руки, чтобы пускаться в пляс и в прочие другие мелко-буржуазные выходки.

Надо таких комсомольцев за ушко да на солнышко. Сорную траву из поля вон. Скатертью им дорожка».

Я не буду показывать читателю авторов этого письма. Пусть он найдет их в кругу своих товарищей. Мне лишь хочется в заключение вспомнить старика Салтыкова-Щедрина. Описывает он забавную историю. Сидят они однажды веселой компанией и видят: порожние казенные штаны идут.

Да, да, читатель, штаны идут, а человека-то в них нет. Пропал человек, и сам того не заметил, что вместо него одни казенные штаны ходят.

Испугались даже, а потом грустно сделалось.

И неудивительно ведь это, посудите сами, чорт знает что такое.

... Очень хорошо вспоминается эта картинка, когда читаешь подобные строки.

(„Комсомольская Правда")

Виктор Кин

ДИСКУССИЯ

Случай этот имел все основания пройти незамеченным, и виновники втайне издевались бы над попранными ими основами нравственности и порядка. Однако справедливость была восстановлена пером юнкора «Неч», сообщившего в редакцию об этом кошмарном происшествии.

Из этой заметки мы узнаем, что в селе Благословенном «стряслась беда: комсомолочка одна в положение вошла,— мрачно шутит юнкор. — Жила себе одна, без мужа девушка. Пришло время—тайна раскрылась: ребеночка родила. А ведь девушка не простая: партийка, комсомолка, да еще и руководитель женщин-делегаток. Комсомолец «Н е ч».

Сенсационные разоблачения юнкора произвели сильное впечатление на редакцию амурской газеты «Молодая Гвардия». Сомнительное поведение комсомолки может вызвать соблазн и опасное подражание среди руководимых ею женщин-делегаток. С другой стороны, пункты партийного и комсомольского устава не возбраняют деторождение даже «необыкновенным» девушкам. Кроме того, ребенок получился не сам собой. Легкомысленная девица получила его в результате вольного своего поведения. Таким образом ребенок явился как бы принудительным ассортиментом, и суть вопроса была не в нем.

Мы не знаем, имела ли редакция определенные взгляды по этим запутанным вопросам. Несомненно лишь то, что редакция сочла вопрос подлежащим широкой общественной дискуссии и поставила его на обсуждение читателей.

Призыв редакции не остался без ответа. Благословенская ячейка на закрытом собрании обсудила вопрос этот, о чем мы имеем документальные подтверждения:

С л у ш а л и:

«Заметку в «Молодой Гвардии», где говорится, что Екатерина Ивановна Югай, являясь партийкой, комсомолкой, учительницей и руководительницей женщин-делегаток, незамужняя, родила ребенка».

Здесь имеется странный пункт, в котором мы сами не можем разобраться. Откуда появилась Екатерина Ивановна Югай, указаний на которую мы не встречаем в заметке проницательного юнкора? Дальнейшее вносит еще большую путаницу в этот вопрос.

Постановили:

«Югай, Екатерина Ивановна, не замечена в рождении ребенка, а является работницей аппарата.

Просить редакцию выдать автора заметки для выяснения, так как он является соперником Югай и хотел подорвать авторитет всей ячейки и женорганизации».

По затронутому вопросу высказалась также и женорганизация, выписку из протокола которой мы здесь приводим:

Слушали:

«Речь по поводу беременности Югай:

«Я неотлучно, денно и ночно, во все время по сей день была с тов. Югай, и не могло быть «чуда», которое скрылось бы от моего наблюдения».

Постановили:

«Вся женорганизация согласна с речью делегатки. Тов. Югай, как активная работница, не могла совершить такое преступление, не имея законного мужа.

Женорганизация предлагает редакции снять незаслуженное пятно и удовлетворить чувство справедливого возмущения тов. Югай».

Сама тов. Югай следующим образом выразила свое отношение к затронутому вопросу:

«Я во всеуслышание заявляю, что беременной не была, а, наоборот, активно работала на ответственной работе».

Здесь обрываются эти поучительные сведения о предполагаемой беременности тов. Югай. Праздный читатель посмеется и пройдет мимо опубликованных здесь фактов и документов, но вдумчивый и внимательный читатель извлечет из них следующие выводы.

У нас вокруг масса непочатой еще работы. Неграмотность, пьянство, политическое невежество крепко держат еще нашу молодежь. Вопросы один другого важнее встают перед нашими ячейками. И в то же время комсомольская газета поднимает публичную дискуссию по вопросу о комсомольской беременности, вызвавшую собрания, протоколы, опровержения.

Впрочем, может быть, счастливые амурцы уже справились с неграмотностью, хулиганством и другими вопросами комсомольского дня? Может быть, кроме случайной сплетни, у них уже ничего не осталось, о чем следовало бы писать и говорить?

(„Комсомольская Правда")

С. Карташов

КЛАША

Тогда, не долго думая, раскрывается дверь, и вбегает знаменитый секретарь комсомольской нашей ячейки — Дмитрук.

Кепка его кожаная у него надвинута на самые густые брови, воротник куртки стоит, поднятый кверху, как та заводская труба, а рука его в ужасном волнении ходит из кармана куртки до носа и обратно.

А мы сидим и ждем, что молодой секретарь наш скажет.

Побегал он по комнате и говорит:

— Ребята, — говорит, — Клашу Ефимову знаете? — говорит...

А Клаша тут же сидит. Глаза вытаращила, ждет, что про нее скажут.

Была у нас Клаша любимица. Из себя ужасно хорошенькая, одевалась чистенько, косы заплетала, а в них бантик этакой бабочкой порхал.

Должен открыть здесь, что ребятам нашим она ужасно нравилась. Много и других девчат подходящих было, а к этой как-то сердце больше лежало. Нравилась, одним словом.

И вот за эту самую Клашу начинает секретарь говорить:

— Во-первых, — говорит, — во-вторых, — говорит, — в третьих,—говорит,—по всем пунктам повестки дня,—говорит. И выходит: дело к тому сводится, что Клаша у нас об'является носительницей мелко-буржуазной идеологии. И тут начинает ей наш секретарь доказывать и про чулки светлые, и бантика коснулся, а также насчет кос и других ее элементов.

— Короче говоря и принимая во внимание, — говорит ей Дмитрук, — советую тебе, Клаша, всю эту антимонию ликвидировать, то же самое космы подкоротить, чтоб от масс не отрываться и стать образцовой комсомолкой, и нечего больше разложения в наши стальные ряды вносить. Согласны ребята? — спрашивает.

А ребята:

— Гы-гы-гы... Согласны...

— А ты, Клаша, решай, — говорит он ей, — что тебе дороже: стальная наша организация или какая-нибудь там коса, которая в наш переходный период является не более, как пережиток варварской идеологии.

— Что ж, — говорит Клаша, — раз, — говорит, — идеология, то я согласна на все. Организация, — говорит, — мне дороже.

С этих пор стала наша Клаша себя в комсомольский вид превращать: шляпку на кепку сменила, бантик долой, косу долой, чулки светлые отменила, даже курить стала...

И увидели мы тогда, что наш знаменитый секретарь Дмитрук есть настоящий активист и понимает дело, как какой-нибудь Наполеон.

Перестали наши комсомольцы за нею увлекаться, никто домой не провожал, на каток без нее ходили и вообще внимания ей — круглый нуль.

... С того времени у нас атмосфера сорганизовалась вполне здоровая... А что до девчат касается, то мы с своими не гуляем, потому—какие же это девчата? Это—мужики в юбках, не более того. Но у нас есть некоторые очень хорошие барышни, что с нами на каток ходят и вообще время провожают. Очень миленькие девочки: и косы у них на месте, и ботинки, все честь-честью. Но как все это вне недр нашей ячейки происходит, то в них никакой опасности разложения нашей идеологии не предвидится. И даже наш знаменитый секретарь Дмитрук одну девочку из них вполне одобряет.

(„Комсомольская Правда")

Иг. Малеев

КЛЮЧНИЦЫ ИЗ РЛКСМ

У алжирского бея под самым носом шишка.

Кто в претензии к бею?

Кому мешает жить шишка, которой его наградила природа? Совсем никого это не касается. Шишка под носом у бея и с интересами общества никоим образом не связана.

Лучше я или хуже от того, что пью по вечерам крепкий чай и ношу брюки темно-синего сукна? Разумеется, не лучше и не хуже, потому что в глазах общественного мнения весомы только те поступки, свойства и особенности которых в какой-нибудь мере касаются интересов общества.

Короче — у алжирского бея и у меня есть ряд так называемых «частных дел». Дела эти, кроме нас с беем, никого не касаются, окружающих не интересуют, и судить бея с шишкой будут так же, как и бея без шишки.

*

Газета — общественное судбище. Ежедневно процессы: Чемберлена обвиняют в эксплоатации колониальных рабов, заведывающего воронежским дровяным складом карают за притеснение домашней прислуги, заочно исключают из Ком-

сомола секретаря ячейки — пьяницу и дебошира, с удовлетворением указывают на высокую производительность Луганского завода и заслуги с.-х. кружка в Калужской губернии.

Наша обязанность — читать письма юнкоров, приводить их в соответствие с правилами русской грамматики и выносить на страницы газеты в виде очередных «громких» дел.

Когда я однажды предавался этому занятию, взгляд мой остановился на рукописи, сопровожденной запиской следующего содержания:

«Здорово, ребята! Кто у вас фельетонист? Вот для него случай протянуть местного активиста Кочегарова за его мещанские поступки. Я посылаю вам копию письма (подлинник у меня), по которому вы узнаете, что у Кочегарова действительно мелко-буржуазная натура. С такими штучками не место в Комсомоле.

С коммунистическим приветом
член РЛКСМ с 1923 года *Черханов*.

Г. Щегловск. Сибирь».

Разоблачать недругов организации — наша прямая и святая обязанность.

Спешу узнать, что это за «штучки» у активиста Кочегарова, которые чернят его в звании молодого строителя социализма.

А ну-ка, покажитесь, Кочегаров!..

Мне очень стыдно. Я покраснел, как должен покраснеть человек, который влез в чужой карман, в ящик чужого письменного стола и читает не ему адресованные письма.

Вся рукопись заключала записку к местной комсомолке. В ней было сказано:

«Дорогая Ф.

Я люблю тебя крепко. Уезжаю на с'езд, целую. Встречай на вокзале в будущую субботу».

И еще несколько таких же фраз.

Письмо перепечатано на машинке и скреплено надписью: «С подлинным верно. Черханов».

Такой цинизм, такое неуважение ни к самому себе, ни к газете, отсутствие элементарнейших понятий о том, что этично и похвально и что нечистоплотно и аморально, попытка использовать общественное судбище для мелких личных делишек своих, — да, за это нужно судить, товарищи, нужно бичевать.

Уворовать чужую вещь, таскаться с нею, закорючки ставить на копиях, писать в редакцию и ждать, затаив дыхание,

пока вашего товарища смешают с грязью... Экая вы свинья, Черханов!

Потом, какая дурость непомерная. Обвинять человека чорт знает в чем за то, что он имеет неосторожность кого-то любить. Притом любить при самых, так сказать, похвальных обстоятельствах, в самой добродетельной форме, в самых пристойных выражениях своих чувств. Не то, чтобы там... Впрочем, дурость, как и шишка под носом у себя — дар божий. Что с дурного человека спросишь?

Еще пример.

На каком-то харьковском рабфаке одну девушку-комсомолку заподозрили в дурном поведении. Группа любознательных комсомольцев и комсомолок отрядила комиссию в составе трех человек, поручив ей на месте изучить все детали дела.

«Комиссия» в течение получаса копалась под кроватью в грязном белье комсомолки и извлекла на свет божий уничтожающее вещественное доказательство. Трофеи — принадлежности женского туалета — были торжественно представлены собранию заинтересованных лиц и потом несколько часов висели для всеобщего обозрения на трубе в уборной.

Все это происходило в Харькове, в одном из рабфаковских общежитий. Недавно, лет сто назад, нечто подобное можно было наблюдать в поместьи Затрапезных, нравы жителей которого так хорошо описывает Салтыков-Щедрин (с именем этого писателя харьковские рабфаковцы, несомненно, знакомы из курса русской литературы).

Обстоятельства дела те же. Персонажи — иные. Сто лет назад рылись в грязном белье крепостной девки. Теперь роются в грязном белье комсомолки. В годы седой старины этим делом занималась ключница, теперь — «правомочная комиссия». Век назад за нравственностью девок следила помещица, ныне в этом принимает участие группа любознательных молодых людей и девиц.

«Ни годы, ни пожары» не истребили отвратительного племени щедринских ключниц. Ни внешняя сторона, ни сущность их деяний не изменились, за той, впрочем, малой разницей, что комсомольские блюстители нравов умеют драпироваться в громкие фразы о пролетарской морали, о мещанстве, о коммунистической этике. До этакого лицемерия щедринская ключница не доросла.

(„Комсомольская Правда")

И. Карин

У КАМИНА

Есть такой чувствительный романс:

„Ты сидишь у камина и смотришь с тоской...“

Кто же на догорающий камин смотрит с весельем? Холодно, темно, никаких надежд, а завтра, может быть, не будет и дров и чем заплатить за квартиру.

Правда, чем заплатить за зал в гостинице «Мажестик», где происходит зарубежный с'езд, белогвардейцы еще наскребут. С делегата по франку — глядишь, можно вечерок провести в тепле, в уюте, поболтать о том, о сем и, главное, предаться приятным воспоминаниям.

«Ты сидишь у камина и смотришь с тоской...»

Может быть, и камина-то нет в «Мажестике». Но кого не греют воспоминания. Приятно помечтать о святой Руси, о мундирах, о пенсиях, об Аннах на шее, о Станиславах в петлице, об императорских высочествах, о высочайших аудиенциях, о покорно гнущих выи «верноподданных» крестьянах, о новом рабстве рабочих, о поместьях, о бабушкиных пасьянсах, о вицмундирах и кадетских корпусах, о городовом, о жандарме, о ласкающей взор аллее виселиц... Мало ли о чем можно помечтать.

Пятый день уже мечтают 350 унылых монархистов, пятый день они спасают Россию и «припадают к стопам». Трудно было сколотить этот так называемый с'езд, который должен об'единить всю «зарубежную Россию». Даже кадеты, и те отказались в нем участвовать. Но кое-как, обшарив парижские и берлинские кафе, натаскали «представителей». Правда, пришлось делегатам давать по два голоса, для большего впечатления, пришлось придумывать мандаты от несуществующих организаций, — но кто на эти пустяки обращает внимание. Так или иначе, этот исключительный по своему комизму, по своей театральности с'езд открылся и, как всякий с'езд, обсуждает «задачи» и намечает «перспективы».

Совсем, как большие.

З а д а ч и — немедленно и неукоснительно свергнуть советскую власть («час освобождения близок»), взыскать с крестьян за все помещичьи потери, вернуть капиталистам фабрики и посадить на осиротелый престол российский выжившего из ума дядьку в «бозе почившего императора».

Стоит ли останавливаться на исключительно нелепых докладах и речах с'езда.

Весь с'езд настолько напоминает обычное собрание черной сотни в чайной союза русского народа, настолько каждое слово пахнет городовым и погромом, жандармским ротмистром и бравым гвардейцем, что даже некоторым фабрикантам невмоготу стало. За царя-то они за царя, но этак, с немножко республиканским оттенком. Видный капиталист Третьяков демонстративно покинул с'езд, — он оказался слишком «левым» в этой теплой компании.

Много вопросов в повестке с'езда: и как именно свергнуть большевиков, как посадить царя, где взять деньги, как и сколько вешать, и вешать ли вообще советских работников по прибытии в советскую Россию, и так далее, и так далее.

Стоял и специальный вопрос о молодежи. Не шутите. Многоуважаемый председатель с'езда, социал-монархист Струве, уже давно приступил к организации монархического союза белогвардейской молодежи. Старички ненадежны, того и гляди помрут, не в'ехав на белом коне в Москву, а Николаю Николаевичу гвардия нужна.

Какой же без гвардии царь? Можно вообразить эту гвардию из пажей, юнкеров, кадетов, маменькиных и папенькиных сынков, кутил и наркоманов...

Но это между прочим. Самая главная забота с'езда — это, конечно, о советской молодежи.

Комсомол — бельмо на глазу.

Вот что говорится в, простите за выражение, «тезисах» некоего Левицкого по вопросу о молодежи.

«Несмотря на все усилия, коммунистам не удается создать кадры своих заместителей и преемников. Коммунизм в России бесплоден и второго пополнения коммунистов в России не будет».

Ну, ну, пусть так. Нам не жалко. Утешайтесь.

А вот и дальше:

«Советское воспитание в огромном большинстве случаев прививает молодежи яд, отравляющий ее душу и тело и делающий ее неспособной к творческой созидательной работе на благо родины».

Что верно, то верно. Признаемся. Прививаем. Отравляем. Душу — коммунизмом, а тело — физкультурой. И о благе нашей родины не думаем. Уж как-нибудь сами подумайте.

Интересно, сколько еще резолюций примет зарубежный с'езд и, главное, пришлют ли они нам эти резолюции для выполнения.

А по совести признаться, все эти доклады, резолюции, выборы — хлеб для советского журналиста. Прямо-таки для нас с'езд: что ни слово — то тема, что ни фраза — то фельетон. Спасибо зарубежникам. Спасибо Николаю Николаевичу.

Очень хорошо, ваше высочество, соизволили написать:

«Да возымет бесправный ныне народ Наш свободу беспрепятственно установить основы своего бытия и устроения на благо, славу и величие Державы Российской. В сем — Моя цель и ей отдаю Мои силы. С верою уповаю на помощь Всевышнего. Да приблизится час спасения родины».

Скоро, скоро, ваше высочество. Приближается. Вот только Зорич и Кольцов по фельетону напишут.

А пока помечтайте.

Посидите у камелька.

Погрейтесь.

Погрейтесь, пока дают...

«Ты сидишь у камина и смотришь с тоскою...»

(„Комсомольская Правда")

Я. Резник

О ДЕНЬГАХ, КЛЕТЧАТЫХ КЕПИ И КАВАЛЕРСКОМ ОБРАЩЕНИИ

Среди заводов «Красной Пресни» есть металлический завод бывш. Тильманс. Распластавшись несколькими красными корпусами, он скромно залег за Пресненской заставой.

Заглянем на этот завод и посмотрим, как там живет молодежь.

Основной вопрос жизни молодежи — квалификация.

Квалификация — ось, вокруг которой вертятся все мечты и думы молодняка.

Квалификация — это твердое положение, материальная обеспеченность, деньги, на которые можно получить удовольствия. Молодежи хочется скорей выйти на дорогу обеспеченной жизни.

Предоставим однако слово самой молодежи. Вот подручный, комсомолец, ест голландский сыр с булкой, а рядом ученик сидит, жует дрянную колбасу. Подручный обращается к ученику:

— Что, Петя, хороша «собачья радость» (в переводе со специальной терминологии это значит плохой сорт колбасы)?

— Дай получить десятый разряд — один сыр жрать буду.

Не все стремятся к квалификации. Некоторые ее добились. Интересно, что именно эта группа молодежи отходит от Комсомола. Начинается это с избегания комсомольских обязанностей и кончается обычно исключением.

Об этом очень кратко, но очень ярко сказал секретарь одной из цеховых ячеек в разговоре на эту тему.

— Квалификации они добились, а чего им еще нужно?— сказал он.

Он и сам так думает. Стремление получше устроить свою личную жизнь — основное желание, основная цель этого юношества. Она от них закрывает задачи общественные и комсомольские.

Как же выражается это стремление? Обратимся к фактам. Лишенная идейности, молодежь эта всюду ищет выгоды. Например, собралась там своя «кобылка», организовала духовой оркестр и ставит условия. В подшефную посылаете,— а как насчет денег? Еще куда-нибудь—опять давай. Время— деньги. Даром, что ли, мы учились, чтобы вам на демонстрациях да торжествах играть «Интернационалы»? Нет, шалишь, подай монету, а не дашь, мы по вечерам будем собираться, будем играть сантиментально-мещанские марши для услаждения души, а к вам ни-ни, не пойдем.

Но это — только цветочки по сравнению с участием в «итальянке» (ребята так называют) с корыстной целью добиться увеличения расценок. Два раза были эти «итальянки», и оба раза поголовно все подручные комсомольцы в них участвовали. Но этого мало, в них принимал участие и сам экправ.

— Бросай, ребята, работу,—говорил он,—нужно подчиняться большинству, сам Ленин учил.

Особые интересы, оторванность от остальной комсомольской массы сказываются и в развлечениях.

Клуб у ребят в загоне. Даже кино — это любимейшее развлечение комсомольцев — редко посещают. Зато ни одна вечорка Пресни без них не обходится. Нередко заглядывают и к дедушке «Корнееву-Горшанову». Встретишь их по вечерам на Пресне и не узнаешь: штиблеты «щучками», кепи в клеточку, духами так и разит.

Посмотрим теперь на ученика-подростка. Ему за подручным не угнаться. Подручный 60—75 рублей получает, а ему 35 не выгнать. Но за ячейку крепко держится — квалификации еще не получил. Деньги в семью несет, от родных еще зависит.

Но зато во всем остальном подражает взрослым парням. «Не добился положения, то хоть видом буду походить на квалифицированного». Болезненное это подражание заходит иногда очень далеко.

Подавляющее большинство заводской молодежи — парни, но есть и девушки. Живут они своей особой жизнью. Положение их в семье иное, чем парня. Если парень часто

ссорится с семьей из-за денег, полностью их не отдает, то девушка этих ссор не знает. И не потому, что получает мало и нуждается в поддержке. Нет, зарабатывает она 50—60 руб. в месяц. Все дело в том, что девушка часто является в семье второй матерью.

Нередки случаи, когда уходящая с бюро активная девушка оправдывается: «Башмачки иду младшему братишке покупать». В субботу девушку на экскурсию не зови. Весь вечер и еще полвоскресенья занята в хозяйстве, уборке и т. д. Вот среди этих-то девушек наметилась в последнее время полная апатия к Комсомолу.

Тут уж дело не квалификации. Об'ясняется их отход тем, что девушка может уделять Комсомолу мало времени, а требует от Комсомола каких-либо практических жизненно-нужных знаний, которых Комсомол сплошь да рядом не дает. В то время, как на комсомольских политшколах девушка видна редко, школу малограмотных она посещает очень аккуратно.

«Политграмота эта самая, сижу я на ней, как дура, и какая от нее польза? А ты меня грамоте научи или шить»,— убивается одна комсомолка.

Парни к девчатам относятся плохо. Грубая ругань, лошадиные шутки—и ничего иного. Нередко пускают в ход руки. Это — очень распространенный вид «шутки». Иногда эти шутки доходят просто до варварского озорства. Девушки горячо возмущаются и всю вину за невыносимо наглое обращение кладут на Комсомол и ячейку. Обычно они так и об'ясняют свой выход.

Но когда девушка говорит о грубости отношения, это не значит, что она добивается настоящего товарищеского обращения. Она хочет, чтобы обращение стало более вежливым, более к а в а л е р с к и м.

Девчат, которые упорно пробиваются в актив, ищут положения среди парней, как среди равных им товарищей, они не любят. С ними не дружат и обыкновенно о них говорят: «недотроги», «много из себя понимают».

Если рядовой парень читает в газетах суд и происшествия, то девушка и этого не читает.

Газеты читаются ими редко, больше употребляются ими в домашнем обиходе. В этом смысле большей популярностью пользуются газеты большого формата: «больше бумаги — для выкройки хороша».

Таковы факты.

(„Комсомольская Правда")

В. Кин

ПРАВОСУДИЕ В БОКОВЕ

Ежедневно мне приходится читать дюжину писем со всех концов Советского Союза о преступлениях против устава и этики. Нельзя сказать, чтобы это было весело: преступления комсомольцев не отличаются ни разнообразием, ни остроумием. Обычно безнравственный комсомолец напивается пьяным и, обняв телеграфный столб, задушевно упрашивает его не пить сырой воды в целях личной пользы и гигиены. Идущие мимо прохожие говорят: «а еще комсомолец!» И ячейка изгоняет заблудшего на первом собрании.

В другом случае другой комсомолец разбивает окна в магазине. Опять говорят прохожие: «а еще комсомолец!», опять ячейка исключает его из союза в пример другим.

Иногда мне становится скучно. Если когда-либо мои пороки возьмут верх над моими добродетелями и я сделаюсь хулиганом, то я буду вести себя гораздо веселей. Я украл бы слона из зоологического сада и в'ехал бы на нем в посудный магазин. Я вызвал бы к себе по телефону несколько пожарных команд, и когда они явятся, я спрошу: не кажется ли им, что здесь пахнет немножко гарью. На свадебную вечеринку своего друга я пригласил бы дюжину катафалков и похоронных процессий и напечатал бы в газетах извещение о его безвременной смерти. Словом, я развлекался бы гораздо лучше.

Разумеется, мне пришлось бы свести более короткое знакомство с правосудием. Возможно, что нарсуд не примет во внимание ни мою молодость, ни веселый характер и откажется посмеяться вместе над описанными шутками. Подозреваю даже, что и Комсомол взглянет косо на мое поведение. Так я думал до сих пор, но недавно полученное письмо с Донбасса дает мне некоторую надежду, что все обойдется хорошо и спокойно. Этот случай имел место на одной из шахт Боковского куста и надолго занял общее внимание.

В клубе шла репетиция. Было немного скучно, когда вдруг кто-то забежал в поисках режиссера за кулисы и увидел на полу комсомольца Н. и комсомолку М. в крайне предосудительных позах.

Мы не станем об'яснять, чем были заняты комсомолец и комсомолка, — при известном усилии читатели сами могут догадаться, что делала преступная пара. Во всяком случае, на другой день все население шахты покачивало головами и укоризненно говорило:

— А еще комсомольцы!

Ячейка вызвала комсомолку М. и потребовала об'яснений. Об'яснения были даны, но на другой день преступница принесла от акушерки документ, в котором акушерка удостоверяла, что М. является целомудренной.

Как это вышло, — я не знаю, и честно признаюсь в своем полном невежестве в акушерской науке. Но ячейка взглянула на этот вопрос серьезней, и документ о целомудрии еще более отяготил вину преступной комсомолки М. Более других был взволнован комсомолец Н., которому этот документ показался ничем не заслуженной обидой. Комсомолец Н. был оскорблен, как мужчина, и обещал избить комсомолку М. за клевету и вздорные слухи.

Ячейка решила примерно наказать пороки и устроила политсуд над комсомолкой М. за полную распущенность. Были привлечены лучшие общественные и ораторские силы, и суд решил исключить из союза распущенную комсомолку М. за дискредитирование Комсомола.

Разумеется, не избег суда и комсомолец Н. Он был на суде в качестве свидетеля и давал показания об обстоятельствах преступления.

Веселенький случай, не правда ли? Он подает мне надежду, что когда народный суд будет разбирать дело о разбитой посуде, то и я буду участвовать в качестве свидетеля.

А в качестве подсудимого — слон.

(„Комсомольская Правда")

Н. Цванкин

ЧТО ЕСТЬ РАСПУЩЕННОСТЬ?

(Из записок „горе-комсомольца")

Тов. Бухарин — очень хороший парень. Всегда во-время скажет нужное слово. В своих тезисах «О работе РЛКСМ» он указывает, что элементы распущенности среди части Комсомола «должны наконец стать об'ектом решительной борьбы со стороны организованных частей пролетарского юношества». Нужно «бороться за упорядочение жизни и быта как внутри Комсомола, так и вне его». Это — правильно. Всеми руками голосую за. Наступила пора и этим вопросом заняться.

Но надо сознаться, что вопрос этот — очень тонкий и сложный. Легко сказать — бороться. Ведь для этого нужно изучить противника. А как ее изучишь, эту распущенность, ежели само-то понятие, так сказать, гуттаперчевое.

По-вашему—распущенность, а по-моему, наоборот,—выдержанность.

Возьмем, к примеру, водку. Продукция рабоче-крестьянской государственной промышленности. И ежели я потребляю эту продукцию, значит, расширяю товарооборот госспиртвинторговли, значит, способствую повышению производительности этой отрасли промышленности, значит, повышаю заработную плату рабочему классу. А раз так, значит, я есть строитель социализма. И на то, что вредно для здоровья водку пить, не посмотрю, потому—не пожалею себя для торжества революции и социалистического строительства...

Вот и получается, что не распущенность, а выдержанность. И я, как активист, должен всемерно проявлять выдержанность. А говорят еще—распущенность...

То же самое про половую этику. Некоторые товарищи кричат сейчас по поводу якобы ненормального отношения комсомольцев к комсомолкам. Будто распущенность большая. Но тут то же — смотря, с какой стороны рассматривать вопрос. Например, подхожу я к комсомолочке, хорошенькой такой, розовощеконькой, и чисто по-товарищески, по-дружески, без каких-либо намеков кладу руку ей на грудь и хочу поговорить насчет прибавочной стоимости. А она от меня, как ошпаренная, отскакивает, да кричит еще, что я нахал и хам. Ну, что это, спрашивается, такое? По-моему, это — совершенно недопустимое в наших стальных комсомольских рядах откровенное мещанство. Ведь подумать только: чтоб нельзя было товарищу по борьбе за мировую революцию положить руку на грудь. Пожалуйста, клади на мою грудь хоть обе руки, — я ничего не скажу. И после всего меня попрекают в распущенности. Нет, это — неправильно и не по-марксистски рассуждают.

Другое дело, ежели я захочу комсомолку взять насильно. Это уж будет распущенность. Никогда не нужно этого делать. Вот тов. Бухарин правильно в своих тезисах говорит: «Максимум убеждения и минимум принуждения». Правда, он это говорит по поводу внутрикомсомольской демократии. Но не важно, — сюда тоже очень хорошо подходит.

Вот записал я свои мысли—и стало еще яснее, какую важную роль может сыграть точка зрения в вопросе по борьбе с распущенностью и упорядочением жизни и быта комсомолии. Обязательно нужно написать статью в «Комсомольскую Правду» по этому вопросу. Пусть напечатают хотя бы в дискуссионном порядке. Надо, чтобы комса высказалась.

Автор этих записок не сообщает своей фамилии. Несмотря на это, он хорошо знаком комсомольцам. Это он орет громче всех на собраниях, требуя переголосований, перерывов и слова по личному вопросу. Это он не появляется без портфеля, в котором носит номера «Правды» за прошлый год. Это он — рубаха-парень, хват и незаменимый собутыльник.

Он просит, чтобы читатели высказались. Мы думаем, что они не откажут ему в этой маленькой просьбе.

(„Комсомольская Правда")

И. Кор

О КОСАХ

Из уездного городишка Курской губернии в редакцию пришло письмо:

«Товарищ редактор.

Прошу вас, как отца родного, дать мне нижеследующий ответ. Можно ли мне, как комсомолке, носить косы, и не является ли это мещанством?»

Затем следовало об'яснение, что «секретарь нашей ячейки, Шурка Кравцов, не дает мне жить и требует, чтобы я остригла косы, которые есть, по его словам, мещанский предрассудок и тормоз в нашей работе».

В конце письма автор, комсомолка Нина, просит вывести ее «из запутанного тупика».

Я не специалист по части женских кос. Но при чтении письма мне вспомнились два факта, имевшие место в одном из южных городов Украины.

Дело было в 1922 г. В Николаевский губком ЛКСМ явилась девушка с командировкой из ЦК «на предмет использования в районном масштабе». Девушка была как девушка, но, кроме цекистской командировки, у нее были «особые приметы». «Особые приметы» заключались в роскошных белокурых косах, далеко не гармонировавших с довольно истасканной серой кепкой.

Губкомцы уважали командировку, но у них был свой взгляд на косы. Поэтому, когда вопрос о работе Фани Овруцкой решался на бюро, то прения длились два часа и в основном сводились к тому, что «непристойно активистке носить косы, которые грозят опасностью перерождения и являются мещанским предрассудком».

Командировке ЦК угрожала определенная опасность, если бы среди губкомцев не нашлось своего Соломона. Меча у него не было, но его с успехом заменили простые ножницы. Ночью, когда Фаня уснула, «мещанский предрассудок» был отрезан, и местный Комсомол избавился от «опасности перерождения».

В том же городе в 1919 году орудовали белогвардейские банды. Десятки расстрелянных валялись ежедневно на улицах, и, несмотря на это, комсомольское подполье все больше разворачивало свою работу. Одним из активнейших членов его была Тамара Мальт, внешне очень слабая девушка, с большими черными косами.

Я не знаю, разбирался ли в подполье вопрос о допустимости ношения кос подпольной комсомольской работницей. Я не знаю, мешали ли они ей вести свою работу. Но когда Тамара была схвачена контр-разведкой, то она держалась не хуже своих стриженных подруг. Утром черные косы, залитые кровью, валялись на городской площади среди других жертв белогвардейского террора.

Не случайно вспомнил я эти факты при чтении письма Нины. Можно ли обвинять секретаря глухой комсомольской ячейки, если с легкой руки губкомцев крупного промышленного центра на косы наложена мещанская печать? В нашем союзе немало таких активистов, которые готовы лепить мещанскую вывеску на все, связанное с косами, каблуками и даже естественным румянцем на девичьих щеках.

А втихомолку каждый из них не прочь, под товарищеским соусом, воспользоваться прелестями «мещанских предрассудков»...

*

Хуже всего то, что молодые неопытные комсомолки не в силах устоять перед высокоавторитетными заявлениями таких искушенных комсомольцев.

Поэтому много кос отрезано ножницами, много кос оставлено в парикмахерских в угоду Кравцовым. Но мало кто знает о черных косах, орошенных кровью девушек-борцов на фронтах гражданской войны. И пусть пример Тамары будет лучшим ответом тысячам комсомолок, которые хотят обратиться в редакцию по тому же вопросу.

(„Комсомольская Правда")

В. Кин

БОРЬБА С КОКЕТСТВОМ

Соответствующие доклады были прочитаны и запротоколированы, резолюции приняты — и вовлечение девушек в Безводниковскую ячейку началось. Под соединенным давлением цитат, исторических примеров и агитационных частушек местные девицы заколебались, а когда ячейка организовала вечером на выгоне пение «Разлуки» в сопровождении гитары, двенадцать девушек решили войти в ячейку.

Двенадцать новых членов были приняты и занумерованы. Ячейка приняла их с обычным своим радушием: девушкам было предложено вымыть полы в клубе, протереть окна и переписать протоколы бюро и общих собраний. Рядовые члены тоже не обошли девушек своим вниманием и участливо провожали домой, развлекая приятными разговорами. Щадя простительную девичью стыдливость, члены ячейки совершенно изгнали из обращения матерные ругательства и разрешали себе эту слабость только в прениях по международным вопросам, в виду их недопустимой запутанности и сложности.

Равным образом ячейка заклеймила необдуманный поступок одного комсомольца, пытавшегося скрепить товарищеские отношения с одной из вовлеченных теплым поцелуем. Снисхождение было оказано в виду заявления провинившегося, что этот шаг был продиктован его искренними чувствами.

Одним словом, ячейка учла все особенности сложной женской натуры и сделала все, что было в ее силах. Оставалось только пожать плоды этого тонкого и умелого подхода.

Но кто может разобраться в сердце женщины? Кому не известны их извечная ветренность и коварство? С того дня, как Ева сорвала первый капустный лист, чтобы прикрыть им свою наготу, она выдала этим жестом свою скрытность и кокетство. И пока простодушный Адам неловко натягивал первые брюки из листьев, Ева уже вертелась перед зеркалом, стараясь разглядеть, не морщит ли у нее юбка на спине.

В данном случае старания Безводниковской ячейки пришли в столкновение с описанными свойствами женской природы. Огорченное бюро стало замечать, что его новые питомцы подвержены кокетству, ветренности и легкомыслию. Борьба с этими явлениями была об'явлена, как ударная задача, и на одном из заседаний бюро были поставлены следующие вопросы:

Слушали:

«О недостойном поведении Малышевой, Любашевой, Глуховой и Мазановой».

Постановили:

«Указать, что Комсомол не биржа труда, а идейная ленинская организация.

Тов. Любимовой напомнить: не мечтать о белых платьях и посерьезнее относиться к политике.

Тов. Глуховой: поменьше мечтать о лунных секциях.

Тов. Мазановой: не расфуфыриваться как буржуазной актрисе, поскорее переписать протокол общего собрания, почаще посещать избу-читальню и не мечтать о фартовых кавалерах...»

Призывы бюро ячейки к гражданскому долгу не увенчались успехом. Пороки одержали верх, и четыре нераскаянные девушки вышли из ячейки. Осталось восемь женских единиц, которых бюро тщательно оберегает от белых платьев, лунных секций и фартовых кавалеров.

Работа трудная и ответственная. Пока речь идет о платье, серьгах и других предметах внешнего употребления, меры борьбы и пресечения ясны. Но коль скоро встанет вопрос о «недопустимости» ношения кружев на панталонах и вышивки на нижних рубашках, трудности воспитания девушек умножатся, ибо невозможно будет даже проследить за выполнением предписаний бюро.

Что будет делать Безводниковская ячейка,—ума не приложим.

(„Комсомольская Правда")

Дав. Хайт

МОЛОДЕЖНАЯ НОВЬ

В горах, лесах и оврагах залег Звенигородский уезд. Бродят в лесах ветры, соловьями свищут в трубах и в деревьях, глухо воют собаки.

Уезд Звенигородский—большой, волостей много. Иваново-Шныревская, Ягунинская, Перхушковская, Кубинская, Петровская, Наро-Фоминская; в каждой волости по пятьдесят деревень.

В деревнях этих многое сломалось от старого, многое осталось—бродит деревня, всходит новым тестом на старых дрожжах.

В деревне Кубинской волости четыре комсомольца ушли с милиционером в самогонный обход. На дороге упал желтый лист, над рекой вставали плотные туманы—дело было осенью. Тогда в деревне гнали самогон.

Комсомольцы и милиционер шли по избам и в одной избе нашли боченок, наполненный самогоном.

— Запрягай телегу,—сказал самогонщику милиционер,—едем до волости.

В телегу сели милиционер, самогонщик и комсомольцы. Боченок они положили под ноги. Лошадь тронула рысцой.

В попутной деревне милиционер и самогонщик зашли в кооперативную чайную согреться кипятком—путь лежал длинный, даль тонула в тумане...

Телега с боченком осталась на улице под присмотром комсомольцев. Два спутника пили чай, а комсомольцы, переглянувшись, бросились к боченку.

— Ребята, за околицу тяни его,—сказал один из четырех комсомольцев, указывая на боченок.

Телега опустела. Комсомольцы пили самогон за дальней избой, в поле, где нет чужих человечьих глаз. Они бросили пустой боченок в поле и, сильно захмелевши, ушли в деревню. В деревне они ругались, чуть дебоширили и пели веселые частушки:

Краля, краля, ах ты краля,
Нос—большой, рябая харя...

А потом в укоме на столе секретаря на комсомольских билетах запестрели строки: «уволен из организации за пьянство». Есть и такие пометки: «уволен за религиозные предрассудки», «уволен за отсталость».

В Ягунинской волости, в ячейку крестьянский парень принес такое заявление:

«Прошу исключить меня из Комсомола, так как мне надоело учить политграмоту».

— Почему надоело?—спрашивали у парня.

— Да надоело.

— Почему?

— Да говорю же: надоело.

Так от парня никакого толку не добились.

В Перхушковской волости издавна ведется «вечеринный» обычай. Волость большая, за лесами не видно паровозов, зимние ночи длинны и тоскливы, к волостному центру ехать—лошадей в мыло бросить.

В праздники выходит на дорогу главный запевала. Парень—первый задира в деревне: горлопан. Он заламывает

картуз набекрень—ветер подхватывает вихры из-под козырька. Рубашка нараспах, сапоги с перебором, в руке гармонь-тальянка. Парень идет по большой дороге, растягивает гармошку и поет:

Ничего я не боюся,
И ничем не дорожу,
Мине голову отрежут—
Я полено привяжу...

Он играет, поет и сзывает на вечеринку парней и молодух. К главному гармонисту деревня тянется как пчела к цветку. Молодежная толпа возле парня часто вырастает в пятьдесят человек. Тогда все гуртом идут в большую избу и строго держатся правила, а в Перхушковской волости такое правило: за пару платят хозяину избы тридцать копеек. За каждую пару танцующих. Хозяин пускает в избу всех желающих. В избе до утра пьянка, пляска и особый вид спорта — «лапландия»: ищут девиц.

В нашем уезде, в Перхушковской волости, такой обычай ведется издавна. Не перевелся он и теперь. Но с января этого года случилось неожиданное для Перхушковской волости.

Восемнадцатилетний парень из волости Стрельников, комсомолец, вышел в праздник на большую дорогу, увидел пьяного запевалу, слушал заунылую тальянную мелодию, а когда запевала скрылся за большаком и утихла гармошка, Стрельников четко видел пред собою еще запевалу и в ушах его отдавались звуки гармошки. Он смотрел на невеселый большак, на хмурое небо—и задумался. Потом Стрельников пришел в избу-читальню, позвал комсомольцев и увлек в избу главного гармониста.

— Организуем к р а с н у ю вечеринку, — сказал ему Стрельников.—Гармошка—главный агитатор масс.

К главному гармонисту деревня тянется как пчела к цветку. В избе-читальне стало тесно от молодежного народа. Кто-то принес книжку рассказов Зощенко, стали ее коллективно читать, сразу нашлись свои песни и игры. Не было пьянки—первая красная вечеринка прошла удачно.

Но все же в этот вечер была полна изба, где берут тридцать копеек за пару. Полна, да главного в ней не было: девиц. Они ушли туда, где нет «лапландии»—в избу-читальню. Парням без девиц скучно. Они пошли к Стрельникову и, сжав перед его носом кулак, сказали:

— Отдай молодух, банок под глаза наставим.

— Нешто мы вам казенные?—спросили девицы парней.— Нема сала, кошка с'ела.

Что за праздник без девок? Что за веселье без главного запевалы? Парни, пришедшие в избу-читальню за девками, разделились: часть осталась в читальне, часть осталась веселиться в мужской компании.

С января много праздников-дней прокатилось, что ни праздник — то красная вечеринка. И не только Зощенко появился, а Демьян Бедный.

Не перевелся в Перхушковской волости еще «вечеринный» обычай. Но с января вечеринок с пьянкой стало меньше. Все больше в избу-читальню идут. И молодежь наша поет теперь новую песню:

Девки, девки, расскажу вам новость я прекрасную,
С комсомольцами пойдем на вечеринку красную.

(„Комсомольская Правда")

С. Карташов

БЛЮСТИТЕЛЬ НРАВСТВЕННОСТИ

В клубе Перетякин подошел к Маслову и взял его за рукав.

— Идем,—сказал он тихо, и они пошли на пустую сцену, где, за исключением крыс, им никто помешать не мог.

— Вот что, Маслов,—сказал Перетякин,—не знаю, как тебе, а мне твое поведение не нравится.

— А что такое?—тихо и испуганно спросил Маслов.

— Ты знаешь, где тебя вчера видели?—продолжал Перетякин.

— Где?—так же испуганно спросил Маслов.

— Вчера, в семь часов пятнадцать минут вечера, ты был на углу Пролетарской и Огородной улиц, где зашел в пивную «Отрада», в каковой просидел полчаса времени в подозрительной компании и пил с нею пиво.

— Позволь,—обрадовался Маслов,—так ведь ты был в той же самой пивной, только за другим столиком.

— Как ты можешь сравнить,—пожал Перетякин плечами.—Ты ходил туда за удовлетворением низменных инстинктов, я же исключительно для того, чтобы заметить, кого из наших комсомольцев начинают захлестывать мутные волны нэпа, чтобы во-время предостеречь несчастного.

Маслов хотел расхохотаться, но голос Перетякина звучал так убедительно, в глазах его было столько дружеского

участия и сожаления о его, Маслова, падении, что он действительно почувствовал себя неловко.

— Спасибо,—сказал он растроганно,—я никогда не забуду твоих подлинно товарищеских слов.

— Пойми, что твой долг теперь,—сказал Перетякин, — предостеречь и других товарищей от посещения этой грязной клоаки нэпа—пивной «Отрада»...

— Я понимаю,—сказал Маслов.

Через полчаса Перетякин сидел на той же сцене с другим парнишкой, Клоковым.

Клоков горячо оправдывался в чем-то, и лицо его горело от стыда, а Перетякин укоризненно кивал головой и изредка вставлял: «стыдно, стыдно...»

— Пойми же,—говорил Клоков,—вот ты говоришь, что то, что я путаюсь с Лизкой, это для нашей организации позор всеуездного масштаба, но ведь мне девчонка действительно нравится.

— Выходит, что какая-то Лизка Чибисова тебе дороже всего Комсомола и, может быть, она тебе даже дороже передовых пролетариев Запада и угнетенных народов Востока?

— Нет, не дороже,—горячо, убежденно сказал Клоков и стукнул себя в грудь,—не дороже.

— Тогда выбирай—она или мы. Ты понимаешь, что поскольку она не является членом нашей организации, ее влияние на тебя не может быть другим, кроме разлагающего, а через тебя разложение может перейти на всю организацию, развернуться в губернском масштабе, перекинуться на весь Комсомол и, может быть, даже заразить другие секции Коминтерна молодежи.

Развернутая Перетякиным грандиозная картина потрясла Клокова.

— Ты прав,—сказал он решительно,—я оборву...

На улице Перетякин тихо свистнул. Фигура в сногсшибательной кепке, с лихим начесом на лоб, поднялась с лавочки и пошла ему навстречу.

— Куда?—спросила фигура.

— Да думаю раньше Лизку Чибисову захватить, а потом закатимся все в «Отраду», — последовал ответ.

— Драка будет?

— Никакой драки. Дракой ничего не достигнешь, и еще тебе самому накласть могут. Я, брат, открыл более верный способ отшивки...

— Тогда, может, в другую пивную пойдем, а то в «Отраду», ты сам говорил, ваши ребята часто заглядывают. Все-таки неудобно встретиться.

— Больше не будут. Отшиты по тому же способу. Теперь «Отрада» самое спокойное место...

— Молодец, — похвалила лихая кепка, и друзья зашагали.

(„Комсомольская Правда")

Я. Резник

ХОРОШОВСКИЙ БЫТ И СМУТНЫЕ НАДЕЖДЫ

Если, утомившись Москвой, вы захотите отдохнуть и, сев в автобус № 4, отправитесь в дачный поселок Серебряный бор, то на пути к нему неподалеку от бора встретите сельцо Хорошово.

Семь верст мощеного тракта отделяет Хорошово от Москвы,—тракта, по которому каждые полчаса, туда и обратно, мчат автобусы, фыркая, бегут «легковые».

Недалеко — совсем на виду — растянул свою стальную паутину радио-городок.

Как же живет село, столь близкое от красной столицы?

Общественных центров в селе два—церковь и трактир, носящий скромное название «Чайная» (кооперативная).

Вокруг церкви группируется женское население, особенно девушки.

В трактире — мужская часть населения.

Стоя в низкой церковке, молит девушка о хорошем муже, о крепком браке.

А в трактире выпившие парни в пьяном восторге лихо и до-смерти бьются железными гирями.

В особо праздничные дни, например, на масленую, пьяной озорной толпой останавливают подводы с партиями других сел и бьются с исступлением.

Стенка на стенку. Работают ломами и лопатами, наводя страх на село. Иногда и этого мало — тогда забивают насмерть. К примеру, на рождество в близлежащем селе «Троицком» кольями и гирями искромсали парня, и он умер через три дня. Однажды я спросил сельского вожака, почему бьют, почему дерутся.

Блеснув узкими, острыми глазками и разведя богатырскими плечами, он ответил:

— Силы много, девать ее некуда.

Есть в селе клуб заброшенный,—далеко за селом лежит он в глубокой лощине.

Казалось бы, на фоне этой пьяной, косной жизни клуб должен быть ярким лучом.

Но когда вы, несколько раз упав в снег, спускаясь по крутой дороге, подходите к нему, у вас является подозрение, «действительно ли это луч?»

Клуб этот—большой, холодный барак. Правда, есть там сцена и скамейки.

Комсомольцы и школьники в клубе дают спектакли.

Часто бывает и кино. Но фильмы все сугубо халтурные, бесцветные и барабанно-агитационные—выпуска 1918—19 гг.

Как-то при демонстрации одной из таких фильм, в захватывающий момент, когда фашисты в масках подвешивали к потолку красного директора, двенадцатилетний оголец, глубоко заикнувшись, прокуренным баском уверенно сказал: «Чичас красноармеец спасет».

И действительно, на полотне показался красноармеец.

Я осведомился об этой необычайной проницательности. «Пятый раз идет, я их всех знаю»,—небрежно ответил прокуренный басок.

Спектакли комсомольцев на политические темы, где заключенные в тюрьме дико выкатывают глаза и самые обыкновенные слова говорят загробным голосом, также не производят хорошего впечатления.

Комсомольцы проводят свои вечера по-иному, чем сельская молодежь. Нет этого буйства—тише и скромнее.

Весло распевающей компанией, под гармошку, ходят по Серебряному бору. Гармошка наигрывает «цыганскую».

На Кавказе есть гора,
Под горой—долина.
Не гляди ты на меня,
Я не мандолина.

Потом всей толпой заходят на вечорку к местным девушкам.

Любимая игра на вечерах—«моргалки». О ней мне один комсомолец рассказывал:

— Садятся девки в ряд, а напротив стоят парни. Моргнет какая девка—ты подходи, вытянет губы—целуй ее, а потом парни моргать зачинают. Вот морганула мне одна губошлепая такая — не стал целовать, ушел. Плюхая игра: целуешь, целуешь, а после губы целую неделю лупятся и болят.

Но не все смотрят такими глазами на «моргалки», большинство беззаветно ими увлекается.

Иногда даже с горя выпивают и чего-то ждут.

Что же делает хорошовская ячейка ВЛКСМ и почему она так мало заботится о досуге комсомольцев?

Прежде всего коснемся ее прошлого.

Заглянуть в ее историю — это значит познакомиться с секретарем ячейки Даркиным.

Веселый малый этот за полгода своей работы даже ни одной бумаги не отослал в уком. Лишь позже были открыты девственные залежи неотосланных анкет и протоколов. Собрал он за эти полгода, между прочим, членские взносы и укатил в Пензу, где и был посажен за избиение инвалида.

В этом деле изумительна близорукость укома и партийного представителя. Хотя, может быть, ошибку последнего об'ясняет общая линия парт'ячейки, которая смотрит на комсомольскую ячейку глазами одного партийца, заявившего, что «комсомольская ячейка—ненормальное явление». Нынешнее бюро, получив плохое наследство, с работой явно не справляется.

В таком селе ячейка должна была бы быть носительницей культуры. Темной силе хулиганства и озорства нужно было противопоставить организующую силу комсомольской сознательности. Для этого необходимо было втянуть в ячейку местную крестьянскую молодежь.

А такой в ячейке нет,—есть только рабочие с местного склада и служащие. Политпросвет ячейки, отчаявшись, совсем отдался игре на мандолине. Хиреет и пионерский отряд, руководимый недавно женившимся вожатым. Этот последний, углубившись в семейное счастье, оставил отряд беспризорным. Бывали случаи, когда пионерский спектакль или важнейшее собрание откладывались по случаю от'езда счастливых молодоженов в московское кино.

Стенная газета имеет причудливо картинный характер. Выходит иногда раз в три месяца. Все заметки, критикующие теперешнее положение вещей, неизменно задерживаются и кладутся под сукно.

Собрания—лицо работы ячейки—напоминают издевку. Вот картинка собрания.

Назначено оно было в ленинском уголке, где на стене красовался красноречивый лозунг: «Только через воздушный флот мы придем к социализму».

Собравшись, ребята не знали, что делать. Уголок был пуст.

Прошел час ожидания. Стали расходиться. Вдруг вынырнул член бюро с протоколами и об'явил: «Собрание будет—на 15 минут».

«Утвердили протоколы». Потом разное. Ребята в смутной надежде стояли и ждали чего-то интересного и живого.

Скоро ли дождутся?

(„Комсомольская Правда")

С. Карташов

НЕПОНЯТЫЙ ПУГОВКИН

«Уважаемый братишка редактор.

Спешу тебе написать про нашу грустную жистянку, чтобы ты пропечатал в нашей газете кого следует за отрыв от масс и инстинкты.

Не успел новый секретарь тов. Серебряный с молодой женой обосноваться в нашей организации, как уже начал отрываться, и чем дальше, тем больше.

Началось с того, что свою роскошную квартиру, состоящую из отдельной комнаты, не считая коридорчика и общего пользования кухней, они начали устраивать по всем правилам буржуазного искусства.

Пол там всегда блестящий, как зеркало, но эта половая чистота только раздражает, потому выходит, что даже как-то неловко плюнуть. Но я все-таки показал, что я выше — и плюнул.

Тогда его жена делает мне в нахальной форме замечание. «Попросила бы, — говорит, — не плеваться».

И он тоже нагло так ее поддерживает: «правильно»,— говорит.

Я, конечно, с этой мещанкой даже разговаривать не стал, но говорю ему — секретарю, значит, нашему — уже вполне официально:

Вы опутаны сетями мещанства, товарищ, чего сами не замечаете, начиная с того, что жена ваша явно не соответствует вашему назначению...»

В ответ на это они только засмеялись.

Уходя уже от них, я заметил на окне занавесочку; так как таковое окно выходит в пустырь, откуда все равно никому заглядывать к ним в комнату не интересно, ясно, что эта занавеска является предметом роскоши, не более того.

Таковой жизненный образ секретаря явно не может внушать доверия широким трудящимся массам.

Кроме того, тов. Серебряный показал себя склочником и противником стального единства наших железных рядов, говоря, что хулиганские элементы и сквернословов надо беспощадно исключать из организации. Но я тебя спрашиваю, братишка редактор, на кого он бросает эти намеки?

Ведь если вести такую политику, он рискует оказаться изолированным от масс.

А когда у одного из наших товарищей были октябрины, по случаю рождения дочери, ее назвали Надеждой. Я про-

тестовал, конечно, против такого факта и требовал, чтобы ее назвали Либкнехтиной в честь нашего вождя, но они отказались, и Серебряный их поддержал, говоря, что такое имя будет неблагозвучно.

Тогда я предложил назвать Красной Надеждой, но и это предложение было провалено всеми против одного. Отсюда ясно, что тов. Серебряный держит за старый быт, что видно хотя бы из его капиталистической и вместе княжеской фамилии, которую он однако, несмотря на мое предложение, менять не согласился.

А исключили меня за драку в пьяном виде, будто бы я отбивал горлы у бутылок с пивом и кидал в таком виде в дорогих товарищей из нашей стальной организации. Но это, конечно, наглая ложь: кто же будет кидать полные бутылки? Они были уже без пива, а что до горлышек, то, действительно, отбивал, потому что если кому пустить в голову целую бутылку, то можно ушибить. И меня тоже, проголосовав, единогласно всеми голосами против одного моего, исключили... Несомненно, что вина этого последнего случая раскола наших стальных рядов принадлежит тому же разлагающему влиянию тов. Серебряного.

Я написал об этом в стенную газету, затем в уездную, потом в губернскую газеты, но везде держат его ручку, и никто не думает об единстве наших стальных рядов. Последняя надежда на тебя, братуха редактор.

Бывший член РЛКСМ Илья Пуговкин».

Увы, товарищ Пуговкин, мы вам не можем помочь. Поскольку получилось так, что вся организация, кроме одного, оказалась на неверном пути, лучше не связывайтесь с ней, не стоит... Они вас все равно не поймут... Где им...

(„Комсомольская Правда")

Артем Русанов

ЭТО БЫЛО В ОБЛИВСКОЙ

В нашей родной речи к числу самых распространенных слов, в роде «согласовать», «увязать», «констатировать», принадлежит слово мещанство.

Хорошее это слово—мещанство.

Когда-то давно какой-нибудь уездный трагик Буреломлоев или недоучившийся семинарист Веснушкин, пропахший винными испарениями, где-нибудь в углу трактира, за доброй батареей бутылок, бия себя в грудь, громко рычал:

— Мещанство.
— Франтасмагоррия.
— Мещанство.
— Суета сует.
— Мещанство.

Родоначальниками мещанства обычно принято считать блаженной памяти Афанасия Ивановича и Пульхерию Ивановну — царство им небесное.

Литературные творцы смертных и бессмертных предков современных мещан дали самые разнообразные типы мещанства. Было бы ошибкой думать, что все мещане одинаковы. Нет. Есть мещане (и мещанство) добродушные, есть мещане озлобленные, тихие и озорные, лирики и циники, меланхолики, оптимисты и т. д.

Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна—это одно.

«Сия дыня с'едена такого-то числа».

А «вы—гусак, Иван Никифорович»—другое.

И современные отпрыски этих прародителей мещанства где-то в стороне, где-то вдали от шума великой стройки творят дела по-дедовски, по-старинке.

Это было в Обливской.

Обливская — станица Шахтенского округа. Мирные жители этой станицы спокон века живут спокойно, чинно, по наследству из поколения в поколение передают добрые старые обычаи, нравы, традиции.

Есть в Обливской молодежь, есть и комсомольская организация. Организация, как организация. Актив, масса, заседания, совещания и пр.

Неизвестно, как там решаются всякие другие вопросы, а вот вопросы быта решаются оригинально.

Вот он—быт.

Крестьянскому парню Барышникову нравится девушка-комсомолка Бражникова. Должно быть, и Барышников нравится Бражниковой, ибо они дружат, часто встречаются. В свободное время молодые люди вместе гуляют, спорят, шутят. Что же в этом плохого?

Но обливская мораль не допускает такой вольности.

И часто вечерами по широким аллеям станицы, усаженным ветвистыми деревьями, тянутся длинные тени «добродетельных» обливских парней, выслеживающих Барышникова и Бражникову.

Добродетельные Нат Пинкертоны с нахлобученными на нос картузами ищут веселых приключений, надеясь уличить молодых людей. Но никакого греха, как на грех, нет.

Скучно жить в Обливской. Тоска.

Ни Барышников, ни Бражникова не подозревали, что встречи и беседы их окончатся так нелепо печально.

Можно ли парню встречаться с девушкой, дружить с ней, беседовать, смеяться, когда весело? Обливская молодежь, повидимому, считает, что нельзя.

Бражниковой начали «шить дело», шить дело без всяких причин и даже поводов для этого.

Ее судили. Собрали актив, и восемь судей-активистов допрашивали «падшую».

— Давно ли ты с ним возишься?—вопрошает один из судей.

— Любишь ли ты его или нет?—спрашивает второй.

— Имела ли ты половые сношения до встречи с Барышниковым?—солидно спрашивает третий. И много, много еще пикантных вопросов.

Бражникова попала под перекрестный огонь недвусмысленных и весьма прозрачных вопросов в духе деревенского натурализма.

Представьте себе на минуту Бражникову, отвечающую на эти вопросы.

Актив вынес свой приговор. Постановили:

Исключить Бражникову из Комсомола «за проституцию».

Интересно узнать, как понимают обливские парни м е щ а н с т в о.

Как назвать ваше поведение по отношению к Бражниковой, обливские товарищи?

Что это—мещанство, озорство или то и другое?

(„Комсомольская Правда")

Вадим Охроменко

ПРЕСТУПЛЕНИЕ КИРИКА БАСЕНКО

В хронике Червоновской газеты «Рабочий Путь» была помещена следующая заметка.

«Дикая расправа

В с. Хмелевом глухонемой сапожник Кирик Басенко подстерег на улице комсомольца Андрея Корчинского и изуродовал ему железными граблями лицо. Преступление совершено, повидимому, на почве ревности к гражданке того же села Екатерине Мельниковой. Басенко арестован и предан суду. Пострадавший отправлен в районную больницу».

Очевидно, по мнению репортера «Рабочего Пути», этот заурядный и лишенный всех прав на сенсацию случай не стоил более десяти строк петита.

Мне случайно пришлось присутствовать на суде глухонемого Кирика Басенко и благодаря этому собрать достаточно интересные и характерные подробности этого дела. Хотя весь ход судебного разбирательства и заслуживал бы, несомненно, особого описания, я все-таки опущу его и ограничусь лишь тем, что приведу здесь пять маленьких документов, выбранных мною из приобщенной к делу грязной, измятой пачки.

Полагаю, что эти документы, расположенные по возможности в хронологическом порядке, скажут читателю больше, чем я.

I

«Дорогая и многоуважаемая сестричка Оля! Очень у меня большая до тебя просьба. Если батька и мама узнают что, так успокой их, пускай не тревожатся и не сердятся. Я—комсомолка, уже полных лет и свободная от предрассудков, и поетому сама знаю, могу ли я жить с Андрюшей Корчинским. На меня все девчата, из ячейки и сельские, даже завидуют, что вот я, лицом некрасивая, а только телом толстая, и вдруг получаю такую любовь от самого красивого и лучшего парня на все село и на весь белый свет. Я его люблю до гроба, и он меня тоже, и мы никому один одного не отдадим. Так что, пускай родные не сердятся и не грозят мне, что мы живем как муж и жена, дорогая сестричка Оля, потому что, если б ты сама Андрушечку увидела, так и тебе было бы на меня завидно. Такой он очень прекрасный. Работаю я в ячейке и в совхозе попрежнему очень много, и ячейка для меня семья. С тем и целую тебя, Олечка.

Твоя любящая сестренка *Катя Мельникова*».

II

«Екатерина!!!

Надо тебе оставить твои глупые замашки и сделать то, про что я говорил. Я хорошо знаю и много читал про половой вопрос, что если ты даже и третью неделю беременная, так это ничего. Если с женщиной побудут еще несколько мужчин одновременно, так все семена ликвидируются и в животе не будет никакого первого зачатья. Передаю тебе через Мишку Онищенка эту записку и прошу тебя последний раз,

чтоб не смела этим парням отказывать. Петро и Гриша тоже оставят все в секрете. Они умеют держать комсомольское слово.

Любящий тебя до гроба *Андрей Корчинский*».

III

«Дорогая и милая моя сестричка Оля!

Не знаю, или получила ты письмо, что я писала про ребенкову одежу. Когда я тогда от вас ушла, как батька мне разбил ухо, то на сундуке остались платок, две пеленки и зеленый свивальничек. Мы с малым Васей совсем голые, и я очень прошу тебя, сестричка, передать, как можно вскорости, через людей етие вещи. Живу я очень плохо, потому что на совхозе тоже надо мной уже смеются, что я шлюха и другое прочее. Дорогая и уважаемая сестричка, я очень несчастная с маленьким Васечкой на руках, и не могу я больше ходить в ненавистную и насмешливую ячейку. Там все знают про глупую ликвидацию в саду, и нету мне жизни и прохода. За Андрея я уже не хочу даже и писать, потому что он звериная гадюка, даже не стоит, чтобы его вспоминали на белой бумаге. Он уже гуляет теперь с Попружниковой Таней, может знаешь. Насчет алемента я даже и не думаю подавать, потому что их было четверо, и все смеются. Сообщу тебе напоследок, дорогая сестренка, что поселяюсь я, кажется, скоро до сапожника Басенкова Кирка, того порчиного на язык и ухо, может знаешь. Он один до миня приходит утешать и все мукает, будто желает и понимает что-то, а на ячейку грозится и зубами скрегочет. Такой он смешной. И даже маленькому моему Ваське строит разные забавки. Так что, прощай пока, дорогая сестричка, и передай пеленочки. Любящая тебя сестра Катя Мельникова».

IV

«...На собрании бюро Хмелевской ячейки...

Слушали:—Заявление Мельниковой Екатерины (член с 1925 г.) об уходе из ячейки в виду якобы ложного насмехательства и тяжелого отношения к ней членов, а также через небывалое материнство.

Постановили: — Уважая на ее письменную просьбу и принимая во внимание развратную несознательность, считать вышедшей из рядов ВЛКСМ.

Секретарь . . . .»

V

«Золотая моя Катюша. Совсем понапрасну не стала ты со мной говорить тогда, коло лавки. Ты знаешь, что я давно мучаюсь за свою тогдашнюю глупую доброту к хлопцам, что посылал их до тебя. Действительно, я, может быть, и жил бы с тобой и признал бы ребенка, но мне неизвестно, чей он есть. И чужих детей я воспитывать не имею доброты. Вспомни, Катюня, как проводили мы двое с тобой время и как я тебя любил, как никакой другой парень. Пишу тебе искреннюю правду, что все девки перед тобой твари и негодующие черви, и я тебя люблю еще жарче и сильней, как раньше. Уже совсем сохну за эти четыре месяца и не сплю от охоты посмотреть, какая ты есть. Мне жалко даже, как ты живешь с обезьяной, а не человеком, который сам не говорит и не слышит твой дорогой голосочек. Я знаю, Катюня, что тебя обидели и ты горюешь за нашими стройными рядами Комсомола. И вот я теперь член бюро и мог бы поднять вопрос, поручиться за тебя для обратного приема в ВЛКСМ. Так что про все это подумай, и если да, то осмотрись, чтоб твой Кирик не уследил, и приходи на поповский ровчак, когда хорошо потемнеет. Я буду там ожидать.

Любящий тебя до гроба и ожидающий друг

Андрюша Корчинский.

*

Вот и все. О вмешательстве Кирика достаточно красноречиво говорит приведенная в начале заметка. Неграмотный глухонемой не мог пускаться в об'яснения, боясь показаться смешным и непонятным. Но руки у него были здоровые, и чутье указало ему, что нужно было делать.

Глухонемой поставил граблями точку на Андрюшкиных «любвях до гроба».

Суд оправдал его.

Вы, надеюсь, тоже.

(„Комсомольская Правда")

Михаил Кольцов

ПРОВЕРОЧКА

Никак не угадаешь, когда к тебе беда придет. Наперед не скажется, сразу приспеет, вот и держись.

В новостародубскую комсомольскую ячейку мещанский элемент проник тихо, неслышно, как тать в нощи. Кажется, следили по этой части, как могли. Вот тебе — не спавши, горе наспали.

Когда принимали Нину Диковскую в ячейку, косились на нее. Дочь служащего. Правда, служащие разные бывают. Потертый, обсыпанный мукой инвалид Диковский, записывающий на мельнице кули с крупчаткой,—не чета надушенному московскому тысячерублевому консультанту. Но и Новостародуб в запросах своих кой-чем разнится от мировой столицы.

Девушку приняли, отнеслись терпимо, завалили нагрузками, держалась молодцом, решили оставить в покое.

И вдруг—

чьи-то услужливые уста шепнули кое-куда о том, что Нина принципиально против мата.

«Кое-где» не поверили. Но решили расследовать и испытать.

Индивидуальную идеологическую проверку взяли на себя заведующий пропагандистским подотделом райкома Марголис и политрук Лебединец. Кому, как не им! По должности.

Пришли в ячейку, разыскали Диковскую, сделали установку, начали обстрел...

Не знаю, на высоте ли в Новостародубе старинное русское искусство матерного слова. Доводилось мне в прежние времена слышать, как выражаются севастопольские матросы, киевские босяки, фартовые ребята с Обводного канала в Петербурге, одесские марвихеры, нижегородские пожарные, царицынские грузчики. Не думаю, чтобы в Новостародубе завпропподотделом переплюнул эти вершины. Выучка не та! Образование, может быть, и большее. Может быть, кое-какие марксистские познания в скромном масштабе. Но разве же из этих истоков хороший мат идет? Совсем ведь другая социальная база!

Однако девушка, на Волге и на Обводном канале не бывавшая, испугалась. Заплакала и заявила, что не хочет слушать. Другой присутствовавший при «испытании» комсомо-

лец тоже возмутился и заявил, что сквернословы позорят свое звание.

Нимало не смущаясь, райкомский пропагандист перешел от общеидеологической к программной части испытания.

— Согласны ли вы, товарищ Диковская, с тем, что сродство душ должно быть соединено со сродством тел. И вообще, какое ваше отношение к проблеме пола? Ведь вот, наблюдая половую жизнь кур и петухов, мы убеждаемся...

Нина Диковская раз'ярилась, повторила, что знать не хочет и что никакого отношения к проблеме пола и к жизни кур иметь не желает. После чего оба экзаминатора, удовлетворенно переглянувшись, удалились в райком.

Немедленно новостародубский райком ВЛКСМ исключает Диковскую за мещанский уклон. Помимо ячейки. Когда же ячейка требует раз'яснений, для дачи таковых прибывает все тот же неутомимый пропагандист Марголис и со зловещим спокойствием изрекает только одно слово:

— Мещанка.

...Не будем передавать подробности бурного собрания ячейки. Секретарь райпарткома признал, что девушка исключена неправильно. Мы тоже убеждены, что Диковскую восстановят... Но вместо многоточия поставим тире. И сравним «линию» новостародубских бойцов против мещанства с цифрами, которые приводит «Комсомольская Правда»—

«Из двадцати трех тысяч протоколов за хулиганство и появление в нетрезвом виде т р и н а д ц а т ь процентов составлено на партийцев и комсомольцев. Чрезвычайно высок процент хулиганства, проявленного в совершенно трезвом, нормальном состоянии».

Права «Комсомольская Правда»: «Дело не только в административных мерах воздействия на хулиганов, которыми располагает наше правительство. На помощь борьбе с этим стихийно развивающимся у нас злом государству должна прийти вся советская общественность».

Советская? А партийная? А комсомольская?! Если районный «руководитель пропаганды» будет преследовать и выбрасывать из Комсомола «за мещанство» подростков, не выносящих матерной брани,—далеко ли уйдет и куда заведет «общественная» борьба такого рода?

Все силы должны быть брошены против от'евшегося темного зверя—хулигана. Они уже пущены в ход. Но важнейшая среди них всех—Комсомол. Его энергии, его напору, его стойкости мы придаем первейшее значение. Плохо будет, если именно на его участке окажется прорыв.

(„Правда")

А. Мих

В ЗАРОСЛЯХ БУРЬЯНА

В летнем саду «Молодой Большевик» Жоржик Шульгин познакомился с девушкой Галей. Жоржик Шульгин был бодр, много говорил, улыбался, удивительно красиво улыбался. Жоржик предлагал Гале пирожное.—«Пойдемте»,—но Галя отказывалась...

— Ах, Галя, Галя, как вам не стыдно! Ешьте.

Жоржик—рабочий, машинист паровозного депо, но вряд ли кто сможет это в нем сразу обнаружить.

Редки, совсем редки в клубе «Молодой Большевик» такие вежливые молодые люди...

Третья часть фильмы кончалась только к 12-и часам ночи. И тогда Галя сказала Жоржику Шульгину: «Вы знаете, уже поздно, мне надо итти домой». Жоржик отвечал: «Да, вы правы. Если не возражаете, я в ударном порядке проведу вас домой». Он на минуту оставил ее одну и побежал за папиросами.

— Ребята,—говорил Шульгин парням, стоявшим у лотка с папиросами и не пропускавшим ни одной девушки, чтобы не затронуть ее. — Ребята, будете ходить за нами, только подальше. Первым я, потом все остальные. В единении сила, в коллективе мощь!—так говорил Жорка.

Жоржик с Галей вышли из сада и направились домой вдоль реки, мелководной харьковской реки Лопани. Вдали замирали звуки клубного оркестра и увядали огни электрических фонарей. Они шли под раскинутой листвой деревьев.

Было лето, и Жоржику казалось, что меж веток прятались далекие пахучие звезды...

Где-то задохся последний звук оркестра; наверное, в кино «Молодой Большевик» в это время начиналась четвертая часть. «Жоржик,—сказала Галя,—вы знаете, мы идем не той дорогой, какой я постоянно иду». «Правильно,—отвечал Жоржик,—вы правы, но зато эта дорога ближе к цели».

Они шли...

Когда же деревья исчезли и их сменил жесткий колючий кустарник и бурьян, «Жорж, — сказала Галя, — мы не туда пошли, повернемте обратно».

Где-то на приличной дистанции шагала группа веселых молодых ребят.

Но Жорж почему-то не отвечал.

— Жорж, куда вы меня привели?

Жоржик молчал. Он стиснул ее руками и начал тащить дальше в кусты.

Девушка пробовала вырваться, девушка рыдала, но Жоржик не выпускал. Тогда девушка начала кричать о помощи, но в далеких рядах домов не открылись ни одно окно, ни одна фортка, лишь кое-где за охромевшими заборами, слышалась унылая перекличка собак.

Девушка пыталась бороться, но Жоржик ломал руки, и, видя, что ей не вырваться и помощи ждать неоткуда, он тащил плачущую девушку и пел веселую песенку (такие песенки поют много ребят из клуба «Молодой Большевик»!)

В зарослях бурьяна началась жестокая борьба. Галя молила о пощаде, а Жоржик отвечал: «Дура, ты дура! Я же тебе добра желаю».

Но дура сопротивлялась...

И видя, что ему одному овладеть девушкой будет трудно, Жоржик Шульгин начал свистеть, и группа веселых ребят, затерявшихся в бурьяне, кинулась к ожидаемой добыче.

Их было девять... и одна...

Наблюдая за точным соблюдением очереди, Жоржик Шульгин вспомнил, что у него есть товарищ Петька Хабаров. Гвоздь-парень Петька Хабаров, ему отрезали две ноги, но он все-таки мужчина и, несмотря на то, что ему двадцать лет, он еще целемудрен и до сих пор не обладал женщиной, а может быть, и никогда ею обладать не будет.

И Шульгин предложил двум стоящим в хвосте товарищам под угрозой, что они не получат бабы, если не пойдут за Петькой.

И два молодых человека бегут за Петькой Хабаровым...

Петька Хабаров ходит на костылях, но такое путешествие считается медленным, и Хабарова приносят на руках. Петька Хабаров в этот день распрощался со своей невинностью.

Когда же на востоке засветлела скошенная полоса ночи, все начали расходиться. Вдали кукарекали петухи, и свежий предутренний ветер ласкал жесткий бурьян.

*

Растерзанная девушка поведала родным о подробностях этого происшествия. Десять хулиганов на-днях предстанут перед судом. Рабочие харьковских заводов, чьи возмущенные резолюции были опубликованы в нашей газете, с нетерпением ждут разбора дела.

(„Комсомольская Правда")

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
От составителя 5

Вопросы коммунистической этики и морали

В. И. Ленин. — Мораль буржуазная и коммунистическая 9
В. И. Ленин. — О комчванстве 13
К. Цеткин. — Ленин о морали и вопросах пола 14
Н. Бухарин. — Воспитание смены 21
Е. Ярославский. — Мораль и быт пролетариата в переходный период 34
А. Сольц. — Коммунистическая этика 55
А. Залкинд. — Этика, быт и молодежь 70
Л. Троцкий. — Чтоб перестроить быт, надо познать его 89
Е. Преображенский. — Будущее классовых норм 94

Каким должен быть быт молодежи

Н. Бухарин. — За упорядочение быта молодежи 99
Н. Бухарин. — Рационализация и упорядочение быта молодежи . 102
Е. Ярославский. — За упорядочение жизни и быта молодежи . 104
А. Сольц. — Не ныть, а строить 108
А. Луначарский. — Больные стороны комсомольского быта . . 112
Е. Ярославский. — О комсомольской дисциплине, курении и пр. . 113
Е. Ярославский. — Еще раз о курении и дисциплине 116
Т. Костров. — О культуре, мещанстве и воспитании молодежи . . 118
Л. Сосновский. — Дело Коренькова 126
С. Смидович. — О кореньковщине 132
С. Смидович. — О давидсоновщине 140
„Какой должна быть наша молодежь". (Ответы на анкету журнала „Молодая Гвардия"):
Е. Ярославский 144
С. Гусев 147
А. Мильчаков 148
А. Луначарский 150

Н. Семашко 153
Проф. Б. Завадовский 156
Акад. С. Ольденбург 159
Проф. О. Ерманский 160
Проф. Н. Кольцов 161
А. Жаров 162
А. Бордадын . . . . . —
О быте. (Ответы на анкету журнала „Смена")
С. Смидович 164
А. Залкинд 166
Мейер и Петров 168
Яков 170
Письмо комсомолки к тов. Смидович 172
С. Смидович. — Ответ на письмо комсомолки 174
Н. Вельт. — Открытое письмо товарищу Смидович 178
В. Клемм. — Товарищу Нине Вельт 186
Н. Коржиков.—„Дружественный корреспондент" Нины Вельт" . 192
А. Дольников. — Письмо в редакцию „Смены" 195
О том, как комсомолка Нина взяла „любовь за рога" 198
В. Кузьмин. — О молодой старости, аскетизме и казенщине . . . 204
В. Слепков. — „Не о единой политике жив комсомолец" 215
Л. Колесников. — Личное и общественное 219
А. Горлов. — Богдановско-мессианские откровения к молодежи . . 226
Г. Бергман. — За здоровую жизнь 249
С. Смидович. — О любви 268
Из отзывов читателей „Правды" на статью тов. Смидович „О любви" 273
Т. Квиринг. — Жены и быт 278
Проф. В. Гориневский. — Половой вопрос 283
Проф. И. Арямов. — Значение сохранения половой энергии для молодежи 288
В. Дмитриев. — Как лучше жить? 291
О борьбе с пьянством 294

Комсомольский быт, как он есть

Комсомольские ячейки о быте 300
Как Комсомол борется с отрицательными явлениями быта 302
Г. Бергман. — Неприкосновенный 307
Г. Бергман.—Бумеранг 310
О деле Романова 315
Р. Роман.—Новый быт 316
В. Кузьмин. — Письмо о новом быте 319
В. Кин. — Дискуссия 322
С. Карташов. — Клаша 324
И. Малеев. — Ключницы из РЛКСМ 325

И. Карин. — У камина 328
Я. Резник. — О деньгах, клетчатых кепи и кавалерском обращении . 330
В. Кин. — Правосудие в Бокове 333
Н. Цванкин. — Что есть распущенность 334
И. Кор. — О косах 336
В. Кин. — Борьба с кокетством 338
Д. Хайт. — Молодежная новь 339
С. Карташов. — Блюститель нравственности 342
Я. Резник. — Хорошовский быт и смутные надежды 344
С. Карташов. — Непонятый Пуговкин 347
А. Русанов. — Это было в Обливской 348
В. Охроменко. — Преступление Кирика Басенко 350
М. Кольцов. — Проверочка 354
А. Мих. — В зарослях бурьяна 356

ЛОТЕКА
ОВОЙ
Н.Н.

2 руб.
р

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Новая площадь, 6/8

БЕРМАН, Е. — О столь ценимом табаке и трудовом молодняке. 2-е издание. 24 стр. Ц. 12 к.

БЕРНШТЕЙН, М. — Как поставить учет бюджета времени нашей молодежи. 74 стр. Ц. 35 к.

За здоровую смену. Сборник статей. 96 стр. Ц. 55 к.

КЕРЖЕНЦЕВ, П. — Организуй самого себя. 4-е издание. 128 стр. Ц. 65 к.

СИГАЛ, Б., д-р — **Алкоголизм и молодежь.** 56 стр. Ц. 20 к.

Его же. — Венерические болезни. 2-е издание. 56 стр. Ц. 25 к.

Его же. — Правда о спиртных напитках. С 6 рисунками. 40 стр. Ц. 15 к.

Его же. — Половая жизнь рабочей молодежи. 2-е издание. 56 стр. Ц. 18 к.

Его же. — Сифилис — бич деревни. С 7 рисунками. 40 стр. Ц. 18 к.

Его же. — Туберкулез — пролетарская болезнь. 56 стр. Ц. 20 к.

СМИРНОВ, В. — Рабочий подросток. Сборник статей. Очерки психологии юношеского возраста. 172 стр. Ц. 75 к.

ЮШМАНОВ, Н. — В школах конторского и торгового ученичества. Одобрено консультационно-методическим бюро при Отделе Рабочего Образования Главпрофобра. 72 стр. Ц. 35 к.

Отдельные экземпляры книг высылает по почте наложенным платежом либо по получении денег вперед

ПОЧТОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Издательства „Молодая Гвардия“, Москва, Новая площ., 6/8

При высылке денег вперед пересылка и упаковка бесплатно.

Каталоги, бюллетени, проспекты — бесплатно.

2011109020